

ISSN 2575-7999

Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 4 / 2014

(ЧАСТЬ 11)

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

Члены редакционной коллегии:

Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права (Москва, РФ);

Игнатьева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);

Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);

Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);

Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);

Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);

Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;

Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);

Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)

Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);

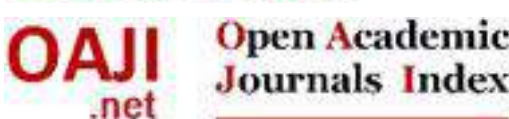
Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)

Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Международные индексы:

Ответственный редактор:

Главный редактор:

Завальский Яков Андреевич (Россия), доктор психологических наук, профессор

Международный редакционный совет:

Научный редактор: Игнатьев Сергей Петрович (Россия), доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь редакции: Давыдова Наталия Николаевна, кандидат психологических наук, доцент.

Арсеньев Дмитрий Петрович (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией

Бычковский Роман Анатолиевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, МГППУ

Ильченко Федор Влериевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии

Кобзон Александр Владимирович (Россия),

доктор педагогических наук, профессор

Панов Игорь Евгеньевич (Россия),

доктор технических наук, профессор

Петренко Вадим Николаевич (Казахстан),

доктор психологических наук, профессор

Прохоров Александр Октябринович (Казахстан),

доктор педагогических наук, профессор

Савченко Татьяна Николаевна (Белорусь),

кандидат психологических наук, доцент

Стеценко Марина Ивановна (США),

Ph.D., профессор

Строганова Татьяна Александровна (Украина),

доктор педагогических наук, профессор

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович

Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Адрес редакции:

г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

E-mail: info@euroasia-science.ru ; www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

- Абрамовских Е.В.**
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «ЧИТАТЕЛЬ»
В НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ 6
- Архипова Е.И.**
БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА..... 9
- Бачалиашвили О.В.**
КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК ОСНОВА
«ПРИРАЩЕНИЯ СМЫСЛОВ» 12
- Бегенева Е.И.**
РКИ. МАГИЯ МЕГАТЕКСТА, ИЛИ ЛУЧШИЙ ТЕКСТ
ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ..... 14
- Бирюкова Е.В.**
СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В
НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ФОРМАЛЬНО-
СТРУКТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
АСПЕКТЫ..... 19
- Бубнова Н.В.**
«СМОЛЕНСКИЕ» ИМЕНА НА КАРТЕ РОССИИ (ПО
МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА
РУССКОГО ЯЗЫКА)..... 21
- Будниченко Л.А.**
ЯЗЫКОВАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ
ПУНКТУАЦИОННЫХ ГРАФЕМ..... 24
- Чуксина С.И.**
СИСТЕМА ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ В ПРОЗЕ С.Н.
СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО..... 26
- Дамдинова Е.Ю.**
РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В БУРЯТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Д.-Р.
БАТОЖАБАЯ)..... 29
- Дохова З.Р., Выкова Л.А.**
ФРЕЙМОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА
«СУБКУЛЬТУРА» 30
- Дроздова Д.Р.**
СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОГО МА-
НИПУЛИРОВАНИЯ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ 32
- Евтухова Е.В.**
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИМЁН
СОБСТВЕННЫХ В ПЕРЕВОДАХ ТРУДА Ч.
ДАРВИНА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ» 34
- Федоткина Е.В.**
ДЕЛОВАЯ ИГРА В ФОРМИРОВАНИИ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ ВУЗОВ 38
- Халина Н.В.**
ЕВРАЗИЙСКИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ:
КОММЕНТАРИЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И ВОСТОЧНОЙ
КУЛЬТУРЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 40
- Ивлева А.Ю.**
СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК НЕОБХО-
ДИМОЕ УСЛОВИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
ПЕРЕВОДА 42
- Калашова А.С., Красикова Е.Н.**
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
УПОТРЕБЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ СИНО-
НИМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 44
- Khoroshikh Pavel**
FONETIC SYMBOLISM IN THE E. JANDL's WORK
"SCHTZNGRMM" 46
- Коровина И.В.**
ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
РАЗЛИЧНЫХ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В
СИТУАЦИИ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА 47
- Козырева Н.В.**
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИНЕРГИЙНОСТЬ
МЕТАФОРЫ КАК ОДИН ИЗ СИСТЕМООБРА-
ЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ АНГЛИЙСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 51
- Краснощёков Е.В.**
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В
ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМАХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ 53
- Курилова С.Н.**
ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЯКУТСКИХ
ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ ТУНДРОВЫХ
ЮКАГИРОВ..... 56
- Кузина О.А.**
СПОСОБЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ
АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА 59
- Болдырев Н.Н., Логина Т.В.**
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ
АКЦИОНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СОБЫТИЙ..... 60

Любезнова Н.В. НОМИНАЦИЯ И МОТИВАЦИОННЫЕ СВЯЗИ В ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ.....	63	Поворознюк Р.В. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР МЕДИЦИНСКОГО ПЕРЕВОДА.....	97
Любомищенко Т.М. ВОКЗАЛЫ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ СТАНЦИИ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА 1890-Х ГГ.	64	Радченко И.И. КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИ- ЧЕСКОГО ЛИДЕРА НА МАТЕРИАЛЕ СМИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	99
Марченко Ю.М. ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ.....	67	Шалова Е.С. АНАЛИЗ НАЗВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ У. С. МОЭМА “УЗОРНЫЙ ПОКРОВ” НА ОСНОВЕ ЦВЕТОВОГО СИМВОЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ	102
Мирошниченко Л.Н. СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ТЕРМИН».....	68	Сидорова О.Б. ЗВУКОПИСЬ И ЕЕ ФУНКЦИИ В ПОВЕСТИ А.С. СЕРАФИМОВИЧА «ПЕСКИ».....	103
Мухортов Д.С. О СПЕЦИФИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ИНОЯЗЫЧНЫМ МАГИСТРАНТАМ- ФИЛОЛОГАМ.....	70	Сиренко Т.С. ФУНКЦИИ АЛЛЮЗИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	105
Недосекина А.В. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБОНЯТЕЛЬНЫХ ВОСПРИЯТИЙ ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ ЯЗЫКОВЫХ СРАВНЕНИЙ	75	Смерчинская А.А. КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ИМПЛИЦИТНЫХ ТЕОРИЙ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	108
Невелева С.Л. ВРЕМЯ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОМ ЭПОСЕ «МАХАБХАРАТА»	76	Сокорева Т.В. ВОЗРАСТНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ АКУСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ СТОПЫ КАК ЕДИНИЦЫ РЕЧЕВОГО РИТМА	111
Никифорова О.В. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФАКТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРОВ).....	79	Суровцева С.И. ПРЕДЛОГИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	113
Острикова Г.Н. ТИПЫ КОНТЕКСТА ПРИ АКТУАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭНАНТОНИМОВ.....	81	Трубавина Н.В. ВАРИАТИВНОСТЬ СОЮЗНЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ	115
Овчинникова Н.Д. О ПРОЦЕССЕ КОМПРЕССИИ В ЯЗЫКЕ	83	Выходцева И.С. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВЕТСКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЕ	118
Панченко П.Н. ФЕМИННЫЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПА В РАССКАЗЕ В. ВУЛЬФ «НАСЛЕДСТВО».....	86	Воронова Н.Г. ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПИРОВАНИЯ В СОЦИОНИКЕ	120
Пасечникова Л.Ю. CORRECT USAGE AND TRANSLATION OF HIGHLY SPECIALIZED FINANCIAL TERMINOLOGY.....	88	Zagorodniuk Vladyslava MODERN RESEARCH CONCEPT OF EDUTAINMENT	123
Павленко (Васильева) Е.А. ТЕКСТ. ИНТЕРТЕКСТ. АЛЛЮЗИВНЫЙ ТЕКСТ.....	89	Загрядская Н.А. ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ЛИЧНОСТНЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	124
Подгорная Е.А. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КОМПЬЮТЕРНОГО ДИСКУРСА».....	91	Жаровская Е.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ.....	127
Попова Д.И. ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ РАССКАЗА Э.А. ПО «ПАДЕНИЕ ДОМА АШЕРОВ» В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.....	93		
Попова Л.Г. НОСТРАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И СРАВНЕНИЕ ЯЗЫКОВ.....	96		

Политические науки

- Баранов А.П.**
ПУТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА
ВЗАИМОСОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА
И ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ В
УКРАИНЕ 130
- Беляевская Т.С.**
НАТО И РОССИЯ - ВОЗМОЖНОСТЬ
СОТРУДНИЧЕСТВА ИЛИ НЕИЗБЕЖНОСТЬ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ? 132
- Бормотова Т.М.**
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ В ОРГАНИЗАЦИИ
МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ 134
- Бойко П.А.**
СУБЪЕКТЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В
БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ
ПРЕСТУПНОСТЬЮ..... 136
- Чаевич А.В.**
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ:
СОЗДАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 138
- Чакалиди Ф.Г.**
СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ
КОНФЛИКТАМИ: ОСНОВНЫЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ..... 140
- Ю Хань**
АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ В
АТР И ПОЗИЦИИ РОССИИ И КИТАЯ 142
- Хубецова З.Ф.**
ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСКУССИЙ 2010-Х ГГ:
ПОЗИЦИИ И АРГУМЕНТАЦИЯ РОССИЙСКИХ
МАССМЕДИА..... 144
- Исайчиков В.Ф.**
БУДУЩЕЕ МИРА, ЕВРАЗИИ И РОССИИ..... 146
- Иваненко Ю.А.**
ПРИЧИНЫ КРИЗИСА ПОЛИТИКИ ФРАНЦУЗСКОГО
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ТРАНСФОРМАЦИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ 148
- Слизовский Д.Е., Пашенская Р.А.**
ВЫБОР: СТАГНАЦИЯ ИЛИ ОБНОВЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛИЗМА? (О РОСТЕ ПОТРЕБНОСТИ В
ТЕОРИИ ФЕДЕРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ И
ВЛАСТИ) 151
- Павелкина Л.С.**
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 156
- Стрелец И.Э.**
СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИКО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕЗИДЕНТСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ПЕРСОНОЛОГИИ ПРЕЗИДЕНТСКОГО
ЛИДЕРСТВА 158
- Сун Сяомэн**
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНО-
ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И
КИТАЯ 162
- Велитченко С.Н.**
PR – ТЕХНОЛОГИИ СТРАНОВОГО БРЕНДИНГА
КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНЫХ
ЦЕННОСТЕЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА 165

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «ЧИТАТЕЛЬ» В НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Абрамовских Елена Валерьевна,

*доктор филол. наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы
и методики преподавания литературы ПГСГА, г. Самара*

Рассмотрим основные подходы к изучению категории «читатель» и более подробно остановимся на проблематизации категории «творческого читателя».

Категория «читатель» оказалась в центре внимания в зарубежном литературоведении в 1960-е гг. после появления программной статьи Р. Барта «Смерть автора», а в отечественном — в 1970-е гг. По определению А.Р. Усмановой, читатель оставался исключительно «на периферии гуманитаристики вплоть до 1960-х», а начиная с 1920-х гг. рассмотрение фигуры читателя велось спорадически лишь в рамках социологии и психологии: «... эта тема привлекла к себе внимание исследователей в Советской России, когда интенсивно обсуждался вопрос о том, какие фильмы и книги нужны новому “советскому читателю” из среды рабочего класса и крестьянства» [23, с. 958]. С этой точкой зрения совершенно справедливо полемизирует С.П. Лавлинский, аргументирующий свою позицию фактом появления в 1920 — 30-х гг. исследований М.М. Бахтина, в которых «специально осмысливался статус адресата в организации художественного произведения» [14, с. 219]. Работы М.М. Бахтина оказали влияние на исследования 1970-80-х гг. Б.О. Кормана [12], М.М. Гиршмана [6]. Проблема читателя была актуализирована в статье Ю.М. Лотмана «Текст и структура аудитории» [16]. В дальнейшем к изучению категории читателя в разных аспектах обращались — Г.Н. Ищук [10], В.В. Прозоров [18], М.В. Строганов [21], Ю.В. Манн [17], В.Ш. Кривонос [13], А.И. Федута, И.В. Егоров [24] и др.

В работах исследователей, представителей различных направлений и школ, можно выявить общие закономерности в подходах к категории «читатель». Читатель изучается как эстетическая категория (воображаемый читатель, образ читателя, читатель-персонаж) и как реальный субъект восприятия.

Согласно первому подходу, читатель рассматривается как категория, *моделируемая автором (имплицитный читатель)*. Под имплицитным читателем понимается повествовательная инстанция, «ответственная за установление той «абстрактной коммуникативной ситуации», в результате действия которой литературный текст (как закодированное автором «сообщение») декодируется, расшифровывается, то есть прочитывается читателем и превращается в художественное произведение» [8, с. 161].

Термин «имплицитный читатель» был введен В. Изером [27]. Под имплицитным читателем, с точки зрения В. Изера, понимается сознание читателя (определенная текстовая инстанция, или функция), предполагаемое самой структурой текста, на восприятие которого этот текст рассчитан. Имплицитный читатель может быть рассмотрен как «идеальный» читатель, который откликается на

все интенции текста и адекватно воспринимает все его стратегии. Горизонты ожидания текста и имплицитного читателя совпадают, поскольку он находится в той же точке, что и автор. Реконструкция образа имплицитного читателя позволит определить авторский идеал реципиента, понимающего авторскую интенциональность. Категория имплицитного читателя коррелирует с категорией имплицитного автора, «повествовательной инстанцией, не воплощенной в художественном тексте в виде персонажа-рассказчика и воссоздаваемой читателем в процессе чтения как подразумеваемый, имплицитный образ автора» [9, с. 161].

Наиболее отчетливо особенности имплицитного читателя проявляются при сопоставлении его с читателем эксплицитным, образ которого объективирован в самом тексте. Введение эксплицитного читателя (например, в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?») — один из способов контролирования автором осмысляющей деятельности имплицитного читателя. На фоне несоответствия образов имплицитного и эксплицитного читателей автор выстраивает стратегии восприятия.

Существует несколько синонимичных терминов, обозначающих «имплицитного» читателя, конституирующего текстовые стратегии. У. Эко говорит об «образцовом читателе» [26], М. Риффатер об «архичитателе», С. Фиш об «информированном читателе», Э. Вулф о «воображаемом» читателе, М. Бахтин об «имманентном произведению слушателе», Б. Корман о «концептированном читателе», соотносимым с «концептированным автором».

В работах исследователей порой возникает несоответствие термина вкладываемому в него понятию. Так, А.Ю. Большакова совершенно справедливо говорит о том, что «образ читателя не только дан в тексте, но “задан” в произведении как художественно-смысловой потенциал, рецептивная установка. Это — образ-посредник между текстом и реальным читателем, помогающий в процессах восприятия и понимания текста. Он существует в произведении на правах модели восприятия, регулирующей и определяющей процессы чтения» [4, с. 19]. Не совсем правомерным, на наш взгляд, является в данном случае использование синонимического термина «образ читателя», имеющего иной коннотат, самостоятельного героя произведения.

Категория имплицитного читателя далеко не безоговорочно принимается в литературоведении. В отличие от читателя-современника, идеальный читатель рассматривается некоторыми исследователями как чисто умозрительное понятие, не имеющее связи с действительностью. Его актуализация в литературоведении объясняется удоб-

ством этой категории, поскольку в зависимости от проблем, которые он призван решить, ему можно приписать какие угодно качества. Более того, в концепции «идеального читателя», по замечанию О.В. Солоухиной, «таится опасность для “жизни” произведения. Идеальный читатель (если уж он действительно идеальный) должен иметь абсолютно идентичный код с автором, а если бы это было возможно, коммуникация была бы излишней, т. к. общение состоится только тогда, когда что-то не разделяется одновременно адресантом и реципиентом» [20, с. 222]. Кроме того, полная реализация всех значений текста разрушительна для литературы своей исчерпанностью.

На наш взгляд, категория имплицитного читателя, как и имплицитного автора, позволяет определить характер формирования текстовых стратегий на различных уровнях. Вероятно, выявление творческого потенциала текста максимально приближено к выявлению «потенциала восприятия». Сложность заключается в методах структурирования и анализа данной категории.

По словам М.М. Кедровой, «изучение читательской направленности произведения или творчества писателя в целом нуждается в дальнейшем осмыслении общеметодологических подходов, требующем прежде всего уяснения принципа соотношения адресата с реально-историческим читателем, выявления их специфической функции в разных эстетических системах и жанрах. Отношение “автор — адресат — реальный читатель” является структурообразующим фактором произведения, определяющим его эстетическую функцию. Итак, на уровне творческого акта и адресат, и опосредуемый им реальный читатель должны рассматриваться как категория поэтики» [11, с. 5].

Согласно другому подходу, «читатель» рассматривается как *реальное историческое лицо*. Изучение категории «читатель» в этом аспекте интересует как литературоведение, так и смежные науки: социологию, психологию, библиопсихологию. В 20-е гг. XX в. в России широко разрабатывается понятие «народного читателя». Попытки по систематизации и собиранию высказываний, предпринятые Х.Д. Алчевской, С.А. Раппопортом, Н.А. Рубакиным [19], преследовали широкие просветительские цели. Мнения совокупного «народного» читателя, по мысли Л.В. Чернец, «позволяют проследить взаимосвязь реального читателя и адресата творчества <...>. Они незаменимы как свидетели эмоционального воздействия произведений, и, наконец, это разновидность критики — критика читательская, дополняющая и нередко корректирующая профессиональную» [25, с. 10].

Одной из первых работ, в которой отмечалась необходимость изучения истории читателей, стала статья А.И. Белецкого «Об одной из очередных задач историко-литературной науки (изучение истории читателя)» (1922) [3]. А.И. Белецкий вводит в научный оборот как категорию фиктивного (воображаемого), так и реального читателя. Он отмечал: «изучая поэтов, мы редко учитываем этих воображаемых собеседников; а между тем именно они помогли бы нам часто в наших усилиях понять и приемы творчества, и всю поэтику» [3, с. 30–31]. Помимо категории воображаемого читателя, необычайно важного в структуре целого, А.И. Белецкий предложил субъективную классификацию реальных типов читателей. Он писал о «равнодушных» потребителях литературы, о «поклонниках» модных произведений, о «навязывающем» читателе, стремящемся прочитать «старый» текст с позиций

современности, а также о небольшой группе истинных ценителей искусства. Последних А.И. Белецкий называет «читателями, взявшимися за перо» [3, с. 37]. К ним он относит тех читателей, которые хотят творить, а источником их вдохновения служит «читательская память и искусство комбинации». Исследователь связывает появление таких авторов с «закатами больших литературных и исторических эпох». Так, в качестве примера он приводит читателей-центонистов, появившихся в последние века античного Рима. Известна трагедия, приписываемая св. Григорию — «Страждущий Христос», составленная из стихов Ликофрона, Эсхила и Еврипида, перемежающихся с евангельскими изречениями из Матфея, Марка, Луки, Иоанна, из евангелий Никодима, Иакова и других апокрифов. А.И. Белецкий пытается развести подлинных писателей, в произведении которых «другой» текст включается на уровне традиции, и читателей-писателей, творчество которых порой представляет литературный плагиат. Вне поля зрения исследователя остаются такие творческие читатели как литературные критики, а также поэты, писатели, художники, для которых произведения предшественника становятся источником собственного вдохновения. Однако сама постановка проблемы, умение найти неизученное направление придают работе А.И. Белецкого высокую научную ценность. Исследователь предполагал, что «группа читателей, взявшихся за перо», при пристальном изучении окажется неоднородной по своему составу, и говорил о необходимости собирать материал и изучать это уникальное явление.

Парадоксально, что проблема, актуализированная еще в начале прошлого века, до сих пор не стала предметом самостоятельного научного изучения.

Следует особо оговорить, что такой важный аспект проблемы творческого восприятия, как вопрос о соответствии читателей, неоднократно затрагивался в знаковых для литературоведения работах. Так, в представлении М.М. Бахтина, читательское восприятие продуктивно, активно-оценочно, оно «продолжает творчество» писателя во времени, раскрывает всё его своеобразие.

В. Асмус в работе «Чтение как труд и творчество» указывает: «содержание художественного произведения не переходит — как вода, переливающаяся из кувшина в другой, — из произведения в голову читателя. Оно воспроизводится, воссоздается самим читателем — по ориентирам, данным в самом произведении, но с конечным результатом, определяемым умственной, душевной, духовной деятельностью читателя» [1, с. 62]. Эта деятельность и является творчеством. При этом творческий результат чтения зависит от всей духовной биографии читателя.

В.И. Тюпа, говоря о рецептивной компетенции эстетического дискурса, отмечает, что она предстает как «со-творческое сопереживание между организатором коммуникативного события (автором) и его реализатором (читателем, зрителем, слушателем) относительно объединяющего, а не разделяющего их эстетического объекта» [22, с. 33].

Очевидно, что при изучении рецепции текста творческими читателями происходит удвоение научной парадигмы, поскольку имманентное со-творческое участие субъекта в коммуникативном событии усиливается процессом творчества, результатом которого становится рождение нового произведения искусства.

Типология реальных читателей может быть представлена следующим образом:

Типы читателей	Содержание рецепции	Формы рецепции
Критик	Гарант существующей литературной нормы, отражающий интересы определенной (с точки зрения политических, идеологических, эстетических установок) части читающей публики	Литературно-критические статьи, очерки, эссе
Писатель	Творческий (посвященный) читатель, конституирующий новый текст (чтение — толчок к творческому процессу)	Создание нового произведения; интертекстуальные отношения с текстом предшественника (заимствования, реминисценции, аллюзии)
Народное сознание	Средний читатель (публика)	Наивное (неподготовленное) восприятие; травмированное восприятие, иногда создание нового текста — анекдоты, легенды, байки, пастиш.

В данной типологии обращает на себя внимание корреляция читателя-критика с читателем-носителем психологии массового сознания, поскольку в той или иной мере литературный критик представляет вкусы читающей публики. Образ же творческого читателя-художника коррелирует с имплицитным читателем, представляющим собой авторский идеал.

Рецепция текста писателями и критиками относится к типу так называемой «продуктивной» рецепции (термин М. Наумана), однако принципы со-завершения строятся на разных основаниях (научные и художественно-эстетические методы постижения текста предшественника).

Для творческих читателей текст предшественника становится основой собственного вдохновения.

М.В. Загидуллина использует термин «внутрицеховая рецепция» [7], на наш взгляд, наиболее полно отражающий суть диалога творческого читателя (писателя) с текстом предшественника (*писатель — произведение — другой писатель*). Для «внутрицеховой» рецепции актуальным является процесс конституирования смысла и закреплённость этого процесса в создании собственного художественного произведения (в акте творчества). Явление «внутрицеховой» рецепции позволяет понять неуловимое в обычном акте чтения пространство границы «горизонта ожидания произведения» и «горизонта ожидания читателя».

Следует отметить, что «внутрицеховая» рецепция характерна не только для литературы (известны примеры дописываний романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин», незаконченных отрывков А.С.Пушкина, множество версий завершения незаконченного романа Ч. Диккенса «Тайна Эдвина Друда» и др.). В музыке известны факты завершения «Реквиема» Моцарта Зюсмайером, «Венерью» Джорджоне Тицианом и др. На примере завершения живописного полотна наиболее ярко раскрывается суть креативной рецепции, в процессе которой «творческий читатель» (художник) должен пройти путь мастера (или найти свой собственный) и написать (воссоздать) полотно, конгениальное в художественном отношении предшествующему произведению искусства, и лишь затем его завершить. Самый процесс создания картины-копии является креативным актом, направленным на постижение авторской интенции. В рецепции словесного произведения процесс создания картины заменяется актом чтения. Суть индивидуального акта прочтения (при условии рецепции со

стороны творческого читателя) затем отражается в создании нового произведения, изначально возникшего как дописывание (завершение) текста предшественника.

Особо следует остановиться на проблеме соотношения категорий имплицитного и реального читателей. Может ли «творческий» читатель, конгениальный автору в художественном отношении, расшифровать «код» текста, и какую позицию при этом он будет занимать относительно имплицитного читателя? Вероятно, соотношение категорий имплицитного читателя с «продуктивной матрицей» (термин В. Изера) текста в какой-то мере может ответить на поставленный вопрос.

Творческого читателя можно соотнести с имплицитным в том случае, если конкретизация творческого читателя не выходит за рамки горизонта ожидания (смыслового потенциала) текста. Так, если трансформация смыслового потенциала текста предшественника в рецепции творческого читателя остаётся в пределах продуктивной матрицы исходного текста, то можно говорить об аутентичности реципиента авторской интенции и имплицитному читателю. В том случае, когда процесс рецепции имеет иной характер, то речь идет об «эстетическом отклонении» от авторской интенции, заложенной в тексте, и о расхождении потенциала восприятия творческого и имплицитного читателей.

Таким образом, обращение к категории реального читателя позволяет преодолеть антиномию текста произведения и его восприятия. Именно такой подход к читателю в наибольшей степени востребован в настоящее время. По определению В.И.Тюпы, подобно автору «читатель «редактирует» собственное первоначальное художественное впечатление, продвигаясь по пути конвергенции с субъектом художественного высказывания относительно эстетического объекта» [22, с. 35].

Список литературы:

1. **Асмус В.** Чтение как труд и творчество // Асмус В. Вопросы теории и истории эстетики: Сб. ст. М.: Искусство, 1968. С. 55 – 68.
2. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. **Белецкий А. И.** Об одной из очередных задач историко-литературной науки: изучение истории читателя // Избранные работы по теории литературы. М.: Просвещение, 1964. С. 25–40.
4. **Большакова А. Ю.** Образ читателя как литературоведческая категория // Известия АН. Серия лит. и яз. 2003. Т. 62. № 2. С. 19. С. 512 – 566.

5. **Брандис Л. В.** Сотворчество // Художественное восприятие: Основные термины и понятия: Словарь-справочник. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. С. 50–53.
6. **Гиршман М. М.** Литературное произведение: теория и практика анализа: Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1991. 159 с.
7. **Загидуллина М. В.** «Рецептивный остаток»: союз Пушкина и Гоголя в писательском сознании XX века // Пушкин и современная культура: Материалы конференции. СПб.: КПО, 2004. С. 31–41.
8. **Ильин И. П.** ИмPLICITный читатель // Западное литературоведение XX века. : энциклопедия. М. : Intrada, 2004. С. 161–162.
9. **Ильин И.П.** ИмPLICITный автор // Западное литературоведение XX века : энциклопедия. М. : Intrada, 2004. С. 161.
10. **Ищук Г. Н.** О проблемах и задачах изучения читателя // Художественное произведение и его читатель: Межвуз. тематический сб. Калинин: КГУ, 1980. С. 5–23.
11. **Кедрова М. М.** Введение // «Война и мир»: Жизнь книги. Тверь: ТГУ, 2002. С. 5 – 7.
12. **Корман Б. О.** Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
13. **Кривонос В. Ш.** Проблема читателя в творчестве Гоголя. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 167 с.
14. **Лавлинский С.П.** Читатель // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / под ред. Н.Д.Тамарченко. М.: Интрада, 2008. С. 294 – 297.
15. **Лавлинский С.П.** Читатель у Бахтина // Филологический журнал. 2005. № 1. —С. 219–224.
16. **Лотман Ю. М.** Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам. IX. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1977. С. 55–61.
17. **Манн Ю. В.** В поисках живой души: «Мертвые души»: Писатель — критика — читатель. М.: Книга, 1984. 415 с.
18. **Прозоров В. В.** Художественный текст и читательское восприятие: К теории вопроса // Филологические науки. 1978. № 1. С. 11–17.
19. **Рубакин Н. А.** Психология читателя и книги. М.: Книга, 1977. 264 с.
20. **Солоухина О. В.** Концепции «читателя» в современном западном литературоведении // Теории, школы, концепции. М.: Наука, 1985. С. 134–167.
21. **Строганов М. В.** Автор — герой — читатель и проблема жанра. Калинин: КГУ, 1989. 83 с.
22. **Тюпа В.И.** Аналитика художественного: Введение в литературоведческий анализ. М. : Лабиринт; РГГУ, 2001. 192 с.
23. **Усманова А.Р.** Читатель // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис : Кн. Дом, 2001. С. 958.
24. **Федута А.И., Егоров И.В.** Читатель в творческом сознании А. С.Пушкина / под ред. Н. Д. Тамарченко. Мн.: Лимариус, 1999. 256 с.
25. **Чернец Л. В.** Функционирование литературных произведений как теоретическая проблема: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1992. 33 с.
26. **Эко У.** Роль читателя: Исследования по семиотике текста. / Пер. с англ. и итал. С.Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
27. **Iser W.** Der implizite Leser: Kommunikationsformen des Romans von Bunyan bis Beckett. München, 1972; Iser W. Der Act des Lesens: Theorie ästhetischer Wirkung. München, 1976.

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

Архипова Елена Ивановна

*Аспирант Новосибирского Государственного Технического Университета
г. Новосибирск*

В ходе сопоставительного изучения языков и культур наибольшую трудность представляет собой безэквивалентная лексика, которую можно рассматривать исключительно в рамках пары языков. Специфические явления одной культуры не могут быть отражены средствами другого языка в силу того, что не имеют устойчивых смысловых соответствий.

На сегодняшний день существует несколько направлений изучения проблемы взаимосвязи языка и культуры: этнолингвистика, изучающая язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов, план содержания культуры, народной психологии и мифологии [9, 597], а также широкий круг вопросов теоретического и прикладного лингвострановедения, лингвокультурология. Принимая во внимание то, что языкознание не может существовать в отрыве от культурно-исторического содержания, мы согласны с мыслью Г. О. Винокура [2, 211], что всякий языковед, изучающий язык данной культуры, тем

самым становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык.

Каждая нация имеет своеобразную действительность и определённую специфику языкового обозначения этой действительности, поэтому проявление национально-культурного компонента хорошо наблюдается при сопоставлении родного и иностранного языков, так как именно в сочетаемости слов конкретизируется национально-культурная специфика семантики. Эта специфика носит не индивидуальный, а социальный характер. Поэтому большая часть лексики не может быть переведена «слово в слово» с одного языка на другой.

Значение слова может делиться на компоненты, которые являются различными по своему характеру. Национально-культурная специфика обнаруживается и в сфере денотативных, и в сфере коннотативных сем. Выделение национально-культурного компонента обусловлено наличием неразрывной связи лексического значения слова с культурой народа, со спецификой его социальной жизни.

Национальное своеобразие культур находит выражение в языковой форме – прежде всего в лексике и фразеологии. Характер национально-культурной семантики отражается не только в языковых единицах, но и в линейных сочетаниях.

Сочетания слов мотивируются особыми национально-культурными семантическими признаками слов и отражают особенности жизни и быта определённого народа: *novelty shop*, *high tea* и т.д. Принцип сочетания данных слов ограничен национально-культурной спецификой семантики. Особенно ярко национально-культурный компонент значения выражен в безэквивалентной лексике, обусловленной логико-смысловой сочетаемостью, а именно, *Family Bible*, *dinner ring* и т.п. Подобные сочетания не имеют эквивалентных выражений в других языках по причине расхождения культур и традиций разных народов. Соответственно, могут вызвать непонимание у представителей другого этноса. В данном случае уникальность и самобытность названных словосочетаний определяется вневелингвистическими причинами и характеризуется динамичностью и линейностью.

Взаимоотношение языка, культуры и этноса рассматривалось многими учеными (А.А. Потебня), которые пришли к выводу, что язык является одновременно продуктом, важной составляющей, условием и специфическим способом существования культуры.

Необходимо отметить, что культура формирует и организует мысль языковой личности, формирует языковые категории и концепты, а сам язык – наиболее весомая информация о человеке. В реальной действительности вместе с существованием и развитием нации, этноса, существуют и развиваются конкретные национальные языки. Этнос же рассматривается как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык), психологического склада» [4, 41].

Определить место этнических общностей среди различных человеческих объединений достаточно сложно, о чем свидетельствуют расхождения в существующих дефинициях этноса. Одни авторы, в качестве главных признаков этноса называют язык и культуру, другие добавляют к этому территорию и этническое самосознание, некоторые указывают на особенности психического склада, общность происхождения и государственную принадлежность.

Таким образом, в национальной культуре можно выделить два уровня. С одной стороны, она выражается в национальном характере и национальной психологии, немислимых вне самой общенациональной жизни. С другой стороны, она представлена в литературном языке, высоком искусстве и философии [8, 70].

А.Н. Портнов справедливо отмечает, что каждый национальный язык отличается глубоким своеобразием, как в сфере лингвистической семантики, так и синтаксиса, а многие явления объективной и субъективной реальности совершенно по-особому могут обозначаться, члениваться в разных языках [6, 65].

Для того чтобы повысить эффективность межкультурного речевого общения, углубления взаимопонимания между представителями разных народов необходимо си-

стематическое изучение параметров, факторов и проявлений идиоэтнизма речи, что повысит адекватность построения и восприятия речи на неродном языке требованиям его системы, нормы и узуса.

Учитывая также, что с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры в 20 веке возникла новая наука – лингвокультурология, исследующая проявления культуры народа, закрепившиеся в языке. Это научное направление обеспечивает новое видение на взаимосвязь лингвистики и культурологии. Современная лингвокультурология изучает семантику языковых знаков, которая складывается из двух составляющих – языка и культуры, наделяя языковую личность признаками культурной личности, поскольку язык отображает национально-культурную ментальность носителей.

Таким образом, правомерным считается говорить о культурном барьере, который может возникнуть даже при соблюдении всех языковых норм. Лексические единицы, обладающие культурно значимым наполнением, являются проводником в культурно-исторический пласт определенного народа. Главной целью лингвокультурологии является выявление и описание на основе языковых данных, отражение в языке зафиксированных представлений о культуре народа.

При сравнении единиц разных языков обнаруживается, что сходные по смыслу слова двух языков далеко не всегда полностью совпадают по значению. На несовпадение объёма семантики слов в разных языках, особое семантическое строение единиц разных языков обращали внимание многие языковеды – Э. Сепир, Б.Л. Уорф, Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, С.Г. Тер-Минасова и др.

В.В. Воробьев выводит термин «лингвокультурема», которая определяется как комплексная межуровневая единица, обозначающая форму (знак) и содержание (языковое значение и культурный фон, ореол) [3, 23]. Здесь необходимо отметить, что взаимодействие языка и культуры осуществляется именно в сознании, поэтому любое лингвокультурологическое исследование – это одновременно и когнитивное исследование. Говоря иначе, реальная действительность и внутренний мир человека оцениваются через призму культурных концептов.

Предметом исследования лингвокультурологии, прежде всего, являются безэквивалентная лексика и лакуны, а уже затем мифологизированные языковые единицы, фразеологический фонд языка, стереотипы, метафоры, стилистический уклад, речевой этикет и т.д. Указанные понятия содержат в себе культурологическую составляющую, поэтому и исследуются данной наукой [5, 38].

Что касается безэквивалентных языковых единиц, то это обозначения специфических для данной культуры явлений, которые являются продуктом кумулятивной функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний, т.е. знаний, имеющих в сознании говорящих. Различия между языками обусловлены различием культур и легче всего они демонстрируются на материале лексических единиц и фразеологизмов, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью [1, 140].

Национально-культурное своеобразие номинативных единиц может проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в отсутствии в данном языке слов и значений, выраженных в других языках, т. е. лакунах [7, 47]. Часто наличие лакуны в одном из языков объясняется не отсутствием соответствующего денотата, а тем, что культуре по каким-либо причинам отображение этого понятия или явления в языке не является важным.

Важным замечанием является то, что далеко не все межъязыковые различия исследуются лингвокультурологией, так как не все языковые единицы являются культурно-значимыми и играют роль культурных стереотипов. Лингвокультурологический подход характеризуется, прежде всего, целостным и системным рассмотрением культуры и языка в языковых единицах, в безэквивалентных лексических единицах), теоретико-описательным исследованием объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отражаемых в языке, контрастным анализом разных языков на основе теории лингвистической относительности Э. Сепира - Б. Уорфа, согласно которой, структура языка и системная семантика его единиц коррелируют со структурой мышления и способом познания внешнего мира у того или иного народа.

Каждое слово привносит в современную семантику историю своего употребления, свои контексты и особую роль в мировосприятии и культуре народа - носителя данного языка. Так, специфической семантикой и коннотациями обладают безэквивалентная лексика, не имеющая регулярных соответствий в другом сопоставимом языке.

Слово отражает понимание действительности и его отношение к другим элементам той же действительности, а безэквивалентная лексика понимается как некий свернутый текст, который по-разному и в разных объемах актуализируется в различных речевых ситуациях. Развертывание такого текста представляет собой основу экстралингвистических знаний, имеющих национально-культурный характер. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, фоновые знания образуют часть того, что социологи называют массовой культурой, то есть, они представляют собой сведения, безусловно, известные всем членам национальной общности.

Безэквивалентная лексика знакома любому «среднему» члену лингвокультурного сообщества, поскольку имеет устойчивое культурное значение, через раскрытие содержания которого, можно раскрыть содержание соответствующих сторон жизни, истории и культуры, которое возникает на базе некоторого общеизвестного текста (в широком семиотическом понимании термина), оказавшегося актуальным в истории данного народа, данной страны.

Отражение национальной специфики культуры наиболее ярко проявляется в безэквивалентной лексике, которая непосредственно связана с предметами и явлениями материальной и духовной культуры, с историей общества, и служит не только потребностям языкового общения, но является также своеобразной формой закрепления и передачи общественно-познавательного опыта. Безэквивалентная лексика одновременно принадлежит и языку и культуре, то есть одновременно отражает особенности

данного языка и специфику данной культуры, что можно продемонстрировать на примерах из составляемого нами «Идеографического словаря английских безэквивалентных словосочетаний», описывающего лексику в направлении от значения к форме, моделирующего, в соответствующем же направлении, употребление безэквивалентного словосочетания в речи, что имеет большое практическое значение:

happy hour – «веселый час», время в конце рабочего дня, когда бары продают напитки по сниженным ценам или с бесплатными закусками, e.g. *There is a choice of well-prepared menu for all meals, and once a week there is a pizza party and a Happy Hour when guests can socialize in a real holiday atmosphere.*

Russian tea – чай с лимоном, e.g. *Dorothea drank Russian tea in a tall glass, with one of the silver holders.*

explosion shot – брит. резкий удар по мячу в гольфе, выбивающий его из впадины, e.g. *When confronting a plugged ball, use your sand wedge and make an explosion shot in order to get back out on to the fairway.*

Специфика семантики языковых единиц обусловлена национально-культурным видением окружающего данный народ мира и регулируется языковой традицией данного этноса. Национально-специфичные семы ограничивают сочетаемость слов в безэквивалентных словосочетаниях, которые материально воплощают понятийные представления, соотносённые с предметами и явлениями окружающего мира, и принадлежат конкретному языковому сообществу, вследствие чего, можно констатировать отсутствие соответствий некоторых выражений в разных языках.

Список литературы:

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: 1980. 320 с.
2. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: 1959. С. 207 – 226.
3. Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии. М.: 1994. 76 с.
4. Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. М.: 2001. 200с.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
6. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социкоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). М.: 2004. 288 с.
7. Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихоллингвистику. Ульяновск: 1998. 138 с.
8. Щеглова, Н. Б. Шипулина, Н. Р. Культура и этнос. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов. Волгоград: «Перемена», 2002. 101 с.
9. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. 685 с.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК ОСНОВА «ПРИРАЩЕНИЯ СМЫСЛОВ»

Бачалиашвили Ольга Вячеславовна

Аспирантка НОУ «Столичный институт иностранных языков», г. Москва

В связи с бурным развитием когнитивной лингвистики метафора стала интерпретироваться в рамках когнитивного подхода, для которого характерно новое системное рассмотрение процессов метафоризации в исследовании ментальной деятельности человека.

А. Е. Седов считает, что: «Метафору можно рассматривать как своеобразный «концентрат» информации, как новый информационный вход в данную когнитивную модель из других... Новая метафора увеличивает количество информации, то есть происходит приращение смыслов». [4, с. 526-534]

М. Минский утверждает, что аналогии, основанные на когнитивной метафоре, дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы «в свете» другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и

опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области...» [3, с. 291-292]

Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют концептуальную метафору как устойчивые структуры когнитивной системы человека, основанные на механизме метафоризации – переносе структур одной понятийной области в другую понятийную область.

Таким образом, сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода. [2, с. 126-170]

Несмотря на то, что по мнению Н.Д. Арутюновой [1, с. 5-32], метафора несовместима с прескриптивной и комиссивной функциями речи, ей успешно пользуются в англоязычном судебном дискурсе в целях воздействия на воображение и эмоции слушателей.

В целях иллюстрации наших тезисов рассмотрим примеры из речей судей в Верховном суде США [6]:

What you should do, is let me say the following, ..., individual mandate is tied, ..., and community rating together are *the heart of this Act*.

То, что вы должны сделать это позволить мне сказать следующее, ..., связь проблемы, определенной обществом и отдельным актом является *сердцем этого закона*.

Суммируя определения сердца, как органа живого организма, приведенные энциклопедиями и толковыми словарями, можно сказать, что это центральный орган кровеносной системы, осуществляющий кровообращение организма, иными словами, один из важнейших органов,

обеспечивающих функционирование любого высокоразвитого живого организма. [7, 8] На основе этого значения и возникла данная метафора «сердцем этого закона». Имеется в виду суть закона, его основная часть, движущая сила.

The sum of all *the Court's nonspecific hand-waving* is that this law is invalid because it is motivated by a "*bare...desire to harm*" couples in same-sex marriages.

Результатом всех несвойственных *судебных отмахиваний*, является то, что этот законопроект является недопустимым, или потому что он мотивирован "*голым...желанием навредить*" парам в однополых браках.

Словосочетание *hand-waving*, по нашему мнению, в данном примере употреблено в смысле – отмахиваться. В словарях синонимов русского языка основными значениями этого слова являются – отвергать, отгонять, то есть нежелание сталкиваться с какой-то проблемой, отказ, пренебрежение ей. [9] В английском языке есть близкое по смыслу выражение: *wave one's hand* (махнуть рукой).

В словосочетании "*bare...desire to harm*" слово *bare*, по нашему мнению, имеет значение – простое, открытое, по аналогии с имеющимся выражением: *At the*

bare mention of his name she would begin to cry. (*При простом упоминании о нем она начинала плакать*). На основе этих значений возникли метафоры: «отмахивание суда» и «голое желание». Имеется в виду пассивная роль суда и откровенное личное нежелание судей решать проблему однополых браков.

Активно используют метафоры писатели, описывающие судебные заседания. Рассмотрим пример из романа американского писателя Джона Гришэма «Апелляция» [5, с. 3-25].

The jury was ready.... There were hugs and smiles...could now *march proudly back into the arena* with a decision...their civic duty complete.

Присяжные были готовы... Люди обнимали друг друга и улыбались...они теперь могли с гордостью *вернуться на арену* с решением...их гражданский долг был выполнен.

С помощью метафоры «арена» автор сравнивает зал судебного заседания со *сражениями гладиаторов*, так

как накал страстей очень высок, вследствие важности решаемых общественных проблем.

She was tired of everything – the exhaustion, the stress, the sleepless nights, the scrutiny, the time away from her children, their run-down apartment, *the mountain of unpaid bills*, the neglected clients...

Она устала от всего – от утомления, стресса, бессонных ночей, постоянной аналитической работы расставаний с детьми, запущенной квартиры, «горы неоплаченных счетов», оставленных без внимания клиентов...

Согласно толковым словарям *gora* – возвышение участка земной поверхности круто поднимающееся над окружающей территорией. Синонимами к слову *gora* являются слова *куча*, *груда*. Согласно толковому словарю *куча* – большое количество чего-нибудь, наваленное в одном месте горкой. [8, 9] В словаре Webster слово *the mountain* толкуется как *a very large amount of something*

(очень большое количество чего-либо). Существует похожее выражение: *We've received a mountain of mail. Мы получили гору почты.* Метафора «горы неоплаченных счетов» обозначает большое количество этих платежных документов, накопившихся вследствие большой занятости юристов во время судебного процесса.

Stepping into a major trial is like *plunging with a weighted belt into a dark and weedy pond.*

Начать процесс по серьезному делу равносильно тому чтобы «нырнуть в темный, заросший водорослями пруд», надев спортивный пояс для отягощения.

Согласно толковому словарю «нырнуть» – значит исчезнуть из виду. Синонимы – *погрузиться, отдать себя всецело, уйти с головой*. [8, 9] Перевод английского слова *plunging* падение, погружение. Синонимом является слово *dive*. Существуют выражения: *To dive into one's work (погрузиться в работу)*, *deep in reading (углубиться в чтение)*.

Метафора «нырнуть в темный, заросший водорослями пруд» обозначает взяться за защиту в судебном процессе по трудному делу, то есть уйти с головой в свое дело. Благодаря чему создается образная картина тяжелой, изнурительной, всепоглощающей работы с непредсказуемым результатом.

The trial had not only drained them of their energy and assets; it had also burned away any excess weight they might have been carrying at the outset.

«Процесс не только высосал» из них всю энергию и средства, он также «сжег все лишние килограммы», которые, возможно, были у них в самом его начале.

Данные метафоры «Процесс...высосал» из них всю энергию и средства, он также «сжег все лишние килограммы» представляют судебный процесс в образе жи-

вого существа, выжимающего жизненные соки, опустошающего организмы людей, занимающихся юридической деятельностью.

Lou Dell appeared first, *leading her flock like a mother hen*, then the chosen twelve filed in and went to their assigned seats.

Первой появилась Лу Дэлл, она вела свою стайку, как «наседка цыплят». Присяжные проследовали в ложу и заняли каждый свое место.

Одним из значений английского слова *flock* является *стадо*, то есть группа животных, которую пасут. Стаду характерны также стадные инстинкты, например беспрекословное следование за вожаком. Данная метафора, по-нашему мнению, характеризует несамостоятельность присяжных заседателей, зависимость от опекающего их судебного служащего.

обыденной жизни переносятся на профессиональную правовую тематику, усиливая воздействие аргументации.

Таким образом, красочная насыщенность языка метафор сближает судебный и художественный дискурсы, усиливая впечатление от сказанного в судебном заседании, заставляя слушателя сфокусировать свое внимание на выступлении оратора (судьи или адвоката).

Метафора является видом аргументации, так как участвует в процессах интерпретации мнений участников процесса.

Образность метафоры служит усилением эффекта убеждения, поддерживая аргументацию в судебном дискурсе.

Кроме того, судебные метафоры в большей степени являются разновидностью когнитивных метафор, так как область их лексических значений существенно расширена ментальными значениями при наличии явления языковой компрессии, когда минимумом лексических средств дается комплексная оценка абстрактного понятия.

Как подтвердил наш анализ, метафоричность свойственна английскому судебному дискурсу. Образы из

Лексические единицы, входящие в состав метафоры, включают в сознании определенные структуры, переносящие уже знакомые ассоциации на новое понятие, в результате чего рождается новый когнитивный смысл, наполняющий новое понятие уже известными ассоциациями.

По-нашему мнению, метафора в судебном дискурсе 4. играет важную роль. С ее помощью очень важные, глубокие, сложные понятия передаются кратко, точно, образно. 5. становясь понятными не только юристам-профессионалам, но также простым слушателям-обывателям.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. – с. 5-32
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. 9. М., «Прогресс», 1987. – с. 126-170
3. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII, с. 291-292

Седов А.Е. Метафоры в генетике // Вестн. Рос. акад. наук. 2000. Т. 70, № 6. С. 526-534.

J. Grisham The Appeal A Division of Random House, Inc, New York, 2008, p. 3-25

6. The Supreme Court of the United States № 12-307 Yune 26, 2013 United States, Petitioner v. Edith Schlain Windsor. <http://justia.com>;

7. Ветеринарный энциклопедический словарь, М: Советская Энциклопедия, 1981

8. Толковый словарь русского языка/ под ред. Д.Н. Ушакова, М., 2000

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – 7-е изд., - М: Русские словари, 1999

РКИ. МАГИЯ МЕГАТЕКСТА, ИЛИ ЛУЧШИЙ ТЕКСТ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ

Бегенева Елена Ильинична

канд. фил. наук, редактор языкового портала «Русская газета к утреннему кофе» (lclass.org), г. Воронеж

Д.Шостакович на защите блокадного города, 1941. Фото Р.Мазалева

Д. Шостакович в каске пожарного на обложке журнала "TIME"

Впоследствии, узнав о дежурствах Шостаковича на крыше во время бомбежек, Борис Филипов, возглавлявший в Москве Дом работников искусств, высказал сомнение, стоило ли композитору так рисковать собой - «ведь это могло бы лишить нас Седьмой симфонии», и услышал в ответ: «А может быть, иначе и не было бы этой симфонии. Все это надо было прочувствовать и пережить».

Скриншот (снимок экрана) 18 задания 6 урока «Русской газеты к утреннему кофе» [2, с. 126]. Фрагмент

Начинать разговор о мегатексте следует, в первую очередь, с ассоциативности, причем, толкуя ее шире, нежели литературную ассоциативность в общепринятом плане, - как методику порождения любых смыслов из любого материала. Объективная реальность настолько безгранична в собственных смыслах, что способна эластично подстраиваться под любую ментальную конструкцию, и это мы наблюдаем всякий раз при внимательном столкновении с текстами.

Стратегия чтения культурных текстов обусловлена произволом интерпретации, о чем говорил еще Ж.Деррида («Нет ничего вне текста» [3, с. 4]). Произвол ограничен лишь читателем - его принадлежностью к определенному историческому и социально-культурному окружению. Любой прочитываемый текст стимулирует самоявляю-

щийся поток ассоциаций, и задача методиста (преподавателя) - спрогнозировать, преобразовать их в организованную потребность, т.е. мегатекст.

С этой целью задается некоторая область интерпретаций, в пределах которой заключено множество отличных друг от друга текстов. Из них каждый в равной мере является исходной точкой и финалом другого. Сравните подписи к фото Д.Шостаковича и следующий текст:

"В составе одной из концертных бригад «Ленфильма» Янина (Я.Жеймо, сыгравшая Золушку в известной экранизации Шварца - прим.авт.) выступала в госпиталях, парках, скверах, а по ночам дежурила на крыше, гасила зажигалки. Когда она однажды вышла с концертным номером перед бойцами и ее спросили: "Зачем же Вы остались в Ленинграде?", она ответила: "Но ведь должен же кто-то защищать город!" Грянул хохот".

Справка

Текст о Янине Жеймо является дополнением к двум урокам интерактивного курса РКИ «Русская газета к утреннему кофе» (<http://lclass.org>). Один из них - урок «о Ленинграде и ленинградцах, о Карле Элиасберге, о трубах, тромбонах и партитурах, о Ладоге и о "Большой земле", о «ленинградской болезни», о замысле и воплощении Седьмой Симфонии, о битве за Ленинград, о Дороге Жизни, о семье Савичевых и хронике блокадного города, о 125 граммах хлеба и о Д.Шостаковиче в журнале "Time", о громкоговорителе и ленинградском метрономе, о рисунках блокадных детей и о 250-ти листах неизвестной музыки Шостаковича, о Тонино Гуэрре в проекте «Синематонии» etc.etc.» (Описание других уроков см. в [1]).

Элементы мегатекста выступают в представительской функции, в сумме составляя фон для отсылок. Любой, произвольно выбранный знак обладает в мегатексте "мирооткрывающей силой" (термин Юргена Хабермаса [6, <http://>]):

1. выступала в госпиталях, парках, скверах:

"Шедевры садово-паркового искусства Санкт-Петербурга, пригородные дворцы, слившиеся воедино с поэтичными образами природы и живительной ее красотой в акварелях русских художников начала XX века. Восхитительные фонтаны Петергофа, растительные орнаменты кованых оград многочисленных загородных дворцов, знаменитая решетка Летнего Сада, эмоциональные, выразительные картины Врубеля, «Сирень» Кончаловского - все это навяло дизайнеру Дома характер новой коллекции (IPR)". В этом тренинге студент работает с эпитетами и знакомится с некоторыми из системы русских культурных символов (фрагмент 60 задания 10 урока «Русская газета к утреннему кофе» (<http://lclass.org>), рис. 1);

2. одного из выступлений перед бойцами в блокадном городе:

Подписи под фото: а) «Защитники Ладожской военной флотилии на «Дороге жизни», 1943 г., автор съемки - Р. Девишев»; б) «Большой зал Ленинградской филармонии, которую по праву считали «лабораторией советского симфонизма» (рис.2);

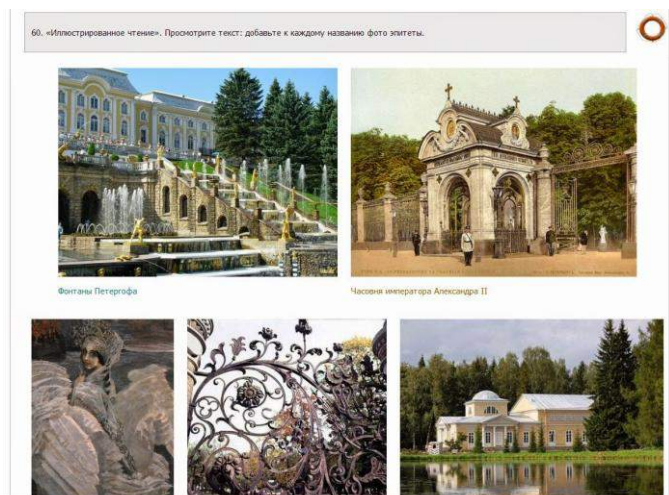

Рисунок 1. Скриншот (снимок экрана) 60 задания 10 урока. Фрагмент.

Существование мегатекста невозможно без оппозиции, в нем закручены в сложные лабиринты "зеркальные эффекты старых текстов, из которых каждый указывает на тексты еще более древние и не дает никакой надежды, что подлинник когда-нибудь найдется" (Юрген Хабермас [6, <http://>]):

«Начались репетиции. Они продолжались по пять-шесть часов утром и вечером, заканчиваясь иногда поздно

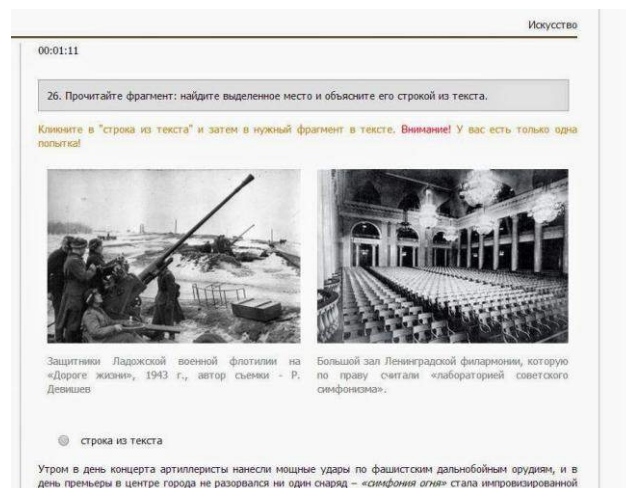

Рисунок 2. Скриншот (снимок экрана) 26 задания 6 урока. Фрагмент

ночью. Правда, первая репетиция продлилась всего 20 минут. Никто из музыкантов просто физически не выдержал бы дольше. Дирижера привезли на санках, он едва держался на ногах, не все из приехавших на репетицию смогли подняться по лестнице» (рис. 3). Подпись под фото: «Шостакович. Седьмая симфония ор. 60 «Ленинградская» до мажор. Блокадный Ленинград. Карл Элиасберг репетирует с оркестром» (там же).

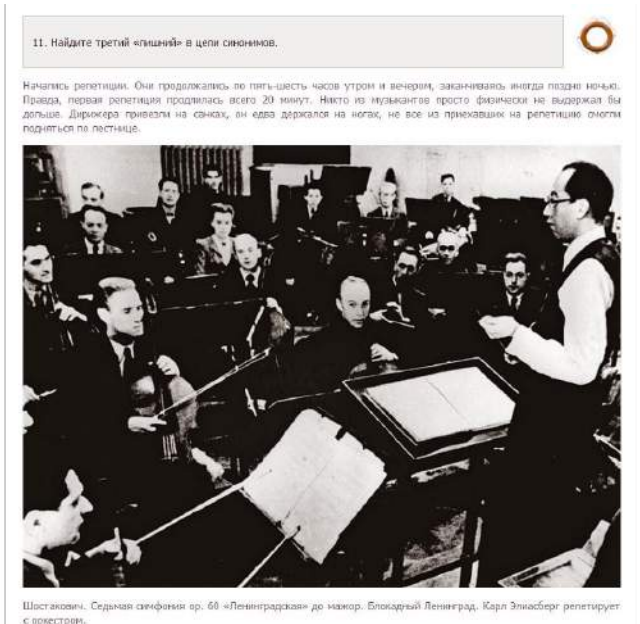

Рисунок 3. Скриншот (снимок экрана) 11 задания 6 урока. Фрагмент

В мегатексте (в беспрестанном жонглировании разными текстовыми форматами) в нужный момент легко актуализируются необходимые ключевые слова, синтагмы, мотивы, темы, сюжетные ситуации, которые системно включаются в цепь тренировок:

"После одного из выступлений перед бойцами в блокадном городе Янине Жеймо, по рассказам ее дочери, подарили торт. Из чего он был сделан, никто теперь не скажет, но это был настоящий большой красивый торт с кремом. Жеймо принесла его домой: "Сейчас мы устроим праздник!" Стали готовить чай под названием "Белая роза". Белая роза, потому что чай был белый, без заварки, попросту - кипяток. Пока готовили чай, началась сильная бомбежка, от одного из ударов в доме посыпались все оконные стекла, стекла одного окна попали прямиком в торт". Ср. со 2 шагом интерактивного тренинга: «многоэтажные съедобные конструкции, розетки с клубникой, шоколадные пирожные» (рис.4).

Имея дело с мегатекстом, мы сталкиваемся одновременно с потоком и фрагментарностью. В печатном потоке мегатекста отчеканены следы и отпечатки "старых"

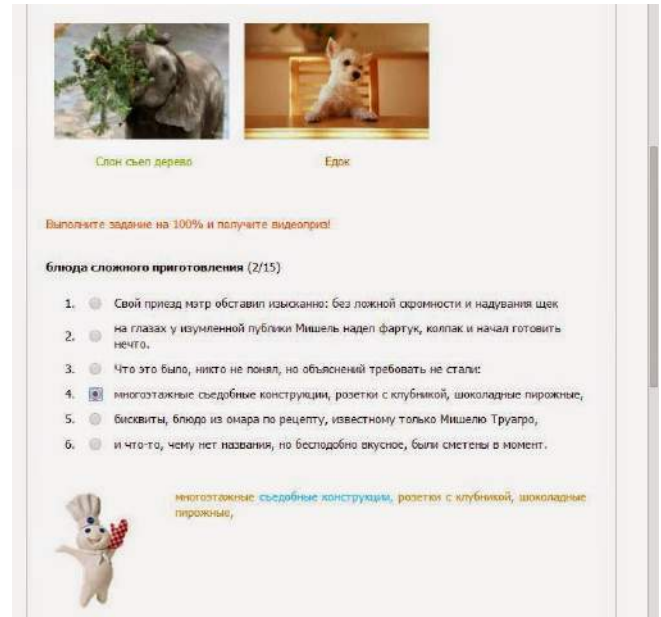

Рисунок 4. Скриншот (снимок экрана) 7 задания 1 урока. Фрагмент

элементов, которые впоследствии будут "взломаны" читателем. Каждый элемент, явившийся на сцену настоящего, хранит в себе отголосок, порожденный звучанием прошлого. В основе каждого восприятия лежит структура повторения, которую Гуссерль исследовал в понятиях предвосхищения и запоминания. Понимание нового происходит в мегатексте через сопереживание и переживание старого:

1. Зачем же Вы остались в Ленинграде?

Вопросы к учебному тексту: «Почему дистрофию называют «ленинградской болезнью»? Почему ленинградская блокада внесена в список гуманитарных катастроф 20 века?» (рис.5). Комментарий к рисункам на скриншоте: «Дополнительный протокол к Женевской конвенции, запрещающий «использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения военных действий», был принят лишь в 1977 году» (там же);

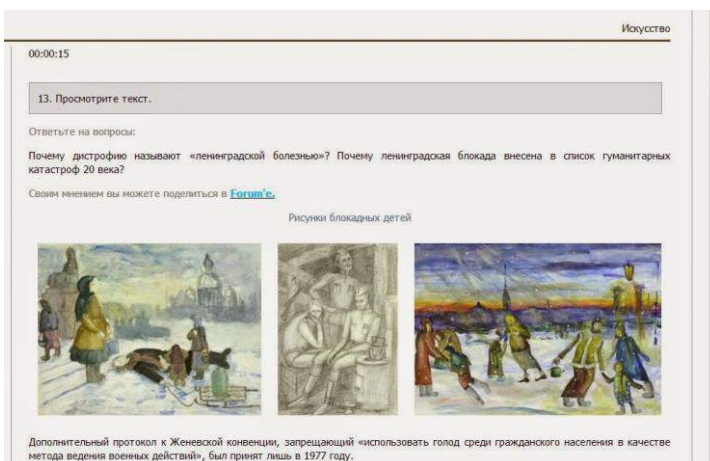

Рисунок 5. Скриншот (снимок экрана) 13 задания 6 урока. Фрагмент

Рисунок 6. Скриншот (снимок экрана) 32 задания 6 урока. Фрагмент

2. *должен же кто-то защищать город!*

Комментарий к видео скриншота: «По словам вице-губернатора Людмилы Косткиной, сейчас в Петербурге проживают около 170 тысяч блокадников. Но только 500 из них смогли посетить шоу на Дворцовой: именно для такого числа блокадников запланированы автобусы. «Мы также пригласили молодежь, - заявила Косткина. - На этот праздник должны прийти все, кто уважает подвиг жителей

и защитников блокадного Ленинграда». Специально для них согласилась выступить французская певица Мирей Матье, причем абсолютно бескорыстно» (рис. 6).

3. *под названием "Белая роза":*

"Роза красная" – название песни в клипе Ф.Киркорова. Ролик служит подсказкой правильного ответа в задании «открытого» типа (рис. 7).

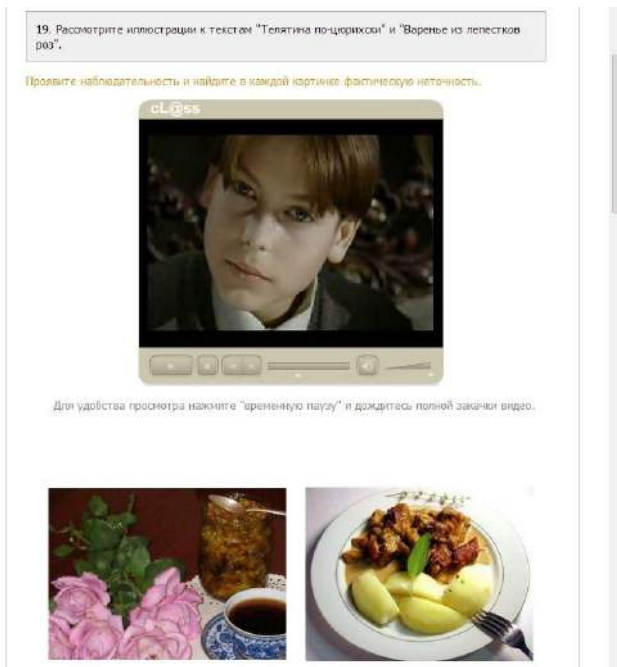

Рисунок 7. Скриншот (снимок экрана) 19 задания 3 урока.

Рисунок 8. Скриншот (снимок экрана) 28 задание 3 урока. Фрагмент

4. *это был настоящий большой красивый торт с кремом:*

Комментарием к фото скриншота является рецепт приготовления шоколадно-бананового торта (рис. 8).

5. *чай был белый, без заварки, попросту – кипяток:*

Рисунок 9. Скриншот (снимок экрана) послесловия к 4 уроку. Фрагмент

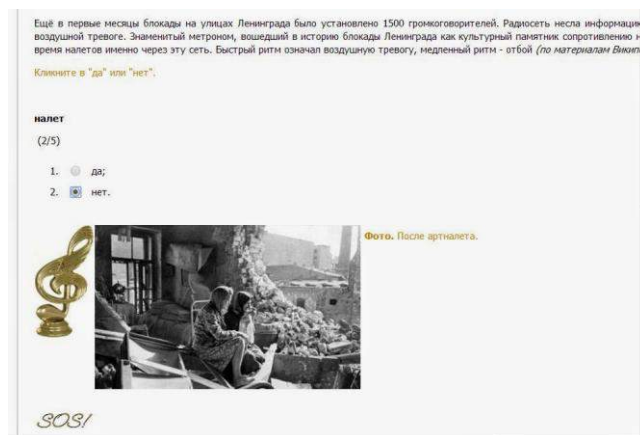

Рисунок 10. Скриншот (снимок экрана) 19 задания 6 урока. Фрагмент

Предисловие к фото скриншота: «Для меня лично СССР-ное детство и олицетворяется с какими-то вещами, брендами типа "Чай со слоном", бананами с синенькими наклейками, билетными автоматами в маршрутках, кофейными жвачками пластиночками, конечно, игрушками (рис. 9).

б. *началась сильная бомбежка, от одного из ударов в доме посыпались все оконные стекла:*

«Ещё в первые месяцы блокады на улицах Ленинграда было установлено 1500 громкоговорителей. Радиосеть несла информацию для населения о налетах и воздушной тревоге. Знаменитый метроном, вошедший в

историю блокады Ленинграда как культурный памятник сопротивлению населения, транслировался во время налетов именно через эту сеть. Быстрый ритм означал воздушную тревогу, медленный ритм - отбой (рис 10). Подпись фото скриншота: «После арналета» (там же).

Любой фрагмент мегатекста есть естественным образом организованный коллаж из разрозненного калейдоскопа ассоциаций и "претекстов", каждый из которых в отдельности - по-своему мегатекст, со своими основаниями и "(перво)началом" (термин Ж.Дерриды):
"Сейчас мы устроим праздник!"

Рисунок 11. Скриншот (снимок экрана) 20 задания 4 урока.

Обучение языку, по мысли полиглота В.Куринского, есть кружение над предметом, "кружение над всем, что представляет большую культурную ценность". Каждый текст уникален, не похож ни на какой другой, начинен бесконечным многообразием значений и, следовательно, исполнение понимания текста невозможно до конца (Куринский убежден, что такое кружение бесконечно, в том и прелесть [5, http]).

Обязательная избыточность учебного нарратива предполагает присутствие в каждом новом чтении следов уже не раз прочитанного ("знакомый незнакомец"), что превращает изучение нового в реанимирование ключевых слов, отработанных в тренингах синтагм, тем, мотивов, поворотов сюжета. В модели указательной структуры мегатекста заложен исток спонтанности и удовольствия от беглого чтения с листа.

По мысли Стива Джобса, «творчество — это просто создание связей и отношений между предметами. Если спросить у творческих личностей, как они придумывают все эти вещи, они придут в смятение, ведь они ничего особого не делают, а просто видят эти связи» [4, http]. Актуализация заложенных в текстах связей — непереносное

условие эффективного обучения чтению иностранного текста без помощи словаря.

Список литературы

1. Бегенева Е.И. Галопом по урокам (Crossing lessons): "Русская газета к утреннему кофе" (blog for teachers), 2014 - <http://rusgazeta.blogspot.ru/2014/03/crossing-lessons.html>
2. Бегенева Е.И. Русская газета к утреннему кофе.- М.: Русский язык. Курсы, 2010 - 248 с.
3. Интервью с Жаком Деррида: Мировое древо. 1/92. М., 1992. С. 4.
4. Клеон О. Кради как художник. 10 уроков творческого самовыражения. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014 – платный PDF.
5. Куринский В. Автодидактика, Автодидакт, 1994 - 560 с. - <http://www.lib.ru/POEZIQ/KURINSKIJ/autodidaktika.txt>
6. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. — М.: Весь Мир, 2003 — 416 с.: Библиотека "Полка букиниста". Значимые книги отечественных и зарубежных авторов - http://society.polbu.ru/habermas_moderndisc/ch13_i.html

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Бирюкова Евгения Викторовна

*Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой ТуПЛ ГБОУ ВПО МГПУ
127253, Москва, ул. Псковская, дом 12, кор.1, кв.176.*

Сопоставительное исследование позволяет выявить общие закономерности и различия языков. Один из родоначальников сравнительного анализа Ш. Балли писал, что "при сопоставлении выявляются характерные черты языков, которые легко позволяют обнаружить оригинальность каждого и общий тип, который каждый из них представляет" [1, с. 39].

Необходимость использования сопоставительного анализа отмечалась так же современными лингвистами [3, 4, 5]. В частности, А.С. Исаченко [3, с. 63], отмечал, что "при подходе к изучаемому языку с точки зрения другой языковой системы могут быть замечены и такие особенности данного языка, которые в традиционной грамматике конкретного языка оставались без внимания".

Нами сопоставляются немецкие и русские языки, которые, будучи близкородственными, представляют по отношению друг к другу переплетение черт структурного сходства и различия. Немецкий язык сочетает себе элементы флективной системы, сближающей его с русским языком, элементы аналитического строя, выраженные в нем слабо (в отличие от английского и французского), но отличающие его от русского.

В работе сопоставляются грамматические (синтаксические) явления, так как при сопоставлении грамматических систем двух языков можно сопоставить общий обзор грамматической системы двух языков, охваченных с значительной полнотой под углом зрения общеязыковых критериев.

Сопоставительный синтаксис – перспективное, развивающееся направление в сравнительно-историческом, типологическом языкознании. Это научное направление представляет большие возможности для исследования языковых единиц не только в рамках предложения и текста, но также для исследования различных языковых уровней и их взаимосвязи в сопоставительном плане.

На фоне активных научных изысканий предыдущих десятилетий в последние годы в области синтаксической типологии намечается определенный спад, отсутствие больших типологических трудов и увеличение отдельных фрагментарных исследований – как по количеству языков, так и по степени охвата изучаемых синтаксических объектов. Этому способствовал не только тот факт, что основные типологические черты морфологии и синтаксиса уже были довольно исчерпывающе выявлены в исследованиях по сравнительно-историческому языкознанию. В немалой степени на практике типологического и контрастного описания отразился характерный для последних десятилетий теоретический разнобой в лингвистике, отказ от многих традиционных моделей и понятий, переход от одних научных парадигм, приоритетов и схем описания языка к другим, определенный отход от формально-структурного изучения языковых средств и перемещение фокуса исследовательского интереса к другим аспектам языка и его функционирования (А. Николова).

В работе сопоставительный синтаксис немецкого и русского языков описывается с точки зрения формально-структурного и функционального подходов.

Нами сопоставляются субъектные, предикативные, объектные придаточные предложения, а также придаточные предложения с определительным значением.

Сложноподчиненное предложение – сложное предложение, в котором выделяются независимая часть и зависимая (или зависимые части), соединяемые между собой при помощи подчинительных союзов или союзных слов [6, с. 577].

Независимая часть называется главной, а зависимые части придаточными.

Принцип субординации осуществляется при подключении придаточного предложения в главное предложение. При этом подключении возникает сложноподчиненное предложение [8, с. 564].

Сложноподчиненные предложения в немецком и русском языках имеют черты сходства и различия.

В немецком и русском языках выделяют **субъектные** придаточные предложения. Субъект придаточного предложения совпадает с субъектом главного предложения. В главном предложении, как правило, субъектом является местоимение, которое имеет катафорический характер. Значение местоимения раскрывается в придаточном предложении. В главном предложении немецкого языка употребительны местоимения (**der, das, die**), в русском языке (**который (ая), кто, то**). (*Счастлив **том**, **кто** всё видел своими глазами; **Glücklich ist der, der alles mit eigenen Augen gesehen hat; **То**, **что** тогда произошло, надолго сохранилось в моей памяти; **Das, was damals geschehen war, hat sich für lange in mein Gedächtnis eingeprägt; **Кто** ясно мыслит, ясно излагает; **Wer** klar denkt, kann auch klar (etwas) darlegen*****).

Придаточные предложения с субъектным значением в немецком и русском языках проявляют черты сходства.

Предикативные придаточные предложения выделяются и в немецком, и в русском языках. Придаточное предложение раскрывает значение сказуемого главного предложения. В немецком и русском языках употребительны в главном предложении местоимения (**der, derjenige, diejenige; такой (ая, ое), таков**), которые носят катафорический характер (*Я **том**, кого вы ждете; Ich bin derjenige, den Sie erwarten; Это **то**, о чем ты меня просил; Das ist das, worum du mich gebeten hast; Туман был **такой**, что ничего не было видно; Der Nebel war so dicht, daß nichts mehr zu sehen war; Каков **привет**, таков **ответ**; Wie der Gruß, so ist die Antwort*). Придаточные предложения проявляют черты сходства в немецком и русском языках.

В немецком языке придаточное **предложение с объектным значением** отвечает на вопрос косвенного падежа, поставленный одним из членов главного предложения. В качестве подчинительной связи выступают союзы

(**dass, ob**) (*Er versteht, dass er einen Fehler gemacht hat; Er bittet (darum), dass wir kommen*).

В русском языке выделяют **изъяснительные придаточные предложения**, отвечающие на вопросы косвенных падежей и относящиеся к какому-либо слову главного предложения, требующему пояснение.

Изъяснительные предложения присоединяются к главному при помощи союзов (**что, чтобы, ли**) и союзных слов (**откуда, как, куда, когда, почему** и т.п.) (*Он показал, что нужно делать в этой ситуации; Он объяснил, как можно использовать эти схемы*).

Значение придаточного предложения с объектным значением в немецком языке совпадает со значением изъяснительного придаточного предложения в русском языке.

В.Гладров [7, с.163] выделяет придаточные объектные предложения, которые вводятся союзом **dass** в немецком языке. Данному союзу соответствуют в русском языке союзы (**что, чтобы, будто**).

что

dass - чтобы

будто

Выбор между союзами **что** и **чтобы** зависит от лексического значения сказуемого главного предложения. После глаголов говорения (*сказать, сообщить, передать*), глаголов, выражающих мышление (*думать, понимать, вспоминать*), чувств (*чувствовать, ощущать*), восприятия (*видеть, слышать*) употребляется союз **что**, а после глаголов с волеизъявительным значением (*хотеть, желать, велеть*) союз **чтобы** (*Мать сказала, что ребята уже ушли в лес за грибами; Die Mutter sagte, daß die Kinder schon in den Wald Pilze suchen gegangen seien; Писатель хочет, чтобы его новый роман понравился читателям; Der Schriftsteller möchte, daß sein neuer Roman den Lesern gefällt*).

Союз **будто** употребляется в косвенной речи (*Он считал, будто каждое заимствованное слово имеет точный синоним в русском языке; Er meinte, daß jedes Fremdwort im Russischen ein genaues Synonym habe*).

Автор отмечает случаи, когда глаголы говорения, чувств, мышления употребляются с союзом **чтобы** в придаточном объектном предложении и имеют волеизъявительное значение. (*Он сказал, чтобы Панов пересел к нему; Er sagte, daß sich Panow zu ihm herübersetzen soll; Он крикнул официанту, чтобы тот принёс ему спички; Er rief dem Kellner zu, daß er ihm Streichhölzer bringe*).

Особый интерес вызывают придаточные предложения в немецком языке, которые на русский язык передаются бессоюзными придаточными предложениями. (*Puta сказала Сизову, чтобы он попробовал вправить ей вывихнутую ногу; Rita bat Sisow, er möge versuchen, ihr den Fuß wieder einzurenken*).

В. Гладров [7, с.166] выделяет также: 1) предикативный тип придаточных предложений с объектным значением. Для данного типа характерна односоставность главного предложения в русском языке, которая передается в немецкий язык с помощью конструкции – безличного местоимения *es + sein* (*Хорошо, что все собралось; Es ist gut, daß sich alle versammelt haben; Надо, чтобы они выполнили все указания; Es ist notwendig, daß sie allen Hinweisen nachkommen*).

2) придаточные предложения, где в главном предложении имеется катафора, которая реализуется в придаточном предложении (*Левин говорил о том, что в этом*

году будет хороший урожай; Lewin sprach davon, daß es in diesem Jahr eine gute Ernte geben wird).

3) придаточные предложения с прономинальным значением, где придаточное предложение вводится относительным местоимением или наречием. (*Он понял, что обозначает это слово; Er hat verstanden, was das Wort bedeutet; Он определил, когда это слово пришло в русский язык; Er bestimmte, wann Wort ins Russische gekommen war*).

Придаточные определительные предложения выделяются и в немецком, и в русском языках. Это придаточные предложения, которые относятся к существительному главному предложению и указывают на признак соответствующего предмета.

Придаточные определительные предложения в немецком языке присоединяются к главному предложению с помощью местоимений (**der, welcher**), возможны соединения с помощью местоименных наречий (**wo(r) -, а также союзов dass, als, wenn, wie**) (*Ich brauche das Buch, das du gekauft hast; Die Tatsache, dass er kommt, hat mich überrascht*).

В русском языке предложения с определительным значением присоединяются к главному с помощью союзного слова **который**, а также с помощью союзных слов (**какой, где, когда, чей**) (*Я знаю хорошо человека, который говорит на многих иностранных языках*).

Автор [7, с.178] отмечает, что союзное слово **какой** в русском языке и союз **wie** в немецком языке указывают на оттенок сравнения, в то время как союзное слово **который** и местоимение **der** указывают на идентичность предмета в главном и придаточном предложении (*Наконец я прочитал книгу, которую ты мне уже давно посоветовал; Ich habe endlich das Buch gelesen, das du mir schon lange empfohlen hattest; Произношение у моего собеседника было такое, какое часто встречается в этих краях; Mein Gesprächspartner hatte eine Aussprache, wie man in dieser Gegend häufig antrifft*).

Автор выделяет следующие типы определительных предложений в немецком и русском языках – ограничительные (*restriktive*), дескриптивные (*deskriptive*), экспликативные (*explikative*), субститутивные (*substitutive*).

Ограничительные определительные предложения содержат субститутивное местоимения в главном предложении, значения которых раскрываются в придаточном предложении (*Наконец я прочитал ту книгу, которую ты мне уже давно посоветовал; Ich habe endlich das Buch gelesen, das du mir schon lange empfohlen hattest*).

В дескриптивных определительных придаточных предложениях речь идет о дополнительной информации в форме сообщения (*Саша смотрел на брата, который сидел за столом и внимательно проверял дневную выручку; Sascha schaute an seinen Bruder, der am Tisch saß und aufmerksam die Tageseinkünfte überprüfte*).

В главном предложении сложноподчиненного предложения с экспликативным значением стоит не местоимение, а союзы **что** и **dass** в немецком и русском языках. Они раскрывают значение главного предложения (*Сообщение, что завтра будут экзамены, я получил только вчера вечером; Die Nachricht, daß morgen Prüfungen sein werden, erhielt ich erst gestern abend*).

В главном предложении сложноподчиненного предложения с субститутивным значением имеется катафорическое местоимение **то** в русском языке, и **das** в немецком языке (*К сожалению, Виктор сегодня принёс не*

mo, o чем ego так настойчиво nonпросили; Leider hatte Viktor heute nicht das gebracht, worum man ihn so eindringlich gebeten hatte).

Таким образом, исследование показывает, что рассматриваемые придаточные предложения проявляют в большей степени черты сходства в формально-структурном и функциональном аспектам.

В дальнейшем представляется важным продолжить исследования в сопоставительном аспекте и рассмотреть функционирование словосочетания, предложения с обстоятельственным значением, а также единиц различных языковых уровней в немецком и русском языках. Взаимодействие единиц различных языковых уровней представляется весьма актуальным и малоисследованным в сопоставительном аспекте.

Библиография

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М.: Эдиторал УРСС, 2001. – 208 с.
3. Исаченко А.С. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. – Братислава, 1954. – с.319.
4. Соболева П.А. Применение сопоставительного метода при обучении лексике иностранного языка // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. – с.14.
5. Ревзин И.И., Розенцвейг Е.Ю. Основы общего и машинного перевода. Москва.: Высшая школа, 1964. – с.242.
6. Современный русский литературный язык. – М., Гардарики, 2003 – 778 с.
7. Gladrow W. Russisch im Spiegel des Deutschen. – Frankfurt, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang Verlag, 1998.
8. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. – Leipzig, Berlin, München, Wien, Zürich, New-York: Langenscheidt-Verlag, Enzyklopädie, 2001. – 654 с.

«СМОЛЕНСКИЕ» ИМЕНА НА КАРТЕ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Бубнова Нина Викторовна

Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского, г. Смоленск

В условиях современных общеглобалистских процессов, характеризующихся тенденцией к унификации национальных культур, особенно актуальным является изучение имени собственного как культурного знака, носителя богатейшей информации об истории народа-носителя языка. По замечанию Т.Е. Владимировой, «вовлечённость в общий интеграционный процесс, действительно, оказывает существенное влияние на языковую картину мира и духовный опыт. В итоге самобытная культура как «вместилище своих идеалов» (Ю.М. Лотман) в той или иной степени утрачивает присущую ей уникальность. А расширяющееся коммуникационное пространство по-прежнему активно навязывает диалог, не принимая во внимание любовь к родному языку и выросшей на его основе культуре. Стирающиеся границы между лингвокультурными традициями, укоренёнными в сознании/самосознании, постепенно размывают тот ценностный фундамент, который веками обеспечивал выживаемость этноса, а в наступившем веке обнаруживает свою недостаточность. <...> Поэтому призыв философов рассматривать диалог культур в «горизонте личности» и в «горизонте культуре» (В.С. Библер, А.В. Ахутин) должен быть дополнен «горизонтом языка» [3, с. 3]. Особое место имени собственного в системе языка определяется, прежде всего, высокой степенью его лингвокультурологической ценности. Ещё М.Я. Морозкин в XIX веке, подчёркивая значимость онимов для духовной сферы развития человечества, отмечал, что «без личного имени народный лексикон будет неполон, лишится самого дорогого сокровища» [7, с. 5].

Особое место в лингвокультурологической иерархии онимов занимают региональные (краеведческие) имена собственные: во-первых, они оказывают сильнейшее влияние на формирование языковой личности в силу своей

непосредственной близости воспринимаемому субъекту; во-вторых, детальное изучение регионального ономастического материала способствует дальнейшему объективному описанию общенационального ономастического пространства по принципу «основание и вершина айсберга». Важно, чтобы русская культура была представлена не только её центральной частью (которая, как правило, и описана в литературе), но и более отдалёнными областями России.

Смоленск, Смоленская земля занимают особое место на карте России и в её памяти. «Ключ-город», «щит России», «первый солдат на границе страны», город-герой Смоленск на протяжении многих веков защищал западные рубежи русского государства. Смоленская земля подарила миру первого космонавта Ю.А. Гагарина и основоположника русской классической музыки М.И. Глинку; героя обороны Севастополя П.С. Нахимова и путешественника Н.В. Пржевальского; автора бессмертного «Василия Тёркина» А.Т. Твардовского и самого читаемого писателя-фантаста XX века А. Азимова... Среди географических и историко-культурных координат Смоленского края – великая славянская река Днепр и занимающий второе место в Европе по убранству Успенский собор; «ожерелье вся Руси» – Смоленская крепостная стена и «Байкал в миниатюре» – озеро Сапшо... И сегодня Смоленск – один из древнейших русских городов с более чем тысячелетней историей, знакомством с которым на лингвокультурном уровне при использовании метода создания его «ономастического портрета» может значительно обогатить лингвистические исследования и разнообразить изучение русского языка.

Результаты исследования выявленных методом масштабного ассоциативного эксперимента имён собственных в структуре региональных фоновых знаний со-

временных смолян подробно описаны в нашей монографии [2]. Приложения книги, содержащие объёмный ономастический материал, можно использовать для дальнейших исследований ономастического пространства региона.

Настоящая работа посвящена описанию особенностей функционирования «смоленских» онимов в общенациональном ономастическом пространстве, представленном в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ) [9], филологически размеченные материалы которого активно используются современными учёными для решения самых разнообразных лингвистических задач ([1], [5], [6] и мн. др.). Под «смоленскими» в данном случае мы понимаем многокомпонентные имена собственные, имеющие в своём составе оттопонимное прилагательное *смоленский*. При выявлении контекстов на запрос *смоленский* в НКРЯ мы использовали лексико-грамматический поиск, поскольку посредством него можно получить полную падежную парадигму названной лексемы; в результате материалом анализа послужили 1558 контекстов. Лексема *смоленский* имеет в НКРЯ три варианта употребления: 1) не образует словосочетаний (20 контекстов); 2) образует сочетания с нарицательным именем (109 сочетаний, 185 употреблений); 3) входит в состав имён собственных (176 онимов, 1361 употребление). Как видим, в большинстве случаев лексема *смоленский* является компонентом ономастических единиц, что можно рассматривать как показатель продуктивности использования оттопонимных имён прилагательных при образовании других разрядов онимов. В настоящей работе рассмотрим представленные в НКРЯ имена собственные с компонентом *смоленский*, которые называют объекты, расположенные вне территории Смоленского края.

Анализируемые ономастические единицы можно представить в виде трёх групп, соответствующих определённому разряду имён собственных (в скобках для каждой группы указано количество составляющих её онимов / употреблений; для онимов внутри группы – количество употреблений; группы расположены по убыванию общего количества употреблений составляющих их единиц):

1. «Смоленские» урбанонимы других городов (16 / 470): 1) *Смоленская площадь* (106), *Смоленский рынок* (95), *Смоленский бульвар* (57), *Смоленская улица* (37), *станция метро «Смоленская»* (27), «Смоленский пассаж» (19), *Смоленская набережная* (11), *гастроном «Смоленский»* (7), *Смоленский переулок* (3), *2-й Смоленский переулок*, *Смоленский вокзал*, *Смоленская-Сенная площадь*, *аптека «Смоленская»* (по 1); 2) *Смоленское кладбище* (100); *Смоленский проспект* (3); *гостиница «Смоленская»* (1).

Вслед за Н.В. Подольской, урбанонимом мы называем «вид топонима, собственное имя внутригородского топографического объекта» [10, с. 154]. Объекты, названные онимами данной группы, расположены в Москве и в Санкт-Петербурге (в соответствии с чем имена разделены на две подгруппы). В целом распространённость данной тематической группы является показателем роли Смоленщины в истории России, т.к. составляющие её онимы называют объекты двух столиц, в которых увековечена память о Смоленской земле. Дадим краткую характеристику онимов данной группы, расположив их в хронологическом порядке возникновения.

К «смоленским» урбанонимам Москвы в НКРЯ относятся следующие:

Смоленская улица расположена между Смоленской площадью и Бородинским мостом, на западе центра Москвы, возникла в XVI в. как часть дороги на Смоленск, отчего и получила своё название [8, с. 745].

Смоленский рынок В.А. Гиляровский в книге «Москва и москвичи» назвал «дитём чумы (1771)». На самом деле, рынок существовал уже с XVII в., когда занимал часть Садового кольца. Название произошло от торговой дороги на Смоленск. В середине 1920-х гг. XX в. рынок ликвидирован [8, с. 746].

Смоленская площадь (расположена между Смоленской-Сенной площадью и улицей Чайковского) и *Смоленская-Сенная площадь* (находится между Смоленским бульваром и Смоленской площадью) – части Садового кольца на западе центра Москвы. Площади возникли в 20-е гг. XIX в. в районе бывшего Земляного вала, существовавшего с кон. XVI в. до 1820-х гг. и имевшего напротив Арбата Арбатские (или Смоленские) ворота, от которых шла большая торговая Смоленская дорога. Площади наименованы по названию располагавшихся на них рынков – Смоленского и сенного соответственно [8, с. 746].

Смоленский бульвар возник в 1820-е гг., после сноса Земляного вала, между Зубовской и Смоленской-Сенной площадью, на западе центра Москвы. Назван по дороге на Смоленск, проходившей в этом районе [8, с. 746].

Смоленская набережная образована в XIX в., расположена на левом берегу Москвы-реки между Смоленской улицей и площадью Свободной России; названа по прилегающей Смоленской улице [14].

Смоленский переулок, *2-й Смоленский переулок* «сложились в результате исторического развития радиально-кольцевой планировки Москвы» в XIX в., названия получили от названий соседней Смоленской улицы и площади [8, с. 623].

Смоленский вокзал ныне не существует: так назывался современный Белорусский вокзал Москвы в 1870–1871 гг., название Смоленский он получил по наименованию первой своей железнодорожной ветки [14].

«Смоленская» – 1) станция метро Филёвской линии, открытая в 1935 г.; название произошло от того, что наземный вестибюль встроено в жилой дом на Смоленской площади; 2) станция Арбатско-Покровской линии, открытая в 1953 г.; название получила от того, что вестибюль расположен вблизи Смоленской площади [8, с. 745]. В НКРЯ данный оним употреблён в обоих значениях.

Следующие три онима называют «смоленские» объекты Москвы, открытые в конце XX – начале XXI века и получившие название от места расположения на Смоленской площади или вблизи станции метро «Смоленская»: «Смоленский пассаж» – современный торгово-офисный комплекс, открыт в 2008 г. на Смоленской площади, д. 3; *гастроном «Смоленский»* открыт в 1997 г. на ул. Арбат, д. 54; *аптека «Смоленская»* открыта в 1992 г. на ул. Арбат, д. 55/32.

С Санкт-Петербургом связано три онима данной тематической группы:

Смоленское кладбище возникло в 1756 г.; название объясняется тем, что, по преданию, в первые годы строительства города на этом месте хоронили плотников и землекопов – выходцев из Смоленской губернии [4, с. 303].

Большой Смоленский проспект – проспект, проходящий в Петербурге от проспекта Обуховской Обороны за улицу Седова: в нач. XVIII в. на Шлиссельбургском

почтовом тракте возникла ямская слобода, куда по указу Петра I были переведены ямщики из Смоленской губернии, поэтому поселения ямщиков стали называть Смоленской ямской слободой; позже слобода превратилась в большое село, которое также именовали Смоленским, от него и ведётся название проспекта [4, с. 230 – 231].

Гостиница «Смоленская» находилась в Ленинграде на Суворовском проспекте, 2; в ономастиконе современного Санкт-Петербурга такого названия гостиницы нами не выявлено.

2. «Смоленские» топонимы других городов (8 / 75):

1) *Смоленская дорога* (39); *Смоленское поле* (16); *станция Смоленская, село Смоленское* (по 7); *Смоленская речка* (2).

«География» топонимов (названий географических объектов) данной группы весьма широка, а культурный фон богат и разнообразен:

Старая Смоленская дорога – историческая дорога в Смоленской и Московской областях, соединявшая Московский Кремль и Смоленскую крепость, возникла в XIV – XV вв. [12, с. 494]. В составе фоновых знаний русской языковой личности данный топоним связан с песней Б. Окуджавы «По Смоленской дороге». Так, в частности, в материалах Русского ассоциативного словаря на стимул «по дороге» зафиксирована реакция «смоленской» [11, с. 464].

Два онима группы – *Смоленское поле* и *Смоленская речка (Смолёнка)* – называют объекты, расположенные в Санкт-Петербурге: поле получило название по тем же причинам, что и Смоленское кладбище (описано выше), а речку стали наименовать по её близости к данным объектам.

Станица Смоленская, расположенная в Краснодарском крае, была основана в 1864 г. и первоначально называлась Афипской, в 1867 г. переименована в Смоленскую; по одной из версий, своё название станица получила в честь города Смоленска в память о его роли в войне с французами в 1812 г.; по другой версии, она названа так в честь квартировавшего здесь Смоленского полка, участвовавшего в Кавказской войне 1817–1864 гг. [13, с. 101].

Село Смоленское в Алтайском крае основано в 1759 г. как поселение отставных казаков и служилых людей; название получило от редута Смоленской Богоматери (Одигитрии), в котором находилась организация, занимавшаяся делами военных поселенцев [14].

3. «Смоленские» религиозные топонимы других городов (8 / 40): *Церковь Иконы Смоленской Богоматери* в с. Выдропужск Тверской области (7); *Смоленский собор Новодевичьего монастыря* в Москве (2); *Смоленская Зосимова пустынь* на станции Арсаки Владимирской области, *Смоленская церковь в Гордеевке* Нижегородской области, *Смоленский скит* на острове Валаам в Карелии (по 1).

Для каждого объекта нами дополнительно указано место его расположения. Смоленскими данные церкви наименованы по названию иконы Смоленской Одигитрии. Смоленская икона Божией Матери (Одигитрия) – одна из самых чтимых в России чудотворных икон, главная святыня Смоленска; согласно преданию, икона была принесена на Русь из Константинополя в 1046 г. византийской принцессой Анной, матерью Владимира Мономаха. День празднования иконы (28 июля) установлен в 1658 г. по

случаю её перенесения в Успенский собор Смоленска [12, с. 176].

Анализ материала показал, что в содержании каждой ономастической единицы содержится многоплановая лингвокультурологическая информация, экспликация которой значительно обогащает изучение историко-культурных особенностей Смоленского края. В целом выявление и описание «смоленских» онимов, называющих различные объекты других городов, способствует «расширению географии» смоленских имён и определению роли Смоленского края в истории страны. Перспективой данной работы может стать дальнейший сбор и обработка «смоленских» имён на карте других городов России с целью их лексикографического представления, которое сможет не только обогатить знания смолян о своём регионе, но и обозначить достойное место города-героя Смоленска в судьбе России.

Список литературы:

1. Большакова М.А. Особенности формирования специального корпуса текстов в области робототехники на немецком языке // Гуманитарные исследования. Астрахань: Изд-во АГУ, 2012, № 2. – С. 12–18.
2. Бубнова Н.В. Региональные ономастические фоновые знания современных смолян. Смоленск: Смоленская городская типография, 2013. – 245 с.
3. Владимирова Т.Е. Язык, культура и языковая личность в третьем тысячелетии // Русский язык в контексте национальной культуры. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2012. – С. 3–7.
4. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Санкт-Петербурга. 5-е изд., перераб. СПб.: Норинт, 2002. – 352 с.
5. Лапыгин М.А. Язык русских историков и его анализ с применением ресурса www.ruscorgora.ru // Педагогика, лингвистика и информационные технологии. В 2-х томах. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. Т. 1. – С. 171–175.
6. Михайлов М.Н. *Луна и Венус*: к вопросу об аннотировании имён собственных в корпусе текстов // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 256–269.
7. Моршкин М.Я. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб: СПбГУ, 1867. – 357 с.
8. Москва: Энциклопедия / Гл. ред. С.О. Шмидт. М.: БРЭ, 1997. 976 с.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorp.org.ru/search-main.html> (дата обращения: 15.03.2014).
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. – 196 с.
11. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. В 2-х т. М.: Астрель, АСТ, 2002. Том 1. От стимула к реакции. – 784 с.
12. Смоленская область: Энциклопедия. В 2-х т. / Под ред. Д.И. Будаева, Г.С. Меркина. Смоленск: Изд-во СГПИУ, 2003. Том 2. – 624 с.
13. Харченко В., Харченко А., Кистеров А. У подножия Собора. История Северского района Краснодарского края. Ростов-на-Дону: Книга, 2005. 255 с.
14. Электронная энциклопедия «Википедия». URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 1.07.2014).

ЯЗЫКОВАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ ПУНКТУАЦИОННЫХ ГРАФЕМ

Будниченко Лариса Александровна

доктор филологических наук, профессор Чувашский госуниверситет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Объектом семиотики, как известно, являются разные знаки, а не только слова. Мы исходим из того, что знаки препинания являются полноправными языковыми знаками, обладающими собственными смысловыми значениями.

«Знаковый характер письма очевиден: буквы, цифры, иероглифы и т.п. – явные знаки, в самом обычном понимании этого слова (а знаки препинания и называются знаками)» [8, с.2]. Такое понимание природы знаков препинания достаточно устойчиво в лингвистике: «Знаки препинания являются прежде всего языковыми знаками» [7, с.5]; они понимаются как «вспомогательные графемы» и противопоставляются основным буквенным графемам [6, с.137].

Важно отметить, что «знаки препинания не только членят текст, но и сами несут информацию – смысловую, эмоциональную, модальную» [4, с.42]. Пунктуационные знаки способны передавать определенную «идею», смысл, в связи с чем еще Л.В.Щерба называл их «идеографическими знаками», или *идеографемами* [1, с.366]. Аналогичной точки зрения придерживаются и современные лингвисты, которые полагают, что «знаки препинания обладают внутриязыковой значимостью; именно на основе употребления их в качестве языковых знаков складывается их смысловая определенность» [16, с.15].

Считается, что «семиотика пунктуационных знаков установлена» [5, с.152]. При этом имеются в виду общепринятые семантические значения знаков препинания: вопросительности (вопросительный знак), эмоциональности (восклицательный знак), противопоставления и быстрой смены события (тире), пояснения и причины (двоеточие), перечисления, добавления, пояснения (запятая), выделения (две запяты, два тире, скобки) и т.д.

Таким образом, в теории пунктуации *смысловая* функция считается в настоящее время основной, социально обусловленной функцией пунктуационных знаков (Л.В.Щерба, Р.И.Абакумов, А.Б.Шапиро, Н.С.Валгина, Э.И.Клюканов, Н.Л.Шубина). Смысловая определенность знаков препинания основывается на их идеографичности: они выступают в качестве носителей определенных смысловых значений. Идеографический характер пунктуационных знаков конвенционален.

Вместе с тем остается неразработанной проблема языковой релевантности, то есть конкретной смысловой отнесенности пунктуационных графем, в связи с чем в современной лингвистической науке давно назрела необходимость рассмотрения пунктуации в тесной связи с теорией смысла. Рамки статьи не позволяют представить данную проблему широко, однако наметить некоторые концептуальные направления возможно.

Смысл понимается в лингвистике как сложное структурированное образование. «Основным способом построения смысла является композиционный» [12, с.68]. Смысл содержит множество элементарных семантических компонентов – логических (диктальных, модусных, имплицативных); эмотивных (как пропозитивных, так и коннотативных); экспрессивных и оценочных. Смысл

включает и семантико-грамматические компоненты – локальные, темпоральные; смыслы, отражающие взаимосвязь предметов и явлений реальной действительности – причинные, целевые, следственные и др. [2].

Пунктуационная графема, как нам представляется, несет в себе информацию об интонации, синтаксической структуре (позиции), лексико-семантических отношениях между частями предложения, а также экспрессивных значениях, отражающих эмоции и оценки пишущих.

Любой знак выступает как простейшая единица смысла. Главное, что характерно для знака, это способность представлять, то есть функции опосредования. Определенное соотношение знаков препинания как графических знаков со звуковыми референтами (интонацией) позволяет говорить о том, что пунктуационные знаки способны представлять на письме (опосредованно) смысловые значения интонации как языкового средства.

Интонация и пунктуация рассматриваются в лингвистике как две автономные, но коррелирующие знаковые системы. Изыскания в области выразительного чтения, а впоследствии и в области интонационных исследований показали, что мелодика выполняет определенные смысловые функции: восходящий тон выражает незаконченность, незавершенность мысли, а нисходящий – противоположное значение ее завершенности, законченности (Е.А.Брызгунова, М.В.Панов, Н.Д.Светозарова, И.Г.Торсуева и др.). Именно завершенность/незавершенность высказывания являются, по нашему мнению, теми смысловыми значениями, которые объединяют интонацию и пунктуацию. В самом деле, вопросительный знак означает незавершенность мысли и характеризуется интонацией повышения, а точка выражает завершенность мысли и имеет нисходящую мелодику. Запятая при перечислении будет кодировать восходящую интонацию, а точка с запятой, отражая относительно законченную мысль, мелодику нисходящую. При изменении позиции (конец одного из нескольких предложений) запятая может иметь и нисходящую интонацию, поскольку будет кодировать относительно законченную мысль. Тире, выражая взаимообусловленные значения причины, условия, сравнения будет характеризоваться интонацией повышения, а двоеточие с его значениями пояснения, уточнения (поясняется то, что имело относительную смысловую завершенность) мелодическое понижение.

Безусловно, представленное взаимодействие интонации, пунктуации и структуры (позиции) несколько схематично, поскольку в речевой реализации такое взаимодействие гораздо богаче и разнообразнее, однако представленную схему можно рассматривать как некий языковой инвариант, существующий в его языковой абстракции.

В основе современных представлений о смысловой организации высказывания лежит, отражая процесс *концептуального* восприятия мира человеком, идея противопоставления объективного (диктального) и субъективного (модусного) компонентов смысла высказывания. Диктум интерпретируется как обязательный событийный аспект, отражающий реальную действительность, модус – как отношение к этим событиям говорящего. Поскольку денотат

отражает не только событие, но и «ситуацию мыслительной операции, воспроизводимой человеком» [1, с.476], денотативный аспект пунктуационных знаков оказывается связан с **ментальным** процессом членения мира при его восприятии.

Связь логических знаков препинания с денотативной семантикой была установлена Т.М.Николаевой, по мнению которой пунктуационные знаки, обозначая непосредственно внелингвистическую ситуацию (психический процесс членения реальной действительности в процессе ее восприятия) **проявляют свой денотат**, указывая на то «правильно или неправильно отделяется одно событие от другого, если в одном предложении рассказывается о нескольких событиях» [10, с.27]. В связи с этим мы рассматриваем смысловое значение завершено/незавершено как диктальное значение пунктуационных графем.

В отличие от диктума модус понимается как значение, исходящее от говорящего и раскрывающее его позицию по отношению к объективному содержанию предложения. Модусные значения реализуются в процессе речевого акта и связаны с понятием **актуализации** предложения. Как известно, под актуализацией предложения понимается весь набор изменений, происходящих при переходе от предложения к высказыванию. Эти изменения обусловлены коммуникативными намерениями пишущего, полученными в теории речевого акта определением иллокутивных целей.

В лингвистике выделяют модусные категории, вносящие субъективно обязательные смыслы, составляющие обязательный компонент значения предложения, и субъективные необязательные смыслы, формирующие необязательный компонент значения предложения [1, с.477]. Модусные смыслы характеризуют и пунктуационные графемы.

Обязательные модусные смыслы отражают такие значения предложения, которые обязательны для его оформления, но вместе с тем представляют собою значения коррелятивные, дающие возможность выбирать из возможного коррелятивного ряда, проявив, тем самым, намерение пишущего:

А. *Выползли тучи, солнце скрылось, начал накрапывать мелкий дождь.*

Б. *Выползли тучи; солнце скрылось. Начал накрапывать мелкий дождь.*

В. *Выползли тучи – солнце скрылось; начал накрапывать мелкий дождь.*

Необязательные модусные смыслы факультативны и зависят от субъективных намерений говорящего/пишущего [1, с.479].

Необязательные модусные смыслы отражают дополнительные смысловые оттенки, возникающие при переходе от предложения к высказыванию и отражают субъективную оценку говорящим высказываемой мысли. Эмоционально – экспрессивные смыслы входят в состав субъективных.

Лингвисты отмечают, что «языковым феноменом, воплощающим экспрессивную функцию, является смысловое членение» [13, с.61]. С этой точки зрения мы рассматриваем **экспрессивность в качестве кодированного семантического компонента**, который может передаваться знаками препинания как языковыми единицами, одной из основных функций которых является функция членения.

В отношении структурных знаков экспрессия связана с выделением важных в информативном плане слов и

синтагм в пределах коммуникативно-смысловой структуры высказывания. Пунктуационные знаки выступают при этом в роли смысловых актуализаторов, которые выделяют в речевом потоке тот или иной информативный фрагмент по степени важности. Значение «степени важности» выступает в этом случае как экспрессивное **имплицативное** значение пунктуационных графем: *А потом появился он. Такой, о каком мечтала еще в юности. Добрый, нежный, понимающий.*

Лингвисты отмечают, что в языковой картине мира отражен не только концептуальный, но и **эмоциональный** мир человека. В настоящее время имеются достаточно убедительные доказательства того, что в языке существуют закреплённые формы материализации эмотивных значений.

Что касается смыслового способа представления эмоций, то считается, что можно говорить о таких бинарных оппозициях, как «приятно/неприятно, удовольствие/неудовольствие, одобрение/неодобрение». На следующей ступени наблюдается конкретизация общих бинарных значений с учетом определенной разновидности эмоций (любовь, радость, восхищение и т.д., с одной стороны, и печаль, горе, сожаление, возмущение и т.д., с другой). Эмотивное значение определяется как значение, в котором каким-либо образом представлены (выражены или обозначены) эмотивные смыслы.

Денотативные эмотивные значения выражаются лексическими единицами (радость, грусть, удивление, сожаление и т.д.). Денотация связана с коннотацией. Эмотивную коннотативную семантику определяют, как «эмотивные смысловые приращения» [14], как «коннотативно-эмотивные смыслы» [16], как смыслы «эмотивно-экспрессивные» [9].

Выражение эмоций есть их экспрессия, поэтому высказывание, оформленное эмотивными знаками препинания, становится экспрессивным, отражая актуализацию **коннотативных** значений. К эмотивным знакам препинания мы относим *многоточие, восклицательный знак и кавычки*, которые были выделены в особую группу на основании выполнения ими в письменном тексте функции эмоционального выражения чувств говорящего [3].

Эмотивные пунктуационные знаки выступают в языке как амбивалентные единицы. Под амбивалентностью понимается «способность семантики одного и того же эмотива выражать эмоции с противоположными оценочными знаками» [14, с. 27]. Ряд исследователей полагает, что для определения конкретной эмоции, выраженной в высказывании, необходимо опираться на различные «эмоциональные дескрипторы», содержащиеся в контексте, окружающем анализируемые высказывания [11]. Под эмоциональными дескрипторами понимаются слова и словосочетания данного текста, семантика которых помогает установить наличие общей эмоциональности, а также специфицировать (назвать) эмоцию. «Синтаксическая модель лишь сигнализирует об эмоциональной окраске предложения, но при наполнении конкретным дескриптором она выражает конкретную эмоцию» [9, с.44].

Например: *Люблю и любима – какое это великое счастье! / Сейчас такие дорогие билеты! Этого я себе позволить, к сожалению, не могу!* В первом случае восклицательный знак кодирует эмоцию радости, а во втором – эмоцию сожаления. Лексические дескрипторы *н а з ы в а ю т* ту или иную эмоцию, выступая средством формирования денотативного (предметно-понятийного) содержания

ние высказывания, а восклицательный знак выражает эмоциональное значение, названное номинативом, создавая эмоциональный план данного высказывания. Возникающее при этом коннотативное эмотивно-смысловое значение дополняет денотативное содержание высказывания, а восклицательный знак выступает в роли эмотива-актуализатора.

Таким образом, пунктуационные графемы являются по своей природе языковыми знаками, способными передавать определенную информацию, образуя своим смысловым кодом и своим дополнительным каналом связи.

Исходя из специфики знаков препинания как смысловых единиц, нами было выделено две группы пунктуационных знаков: структурно-логические знаки препинания (запятая, ТСЗ, точка; вопросительный знак, двоеточие, тире) и эмотивные пунктуационные знаки (восклицательный знак, многоточие, кавычки). Каждая из выделяемых пунктуационных групп реализует свою смысловую систему кода.

Структурно-логические знаки препинания выражают логическое развитие мысли и реализуют свое значение в пределах структуры, в основе которой лежит тема-рематическое членение. Эмотивные пунктуационные знаки отражают в письменной речи эмоциональные реакции пишущего и проявляют свое значение в коннотациях.

Структурно-логические пунктуационные знаки кодируют диктальные мысли, выражающие завершенность/незавершенность мысли, а также модусно обязательные смыслы, отражающие лексико-семантические отношения между частями высказывания: пояснения, причины (двоеточие), цели, быстрой смены событий (тире), перечисления, присоединения (запятая) и т.д. Модусно необязательные смыслы экспрессивны, имплицативны, связаны с дополнительным членением высказывания и выражением экспрессивными знаками препинания значения «степени важности».

Эмотивные знаки препинания, обладая билатеральной природой, способны выражать пропозициональные для категории эмотивности значения «одобрения/неодобрения, удовольствия/неудовольствия», а также модусные значения, отражающие определенную эмоцию (радость, горе, удивление, сожаление и т.д.). Своим конкретным значением эмотивные графемы (многоточие, кавычки и восклицательный знак) приобретают в контексте.

Литература:

1. Белошапкина В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В. Современный русский язык. – М., 1981.
2. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978
3. Будниченко Л.А. Эмотивные знаки препинания в публицистическом дискурсе // Материалы XXXII международной конференции. Выпуск 8. Грамматика (русско-славянский цикл). – СПб., 2003.
4. Валгина Н.С. Эффективность письменного сообщения и знаки препинания // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки. – 1981. – №4.
5. Долгова О.В. Семиотика неплавной речи. – М., 1978.
6. Зализняк А.А. О понятии графемы // *Balkanika* : Лингвистические исследования. – М., 1979.
7. Ключанов Э.И. Графические междометия // Текст и культура: общие и частные проблемы. – М., 1985.
8. Моисеев А.И. Письмо и язык (К типологии изоморфизма лингвистических явлений) // *Вопр. языкознания*. – 1983. – № 6.
9. Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения: проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. – Иркутск, 1989.
10. Николаева Т.М. О функциях знаков препинания в русском языке // *Современный русский язык*. – М., 1982.
11. Нушикян Э.А. Типология интонации эмоциональной речи. – Киев-Одесса, 1980.
12. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алма-Ата, 1989.
13. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. – М., 1979.
14. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.
15. Щерба Л.В. Теория русского письма. – Л., 1983.
16. Шубина Н.Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста. – СПб., 1999.

СИСТЕМА ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ В ПРОЗЕ С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

Чуксина Светлана Ивановна

аспирант кафедры русского языка Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, преподаватель образовательного центра «Диалог-плюс», город Тамбов

Творчество С.Н. Сергеева-Ценского наполнено различными ароматами, ярчайшими синестезийными метафорами, образными сравнениями и эпитетами. Для прозы автора, особенно ранней, характерно слияние зрительных, слуховых и тактильных ощущений, их своеобразный синкретизм.

Ярчайшей особенностью прозы автора является наличие олицетворения, привносящего в синтагматическую ось элемент индивидуального авторского стиля и новизны. Все эти тропы и передаваемые словам переносные значения и составляют систему образных средств в произ-

ведениях С. Н. Сергеева-Ценского. Полноправно это проявляется в описании глагольной сенсорики как в прямых, так и в переносных – неперцептивных – значениях.

Неперцептивные значения глаголов восприятия возникают в том случае, когда данные лексемы сочетаются с субъектом, обозначающим неодушевленные предметы, природные явления, а также при описании обонятельных перцепций.

Где бы ни таились, но Севастополь все еще был многолюден, и чуть празднично загремела музыка, на нее слетелись женщины в праздничных весенних костюмах, тем более что и день выдался солнечный, тихий, теплый и

пахло не пороховым дымом, а морем, — море же *весною пахнет*, как только что разрезанный спелый арбуз... (Севастопольская страда);

Хозяин дома, псаломщик, за тонкой стеною пел ирмосы и подыгрывал на дрянной скрипке. Сплетались два голоса: низкий и плоский, тонкий и визгливый, и выходило у обоих: "Коня и всадника вверже в мо-о-ре!" *Звуки пахли* чем-то - свечами, ладаном, - и хотелось отворить окно (Бабаев).

Особую роль при этом играет распространитель *запах*, к примеру,

Пахло солнцем. В густой, влажный *запах* земли врывался запах солнца, сухой и легкий, как перелет стрекоз над болотными купавами (Бабаев);

Пахло земными соками. Это был смешанный и сложный, простой и острый *запах* роста и силы. Бабаеву казалось, что этот запах имел и цвет - зеленый, как у речной осоки. Входил сплошь во все поры тела, и тело становилось от него шире, сочнее (Бабаев).

Одной из ярких черт идиостиля С.Н. Сергеева-Ценского является создание авторских наречий-распространителей:

Я крикнул; он (ястреб - С.Ч.) обернулся и *поглядел кругло и хищно*, вытянув шею (Взмах крыльев);

Он (Терентий - С.Ч.) потянулся к ним радостно, как к родным, но казаки *глядели* на него серьезно и *безулыбочно* (Севастопольская страда);

Он (врач - С.Ч.) только что вошел, вызванный из соседней каюты звонком мадам Сент-Арно, и *глядел неопределенно-вопросительно* на нее, на ангорскую кошку, на блюдечко и на длинного человека без мундира, в одной рубашке, небрежно вправленной в форменные брюки со штрипками, в мягких домашних туфлях (Севастопольская страда);

В картинных волосах его (художника - С.Ч.) под старой, но опрятной панамой увязло уже достаточно седины, небольшая бородка была не моложе по виду, но серые глаза *глядели* еще *двадцатилетне*, с большим, расширившим их любопытством (Как прячутся от времени);

И светлые, несколько близорукие глаза ее (матери Матийцева - С.Ч.) *глядели* на него так *искренне-ожидаяще*, точно и в самом деле мог он что-нибудь ответить на подобный вопрос (Преображение человека);

Дейнека, проводя рукой по висячим усам, слегка кашлял и сочувственно кивал головою; студент Хаджи *глядел матово*, Иртышов *наблюдающе* (Обреченные на гибель).

Серые глаза его (Пересвета - С.Ч.) *глядели* на барона, заместителя главнокомандующего, отнюдь *не монашески смиренно и подчиненно*, — напротив, светился в них как будто даже чуть-чуть насмешливый огонек (Севастопольская страда);

Все члены совета сидели *неподвижно*, *глядели* на царя *неотрывно* и молчали *безукоризненно верноподданно* (Севастопольская страда);

— Разве бывают светские женщины сорока пяти лет? — Елена Павловна *притворно изумленно поглядела* на него, очень высоко подняв брови (Севастопольская страда);

Ей (Наталья Львовна - С.Ч.) приятно было видеть, что Алексей Иванович ей улыбался застенчиво, почему-то глядя при этом на нее вбок: *поглядит* очень *светло и тепло*, отведет глаза, улыбнется и гладит одну руку свою другой рукой (Обреченные на гибель);

На столе перед светлейшим стояла бутылка шампанского; не без основания, может быть, именно этому коварному вину приписывая свою подагру, Меншиков все-таки не имел достаточного запаса воли, чтобы от него отказать, тем более теперь, когда, как всегда в день своих именин, он *чувствовал* себя *празднично* и не прочь был несколько разойтись (Севастопольская страда);

(Горчаков - С.Ч.) *чувствовал* себя *возбужденно-бодро*, расположась на веранде около пытавшегося было подняться ему навстречу и не могшего это сделать Тотлебена (Севастопольская страда).

Так, С.Н. Сергеев-Ценский олицетворяет природу, наделяя её огромной семантической нагрузкой, многие антропоморфные глаголы приобретают переносное значение, теряя при этом полную парадигму лица и числа.

Орудия этой батареи *зловеще глядели* днем в амбразуры казематов центральной, наиболее обширной, цитадели (Флот и крепость);

Через широкий Большой рейд, из вод которого *выглядывали* здесь и там *мачты* затопленных кораблей, начали летать с одного берега на другой приветственные бомбы и гранаты (Севастопольская страда);

Голова у слепого была поднята, и под тонкой кожей шеи двигались горловые позвонки, точно там именно и сидел темный и оттуда выталкивал круглые слова, от которых *пахло* лесной *дремой* (Лесная топь).

Внимания заслуживают также глаголы, реализующие сему «зрительное и слуховое восприятие» имплицитно, только в определенном контексте в одном лексико-семантическом варианте, к примеру:

По темным стойлам бродили *козлы*, *поблескивали* загадочными *глазами*, мекали, и вид у них был забывчиво занятой, туго-озабоченный, как у рачительных домовых (Печаль полей);

На стене напротив, странные при свечах, висели и *мигали портреты*. Из потускневших рам, нигде уже не отливавших золотом, *они* выявлялись просто, точно *глядели* в окна с того света (Печаль полей);

— Крыса, видишь ли, крыса, матушка барыня, в колодезь попала, вот для нее, - ответил Дема, *мигая глазами* (Печаль полей).

В творчестве С.Н. Сергеева-Ценского нашли применение метафоры и олицетворения.

Сергеев-Ценский — художник слова, в произведениях которого глаголы восприятия реализуются со всей полнотой как в прямых значениях, так и в переносных. Ценский наделяет образностью материальный мир, природу, различные объекты.

Огромные *деревья смотрели* на него, как приговоренные к смерти (Сад);

В отворенные окна *смотрели сумерки*, пьяные от аромата белых акаций (Убийство);

Напротив, это было вполне обычное, размашистых линий, степное лицо с белесыми ресницами, от которых *веяло добродушием и недалекостью*; из своих наблюдений над людьми Ливенцев выводил, что подобные белесые ресницы бывают только у недалеких людей (Зауряд-полк);

Около самого берега в воде сломанные камышинки отчеканились хитрым переплетом, точно кто-то сплел из них стеку и придавил воду, но *вода смотрела* сквозь ячейки сетки прищуренными глазами и мигала ими, молчаливо, но было понятно (Лесная топь);

Смерть глядела теперь на него через одну глазницу и как бы говорила: «Оттолкнуть меня хочешь, нет, не оттолкнешь! И мать, и отчим, и сестра, и жених ее будут жить, а ты умрешь!» (Счастье);

Черные *впадины глядели* на это лицо, и оскаленные зубы смеялись (Счастье);

Закопченная *печь* мрачно *глядела* на него черной открытой пастью, по законопаченным стенам на пакле висела копоть, прусаки молчаливо шныряли по столу, шевели усами (Счастье);

Чуть зеленоватая *луна* вверху *глядела* сквозь облака, точно чье-то голое тело сквозь дырявое одеяло (Печаль полей);

В реку *гляделся*, лениво шурясь, спокойный *лес*, и вместе с бабами смеялся берег, заросший белым лопушком, смеялся игриво, заразительно, как бойкий белобрысый мальчуган с торчащими во все стороны вихрами (Сад);

Это они (*недра земли* – С.Ч.) теснились сквозь трубочки трав *взглянуть* на солнце, на праздник жизни кругом, как древние старухи, выползающие к причастию в церковь из темных изб (Печаль полей);

Вода была там холодная и стерегущая: пряталась за яркой зеленью и выжидающе *выглядывала* из-за стволов темными глазами, чтобы броситься, втянуть и сосать (Лесная топь);

Вырос перед ними безликий *страх* и *заглянул* в душу белыми глазами, такими белыми, тусклыми, как у мертвеца (Сад);

Проползало что-то *лесное* мимо, *глядело* сквозь глаза в душу, и начинало холодеть под сердцем; думалось о теплом сеновале, ярком подсвечнике в церкви перед большой красной иконой, о широкой тяткиной бороде (Лесная топь);

Тайна всходила раньше зеленей на свежевспаханых полях, когда глубокий чернозем лоснился и дымился, богатый силой; тайна вплеталась в душную стену конопляников, опоясавших село; садилась на толстые деревянные кресты кладбища; *глядела* из узких черных колодцев (Лесная топь);

Когда желтое далекое *солнце*, хрустально хрупкое и звенящее, брызнуло игольчатыми лучами и *глянуло* вниз с посиневшего неба (Взмах крыльев).

В своих произведениях С.Н. Сергеев-Ценский не только олицетворяет природу, наделяя её метафизическими свойствами. Активно в прозе художника слова огромную семантическую нагрузку несет синтагматика, именно в контексте глаголы восприятия получают переносное значение, например,

С хор видны были только кивающие головы молящихся и крестящие правые руки, да прямо в глаза с яркого золоченого иконостаса кротко *глядели* красиво написанные *иконы* (Взмах крыльев);

«*Тесть*» его (Матийцева – С.Ч.) вырос рядом с ним, *глядел жестко и непреклонно*, причем правую руку держал почему-то в оттопыренном кармане пиджака, — серого, в клетку (Преображение человека);

Толстые рыжие масленки выпячивали желто-зеленые рыхлые животы; хорошенькие *сыроежки* в розовых платочках *выглядывали* из-под палых листьев; аспидные свинухи со впадиной на спинке сами просились в руки, но Генька с Федькой искали только груздей, которые были хитрее и глубже закапывались в лесной сор (Верховод);

Сплелись-расплелись, сошлись-разошлись, межа с межой, дорога с дорогой, и кто скажет, куда они ведут, кого и зачем? Легли по земле вот теперь, когда вечер, приготавливались отдыхать, натрудившись за день, дышат вокруг себя на версты и версты темным, тяжелым, безрадостным и густым, *глядят кротко* и, может быть, молятся всем простором: "Враг, сатана, откатись!" (Печаль полей);

В большие окна барского дома *глядела* зимняя *ночь* (Дифтерит);

Небо стояло страшно высоко и было чуть синим, и какое-то наивно яркое солнце, небольшое и ничем не прикрытое, хотело куда-нибудь спрятаться от следившей за ним луны и не могло: *луна* притаилась где-то над ним вверху и *глядела* (Печаль полей);

Напряженно вытянув шею, *вгляделся* Ознобишин в портрет матери. В черном чепце с кружевной наколкой и в черном платье, *страстотерпицей глядела мать* (Печаль полей);

Но почему-то, — я, конечно, судил по одному внешнему виду, — они не показались мне умными, нет... Они стояли браво, как в строю, но *глядели* сущими *дураками*... (Севастопольская страда);

Сквозь проломы в потолке и крыше любопытно *глядело* звездное *небо* и щедро вливался холодный влажный ранневесенний воздух (Севастопольская страда).

В прозаической речи главную роль играют частотные слова с их устойчивыми лексико-семантическими вариантами.

Анализ глагольных лексем позволяет сделать вывод о том, что в жанрах малой прозы, некоторые из которых сам автор называет поэмами, наиболее часто глаголы восприятия употребляются в неперцептивном значении при описании природных явлений и иных неодушевленных объектов, в то время как в больших прозаических произведениях, в романе-эпопее, глаголы восприятия реализуют нестандартную сочетаемость чаще всего по отношению к антропоморфным объектам.

Метафорические связи позволяют преодолевать дискретность лексико-семантической системы и связывать между собой порой весьма отдаленные участки семантического континуума.

Таким образом, система образных средств в произведениях С.Н. Сергеева-Ценского строится на слиянии различных тактильных, обонятельных и зрительных ощущений, на использовании сравнений и метафор, индивидуальных авторских распространителей, морфологически преимущественно выраженных наречиями и именами существительными в косвенных падежах.

Список литературы:

С.Н. Сергеев-Ценский. Сергеев-Ценский С. Н. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1967.

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В БУРЯТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Д.-Р. БАТОЖАБАЯ)

Дамдинова Елена Юрловна

Канд. филол. наук, н.с. отдела литературоведения и фольклористики

Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ИМБТ СО РАН), г. Улан-Удэ

Творчество Даши-Рабдана Батожабая – значимое явление бурятской литературы. Большой и самобытный писатель – поэт, прозаик, драматург оставил своим читателям многочисленные произведения, которые по-новому раскрывают его духовный облик, обогащая представления о нем как о крупном художнике слова. Народность и демократизм творчески претворены в художественной системе писателя, в его концепции жизни и человека, в сложной совокупности эстетической парадигмы и художественных компонентов творчества. Его писательская индивидуальность рельефно проявляется в исследовании народного характера во всем его полифонизме и многомерности, в сложной галерее лиц, глубоко типических и индивидуально своеобразных. Все характеры и явления, изображаемые в произведениях, обретают художественное воплощение через призму мировоззрения автора.

Художественное изображение образа буряты-степняка, кочевника мы встречаем в некоторых произведениях писателей 30-60-х гг., но Батожабай в своем эпическом повествовании более глубоко и шире показал жизнь кочевника, вовлеченного в водоворот исторических событий. Его художественные открытия связаны с новым этапом развития конфессионального сознания бурят, связанного с ведущими канонами буддизма. Выявление и осознание буддийского пласта художественного сознания позволяет понять не только культуру народа, но и его «манеру понимать вещи». Религиозные мотивы в бурятской литературе присутствовали всегда, но степень их выраженности и характер проявления в разные периоды были неодинаковыми. Особая заслуга Батожабая в том, что именно он в период тоталитарного, антирелигиозного режима активно ввел в поэтику своего романа «Похищенное счастье» (1950-1965 гг.) буддийские мотивы и символы.

По поводу названия романа исследователь Э.Г. Сангадиева пишет: «Дословный перевод романа «Төөригдээн хуби заяан» – «Заблудившаяся судьба». В названии весь философский смысл романа. По-буддийски судьба человека предначертана, предопределена, поэтому ее невозможно избежать, но можно корректировать жизненные этапы, в связи с этим, логичны попытки героя улучшить, а, точнее, исправить свою карму, желание оградить судьбу от блужданий и направить ее на верный путь. Путь Аламжи – это не только путь поиска счастья (отметим материальное понимание героем счастья), но, прежде всего, это путь поиска самого себя, собственной судьбы. Интересным, на наш взгляд, может быть и другое толкование названия – «Заблудившаяся доля души». В буддийской практике есть понятие «свободной души» или «тонкого тела», способной временно отделяться от тела живого человека во время сна, болезни, испуга. Ее окончательное разделение с телом приводит к смерти. В случае отделения души от тела ее можно вернуть посредством специальных обрядов. Потеря души естественно так или иначе связана с изменением земной жизни человека, то есть судьбы, и загробной. Таким образом, одна из ведущих тем романа –

судьба, осмысливается, прежде всего, в глубоко религиозном ключе» [1]. Итак, главный герой романа Аламжи в поисках своей судьбы, лучшей доли начинает свое путешествие полный страданием. «Страдание» является одним из ключевых канонов буддизма, как правило, обусловлены «четырьмя благородными истинами»: «истина страдания», «истина возникновения страдания», «истина прекращения страдания» и «истина пути, ведущего к прекращению страдания». Именно этой философской основой руководствуется Батожабай. Поэтому мотив страдания пронизывает всю сюжетную структуру романа и его героев: страдает простой народ, страдают главные герои Аламжи, Наван-Чингис, Жалма и др. Вся жизнь Аламжи прошла в страданиях и скитаниях, только потому, что он не мог понять первопричину страдания. В конце жизни ему наконец-то открылась истина этих страданий: ведь он и был счастлив – у него была красавица жена, два прекрасных сына, но он заблуждался в понимании истины, и чем дольше искал счастье, тем больше терял его. Об этом также рассуждает Э. Сангадиева: «сюжетная структура Д. Батожабая приводится в движение тем, что мотив наполняется определенным конфессиональным содержанием. Мотив дороги с постоянной точкой возврата героя в Агу образует своеобразный круг. Идея круга, соотносимая с образом Сансары – бесконечным кругом бытия, существующим во времени и в пространстве, подчиненным закону причинности и взаимообусловленности всех вещей и явлений – лежит в основе художественной концепции романа Д. Батожабая» [2].

В буддизме совершение греха не проходит безнаказанно, поэтому человек должен искупить вину. Именно этот религиозный мотив вводится в сюжетную линию Аламжи как основополагающий. В традиции бурят слово родителей священо, и главный герой романа сжигает свой палец перед алтарем за то, что ослушался отца и не женится по его воле: «Аламжи поставил бутылку с маслом в горячую золу, взял чашку из-под творога и стал замешивать в ней тесто. Аламжи обтянул тряпочкой средний палец правой руки, надел на него чашечку из теста, налил в нее масла и поднес к огню. Тесто и тряпочка, смоченные маслом, вспыхнули. Тотчас же Аламжи почувствовал в пальце – нет, во всей руке, во всем теле! – нестерпимую боль. Ему хотелось закричать, отдернуть от огня руку и погасить пылающее пламя на пальце. Но тут он вспомнил лицо сиротки Жалмы, живущей в телятнике Шаралдая, и сдержал себя» [3]. Ради любви Аламжи ослушался воли отца, тем самым совершил большой грех. И он как истинный буддист зажег живую свечу из своего пальца перед Бодисатвой. «Бодисатва – божество, карающее человека, который ослушался своих родителей. Во избежание кары ослушник должен возжечь перед изображением Бодисатвы светильник от собственного пальца. Иначе он попадет в ад» [4]. Все страдания Аламжи начинаются с того, что он нарушил завет предков, хотя и при-

нес во искупление греха свой собственный пылающий огнем палец, но как видим по сюжету, искупления не произошло. Причину этого, на наш взгляд, отчасти показывает в своих исследованиях С.И. Гармаева: «Встретившись в конце трилогии с сыном, который приобщается к революционной деятельности, ни сын, ни отец не захотели понять друг друга, пойти навстречу друг другу. Здесь разрушается автором самый главный святой общечеловеческий и кармический закон – закон родства душ близких и родных, отца и сына. Восстав однажды против отца своего, даже не однажды, а дважды: подняв руку на отца за его нежелание, чтобы он женился на такой же, как он, батрачке, а, во второй раз, в схватке на силу и ловкость – Аламжи не прощен теперь собственным сыном» [5]. Здесь религиозный мотив кармы становится первопричиной и основой сюжетной линии романа, строящегося на теме триады отец (Наван-Чингиз) – сын (Аламжи) – отец (Булад).

Далее закон кармы, на наш взгляд, прослеживается в мотиве сиротства. Все герои романа Батожабая одиноки

и многие сироты. Жалма – жена героя сирота, Аламжи в семнадцатилетнем возрасте становится сиротой, у Ван-Тумэра в раннем детстве маньчжуры убивают родителей, Осор не знает своих родителей. В рамках буддийского учения о причинно-следственной связи, сирота – это человек с отрицательной кармой. По его канонам человек должен прожить свою жизнь не совершая грехи, ибо за его греховные поступки, в конечном счете, страдают и расплачиваются дети и внуки. Буряты издревле уважали и почитали свой род, своих предков. Одиночество и сиротство были неприемлемыми для их образа жизни.

Таким образом, религиозные мотивы, присутствующие в романе Д.-Р. Батожабая выполняют присущие им различные семантические и поэтические функции. Автор на основе конфессионального мировоззрения бурятского народа сумел показать, что высокая нравственность, честность и чистота помыслов позволяют человеку прожить жизнь без лишений, религиозное и сакрализованное сознание должно стать концептуальной основой постижения мира.

ФРЕЙМОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СУБКУЛЬТУРА»

Дохова Залина Руслановна

канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

Выкова Лана Ахмедовна

магистрант 2-го года обучения направления 032700.68 «Филология» (маг. программа «Русский язык») института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

В современном языкознании широко распространена когнитивная лингвистика, представляющая собой новую парадигму научного знания, которая изучает языковую репрезентацию когнитивных структур. Как известно, одной из наиболее основных категорий когнитивистики является концепт, под которым понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [9, с. 24]. Безусловно, изучению данной когнитивной единицы посвящено много трудов известных учёных, каждый из которых пользуется различными подходами к исследованию средств вербализации концептов в языке. Однако наиболее результативным признаётся *лингвокогнитивный*

анализ, сущностью которого является описание семантики всех слов и выражений, представляющих тот или иной концепт в определённом языке, в последовательном рассмотрении всех уровней языковой системы, которые репрезентируют анализируемый концепт (семантическое, лексико-фразеологическое, лексико-грамматическое, синтаксическое поле), и в создании его когнитивной модели.

Пользуясь некоторыми методами и приёмами исследования содержания и структуры концепта, предложенными Поповой З.Д. и Стерниным И.А. [8, с. 96-159], попробуем рассмотреть фреймовую организацию концепта «субкультура», что и является *целью* настоящей статьи.

Первым шагом в лингвокогнитивном анализе описываемого концепта может послужить **словарное толкование** ключевого слова, вербализующего данную категорию в языке, по как можно большему числу словарей. Из толкований делается выборка всех возможных характеристик концепта [3, с. 10-11].

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК
	Система ценностей, моделей поведения, жизненный стиль какой-либо социальной группы, представляющий собой самостоятельное целостное образование в рамках доминирующей культуры. Субкультура имеет свои ценности, обычаи и стереотипы, обычно идущие вразрез с ценностными установками общепризнанной культуры (конфессиональная, профессиональная, молодежная субкультуры).	[10]
	Система норм и ценностей, отличающих группу от большинства общества. Субкультура (подкультура) - понятие, характеризующее культуру группы или класса, которая отличается от господствующей культуры или же является враждебной этой культуре	[1]

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО	ОПРЕДЕЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК
СУБКУЛЬТУРА	(контркультура). Современное общество, базирующееся на разделении труда и социальной стратификации, представляет собой систему многообразных групп и субкультур, находящихся в весьма различном отношении друг к другу (например, молодежная субкультура, различные профессиональные субкультуры и др.).	
	Особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами.	[2, с. 236]
	Культура отдельных сословий, классов, социальных групп, возрастных, профессиональных объединений, обладающих определенной автономностью существования, своим языком (сленгом, жаргоном), единством ценностных установок, мышления, образа жизни. 1) совокупность норм, ценностей, идеалов, символов какой-либо социальной группы, существующей относительно независимо от культуры общества в целом (например, городская и сельская, молодежная субкультуры, цыгане и др.). 2) устойчивая, организованная форма культуры со своими специфическими традициями, ценностями, устоями, которая существует наряду с традиционной обычной культурой.	[5]
	Часть, разновидность культуры вообще или культурной, профессиональной общности и т.п. людей. <i>Субкультура интеллигенции. Молодёжная субкультура.</i>	[6]
	Культура группы в пределах более крупного культурного образования, которая часто находится в осознанном противостоянии к последнему; она формирует собственные культурные элементы, которые большинством считаются менее ценными, ущербными (напр., ХИППИ, панки (ПАНК) и др.).	[4]

Изучив все вышеизложенные дефиниции, можно определить концепт «субкультура» как знаковую и нормативную систему ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей конкретной социальной группы, которая отличается от господствующей в обществе культуры, хотя и связана с ней, то есть характеризуется способностью к относительному самовоспроизводству и автономии в рамках более широкой системы культуры.

Вторым критерием описания концепта «субкультура» является **подбор к нему синонимов**, в том числе и **контекстуальных**, который «даёт возможность выявить дополнительные признаки данного концепта через сопоставление лексем, принадлежащих к синонимическому ряду» [7, с. 84]. В качестве синонимов анализируемого ключевого слова, вербализующего исследуемый концепт в языке, можно рассмотреть следующие: *неформальная культура, противостоящая культура, андеграудная культура, подпольная культура, подземная культура, инфернальная культура, молодежная культура, контркультура, культура неприятия, культура протеста, низовая культура, некультура.*

Третий этап моделирования структуры анализируемого концепта - **построение поля ключевой лексики** (лексико-семантического поля) посредством подбора **антонимов** концепта «субкультура» (*формальная культура, общечеловеческая культура, общепризнанная культура, общепринятая культура, национальная культура, сакральная культура, материнская культура, господствующая культура, массовая культура, традиционные культурные ценности, целостный образ жизни*), определения его **гиперонима** (*конфессиональные, профессиональные, молодежные (романтико-эскапистские субкультуры, гедонистическо-развлекательные, криминальные, анархонигилистические, неформальные объединения молодежи, этнические и этнокультурные объединения и виртуальные) субкультуры, просоциальные / социально-положительные, асоциальные, антисоциальные (социально-отрицательные), девиантные, делинквентные / преступные*

субкультуры), установления **гипонимо-гиперонимических отношений** (*культура - духовная и материальная культура – субкультура; система – подсистема*).

И, наконец, одним из весьма важных, на наш взгляд, показателей лингвокогнитивного анализа является **определение семантических составляющих** исследуемого концепта, структура которого представлена в виде 4 компонентов:

1 компонент - **ЦЕЛЬ**: решение проблем членов субкультуры, видящих в принадлежности к ней некоторую компенсацию своей «неудачи» в большом обществе; проведение досуга, передача и распространение определённой информации.

2 компонент - **ОСНОВАНИЕ**: деперсонализация установок; позиция отчуждения; нетрадиционные формы сознания и поведения; оппозиция господствующей культуре; социальная стратификация, культурная дифференциация; потребность в самоактуализации и самоутверждении; стереотипы поведения; своеобразные стили в одежде и музыке, отличающие их от прочих членов общества; субкультурные атрибуты, ритуалы.

3 компонент - **ОСОБЕННОСТИ**: феномен субъективной «размытости», неопределенности, отчуждения от основных нормативных ценностей (ценностей большинства); частичное заимствование кодов традиционной культуры; трансформация и перекодировка символов общечеловеческой культуры; неспособность к автономному самовоспроизводству; антиномия всему общепризнанному; своеобразие норм и ценностей; специфика мировоззрения и идеологического мировосприятия, разрозненность обычаев, ритуалов, норм, моделей и стереотипов поведения; символичность природы потребления и образа жизни; наличие отчуждения; отсутствие нормативных рамок.

4 компонент - **ПОДВИДЫ**: романтико-эскапистские субкультуры (хиппи, индеанисты, толкинисты, с определёнными оговорками — байкеры), гедонистическо-развлекательные (мажоры, рэйверы, рэпперы и т.п.), криминальные («гопники», «люберы» «группировочники»,

«мотальщики»), анархо-нигилистические (панки, экстремистские политизированные субкультуры «левого» и «правого» толков), неформальные объединения молодежи (велобайкеры, ролевики; практики флэшмоба, пранкеры, стрейтэйджеры, готы, эмо), этнические и этнокультурные объединения (субкультура таджикской диаспоры, субкультура любителей арабского танца), виртуальные (субкультура падонков) субкультуры, просоциальные (защитники природы-экологи, диггеры), асоциальные (панки, хиппи, рокеры), антисоц (скинхеды-наци), девиантные, делинквентные/преступные субкультуры.

Опираясь на рассмотренный материал, попробуем представить фреймовую организацию концепта «субкультура», являющегося прерогативой личности, формирование, развитие и становление которой происходит в определенном обществе и в рамках установленной культуры: **ОБЩЕСТВО ↔ ЛИЧНОСТЬ ↔ КУЛЬТУРА ↔ СУБКУЛЬТУРА**. Как показывает проведенный нами когнитивный анализ, концепт «субкультура» включает в себя совокупность реализации четырех аспектов её рассмотрения: *коммуникативной сферы*, в которой важны коммуникативная стратификация, культурная дифференциация, принадлежность к различным стратам, каналы коммуникации, знаки и символы общения; *социологического явления*, где приоритетными являются социальная стратификация, факторы формирования, системный кризис, гуманитарная социализация, юношеский возраст, особенности поколения, генерационное отчуждение; *психологической категории* с присущими ей психологическими особенностями, асоциальным опытом, мотивами асоциальной деятельности, местом формирования групп, открытостью групп, биологией и психологией возраста, социальной идентичностью и соответствующими потребностями личности; *культурологической сферы*, в которой значимы определённые ценности, обычаи, традиции, норма, эпоха.

Таким образом, под концептом «субкультура», представляющим собой комплекс коммуникативных, социальных, психологических и культурологических элементов, понимается культура определенного поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов.

Список литературы:

1. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. — Минск: Книжный Дом, 1999 // http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/
2. Гуревич П.С. Субкультура // Культурология. XX век: Энциклопедия. - СПб., 1998. Т. 2.
3. Ипполитов О.О. Некоторые особенности формирования индивидуальной концептосферы (на примере концепта «дорога») // Речевое воздействие. – Вып.6. – Воронеж, 2000. - С. 10-11
4. Комлев Н.Г. Субкультура // Словарь иностранных слов. – М., 2006.
5. Кононенко Б.И. Субкультура // Большой толковый словарь по культурологии. – М., 2003.
6. Кузнецов С.А. Субкультура // Большой толковый словарь русского языка. - 1-е изд-е: СПб.: Норинт, 1998.
7. Лукашкова О.Ю. Концепт «дружба» в русском языке // Культура общения и её формирование. – Вып. 8. – Воронеж, 2001. – С. 84.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 191 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
10. Энциклопедический справочник // <http://subculturalism.ru/slovar-terminov/101-subkultura-opredelenie>

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Дроздова Диана Руслановна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Манипулятивная составляющая любого средства массовой информации доказана и активно изучается в настоящее время. Поскольку реклама является одним из видов СМИ, манипулятивные тактики применяются с целью эффективного воздействия на реципиента, а именно покупателя. Следует обратить внимание, что все манипулятивные мероприятия направлены на формирование желания потребителя приобрести определенный товар. Рекламный текст может содержать манипуляцию на разных уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом и стилистическом, выраженную различными языковыми средствами. Синтаксические средства языкового манипулирования в рекламном тексте представляют особый интерес, поскольку манипуляция закладывается в синтаксической подаче текста рекламной кампании и оказывает воздействие преимущественно на когнитивный компонент психики покупателя за счет пере-

акцентуации и проведения параллелей между рекламируемым товаром и чем-то, что отлично передает его ключевое качество.

Синтаксическая организация рекламного текста очень важна, она играет значимую роль в формировании у потребителя побуждения к приобретению рекламируемого товара. Поскольку реклама должна быть броской и запоминающейся, рекламисты не употребляют длинных сложных предложений (но они возможны в развернутых рекламных текстах и специальных рекламных проектах, в которых детально описываются свойства товара). В основном используются простые распространенные предложения с однородными членами. Мы рассмотрим примеры использования побудительных, вопросительных, отрицательных и параллельных конструкций, а также парцелляции.

Побудительные конструкции являются наиболее употребительными в текстах рекламных кампаний. Побу-

дительное предложение выражает волеизъявление говорящего по отношению к происходящему. Мы выявили частоту их использования, и из 60 рекламных текстов, рассмотренных в рамках выявления синтаксических средств языкового манипулирования, в большинстве случаев, а именно в 22 рекламных текстах (37%) присутствовали побудительные конструкции.

Рекламисты используют побудительные предложения, чтобы таким образом обратиться к покупателю и стимулировать его к приобретению продукта. Кроме того, применяется манипулятивная тактика «надевания маски», это коммуникативная ситуация, когда автор рекламного текста занимает определенную позицию, и ее рассматривают как маску. Наиболее частотны образы улыбчивых советников, предлагающих попробовать рекламируемый товар, но также возможно применение «масок» информатора, комментатора, собеседника и наставника [3, с. 276-288]. Рассмотрим некоторые из них.

Восхищайте, покоряйте сердца, сражайте напо-вал своим великолепием пляжи, курорты, целые страны! Nivea [10, с. 107].

Данный рекламный текст не содержит прямого призыва покупать рекламируемое косметическое средство. Рекламисты иллюстрируют, чего можно добиться при использовании этого продукта. Таким образом, покупателю предлагается стать частью картины, представленной в рекламном тексте.

Поддайтесь искушению – выберите свое средство для тела. *Составьте* программу ухода за кожей по своему желанию. Ближе к женщинам, Clarins [10, с. 28].

Настоящий рекламный текст является симбиозом лексических и синтаксических средств языкового манипулирования. Рекламисты сочетают концепцию «наслаждение» с побудительными предложениями. Благодаря этому достигается эффект демонстрации благ, которые предлагаются потребителю при покупке и использовании рекламируемого средства.

Start every day with radiant, fresh skin by Nivea Q10 [12, с. 176].

Начинай каждый день со светящейся, свежей кожи с Nivea Q10.

Представленный рекламный текст содержит конкретный призыв на приобретение косметического средства для получения желаемого эффекта, также отраженного в тексте рекламы. Из этого рекламного текста можно выделить ключевые слова, на которых построена реклама – «start every day with Nivea Q10» (Начинай каждый день с Nivea Q10), что подразумевает покупку данного товара.

Вопросительные конструкции тоже часто используются в рекламных текстах, где играют основополагающую роль. Во-первых, они сразу обозначают проблему, о которой будет идти речь, а во-вторых, они помогают задействовать реципиента в «обсуждаемой» проблеме и побуждают его задуматься над заданным вопросом, в-третьих, за вопросом следует ответ, в котором и содержится упоминание рекламируемого товара.

Вы видите идеальную работу? Значит, вам надо идти туда, где ее делают. Beauty Plaza [8, с. 120].

В тексте данной рекламной кампании центра пластической хирургии содержится вопрос, в котором заложена идея «идеальной работы» врачей. Интересно, что задавая вопрос, содержащий упоминание об «идеале», понятия расплывчатом и субъективном, рекламисты дают конкретный ответ, который является универсальным

средством для достижения любого идеала с помощью услуг клиники эстетической хирургии.

New wrinkles? No thank you! Clarins Multi-active Day and Night [11, с. 14].

Новые морщинки? Нет, спасибо! Clarins Multi-active Day and Night.

Данный рекламный текст четко обозначает проблему, с которой нужно бороться и дает ответ, как. Здесь используется эллипсис, опускается «do you have» («у вас появляются» новые морщинки), что делает текст более эмоциональным и приближенным к повседневной речи, а также в центр внимания попадает проблема, с которой, как обещано, справляется рекламируемый продукт.

Отрицательные конструкции активно используются в рекламных текстах, хотя многие ученые, например Катернюк А. В. и Мокшанцев Р. И. считают использованием отрицательных частиц «не» и «нет» нежелательным и предлагают использовать не отрицательные моменты, от которых можно избавиться с помощью определенного средства, а положительный результат который будет при этом получен. Отметим, что концепция отрицания позволяет сделать воздействие менее заметным за счет выдвижения проблемы и ее отрицания на фоне рекламы товара. Проанализируем некоторые примеры.

There's more to life than hair but it's a good place to start. Aussie [12, с. 43].

Красивые волосы – это *не все, что тебе нужно для счастья*, но с них можно начать. Aussie.

Настоящий рекламный текст иллюстрирует то, что какая-либо часть человеческого образа не является гарантом счастья, но почему бы не начать преображение с ее улучшения. Косметическое средство выступает фоном на котором выстраивается проблема, а именно красота волос и ее отрицание: «это не все, что нужно для счастья». Тем не менее, рекламисты делают акцент на том, что привлекательный внешний вид является основой для привлечения благополучия и успеха. Таким образом авторы продвигают товар, не перенасыщая текст призывами его купить, а давая выбор покупателю.

No Martini, no party [9, с. 113].

Нет Мартини – *нет* вечеринки.

Данный рекламный текст представляет собой констатацию факта: без продукта нет веселья и хорошего настроения. В этом случае покупатель движется от противного: чтобы провести хорошо время, нужно приобрести этот продукт. Авторы используют слово «вечеринка», которое входит в семантическую группу «веселье», но является более конкретным, при этом реципиент может сам домыслить предпочитаемые характеристики веселого времяпрепровождения.

Рекламные текст часто строятся с применением параллелизма. **Параллелизм** – «одинаковое синтаксическое построение (одинаковое расположение сходных членов предложения) соседних предложений или отрезков речи» [4, 196]. Следует заметить, что параллельные конструкции привлекают внимание покупателя к схожести рекламируемого продукта и качества или ситуации, упомянутой в рекламе. За счет сходного синтаксического строя предложений информация эффективно запоминается.

Удовольствие от жизни. Цвет от Орифлейм [6, с. 115].

Синтаксическую структуру рекламного текста параллельных конструкций можно выразить формулой:

Сущ. + предл. «От» + Сущ. Оба эти предложения отождествляются друг с другом. Они составляют единую идею: удовольствие неразделимо с Орифлейм (производитель косметики).

A mist so fine. A tan so deep. New sublime bronze dry mist dark tan. L'Oreal [12, с. 49].

Такое хорошее распыление. Такой глубокий загар. Новый великолепный распыляемый автозагар. L'Oreal.

Синтаксическую формулу параллельных конструкций этого рекламного текста можно обозначить как: Сущ. + нареч. «So» + Прил. Предложения с параллельными конструкциями содержат в себе информацию о характеристике продукта, который производит «хорошее распыление», и результат от его использования – «глубокий загар».

Парцелляция – это «такое членение предложений, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы» [4, с. 200]. Реализованное в письменной речи, и читаемое реципиентом с заданными паузами, это явление придает рекламному тексту ритм, драматичность и эмоционально насыщает его. Проанализируем примеры с парцелляцией.

Volkswagen Scirocco. *Вызывающий. Восхищение* [13, с. 55].

В данном рекламном тексте рекламисты используют омонимию прилагательного «вызывающий», что значит «1. Дерзкий, готовый вступить в борьбу; 2. Обращающий на себя внимание, яркий, бросающийся; и причастия настоящего времени от глагола «вызывать», который означает побуждать к чему-либо» (Толковый словарь Дмитрия Ушакова: Электронный ресурс). При этом у реципиента одновременно возникает больше образов, связанных с данным товаром: рекламируемый автомобиль дерзок, ярок, и вызывает восхищение.

Научим танцевать. Легко. GallaDance. Lifestyle Dance club [7, с. 73].

В настоящем рекламном тексте акцент ставится на наречие образа действия. Оно выделено с помощью специфического синтаксического строя. Таким образом рекламисты подчеркивают доступность программы в школе танцев, позволяющий без лишних усилий, «легко» научиться танцевать.

Таким образом, нами были рассмотрены основные способы воздействия в рекламном тексте посредством синтаксического оформления. Если с помощью вопроситель-

ных и отрицательных конструкций рекламный текст приобретает необходимый акцент на синтаксическом уровне, то восклицательные конструкции дополняют и упрочняют концепцию рекламного текста, воздействуют в подавляющем большинстве случаев на эмоциональный аспект психики реципиента, не неся в себе насыщенного воздействия. Рассмотренные случаи синтаксического воздействия в рекламе подтверждают важность правильного с точки зрения маркетинга синтаксической организации текста. Данные приемы могут встречаться в средствах массовой информации, например в заголовках, где им также будет отведена роль привлечения внимания.

Список литературы:

1. Катернюк, А. В. Рекламные технологии. Коммерческая реклама. Ростов на Д.: Феникс, 2001. – 132 с.
2. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы: Учеб. Пособие. М.: ИНФРА-М, Новосибирск: Сибирское соглашение, 2003. – 230 с.
3. Попова, Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте// Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2002 № 24. – С. 276-288
4. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
5. Толковый словарь Дмитрия Ушакова (Электронный ресурс). Режим доступа: [www.URL: http://ushakova-slovar.ru/description/manipuliatsiia/28737](http://ushakova-slovar.ru/description/manipuliatsiia/28737)
6. Elle girl Rus/ Глав. ред. О. Зарецкая – Март 2006 №33. – 148 с.
7. Tatler Rus/ Глав. ред. В. Давыдова – Сентябрь 2009 №9. – 204 с.
8. Tatler Rus/ Глав. ред. В. Давыдова – Октябрь 2009 №10. – 204 с.
9. Glamour Rus/ Глав. ред. А. Белякова – Декабрь 2009 №64. – 300 с.
10. Glamour Rus/ Глав. ред. А. Белякова – Май 2010 №69. – 268 с.
11. Cosmopolitan UK/ Editor L. Court – July 2013 №7/13. – 234 с.
12. Cosmopolitan UK/ Editor L. Court – July 2012 №7/12. – 226 с.
13. Cosmopolitan Россия/ Глав. ред. Е. Васильева – Июнь 2009 №171. – 338.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ПЕРЕВОДАХ ТРУДА Ч. ДАРВИНА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ»

Евтухова Екатерина Викторовна

Соискатель ученой степени кандидата наук

«Московский государственный областной университет» кафедра теории языка и англистики

Имена собственные – неотъемлемая часть языка, переводу которой сейчас уделяется всё больше и больше внимания. За последнее время особенно проявился интерес к функционированию ИС в художественных произведениях. Наиболее заметные теоретические труды по этой теме принадлежат Н.М. Любимову, К. И. Чуковскому, Л.С. Бархударову, Л.А. Автеньевой, В.С. Виноградову,

Д.И. Ермоловичу, А.А. Живолядову, А.А. Реформатскому, А.Д. Швейцеру и др. Многочисленные исследователи показывают, что неверная передача имени собственного может затруднить идентификацию носителя имени. [13]. Большая часть работ отечественных исследователей посвящена переводу антропонимов в художественной литературе. Научная, в том числе литература естественно-

научного цикла, незаслуженно обойдена вниманием исследователей.

Д.И. Ермолович разделяет антропонимы на единичные (имена людей, получивших широкую известность) и множественные (имена, которые в языковом сознании коллектива не связываются предпочтительно с каким-то одним человеком [14, с. 39]). Перевод единичных антропонимов не вызывает трудностей, так как в языке перевода уже есть регулярные соответствия, а перевод множественных антропонимов может потребовать от переводчика принятия нестандартных решений, особенно, при переводе научного текста, написанного задолго до времени перевода. Так, имена собственные, являющиеся единичными для узкого круга специалистов, могут показаться множественными человеку иного круга или живущего в ином временном отрезке. Несомненно, при повторных переводах за основу или для консультации берутся и первоначальные переводы, однако не всегда это может сослужить хорошую службу.

Рассматривая особенности передачи имён собственных при переводах «Происхождения видов» Ч. Дарвина, необходимо отметить, что они выполнялись не профессиональными переводчиками, а учёными, специалистами в различных областях, порой отличных от тех, которые Ч. Дарвин затронул в своём труде. В таблице ниже представлены наиболее показательные случаи перевода ИС различными авторами. И нужно сказать, что те фамилии, чьё произношение не вызывает сомнений в силу их распространённости или известности, совпадают в интерпретации разных авторов, сохраняя своё традиционное звучание (Livingstone, Collins, Marshall). Тем не менее, несмотря, а знакомство авторов переводов с миром есте-

ственных наук, большое количество фамилий учёных передаётся ими с использованием различных методов перевода или при использовании транскрибирования фонемы, не имеющие аналогов в русском языке, передаются разными аналогами: Professor Wyman, Mr. Blyth, Akber Khan). В некоторых случаях речь может идти о компромиссной форме перевода, что, однако, может повлечь за собой ошибки. Так в переводе К. А. Тимирязева ИС Akber Khan трактовано, как Акбарь-Шахъ. Согласно «Википедии» [3], существовало три человека с подобными именами. Современная трактовка имени одного из них Акбар-хан (1813-1845), сын афганского эмира военачальник. Имена двух других Акбар I Великий (1542-1605) реформатор и завоеватель империи Великих Моголов, и Акбар Шах II (1760-1837), провозглашённый англичанами марионеточный падишах Индии из династии Великих Моголов. Поскольку, у Дарвина идёт уточнение «...В Индии, около 1600-го года, Акбер Хан (Akber Khan) очень ценил голубей...» [9], то речь идёт именно об Акбаре I Великом, и трактовка имени должна выглядеть именно как Акбар Шах. Многие фамилии переданы с лёгким искажением, и вполне узнаваемы (Sir J. Selbright, Hon.C.Murray, Mr. Birch), однако и такое искажение изрядно затрудняет возможность восстановить написание таких фамилий на английском. От некоторых из таких неточностей и предостерегает Д. И. Ермолович: «Очень ответственно следует подходить к текстам на английском языке, в которых содержатся европейские ИС неанглийского происхождения. В этом случае... необходимо учитывать правила практической транскрипции с языка оригинала... существует опасность того, что такое ИС будет передано по правилам транскрипции с английского языка, а не с оригинального восточного» [14, с. 22-23].

Таблица 1.

Особенности передачи имён собственных в русскоязычных переводах «Происхождения видов» Ч. Дарвина.

Ч. Дарвин, 1859	Ч. Дарвин	С.А. Рачинский	М.М. Филиппов	К.А. Тимирязев	Н.И. Вавилов	Б.Л. Комаров	Ф.А. Дворян-кин	А.Л. Тахтаджян
Andrew Knight p. 7	Andrew Knight p. 7	Анд-рю Найт с 6	Эндрю Найт с.16	Андрю Найт с.12	Андрю Найт с 119	Эндрю Найт с. 36	Андрю Найт с. 89	Эндрю Найт (Andrew Knight)
	Kolreuter				Кельрей-тер с. 121	Кельрей-тер с. 38	Кельрей-тер с. 91	Кельрейтер (Kolreuter)
	Mr. Tait		Тэт с. 21	Тэт с.15	Тэт с 123	Тэт с. 41	М-р Тэт с. 91	м-р Тейт (Tait)
	Professor Wyman		Уаймэн с.21	Профес-сорь Ви-мань с.15	Профессор Виман	Профессор Ваймен с. 42	Проф. Виман с. 91	Уайман (Wyman)
Isidore Geoffroy St. Hillare p. 11	Isidore Geoffroy St. Hilaire	Изидор Жоффруа Сент-Илер с 9	Исидор Ж.С. Илер с. 20	Изидор Жоффруа Сент Илер с.15	Исидор Жоффруа Сент-Илер с. 123	Исидор Жоффруа Сент Илер с. 41	Исидор Жоффруа Сент-Илер с. 93	Исидор Жоффруа Сент-Илер
Mr. Blyth p. 18	Mr. Blyth	Блейт с 15	Блайт с.27	Мистер Блит с. 18	Мистер Блит с 126	Мистер Блис с. 49	М-р Блит с. 97	м-р Блит (Blyth)
Sir J. Selbright t p. 20	Sir J. Selbright	Дж. Сибрай т с 16	Дж. Сибрайт с.28	Сэр Д. Себрайт с.19	Сэр Д. Себрайт с. 129	Сэр Дж. Себрайт с. 51	Сэр Д. Себрайт с. 98	Сэр Дж. Сибрайт (J. Selbright)

Hon.C. Murray p.20	Hon. C. Murray	Морей с 17	Ч. Муррей с.28	К. Муррей с. 20	К. Муррей с 130	Ч. Мэррей с. 52	К. Муррей с. 98	Ч. Марри (Ch. Murray)
Mr. Birch p. 27	Mr. Birch	Бирчъ с 21	Бэрчъ с.35	Мистер Бирчъ с. 23	М-р Бирч с. 135	М-р Бирч с. 60	М-р Бирч с. 103	м-р Берч (Birch)
Akber Khan p. 287	Akber Khan	Акберъ Канъ с 21	Акберъ-ханъ с. 35	Акбаръ-Шахъ с. 23	Акбар-Хан с.135	Акбер-Хан с. 60	Акбар-Хан с. 103	Акбер Хан (Akber Khan)
Van Mons p. 29	Van Mons			Ванъ-Монсъ с. 24	Ван Монс с. 136	Ван Монс с. 61	Ван-Монс с. 103	Ван Монс (Van Mons)
Youatt p. 31	Youatt	Юуэттъ с 25	Юаттъ с.37	Юатъ с. 25	Юат с. 137	Юатт с. 64	Юат с. 104	Юатт (Youatt)
Livingstone p.34	Livingstone			Ливингстон с. 27	Ливингстон с. 139	Ливингстон с. 67	Ливингстон с. 106	Ливингстон (Livingstone)
Bakewell p. 35	Bakewell,	Бакуелль	Бэкуэлль с.40	Бакуель с. 27	Бакуэль с. 140	Бекуэлл с. 68	Бакуэль с. 107	Бейкуэлл (Bakewell)
Collins p. 35	Collins	Коллинс	Коллинзъ с.40	Коллинзъ с. 27	Коллинз с. 140	Коллинз с. 68	Коллинз с. 107	Коллинз (Collins)
Mr. Borrow p. 35	Mr. Borrow			Мистеръ Борроу с. 27	М-р Борроу с. 140	М-р Борроу с. 69	М-р Борроу с. 107	м-р Борроу (Borrow)
Lord Spencer p. 35	Lord Spencer			Лорд Спенсеръ с.27	Лорд Спенсер с. 140	Лорд Спенсер с. 69	Лорд Спенсер с. 107	Лорд Спенсер (Spencer)
Mr Buckley p. 36	Mr. Buckley			Мистер Беклей с. 28	М-р Беклей с. 141	М-р Бекли с. 69	М-р Беклей с. 107	м-р Бакли (Buckley)
Mr Butgess p. 36	Mr. Burgess			Мистер Бергесс с. 28	М-р Бергесс с. 141	М-р Бергесс с. 69	М-р Бергесс с. 107	м-р Бергесс (Burgess)
Marshal l p. 41	Marshall			Маршалъ с. 30	Маршалъ с 144	Маршалл с. 75	Маршалъ с. 110	Маршалл (Marshall)
	Mr. Wallace			Мистеръ Уоллесъ с. 31	М-р Уоллес с.146	М-р Уоллес с. 77	М-р Уоллес с. 111	м-р Уоллес

Нередко при переводе используют вставки в текст оригинального написания имён собственных, имеет место практика прямого переноса имени, то есть написания его латинскими буквами. Прямой перенос очень редко практиковался, в частности, в советский период, но иногда это допускалось в специальных научных текстах. С конца 80-х годов практика прямого переноса стала распространяться все шире и шире. К сожалению, при этом имена собственные приобретают новое звучание, сообразное правилам чтения языка перевода. Однако для избежания подобных ситуаций некоторые переводчики переводов намеренно указывают и ИС данное автором в оригинале и его трактовку на языке перевода [9]. Несомненно, для устранения ошибок и достижения единообразия в способе передачи антропонимов необходимо установить некоторые нормы, которыми мог бы руководствоваться переводчик. Такие работы ведутся, однако охватить всё многообразие антропонимов довольно сложно. Сложность решения этой проблемы в том, что не все звуки английского языка можно точно передать посредством русского алфавита и, следовательно, передача английских имен и фамилий, многих малоизвестных названий будет носить более или менее приближенный характер. Тем не менее, подобные «нормативы» или «таблицы соответствия» для

разных языков при желании можно найти на сайтах переводческих компаний (<http://www.rs-tran.ru/index.php?id=359>) и на сайтах, не напрямую связанных с переводами (<http://akmac.narod.ru/poisk/poisk1.htm>) и на страницах многочисленных форумов и в блогах (<http://www.efl.ru/forum/threads/1463/>, <http://tonail.com/blog/>) и в специализированной литературе [13, с 134]. В некоторых случаях соответствия даны даже с озвучиванием, для избежания неточностей (<http://www.pronunciationguide.info/thebiglist.html>). В мире хорошо известны ИСО (www.iso.ch) — стандарты по транслитерации языков всех континентов из одной графики в другую, которыми широко пользуются в алфавитных каталогах иностранной литературы. Однако в силу того, что научные тексты нередко переводятся не специалистами в области перевода, а самими учёными, часто наблюдается стихийное размывание стандартов.

В случае перевода работ Ч. Дарвина на русский язык при переносе имён собственных можно использовать и транслитерацию, так как языки пользуются различными графическими системами. Сегодня транслитерация в чистом виде в русской языковой практике не применяется, поскольку в английском языке многие буквы либо изменили свое звуковое значение, либо читаются нестандартно в определенных буквосочетаниях и словах. Тем не менее,

все современные переводчики труда Дарвина обращались к этой методике при интерпретации некоторых имён собственных (Mr. Birch, Mr. Horner и т. д.). В случае с трактовкой ИС Andrew Knight транслитерацией некоторые авторы передают имя учёного [5 с. 6; 6 с. 89; 7, с. 12].

Наиболее популярным методом интерпретации имён собственных является транскрипция. Однако даже при использовании этого метода у разных авторов встречается разная трактовка (Нон.С.Мугтау, Bakewell). Разница в трактовке не всегда объяснима погрешностью метода перевода, иногда это изменения в самом языке перевода (Youatt, Lord Spencer). Иногда трактовка не сказывается на звучании ИС, однако в написании появляется дефис (Akber Khan, Van Mons). Нередко в интерпретацию ИС вкрадываются ошибки не по вине переводчика, так в переводе Б.Л. Комарова Исидор Жоффруа Сент Илер на с. 41 идёт без дефиса, а на с. 78 уже через дефис.

Хотя имя собственное призвано идентифицировать предмет в любой ситуации и любом языковом коллективе, оно в подавляющем большинстве случаев обладает национально-языковой принадлежностью. При передаче на другой язык, возникает вопрос: в какой мере эти имена сохранили своеобразие того языка, из которого пришли. Имя собственное всегда реалия. В речи оно называет действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место, единственные в своем роде и неповторимые. В каждом таком имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта. Большинство имён собственных в «Происхождении видов переведены именно так (Dr. Prosper Lucas, Mr. Horner, Bakewell)

При переводе литературы естественно-научного цикла всевозможные связанные с трактовкой ИС сложности и ошибки и, скорее всего, будут возникать в силу разнообразных как субъективных, так и объективных причин. Несомненно, введение строгих норм и расширение специализированных словарей, изрядно облегчило бы задачу переводчика при передаче имён собственных, в частности антропонимов. Кроме того, нужно отметить, что имена собственные, встречаемые в научной литературе, являются реалиями, и их трактовка требует пристального внимания и отсутствия вариативности перевода, поскольку ошибки в переводе ИС, могут повлечь за собой ошибки при составлении биографий тех или иных людей, присвоение авторства другим людям и так далее.

Список литературы.

1. Беляева Л. И. Теория и практика перевода: учебное пособие. СПб, 2007. 212 с.
2. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп.-М.: Изд-во УРАО, 2000. – 208с.
3. Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 02.07.2014).
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
5. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей. Пер. Рачинского, Москва, 1865, 399 с.
6. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей. Пер. К.А. Тимирязева, под. общ. ред. проф. Ф.А. Дворянкина., М. Сельхозгиз, 1952. 464 с.
7. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей. Пер. К.А. Тимирязева, Спб. О.Н. Попова, 1896. 327 с.
8. Дарвин Ч. О происхождении видов в царствах животном и растительном путём естественного подбора родичей. Пер. К.А. Тимирязева, под. общ. ред. акад. Н. И. Вавилова, М.-Л. Сельхозгиз, 1935. 630 с.
9. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. Перевод с шестого издания (Лондон, 1872). Отв. редактор ак. А. Л. Тахтаджян. Санкт-Петербург «НАУКА», С.-Петербургское отделение, 1991. [Электронный ресурс]. URL: <http://charles-darwin.narod.ru/origin-content.html> (дата обращения: 24.06.2014).
10. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного подбора или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь. Полный перевод с последнего (6-го) англ. изд.. М. Филиппова, в трёх выпусках. Спб. «Научное обозрение, 1895.
11. Дарвин Ч. Происхождение видов. в изложении А. Трачевской, Санкт-Петербург, 1897. 337 с.
12. Дарвин Ч. Происхождение видов. Москва-Ленинград. Пер. с 6 англ. Изд. К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, А.П. Павлова и И. А. Петровского. Предисл. акад. В. Л. Комарова. М.- Л., Наркомздрав СССР – Биомедгиз. 1937. 762 с.
13. Дерябина Марина Юрьевна. Особенности передачи английских имен собственных на русский язык : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 Владикавказ, 2005 167 с [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/osobennosti-peredachi-anglijskih-imen-sobstvennyh-na-russkij-jazyk.html> (дата обращения: 24.06.2014).
14. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.:Р.Валент, 2001. – 200 с.
15. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. – М.: Высшая школа, 1973. – 136с.
16. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода – М.: Московский лицей, 1996. – 208с.
17. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. История и теория с древнейших времён и до наших дней [Электронный ресурс] URL: <http://fictionbook.ru> (дата обращения: 25.05.2014).
18. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, - 1974. – 216с.
19. Суханова А. С. Передача имен собственных с точки зрения теории перевода [Текст] / А. С. Суханова // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). — Пермь: Меркурий, 2012. — С. 105-107.
20. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода: Для институтов и факультетов иностр. Языков. Учеб. Пособие.- 5-е изд. – Спб.: Филологический факультет СПбГУ; М., ООО «Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
21. Ch. Darwin On the Origin of Species by Means of Natural Selection Or the Preservation of Favourite Races in the Struggle for Life. London, 1859 [Электронный ресурс] URL: <http://darwin-online.org.uk/content/frameset?itemID=F373&viewtype=text&pageseq=1> (дата обращения: 25.05.2014).
22. Ch. Darwin On the Origin of Species by Means of Natural Selection Or the Preservation of Favourite Races in the Struggle for Life. London, 1872 [Электронный ресурс] URL: <http://www.literature.org/authors/darwin-charles/the-origin-of-species-6th-edition/>

ДЕЛОВАЯ ИГРА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Федоткина Елена Викторовна

Канд. фил. наук, доцент; зав. каф. «Лингводидактика», МГУПС(МИИТ), г.Москва

Обучение иностранным языкам в высших учебных заведениях – это сложный, но чрезвычайно интересный процесс. Студенты хотят не просто овладеть определенными навыками и умениями, но участвовать в учебном процессе, быть не просто учениками, но и партнерами одноклассников, а также самого преподавателя. Здесь на первый план выступает желание студентов овладеть иностранным языком в той степени, чтобы быть успешным специалистом в дальнейшей профессиональной деятельности.

В соответствии с Примерной программой по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров [1, с.5] обучение основывается на компетентностном подходе, суть которого помимо всего прочего сводится к формированию компетенций, релевантных для общения в условиях реальной коммуникации, а также к соучастию преподавателей и студентов в планировании и оценке достигнутых результатов.

В этой связи особую роль играет деловая игра как важнейший элемент формирования коммуникативной компетенции студентов. Для формирования умения общаться на иностранном языке в реальной жизни необходимо создать такие ситуации, которые будут стимулировать изучение учебного материала, и вырабатывать адекватную реакцию в поведении обучающихся. Мы уже рассматривали определение деловой игры, цели и задачи ее использования в учебном процессе при обучении иностранным языкам в вузе [2].

Представляется целесообразным выделить пять фаз деловой игры:

1. Подготовительная деятельность преподавателя.

Преподаватель иностранного языка должен иметь представление о специальности студента и ее особенностях, владеть профессиональной лексикой, быть компетентным в области психологии и этики делового общения.

Игра, по мнению многих авторов, начинается с постановки проблемы [3,4,5]. Деловая игра, на наш взгляд, должна начинаться преподавателем с моделирования конфликта. Конфликт возбуждает интерес к процессу, заставляет думать и высказываться. При этом тема и масштаб проблемы не имеют значения. Ситуация с увольнением сотрудника или спор за сферы влияния двух корпораций имеют примерно одно и то же количество решений и сценариев развития. Преподаватель должен предложить ситуацию со спорными решениями (не уход по собственному желанию и не взаимовыгодное слияние двух благополучных корпораций). Неоднозначность провоцирует дальнейшую дискуссию. Отметим, что вся игра должна быть дискуссионной, даже если это беседа, обсуждение проекта и т.д. Это же правило должно касаться и письменной формы деловой игры; обмена деловой корреспонденцией. Конфликт должен быть реален, соответствовать специальности или профилю студента.

Преподаватель должен постараться вовлечь в игру всю (!) группу. Этот момент надо учесть при подготовке.

Более того, каждый должен хоть на несколько минут стать ключевой фигурой деловой беседы, переговоров и т.д. От него должно зависеть принятие решения или изменение течения беседы. Это важный педагогический момент. Работа в команде стимулирует ответственное отношение и к игре, и к занятиям иностранным языком в целом. Кроме того, человек, попавший в центр конфликта, всегда активнее втягивается в коммуникацию.

Ведущие роли следует распределить между самыми сильными студентами. В ходе игры очень важен ее высокий темп. Только «сильные» студенты смогут его обеспечить. Если игра движется медленно, с долгими паузами, то интерес к ней пропадет очень быстро.

Уже много лет притчей во языцах в педагогике является «индивидуальный подход» к обучаемому. Несмотря на то, что в деловой игре задействована вся группа, игра – это воплощение того самого «индивидуального подхода». Преподаватель дает роль студенту, наделяет его полномочиями, исходя исключительно из его личностных качеств и языковых способностей. Студент, в свою очередь, опираясь на них же, волен выбирать решения, развивать ситуацию, эскалировать или гасить конфликт в соответствии со своими задачами.

Цель преподавателя при использовании деловой игры – научить студента использовать в реальной ситуации усвоенный языковой материал с тем, чтобы грамотно вести диалог, показать свои профессиональные и человеческие компетенции. В таком случае, важно понять, что деловая игра должна проводиться после изучения определенной темы. Всей необходимой лексикой студент должен овладеть в процессе обучения до игры. Игра – это способ практического применения накопленных знаний, прекрасный способ закрепления учебного материала. При этом будет полезно подготовить ключевые / самые сложные для запоминания слова и выражения и перед началом игры вывести их на экран / доску. При этом важно, чтобы «переговоры», «прессконференция», «деловая беседа» и т.д. не были перегружены узкоспециальной лексикой. Ситуация должна быть «живой», не просто демонстрацией владения лексическим материалом к теме.

На этапе подготовки следует позаботиться о создании некоего антуража, придать, например, аудитории черты офиса, заготовить таблички с названиями должностей или фамилиями и т.д. Иногда бывают, полезны шуточные элементы (огромный галстук на шее «босса» или смешная фамилия «делового партнера»). Это снимает излишнюю серьезность, подчеркивает статус игры. Достоинство деловой игры состоит еще и в том, что обучаемые используют как профессиональную лексику, так и повседневную. Так, даже при обсуждении контракта на поставку оборудования наряду с умением обсудить условия и технические характеристики, студент должен иметь языковую возможность сгладить спорные моменты, убедить в правильности своих предложений, согласиться с собеседником или нет, произвести благоприятное впечатление.

ние. Для этого преподаватель должен уделить время различным клишированным формам ведения любого разговора, как-то:

- я могу / не могу согласиться с Вами в этом вопросе,
- Вы совершенно правы, однако...
- мою точку зрения подтверждают следующие доводы,
- это спорно / бесспорно,
- я убежден... и т.д.

Деловая игра может (а подчас и должна) состоять из нескольких раундов, продолжаться внутри одной большой темы или следовать от одной к другой. Это позволяет не только качественнее закрепить пройденный материал, но и побудить студентов задуматься о развитии ситуации, готовиться к следующему раунду, искать решения своей проблемы, подходить к этому профессионально и творчески. Для преподавателя это означает подготовку к каждому раунду, продумывание развития ситуации (конфликта), включения нового материала, смены ролей. Поддержание интереса к игре и ее КПД в конечном итоге зависит от правильного перераспределения ролей (опять же с учетом личностных особенностей студентов), от уровня языковой подготовки на занятиях, в общем, от совместных усилий преподавателя и студентов.

2. Инструктаж.

За этапом подготовки следует инструктаж, который преподаватель проводит для группы. Он озвучивает тему игры, предмет конфликта, предлагает для примера пару решений или вариантов развития, распределяет роли. В ходе игры роли могут (и должны) меняться. Так, шеф может уволить / понизить в должности сотрудника и пригласить на собеседование нового соискателя или вовсе уйти на пенсию. Вчерашний клерк может получить руководящую должность, стать сотрудником фирмы – конкурента и т.д. Перед игрой обязательно повторить ключевые слова и выражения, грамматические конструкции, вызывающие наибольшие трудности.

3. Подготовка студента. Преподаватель поручает студентам продумать и записать себе каверзные вопросы и небанальные ответы на очевидные вопросы собеседника. Студент должен собрать актуальную информацию по проблеме, используя печатные издания, интернет – ресурсы, справочную литературу, продумать свои действия (вопросы – ответы, решения, принципиальную позицию, средства убеждения или давления влияния на оппонентов и т.д.). Для себя он может подготовить карточки с опорными словами и выражениями, собственными идеями, вопросами и т.д. Это способствует поддержанию темпа и естественности разговора. Разумеется, это не может быть полный текст выступления.

Весь ход деловой игры будет зависеть от добросовестности подхода к этому этапу. Студент должен достаточно свободно оперировать профессиональными понятиями и владеть темой. Еще раз подчеркнем, что игру следует проводить вслед за изучением определенной темы.

4. Деловая игра.

Рассмотрим этапы собственно игры.

Так, для специальности «Туризм и сервис» можно воплотить в игре ситуацию «Конфликт в турагентстве». На предыдущих этапах распределены роли (разгневанный клиент, менеджер турагентства, второй сотрудник турагентства, представитель туроператора на курорте, директор

отеля), проработан лексический материал, собрана информация, продуманы варианты решения конфликта, на экран (доску) вынесены основные слова и выражения и т.д.

Разгневанный турист (яркая панاما не будет лишней) жалуется менеджеру турагентства по телефону на то, что его не встретили в аэропорту, предоставили другой отель (более низкой категории) и т.д. (ограничит этот список только фантазия студента – «туриста»). Менеджер агентства должен сгладить конфликт, гарантировать срочное решение проблемы и выплату компенсации согласно договору. При этом наш «менеджер» может иметь собственное видение решения проблемы. Примерный вариант развития событий выглядит следующим образом:

1). Заверив «клиента» в том, что ситуация разрешится в ближайшее время, «менеджер» кладет трубку и поручает другому «сотруднику» связаться с «представителем туроператора на месте».

2). «Сотрудник» излагает проблему «клиента» и требует объяснения. «Менеджер» при этом контролирует процесс, вставляет замечания. «Турист», вдруг нашедший еще один повод для недовольства, звонит еще раз и пишет жалобу.

3). «Местный представитель» обещает все уладить и звонит «директору отеля» соответствующего договору уровня.

4). «Директор отеля» заверяет собеседника в том, что свободные номера есть, и отель ждет имеющего претензии «гостя».

Конфликт исчерпан. Остается только сообщить «клиенту» радостную новость.

Существует масса других вариантов развития событий, которые могут быть предложены участниками игры. Так, например, может выясниться, что «клиент» приехал в отель с тем же названием, но в другой город, и теперь надо организовать трансфер в пункт назначения, т.е. связаться с партнером – «представителем транспортной компанией».

Может выясниться, что в новом отеле нет мест и не будет до конца «высокого» сезона. В таком случае, надо попробовать добиться согласия «клиента» остаться в отеле, разумеется, за разумную компенсацию. Задача преподавателя – стать своеобразным «дирижером» игры, не давать снизиться темпу, вводить новые роли, провоцировать дискуссию, выводить ситуацию из тупика и т.д. В ходе деловой игры должна быть использована специальная терминология, касающаяся условий договора на оказание туристских услуг, отдельного несоответствия услуги обязательным требованиям стандартов, официальное заявление туриста о недостатках и нарушениях правил предоставления гостиничных услуг. Наряду с этим, студенты должны уметь выразить свое согласие / несогласие, корректно вести телефонную беседу, выходить из конфликта, не нарушая правил этики делового общения, уметь убедить, выразить сочувствие, сожаление, готовность помочь и т.д. В общем, показать свое владение как профессиональной, так и повседневной лексикой.

5. Заключительная фаза игры – подведение итогов.

Обратите внимание на то, что во время активной игровой фазы перед преподавателем не ставится задача исправления ошибок, корректировки высказываний студентов. Несмотря на то, что целью игры является закрепление языковых навыков и применение их в практической ситуации, исправление и объяснение грамматических или стилистических ошибок должно происходить строго на

стадии подведения итогов. В течение игры преподаватель не явно фиксирует ошибки, ни в коем случае не исправляя их по ходу игры, не акцентируя на них внимание. Благодаря этому не сбивается темп и не разрушается иллюзия реального процесса переговоров (заключения договора, приема на работу, обсуждения деталей, рекламаций и т.д.).

На стадии подведения итогов проводится «работа над ошибками», намечаются пути продолжения игры, учитываются пожелания и рекомендации участников деловой игры.

Вся эта большая работа проводится по окончании игры, дабы сохранить ее одно из главных методических преимуществ: в игре ломается, так называемый, «языковой барьер». Благодаря тому, что нет необходимости следовать строгому сценарию, слегка стирается даже неравенство между сильными и слабыми студентами. В конце концов, каждый может в дискуссии выразить (высказать) то, что знает и может. В большей или меньшей степени достигается спонтанность речи. А ведь это – одна из главных задач обучения иностранному языку. Люди, имеющие опыт общения с американцами, европейцами, азиатами, отмечают их готовность говорить на чужом языке, не взирая на бедность словарного запаса, чудовищный акцент и огромное количество грамматических ошибок. Россияне (и не только студенты) часто стесняются общаться, обладая, куда большими языковыми возможностями. Деловая игра помогает преодолеть эту особенность менталитета (или неудачную расстановку приоритетов в учебном процессе).

Деловую игру следует рассматривать как искусственную модель реальной жизни. Играя, Вы научите (или научитесь) жить и работать!

Список литературы:

1. Перфилова Г.В. Примерная программа по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров (неязыковые вузы). - М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 32 с.
2. Федоткина Е.В., Бестаева Е.В. «Деловая игра в обучении иностранному языку, плюсы и ... плюсы». «Тенденции современной науки». Science and Education LTD. 2014.
3. Alfred Riedl
4. Interaktive Lehr-Lern-Methoden: Fallstudie, Rollenspiel, Planspiel, Zukunftswerkstatt und Szenario Erschienen in: Larissa Korneeva (Hrsg.): Aktuelle Fragen des Fremdsprachenunterrichts, der interkulturellen Kommunikation und der Fachrichtung Übersetzung an der Hochschule. Sammlung von Beiträgen zur internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz. Jekaterinburg: UrFU (Uraler Föderale Universität), S. 104–114 (ISBN 978-5-321-02223-8)
5. Dr. Dietmar Ochs
6. <http://www.lehrer-online.de/url/planspiel-im-unterricht>
7. Ulrich Baer, Remscheid / Köln. www.ulrichbaer.de
8. <http://www.ulrichbaer.de/files/Planspiele-in-der-Schule.pdf>

ЕВРАЗИЙСКИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ: КОММЕНТАРИЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Халина Наталья Васильевна

доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул

Эпистемические установки современности сегодняшнего дня признают в качестве самостоятельной аналитической процедуры, систематизирующей впечатления индивида в некие информационные секвенции, из которых формируются структуры знаний, процедуру комментария.

В европейской философии французского постмодернизма важнейшей функцией комментария признается обеспечение повторяемости смысла, воспроизведение наличного семантического пространства в исходных – заданных мировоззренческими основаниями классической культуры – границах. Необходимым инструментом реализации этой функции, с точки зрения Фуко [9], является нивелировка какой-либо случайности в разворачивании дискурсивных актов (т.е. создание условий для того, чтобы в процессуальности дискурса неукоснительно действовал закон больших чисел). В классической культуре, по мнению М. Фуко, комментарий ограничивал случайность дискурса такой игрой идентичностей, формой которой были повторение и тождественность. В таком случае фальсифицируется понятие новизны применительно к феномену смысла. Согласно правилам комментария, новое не в том, что сказано, а в событии его возвращения.

Комментарий – интерпретационная принудительная процедура, насильно пресекающая извне свободное семантическое самодвижение текста. Отличается от экспериментации, предполагающей проследивание всех спонтанных смыслопроявлений текста. В контексте культуры западного образца выступает социокультурным механизмом, посредством которого классическая традиция удерживает креативный потенциал дискурса, в тех пределах, которые очерчиваются границами метафизически ориентированного мышления. Комментарий позволяет высказать нечто иное, чем сам комментируемый текст, но лишь при условии, что будет сказано и в некотором роде осуществлен сам этот текст. Дискурс замыкается сам на себе, пресекая самую возможность семантической новизны: «Открытая множественность, непредвиденная случайность оказываются благодаря принципу комментария перенесенными с того, что с риском для себя могло бы быть сказанным, – на число, на форму, вид и обстоятельства повторения» [9, с.11]

В классической китайской культуре вариативность жанра комментария описывалась через термин термин *сюнь-гу* (訓故 «толкование-перевод») и сопряженный с ним термин *и-ли* (義理 «устройство значений»). Идеаль-

ный комментарий реализует лексикографический подход *сюнь-гу*, а в усложненных формах, наряду с принципами *сюнь-гу*, в разной степени используется интерпретационный подход *и-ли*.

Комментарий, по замечанию В.Б. Курносовой [5], представляет собой непрменный атрибут развитой письменной традиции, опирающейся на канон: комментарий возникает в качестве необходимого дополнения канона, следствия стремления удержать изначальность смысла вопреки меняющимся реалиям жизни, языка и контекста культуры.

Каноны истолковываются как естественное течение *вэнь* из истока Дао [2]. По мере удаления от истока каноны теряют понятность и только специальная категория людей – *сянь* (賢 достойные/одаренные/мудрые) может в комментирующих текстах *чжуань*(傳) разъяснить и передать смысл канонов последующим поколениям: «Совершенномудрые люди создают свои каноны (*цзин*), мудрые дают свои комментарии (*чжуань*)» [2, с. 33]. Совершенномудрые создают (*цзо* передают/продолжают (作), а мудрые *шу* 述). Пара *шэн* – *сянь* задает линию **традиции**, проявленной и закрепленной в паре типов канонических и комментирующих текстов – *цзин* и *чжуань*. Эта концепция сложилась в эпоху Борющихся царств (403-221 гг. до н.э.).

Комментарий как эпистемическая установка этноса связывает стихии мыслящего человека, традиции и Логоса, представленного в греческой философии в форме Λόγος ζῶν, или словесного произведения. В «Федре» Платон говорит о том, что сочинитель речей должен, прежде всего, изучить разные виды души: природу души надо рассматривать, отыскивая вид речи, соответствующий каждому природному складу, и таким образом строить и упорядочивать свою речь [7]. Смыслом чтения и толкования становится при этом прохождение разных ступеней бытия и финальный выход в «неизреченное», аналогом которого является «лестница прекрасного» в «Пире», где дошедший до вершины может слиться с «прекрасным самим по себе». В изначальном смысле, как полагает Т.В. Васильева [1], текст (или контекст) платоновского диалога толкуется как *плетение* мысли. В тексте диалога переплетаются и соединяются многочисленные нити, и каждая нить вносит в плетение свою окраску, свою фактуру, связывая все участки ткани в единое полотно.

К плетению мыслей следует, видимо, относиться как результату деятельности души, которая в диалоге Платона, рассматривая вещи, мысленно дает себе логос, состоящий из вопросов и ответов, утверждений и отрицаний. Особый вид плетение мыслей обретает в поэтической речи, которая является своеобразным комментарием к орнаменту жизни того или иного этноса. «Поэтическая речь, – по замечанию О.Э. Мандельштама, – есть ковровая ткань, имеющая множество текстильных основ, отличающихся друг от друга только в исполнительской окраске, только в партитуре постоянно изменяющегося приказа орудейной сигнализации. Она прочнейший ковер, сотканный из влаги, — ковер, в котором струи Ганга, взятые как текстильная тема, не смешиваются с пробами Нила или Евфрата, но пребывают разноцветны — в жгутах, фигурах, орнаментах, но только не в узорах, ибо узор есть тот же пересказ. Орнамент тем и хорош, что сохраняет следы своего происхождения, как разыгранный кусок природы. Животный, растительный, степной, скифский, египетский

— какой угодно, национальный или варварский, — он всегда говорящ, видящ, деятелен. Орнамент строфичен. Узор строчковат» [6, с.108-109].

Китайская философская мысль в основе национальной культуры полагает как раз понятие узора: стихия **культуры** представлена в сложном термине *вэнь* (文), первым значением которого является «узор». Через идею выраженной упорядоченности *вэнь* объединяет в себе «культурное» как организованный социум и «записанное» как организованную информацию – от отдельного иероглифа до всей суммы текстов (литературы).

Абсолютный предел как культуры, так и текстов лежит в *Дао* (道). Текстом-узором Дао является весь этот мир — образы Неба и формы Земли. Знание и значение узора (*вэнь*) открыто во всей полноте лишь совершенномудрым (*шэн* 聖), которые единственные в состоянии достойно явить *вэнь* в мире человека в форме канонов (*цзин* 經).

Предтечей комментария в китайской культуре признается *И цзин* (易經). *И цзин* состоит из 64 шестичастных знаков *гуа* 卦 и иероглифического текста. Иероглифический текст переводит язык абстрактных графических символов в конкретные образы мира и снабжает их оценками-интерпретациями, то есть по форме и по сути представляет разные формы комментария к *гуа* и к их отдельным чертам [4]. В *И цзине*, главном методологическом тексте китайской культуры, сама действительность предстает как знак, который необходимо узнать и возможно описать с разных сторон. Содержанием здесь является интерпретация, и именно из выработанных на материале *И цзина* техник интерпретации знаков выросло китайское традиционное мировоззрение.

При анализе китайского комментария необходимо всегда учитывать тот факт, что за развитие и распространение этого жанра отвечает не только определенный тип культуры, в которой в качестве идеологической основы выступает канон, но и более специфический фактор — иероглифическая письменность, служащая естественным выражением изолирующего слогового характера языка. Таким образом, существование и воспроизводство комментария поддерживались с двух концов: с одной стороны, сами канонические тексты, на которых зиждется культура, а с другой иероглифы, фонологическая и морфологическая непрозрачность которых подсказывает форму и принцип комментирования. В китайской культуре комментарий служил естественной формой научной мысли.

Комментарий как евразийская эпистемическая установка может быть рассмотрен в качестве особой формы научной мысли, позволяющей более адекватно представлять семантические трансформации синхронной наблюдателю реальности. В качестве жанра вовлечения мысли в действие комментарий «работает» на создание вероятностного описания, способного более адекватно фиксировать различие между «истинно случайным процессом» и «детерминистическим хаосом».

Внутренне случайный процесс, как утверждают И.Пригожин и И.Стенгерс [8], порождает временную эволюцию (эволюцию времени), которая характеризуется бесконечно большими размерностями. Последние смещают обусловленные, принятые границы дистрибуции вещи, явления, события, делая актуальным *Differance* (по-

нятие центрировано на французском корне *differe*, благодаря иному правописанию оказывается в состоянии конструировать сопряженную конфигурацию понятий, не обязательно производных от исходной схемы). *Difference* – это то, благодаря чему, согласно концепции Ж. Дерриды [3], движения означивания оказывается возможным лишь тогда, когда каждый элемент, именуемый «наличным», соотносится с чем-то иным, отличным от него самого. Элемент хранит в себе отголосок, в равной мере относящийся и к так называемому будущему, и так называемому прошлому, и образующий так называемое настоящее в силу самого отношения к тому, чем он сам не является. Мир *Differance* – это мир абсолютного исчезновения, пишущийся процедурами «истирания» Бытия и ликвидацией любых следов присутствия человека; это мир человеческого существования, противопоставленный миру *Presence*, миру Бытия как присутствия.

Особенностью ситуации *Differance* является то, что противоречия не разрешаются в имманентности понятия, которое снимает собственные противоречия, а посему диалектическая логика не является той логикой, которая может разрешить профанные (свойственные повседневной действительности) и сакральные «неразрешимости». Естественно актуальным становится вопрос о методе и методологии, в качестве схемы проектирования, которых в ситуации современности сегодняшнего дня – *Differance* – избирается интеллигибельная матрица «комментарий».

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА

Ивлева Алина Юрьевна

доцент, доктор философских наук, зав. кафедрой теории речи и перевода, МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск

Принято считать, что абсолютная тождественность перевода оригиналу недостижима. Дело не только в неизбежных потерях, связанных с трудностями передачи особенностей поэтической формы, культурных или исторических ассоциаций, специфических реалий и других тонкостей художественного изложения, но и в несовпадении языковых картин мира

Тем не менее, можно постулировать наличие в языках глубинных содержательных категорий и структур, общих для всех языков. Процесс перевода и начинается с сопоставления этих глубинных смыслов. В таком случае следует говорить не о тождестве, а о переводческой эквивалентности.

Эквивалентность обычно рассматривается как основной признак и условие существования перевода, из такого подхода вытекают несколько выводов. Во-первых, условие эквивалентности должно включаться в само определение перевода. Во-вторых, понятие «эквивалентность» приобретает оценочный характер и «хорошим», или «правильным», переводом признается только эквивалентный перевод. В-третьих, поскольку эквивалентность является условием перевода, задача заключается в том, чтобы определить это условие, указав, в чем заключается переводческая эквивалентность, что должно быть обязательно сохранено в процессе перевода.

Эквивалентность художественного перевода – это многомерное понятие, вбирающее в себя и когнитивную сущность, и стилистическое оформление. Драйден утвер-

Библиографический список

1. Васильева Т.В. Беседа о логосе в платоновском «Тететете» // Платон и его эпоха к 2400-летию со дня рождения. – М.: Мысль, 1979. – С. 278-301.
2. Вэньсинь дяолун ичжэн (Резной дракон сердца письмен с засвидетельствованными значениями). – Шанхай, 1989. – Т.1–3.
3. Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. *Differance*. — Томск: Издательство «Водолей», 1999.
4. Курносова В.Б. И цзин – Чжоу И. Принципы организации текста // И цзин – Чжоу И. Система перемен – Циклические перемены. – М.: Северный ковч, 1999. – С. 461–515.
5. Курносова В.Б. Текст и комментарий в китайской традиции как типы текста // Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция / Ин-т востоковедения; Сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. – М.: Вост. лит. 2002. – С. 214-222.
6. Мандельштам О.Э. Слово и культура. – М.: Советский писатель, 1987.
7. Платон. Федр. – М. Мысль, 1993.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М.: Прогресс, 1986.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М. Касталь, 1996.

ждал: " Не слова надо переводить, а силу и дух", пословица же гласит: "Перевод – это женщина, если она красива, она неверна, если верна – некрасива"[4, с.310].

Обратимся в этой связи к переводу одного из труднейших текстов Дж. Джойса "Поминки по Финнегану". Рассмотрим его начало, которое могло с таким же успехом быть и концом, структурно ничем не отличающееся от центра произведения: «... riverrum, past Eve and Adams, from swerve of shore to bend of bay, brings up a commodious vicus of recirculation back to Howth Castle and Environs...» [5, с. 867].

Первый смысл этой фразы, который мог бы получиться, если передать ее на официальный английский, таков «... то течение реки, минуя церковь Адама и Евы, от береговой излучины до изгиба залива несет нас самым легким путем кровообращения назад, к замку Хоут и его окрестностям...» Такое истолкование является всего лишь географическим указанием, локализацией событий на берегах реки Лиффи при ее впадении в море. Между тем, даже самые невинные подробности здесь двусмысленны: имена Адама и Евы относятся и к церкви, стоящей на берегу Лиффи, и к библейским прародителям, упомянутым здесь как вступление в цикл превратностей человеческой судьбы. Их падение и обещание искупления связывается с непосредственным, физическим падением Тима Финнегана и, возможно, может служить прообразом падения Ирвикера, на имя которого намекают начальные буквы слов *Howth Castle and Environs*, но это Н.С.Е., обозначает также *Here Comes Everybody* (сюда приходит всякий). Подобное истолкование вновь и вновь напоминает нам о том,

что эта книга – это человеческая и космическая комедия, история всего человечества. Наконец, имена Адам и Ева внушают также мысль о полярности, преобладающей на протяжении всего романа, благодаря диалектике различных пар персонажей: Шем и Шон, Матт и Джут, Батт и Тафф, Веллингтон и Наполеон – все они последовательные перевоплощения оппозиции «любовь–ненависть», «война–мир», «разлад – гармония», «интроверсия – экстраверсия». Уже каждая из этих аллюзий дает ключ к истолкованию всего контекста, и выбор одного критерия определяет собой дальнейшие акты выбора, подобно бинарному развитию диэретики платоновского «Софиста». Тем не менее, один выбор не исключает других: он дает возможность такого чтения, в котором постоянно слышатся отзвуки различных сопричастующих символов, которые необходимо передать при переводе.

В трех ключевых словах скрывается узел, сплетенный тремя возможными направлениями истолкования. Riverrum (бег реки) вводит в текучесть универсума романа текучесть временных и пространственных ситуаций, взаимное наложение разных исторических эпох, двусмысленность символов, взаимообмен функциями между персонажами, многоуровневое понимание характеров и ситуаций. Наконец, полная текучесть лингвистического аппарата, в котором каждое слово, сконструированное как каламбур, является не одним, а несколькими словами, а каждая вещь – своей противоположностью. Именно эта ситуация неопределенности составляет суть универсума Джойса, указывая одновременно и на кризис, и на победу над ним. Она выражает собой двусмысленность и утрату традиционных центров, и в то же время, – законность этого нового восприятия, которое Джойс обуславливает посредством метафизики Вико. Затем, слова *vicus* и *recirculation* непосредственно вводят в циклическое измерение и преобразуют текучесть этого универсума посредством философии вечных повторений, санкционируя тем самым постоянное взаимное наложение противоположностей и перетекание одной вещи в другую. «Викус», несущий читателя к «комодиус», удобнее, поскольку лучше знаком реципиенту, так как он пролегает внутри, а не снаружи кризиса; кризисом можно считать распад общества и культуры. Здесь улавливается также намек на императора Коммода, на империю эпохи упадка, по сути, это все тот же «фан де сьекль» П.Верлена. Таким образом, логично предположить, что «Поминки по Финнегану» управляются таким образом, что роман не говорит ничего нового, но развивается как непрерывная протеоформная цитата всей прошлой культуры, как гигантский каламбур.

Чтобы понять этот каламбур, необходимо ухватить все намеки. Важным является не то, что говорится, но сам факт того, что об этом говорится, и что в процессе данного говорения создается образ возможных связей между событиями универсума. Так, в первой фразе произведения содержится в свернутом виде, наряду с другими ключами, два противоположных толкования произведения: космо-мифическо-метафизическое и учено-александрийское, образ возрождения и образ распада, или, если быть точнее, возрождения посредством полного и безоговорочного принятия распада, изображенного в своих элементарных частицах и воспроизведенных в лингвистическом ключе. Таким образом, роман доказывает нам, что оба толкования не только возможны, но и сосуществуют вместе, следовательно, все настолько условно, что и оппонировавшие стороны в некотором ракурсе могут оказаться союзниками.

Лингвистический аппарат превращается в свидетельство определенного состояния культуры, отображая

картину мира эпохи, и в то же время, становится символом-образом возможных связей между событиями универсума, безграничной эпистемологической метафорой, словесным замещением тех связей, которыми оперативно пользуется наука во имя объяснения событий. Переводчик при этом выступает не только "взвешивателем слов"[3, с. 107], но и толкователем смыслов, принадлежащих иной культуре.

Итак, при оценке художественного перевода приходится оценивать не только лингвистическую точность перевода, но и степень сохранения культурного пространства текста оригинала. И переводчик, и читатель – люди своего времени. Можно и нужно, чтобы читатель почувствовал в переводе принадлежность текста к определенной эпохе, временная дистанция необходима. Мы полностью разделяем мысль И.А. Кашкина о том, что "при выборе языковых средств для перевода классических произведений читатель вправе требовать от переводчика, прежде всего, соблюдения исторической перспективы и дистанции, отказа от модернизированной лексики" [2, с.243]. Однако мы вправе требовать от переводчика и воссоздания всего культурного пространства текста. Чтобы добиться этого, необходимо, на наш взгляд, следовать аналитической традиции, направленной на анализ значений и смыслов языковых выражений. Аналитическая традиция при переводе таких текстов должна быть, на наш взгляд, непременно дополнена герменевтической традицией, направленной на толкование текстов, знаков культуры. Дополняя друг друга, аналитическая и герменевтическая традиции позволяют переводчику добиться эквивалентной передачи как лингвистических, так и экстралингвистических особенностей исходного текста, сохраняя его культурное пространство.

Культурное пространство художественного текста представляет собой художественную картину мира эпохи, трансформированную в уникальную картину восприятия мира конкретного Художника, визуализированную символами-образами [1]. Изучение культурного пространства художественного текста способно приблизить исследователя к решению сложнейших проблем смыслопорождения и трансформации значения в знаковых макрообразованиях: сам текст становится знаком, а составляющие его единицы являются элементами знака, таким образом, обозначаемое передается всей моделирующей структурой произведения. Эквивалентность перевода художественного произведения с одного языка на другой предполагает при таком подходе не только строго лингвистическую эквивалентность на всех языковых уровнях, но и "надлингвистическую" эквивалентность, сохраняющую художественное пространство текста.

Список литературы

1. Ивлева А.Ю. Культурное пространство художественного текста. - Саранск: Красный октябрь, 2008. – 204 с.
2. Кашкин И. А. Вопросы перевода/ Перевод – средство взаимного сближения народов. – М: Высшая школа, 1987.- С. 343-357.
3. Курелла А. Теория и практика перевода // Перевод - средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. - С.106 -131.
4. Перевод- средство взаимного сближения народов: художественная публицистика / Сост. С.К. Апта. – М.: Прогресс, 1987.
5. Joyce, J. Ulysses. Finnegans Wake / J.Joyce. London: Penguin Books, 1983.- 1181 p.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ СИНОНИМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Калашова Анна Самвеловна

к. филол. н., Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
Красикова Екатерина Николаевна

к. пед. н., Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Выступая перед публикой, политики традиционно преследуют определенные цели, среди которых наиболее распространенными являются воздействие на когнитивную сферу адресата для его убеждение в своей правоте, привлечение внимания аудитории к определенному факту или ситуации, получение поддержки социума. Иными словами, цель политического дискурса не информировать, а убедить адресата в своей правоте, заставить его действовать в соответствии с интересами политика. Как замечает В.З. Демьянков, «общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость “политически правильных” действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [2, с. 38].

Для достижения данных целей политики в своих выступлениях используют различные средства, методы и приемы. Одним из наиболее эффективных средств в достижении желаемого результата выступают языковые средства, среди которых особенно необходимо выделить прагматически детерминированное употребление синонимов. Политик выстраивает свою речь так, чтобы в ходе выступления выделить, подчеркнуть основную идею несколько раз, зачастую стараясь избегать тавтологий: повторяется основная мысль, при этом для ее выражения используются разнообразные языковые средства и в первую очередь различные типы синонимов.

Как известно, традиционно принято выделять лексические и контекстуальные синонимы [3, с. 125]. Лексические синонимы в свою очередь подразделяются на идеографические, стилистические и семантико-стилистические. В лингвистике существует несколько классификаций лексических синонимов. В.В. Виноградов предложил следующую классификацию [1, с. 47-68]: 1) синонимы идеографические – это стилистически нейтральные слова, отличающиеся друг от друга оттенками основного, общего для каждого из них значения. Например, слова *смелый* и *храбрый* объединены общим значением – не испытывающий страха, но *смелый* – не только «не знающий страха», но и «решительный в преодолении препятствий». Основное назначение идеографических синонимов в языке – служить средством точного выражения мысли в каждом частном случае речевого употребления; 2) синонимы стилистические – это слова, тождественные по своему значению и различные по стилистической окраске (*глаза* – *очи* – *глядялки* – *зенки* – *буркалы*; *город* – *град*). То или иное слово определяется как стилистический синоним при сопоставлении с соответствующим стилистически нейтральным словом, поэтому в каждой паре стилистических синонимов или в ряду непременно будет слово стилистически нейтральное. Стилистические синонимы крайне неоднородны. Среди них выделяются две большие

группы: а) устаревшие слова (архаизмы); б) слова, имеющие значительное распространение в современном языке, но функционирующие либо в пределах определенной территории (диалектизмы), либо в определенных стилях устной и письменной речи (в просторечии, в книжном стиле и др.); 3) синонимы семантико-стилистические – это слова и их эквиваленты, обозначающие одно и то же явление объективной действительности и различающиеся не только стилистической окраской, но и оттенками общего значения. Так, слова *идти* – *плестись* являются синонимами: они обозначают одно и то же действие, только слово *идти* стилистически нейтрально, слово *плестись* – разговорное и, помимо общего значения, содержит еще дополнительные оттенки: *плестись* – это идти с трудом, медленно, едва переставляя ноги.

Исследование особенностей употребления синонимов в испанском политическом дискурсе показало, что в нем присутствуют как лексические, так и контекстуальные синонимы, причем лексические преобладают, что, на наш взгляд, можно объяснить стремлением выступающего представить сообщаемую информацию в более легкой для восприятия форме. Также можно отметить, что употребление идеографических синонимов преобладает над использованием стилистических и семантико-стилистических, что связано, по-нашему мнению, с намерением автора точнее выразить мысль в каждом конкретном случае речевого употребления.

Рассмотрим употребление лексических идеографических синонимов в следующих примерах: 1) *Fruto de ese empeño y del eficaz trabajo llevado a cabo es la pujante realidad de nuestros **Ejércitos**, que se perfeccionan y proyectan con ilusión en un nuevo escenario estratégico internacional, en el que combinan sabiamente tradición y modernidad. Muchos, profundos y determinantes han sido los cambios operados en nuestras **Fuerzas Armadas** en los años transcurridos de mi reinado* [4]. *Результатом этих усилий и проведенной эффективной работы является мощное развитие нашей **армии**, которая проектируется и совершенствуется для создания новой международной стратегической обстановки, в которой благоразумно сочетаются традиции и новации. Глубокими и определяющими были изменения в наших **вооруженных силах** в годы моего правления.* В данном примере мы видим лексические синонимы *Ejércitos* и *Fuerzas Armadas*, которые выполняют функцию замещения, в целях избежание повторения. Используя эти синонимы, политик стремится лучше информировать адресата сообщения, вызвать его интерес к занимаемой автором позиции.

2) *Por eso, una vez más quiero agradecer vuestro sentido del deber en beneficio de la Institución, que a su vez es el beneficio de España, al haber antepuesto siempre con generosidad **lo colectivo y el bien común, a lo individual y personal*** [4]. *Поэтому еще раз благодарю вас за ваше чувство долга во благо политического устройства, когда во*

имя коллективного и **общего** блага вы жертвуете **индивидуальным** и **личным**, что, в свою очередь, выгодно для всей Испании. Две пары идеографических синонимов *lo colectivo* и *el bien común*, *lo individual* и *personal* выполняют в данном фрагменте функцию противопоставления. В данном отрывке синонимы используются в целях усиления функции социальной солидарности. Подчеркивание важности вклада каждого члена общества в развитие Испании, его отказа от личного в пользу общего блага используется для усиления аргументации с целью усилить воздействие на слушающего, привлечь внимание к своей позиции.

3) *La idea de España que defiende es la de un país seguro; un país donde los hombres y mujeres ejerzan su libertad protegidos por la seguridad pública; un espacio en el que los derechos de ciudadanos, de peatones y de conductores queden amparados frente a los irresponsables* [6]. Мое представление об Испании, которое я отстаиваю, заключается в безопасной стране; стране, где мужчины и женщины реализуют свое право на свободу под защитой общественной безопасности, где права граждан, пешеходов и водителей остаются защищенными. Лексические синонимы *protegidos* и *apradados*, являются идеографическими и выполняют функцию замещения. Автор использует данные синонимы для воздействия на поведение социума (регулятивная функция), внушая уверенность в своей политике через определение приоритетных направлений с целью привлечения населения в ряды своих сторонников.

Рассмотрим употребление **семантико-стилистических** синонимов в следующем примере: *Y con esta decisión, ETA se empeña en prolongar una actividad criminal que se extiende ya por más de cuatro décadas. A lo largo de los años, se han producido varias treguas en la actividad terrorista* [5]. И с этим решением ЭТА стремится к продолжению **преступной** деятельности, которая уже продолжается более четырех десятилетий. За эти годы было несколько перерывов в их террористической деятельности. Семантико-стилистические синонимы *criminal* и *terrorista* в данном фрагменте выполняют функцию замещения. Данные синонимы служат для информирования адресата, слушателя, подчеркивая негативное отношение к террористической организации с целью произвести впечатление на адресата сообщения и добиться его поддержки.

Изучим особенности употребления **стилистических** синонимов в следующих фрагментах: 1) *Quien se atreva a agredir a una mujer ha de saber que caerá todo el peso de la Ley sobre él y que hacia él se dirigirá el desprecio y la reprobación de toda la sociedad. Cualquiera cobarde que levante la mano a una mujer deberá saber que no tiene enfrente a un ser desprotegido* [6]. Тот, кто осмелится **напасть** на женщину должен знать, что он будет отвечать перед законом и что подобный поступок приведет к его осуждению общества. Любой трус, который поднимет **руку** на женщину, должен знать, что не имеет права нападать на незащищенное существо. Стилистические синонимы *agredir* и *levantar la mano* выполняют функцию замещения. Сообщая данную информацию, автор стремится манипулировать поведением адресата с целью изменить его намерения совершить противоправное действие против женщины.

2) *Acabaremos, Señorías, con la discriminación por la orientación sexual. Integramos plenamente a las personas*

con discapacidad para verlas por fin trabajando y viviendo con normalidad. Erradiquemos cualquier discriminación por razones religiosas o de ideología en nuestro país [6]. Мы **покончим**, дамы и господа, с дискриминацией по половому признаку. Мы объединим людей с ограниченными возможностями, чтобы, наконец, увидеть их работающими и живущими нормально. Мы **искореним** всякую дискриминацию по признаку религии или идеологии в нашей стране. В данном примере стилистические синонимы *acabar* и *erradicar* выполняют функцию градации. Автор, используя данные синонимы, стремится воздействовать на адресата через обещание выполнения целей своей политики, что делается с целью привлечь его в ряды своих сторонников.

Рассмотрим употребление **контекстуальных** синонимов в следующих примерах: 1) *Estoy seguro de que el de hoy va a ser para mí, rey de España, un día muy emotivo... Siendo mucho lo que habéis conseguido, os quiero pedir hoy, como vuestro jefe supremo, que os esforcéis todavía más para ser en el futuro el espejo en el que se mire la sociedad de la que formáis parte* [4]. Я уверен, что сегодняшний день будет для меня, **короля** Испании, эмоциональным... Вы добились многого, и я хочу попросить вас сегодня, как ваш **главнокомандующий**, приложить больше усилий, чтобы в будущем общество, к которому вы принадлежите, могло увидеть результаты ваших действий. Данные контекстуальные синонимы *rey* и *jefe supremo* выполняют функцию замещения. Используя данные синонимы, автор стремится воздействовать на адресата, подчеркивая значительность, важность занимаемой им должности, для того чтобы получить поддержку населения.

2) *Señor Presidente, Señorías, no cabe especular sobre la irracionalidad del comportamiento de ETA... Señor Presidente, Señorías, la unidad de todos los partidos democráticos frente a la violencia y el terror supone, al tiempo, dos poderosos mensajes. A ETA, un mensaje de firmeza. Firmeza de los partidos democráticos en una idea: su actividad criminal es inútil* [5]. Господин Президент, нет необходимости рассуждать о нерациональности **поведения** ЭТА... Господин Президент, единство всех демократических партий против насилия и террора предполагает попутно передачу двух мощных сообщений. Для ЭТА – жесткое послание: демократические партии твердо уверены, что ее **преступная деятельность** является бесполезной. В данном фрагменте контекстуальные синонимы *comportamiento* и *actividad* выполняют функцию замещения. Данные синонимы используются, чтобы лучше информировать адресата сообщения с целью завоевать симпатии населения.

3) *La ONU también va a ser nuestra guía en la acción exterior de España, marcando nuestro apoyo a operaciones de mantenimiento de la paz en el mundo. Para ello espero contar con la colaboración estrecha de este Congreso a quien corresponde, de acuerdo con la Ley Orgánica de la Defensa Nacional, autorizar el envío de misiones al exterior* [6]. **ООН** будет нашим проводником в делах, касающихся внешней политики, организовывая наши действия, направленные на поддержание мира. И поэтому я рассчитываю на тесное сотрудничество с данным **Конгрессом**, которому принадлежит право разрешать организацию миссий за рубежом. В данном примере контекстуальные синонимы *ONU* и *Congreso* выполняют функцию замещения с целью избежания повторения. Автор использует данные сино-

On the basis of his poem E.Yandl creates policode text, combining natural language code with a different semiotic system. In the video structure we identify two components: verbal and iconic. E. Jandl's videoclip ceased to be a kind of "visuals." The video clip is the complexly organized textual unity, in which visuals and verbal components can interact in different ways. It creates a complete picture of events described in the imagination of a recipient. The poet appeals to all the senses which perform semiotic functions in human society. The audio content of the poem is accompanied with bright, dynamic images of the explosion, military equipment, war [4, p. 91].

The title of the work "schtzngrmm" - is the reduced version of the word "Schutzengraben". The refusal of using vowels in the word allows Jandl to make the material word form heavier. There is a clash between potentially semantically relevant sequences of elements with a range of pure sound repetitions.

Consonants and consonant sequences (sch, tz, tzn, gr, grm, tt) are selected from not all consonant elements represented in the German language. This is a set of consonants, which are part of a specific word. The sounds are arranged by repetitions and the variations in such a way that it creates a sound image of the battle with its noise and shouting. Consonant onomatopoeia simulates the sound of battle, or more precisely the attack from the soldier position sitting in the trench. Compositional solution and voice of the poet give this simulation the incredible accuracy and make audible "horrifying absurdity of war." However, to understand it the listener must decode the audio sequence t-tt in the last line as "Tod" or "tot" (ie, as "death" or "dead").

The poem recitation suggests a subtle insight into the speech features and its ability to impress not only by the words meaning but by the sounding of the individual sounds as well. E. Jandl constructs his work form, trying to portray by the sounds what he is writing about. He carefully selects sound combinations with repetitive sibilants, whistling, shaking, "clattering" sounds. Sibilant consonants convey the gloomy mood, imitating the sounds of battle, military ordnance. Consonants help to create anxiety, sad mood.

The phoneme *t* is reiterated several times in the poem. Owing to this sound E.Yandl recreates the sound of the guns firing. At the beginning of the poem we hear the brief repetitions. This allows the recipient to imagine a firing of firearms. We feel anxiety and fear. Approaching to the end of the poem the author increases the sound repetitions. Thus E.Yandl makes it clear that there is a change of guns. In place of the handguns comes mortar, weapons of mass destruction. And the culmination of it is the last line. The author intentionally amplifies the power of his voice, and the recipient can clearly hear the word tot / tod «dead / death." The ending

of the poem is very symbolic. The poet says that any war - is death. War, according to E.Yandl - is a senseless, terrible idea, doomed only to one final. Long, zing s --- c --- h - is an attempt to create a sound of a rocket taking off. The rocket, which has just begun its flight, according to E.Yandl makes the recipient strain. Resorting to the knowledge and life experience, the reader understands that later should follow a blast [1, p. 47].

Throughout the poem we are faced with a combination of letters gr / grm. These sounds render the explosion of shells on the battlefield. Recipient can clearly see grenades, bombs, exploding near the trench, where our hero is. Thus, E.Yandl managed to create a complete picture of the war not with individual words, but using different combinations of sounds of only one word. The emotional tone of this poem allows the recipient to feel, "let through" all the events happening on the battlefield. We clearly imagine the picture of the war. But in addition to exterior painting the author conveys his attitude. He does it by his voice, intonation. Strengthening the voice by the end of the poem and accelerating the tempo makes us feel tense. Such a fast pace is not peculiar to a man. We are waiting for the final outcome. And it comes in the form of a sharp clicking of the word "death."

Certain sounds evoke certain ideas, associations, images in the mind. This phenomenon is reflected in the works of the "concrete poet" E. Jandl. The sound symbolism plays a significant role in the functioning of language affecting the changes in form and meaning of words, enhancing the expressiveness of words, the poet could not help paying attention to this expressive means of language.

Literature:

1. Khoroshikh P., Pybova M. German "concrete poetry": perception, comprehension and interpretation// Language and Culture. – 2013, Novosibirsk
2. Khoroshikh P. "Concrete poetry" - appearance, interpretation, especially the perception// Topical issues of Arts and Sciences. – 2014, Moscow
3. Khoroshikh P., Rybova M. Features of perception and interpretation of German "concrete poetry" //63th Scientific Conference of teachers and students, State Teachers' Training University. – 2013, Blagoveshchensk
4. K.S. Ernst's collection of visual and concrete poems Electronic resource. 2008. - Access mode: <http://www.ksernst.com/artworkdigital.html>.
5. Drucker, J. Figuring the word: essays on books, writing, and visual poetics Text. / J. Drucker. New York: Granary Books, 1998.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИИ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА

Коровина Ирина Валерьевна

к. филол. н., доцент кафедры английской филологии, г. Саранск

Традиционно под **конфликтом** понимается ситуация, в которой происходит «столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, в результате которого одна из сторон

сознательно и активно действует в ущерб другой (физически или вербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против его интересов, предпринимает ответные действия против первого участника»

[6, с. 40]. Конфликт, рассматриваемый под таким углом, может возникнуть только на базе коммуникативного контакта: противоположность позиций или мысленное действие, никак не выраженное вовне, не являются элементом начавшегося конфликта; и нет конфликта, если имеется только одно действующее лицо. Таким образом, основной составляющей конфликта является коммуникативный акт, который в данном случае будет носить название **речевого конфликта**. В этой связи выявление характерных речевых особенностей подобного коммуникативного акта может иметь своим результатом усовершенствование стратегий и тактик разрешения речевых конфликтов.

Основными стратегиями разрешения речевых конфликтов являются стратегия конфронтации, стратегия нейтралитета и стратегия кооперации. В рамках одной отдельно взятой ситуации речевого конфликта могут реализовываться все три стратегии: во-первых, участники диалога могут придерживаться различных стратегий; во-вторых, каждый из коммуникантов может менять свою речевую стратегию в ходе диалога. Реализация вышеназванных стратегий осуществляется посредством применения определенных тактик. Как показал анализ текстового материала, одна и та же тактика может с равным успехом использоваться при реализации двух, а то и всех трех, стратегий.

Нами были отобраны тексты художественной литературы и тексты сценариев к фильмам на английском языке общим объемом около 1200 страниц. Во всех источниках были проанализированы случаи конфликтов между героями, речь которых подверглась анализу на предмет выявления в ней лексических и синтаксических особенностей, характеризующих речь коммуникантов в конфликтной ситуации. Данные особенности мы определили, как лингвистические маркеры речи в ситуации конфликта, которые были поделены нами на группы в соответствии с тем, в рамках каких стратегии поведения при конфликте те или иные маркеры используются чаще всего. Другими словами, нами были выявлены самые частотные лингвистические маркеры речи, встречающиеся при реализации стратегии конфронтации, стратегии кооперации и стратегии нейтралитета. Все лингвистические маркеры речи можно разделить на две большие группы: лексические и синтаксические маркеры.

Среди лексических маркеров нами были, в первую очередь, выявлены лексические единицы, которые в равной степени встречаются в речи героев, реализующих любую из вышеупомянутых стратегий. Что касается частей речи, то к таковым маркерам относятся личные местоимения первого и второго лица (*I, you*), модальные глаголы (*can(not) / could(not), must(not), should(not), may(not)*) и глаголы в форме прошедшего времени.

(1) "**You could** have had fire whenever **you wanted**. But **you didn't**. **You came** sneaking up like a thief and **stole** Piggy's glasses!" (*Five Finger Exercise*)

(2) "And why would **you** do something like that?" – "Oh, well, actually, **I thought you said** that **you wanted** them to -" (*The Devil Wears Prada*)

(3) Soames said: "**You** mean that my wife has charm!" Bosinney evaded the question.

"**You should** have a clump of iris plants in the centre of that court." (*The Man of Property*)

В примерах (1) – (3) мы можем наблюдать реализацию всех трех стратегий поведения в ситуации речевого конфликта: стратегии конфронтации (1), (2), (3), стратегии кооперации (2 - I thought you said that you wanted them to) и стратегии нейтралитета (смена темы) (3 – Bosinney evaded the question). Во всех трех случаях речь героев изобилует

личными местоимениями *I* и *you*, поскольку в конфликтной ситуации коммуниканты постоянно выражают свое мнение по поводу данной ситуации, а также взаимные претензии. Активное использование глаголов в форме прошедшего времени (*wanted, came, thought*) характерно при использовании тактик обвинения и оправдания. Модальные глаголы, как известно, определяют не действие, а отношение к нему: в конфликтной ситуации коммуниканты регулярно выражают свое отношение к действиям собеседника (*you could, you should, etc.*).

Что касается семантической составляющей лексических маркеров, характерных для всех стратегий поведения, то можно отметить высокую частотность использования глаголов, являющихся индикаторами мнения говорящего (*I (don't) think, I thought, I guess, I expect(ed), etc.*), глаголов *to know* и *to want*, и фраз *I don't care, (Do) you think...? и Why don't you..?*

(4) "You're drunk!" – "Yes, **you think** you can treat me like a child – but **you don't even know** the right way to treat a child." (*Five Finger Exercise*) – стратегия конфронтации

(5) "**I don't want** a new family. **I don't want** any family. Families suck!"

"Just stay up there. **I don't want** to see you again for the rest of the night."

"**I don't want** to see you again for the rest of my whole life. And **I don't want** to see anyone else either." (*Home Alone*) – стратегия конфронтации

(6) DeMarco looked after her. "Isn't she beautiful?" There was a strange expression on his face. Love, possessiveness — and something else. Regret? For what he was about to do to Anne?

"**She doesn't know** anything about all this," Judd said. "**Why don't you** keep her out of it? Let her go away."

He watched the switch turn in DeMarco, and it was almost physical. The charm vanished, and hate began to fill the room, a current flowing from DeMarco to Judd, not touching anyone else. (*The Naked Face*) – стратегия кооперации

(7) "I suppose that young Bosinney," he said, "will be getting married to June now?"

Irene's face changed. "**I don't know**," she said; "**you should** ask her."

"Does she write to you?"

"No."

"How's that?" said James. "I thought you and she were such great friends."

Irene turned on him.

"Again," she said, "**you should** ask her!"

"Well," flustered James, frightened by her look, "it's very odd that I can't get a plain answer to a plain question, but there it is." (*The Man of Property*) – стратегия нейтралитета (Ирэн, уход от темы)

Наиболее часто используемыми лексическими маркерами речи в ситуации конфликта, встречающимися при реализации говорящими стратегии конфронтации, являются слова с негативной и отрицательной семантикой (*never, nothing, hate, stupid / silly, sick, jerk, slut, etc.*), ненормативная лексика (*suck, asshole, f**k-words, goddamn(ed), bastard, etc.*) и фразы *I wish* (выражает сожаление), *I object to* и *I refuse*.

(8) "You are a **fool**, Marje!" Vic exclaims. (*Nice Work*)

(9) Sophie: You **pig!** You **disgust** me! There's a known killer living my next door who might slaughter us in our sleep, and you even won't lift a finger! (*The Whole Nine Yards*)

(10) Vivian: I want my **fucking** money. I'm getting out of here. I don't want anything more to do with you.

Edward: Can we talk about this? Can you just try to calm down?

Vivian: Your **goddamned** friend, he thinks the only reason I'm with you is for the money.

Vivian: Pay me! Before I pick up this chair and smash your face in.

Edward: Fine. I'm only here a couple of more days and I'm not going to spend them fighting with you.

Vivian: **Fuck off.** (*The Pretty Woman*)

(11) "I deprecate the proposal altogether. We are expected to give charity to this man's wife and children, who, you tell us, were dependent on him. They may have been; I do not care whether they were or not. **I object to** the whole thing on principle. It is high time a stand was made against this sentimental humanitarianism. The country is eaten up with it. **I object to** my money being paid to these people of whom I know nothing, who have done nothing to earn it. **I object in tot;** it is not business. I now move that the report and accounts be put back, and amended by striking out the grant altogether." (*The Man of Property*)

(12) "**I wish** I'd never undertaken your house," said Bosinney suddenly. "You come down here worrying me out of my life..." (*The Man of Property*)

Следует отметить, что использование ненормативной лексики и слов с негативной и отрицательной семантикой характерно чаще всего для коммуникантов, применяющих тактики агрессии и обвинения. Фразы *I wish*, *I object to* и *I refuse* в равной степени встречаются в речи героев при использовании любой из тактик стратегии конфронтации.

Нами не было обнаружено большого количества лексических маркеров речи коммуникантов при реализации ими стратегии кооперации в конфликтной ситуации. Из всего проанализированного текстового материала можно отметить лишь фразу (*I'm sorry*), которая является одним из лингвистических маркеров речи в случае использования тактики уступки.

(13) Charlie: Put that gun down, Colonel.

Slade: You giving me ultimatums? I give the ultimatums.

Charlie: **Sorry.**

Slade: That's all right. (*The Scent of a Woman*)

Что касается лексических маркеров речи в случае стратегии нейтралитета, то было обнаружено тяготение участников конфликта к словам и фразам, выражающим их нейтральное отношение к ситуации: *I don't care, if you say so, whatever* и т.д.

(14) Bill: Hey, Alice, hey, look at me... The truth. Is there something you've kept from me? (Alice looks down with a strange smile.)

Bill (laughs): You're just trying to wind me up.

Alice: **If you say so.**

Bill: If I say so? Wait a minute. I'm not going to let you get away with that... Seriously... Is there's something you haven't told me? (*The Eyes Wide Shut*)

Таким образом, суммируя всё вышесказанное, можно сказать, что больше всего лексических маркеров речи в ситуации конфликта было обнаружено в случаях реализации говорящими стратегии конфронтации. Речь коммуникантов в случае применения ими стратегии кооперации не характеризуется частотным употреблением каких-либо лексических единиц, за исключением фразы (*I'm sorry*). Лексические маркеры речи в случае реализа-

ции стратегии нейтралитета представляют собой довольно цельную группу слов и фраз, выражающих нейтральное отношение говорящего к ситуации.

Кроме лексических маркеров речи в ситуации речевого конфликта нами были также проанализированы синтаксические особенности высказываний говорящих: структура и длина предложений, типы предложений и т.д. Данные синтаксические особенности мы определяем, как синтаксические маркеры речи в ситуации речевого конфликта.

В первую очередь, необходимо осветить те синтаксические маркеры, которые присущи речи коммуникантов вне зависимости от того, какую стратегию поведения в ситуации речевого конфликта они реализуют. К таковым маркерам относятся все типы вопросительных предложений (общие вопросы, специальные и др.), отрицательные предложения, условные предложения и обращения.

Вопросительные предложения и обращения активно используются в речи коммуникантов, применяющих различные стратегии и тактики разрешения конфликтов. Можно сказать, что трудно найти такую тактику, в рамках которой вопросительные предложения и обращения не пользовались бы популярностью в речи участников конфликта.

(15) Maggie quickly turns around and pulls down the back of her shirt, revealing the top of her back and a pristine expanse of skin. No tattoo.

Maggie (cont'd) (turning back around): **Satisfied?**

Ike: Completely. <...>

Gill: **Maggie? You got it removed?**

Ike: Gill, I'll go ya double or nothing if was a stick-on.

Gill (dismayed): **Maggie?** (*The Runaway Bride*) – стратегия конфронтации (обвинение)

(16) As soon as they were out of earshot he exploded: "You're drunk", he accused. "**Where have you been?** You were supposed to be here by eight." She gave him a cool look. "**David**, baby, you're nothing in my life, so **why don't you just leave me alone?**" (*The World is Full of Married Men*) – стратегия конфронтации (обвинение), стратегия нейтралитета

(17) Slade: Hoo-rah. <...> **Who's that?! <...> Is that that little piece of tail?!** Get her out of here! <...> I can't believe they're my blood. The IQ of sloths and the manners of banshees. (*The Scent of a Woman*) – стратегия конфронтации (агрессия)

(18) Vivian: I want my fucking money. I'm getting out of here. I don't want anything more to do with you.

Edward: **Can we talk about this? Can you just try to calm down?** (*The Pretty Woman*) – стратегия кооперации (уступка)

Условные предложения чаще всего используются участниками конфликта в рамках тактик агрессии (19), подчинения (выражение угрозы) (20) и обвинения (21) или при реализации стратегии кооперации посредством тактик уступки и оправдания (22).

(19) Saleswoman: **I don't think it would fit you.**

Vivian (beginning to get the drift): **I didn't ask if it would fit.** I asked how much it was.

Saleswoman: It's very expensive. (*The Pretty Woman*) – стратегия конфронтации (агрессия, оскорбление)

(20) Trask: <...> **And if at that time we are no further along than we are now, I will expel you both and turn this matter over to Andrew Runkle, the Attorney General of this state.** (*The Scent of a Woman*) – стратегия конфронтации (подчинение, угроза)

(21) "Before we were married you promised to let me go **if our marriage was not a success**. Is it a success?" Soames frowned. "Success," he stammered, "**it would be a success if you behaved yourself properly!**"

"I have tried," said Irene. "Will you let me go?" (*The Man of Property*) – стратегия конфронтации (обвинение)

(22) "You spoil that girl something rotten. All she thinks about of clothes, shoes, hairstyles. What kind of A-levels do you think she's going to get?"

"I don't know. But **if she doesn't want to go to university...**" (*Nice Work*) – стратегия кооперации (оправдание)

Стратегия конфронтации является самой эмоционально напряженной, поскольку любые агрессивные модели поведения сопровождаются выплеском эмоций. В этой связи не вызывает удивления, что среди основных синтаксических маркеров речи участников конфликта, использующих стратегию конфронтации, являются восклицательные предложения и предложения в повелительном наклонении.

(23) Maggie: Stop. **Stop it! I'm getting married on Sunday, and you're just trying to make me run! Why? Because you're a cynical, exploitative, mean-hearted creep who wouldn't know real love if it bit him in the armpit! And all you do is tear other people down and-and-and laugh at them, and criticize what they do, because you're too afraid to do anything yourself!** I read your column. You never wrote one about you. **I'm not the only one who's lost and you know it!** Am I right? Well? Am I right? (*The Runaway Bride*)

(24) Vaccaro picked up the gun from the ground. "Chief! **Let me finish him!**"

"**Keep out of this!**" DeMarco roared. (*The Naked Face*)

Однако предложения в повелительном наклонении являются синтаксическим маркером речи не только в случае использования стратегии конфронтации, но и в случае применения стратегии кооперации. В следующем примере мы можем наблюдать использование данного синтаксического маркера в ходе реализации обеих стратегий:

(25) Slade: **Don't get cute with me.** (He cocks his gun again. Click-click)

Charlie: Colonel, please – Colonel, **put it away.** <...>

Charlie: **Please put the gun away,** Colonel... <...>

Slade: **Don't move.** <...>

Slade: You're going to die like a dog, Charlie.

Charlie: **Do it!** You want to do it? **Do it! Do it!** (*The Scent of a Woman*)

В примере (25) один из коммуникантов (полковник Слейд) использует стратегию конфронтации, тогда как второй участник конфликта (Чарли) придерживается стратегии кооперации, пытаясь устранить конфликт и удержать Слейда от самоубийства. При этом оба коммуниканта активно используют предложения в повелительном наклонении, некоторые из которых являются в то же время и восклицательными. В конце представленного отрывка Чарли резко меняет свою тактику, начиная выражать агрессию (*Do it!*), что помогает разрешить конфликт – контраргументация Чарли «гасит» агрессию Слейда.

В плане синтаксических характеристик высказываний стратегия нейтралитета характеризуется частым использованием односложных и односоставных предложений, что объясняется тенденцией к экономии слов теми

участниками речевого конфликта, которые, не желая вступать в дальнейшую дискуссию, занимают нейтральную позицию.

(26) He looked at her sharply. "Who told you?"

"**June.**"

"How did she know?"

Irene did not answer. Baffled and uncomfortable, he said: —

"It's a fine thing for Bosinney; it'll be the making of him. I suppose she's told you all about it?"

"**Yes.**" (*The Man of Property*)

В примере (26) один из участников конфликта, выбрав стратегию нейтралитета, реализует ее посредством тактики молчания и ухода от темы. Постепенный уход от темы осуществляется с помощью использования односложных ответов, которые, по мнению говорящего, должны блокировать любые последующие вопросы собеседника.

Суммируя вышесказанное, ещё раз отметим, что было выявлено довольно большое количество синтаксических маркеров речи, характерных для всех стратегий поведения в конфликтной ситуации: вопросительные и отрицательные предложения, обращения и условные предложения. В речи коммуникантов, придерживающихся стратегии конфронтации, часто присутствуют восклицательные предложения и предложения в повелительном наклонении. Предложения в повелительном наклонении являются также синтаксическими маркерами речи и в случае стратегии кооперации. При стратегии нейтралитета в качестве синтаксических маркеров речи используются односложные и односоставные предложения.

Как показал анализ, стратегия нейтралитета обладает наименьшим количеством лингвистических маркеров речи в силу того, что при реализации данной стратегии коммуникант, выражая свою нейтральную позицию к происходящему, стремится к экономии языковых и речевых средств.

Все обнаруженные лингвистические маркеры речи могут встречаться в конфликтном речевом акте, участники которого применяют как стратегию конфронтации, так и стратегии кооперации или нейтралитета. Однако мы попытались определить для каждой из стратегий наиболее частотные лексические и синтаксические маркеры речи.

Список литературы:

1. Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Орел, 2004. – 152 с.
2. Комалова Л.Р. Речевая коммуникация в ситуации конфликта / Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология №5. М.: МГЛУ, 2008. – С. 69-75.
3. Мулькеева В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: Дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. СПб., 2005. – 190 с.
4. Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе. Прагмалингвистический анализ убедительности (на материале политических дебатов): Дис. ... канд. филол. наук / Калужский Государственный Педагогический Университет. Калуга, 2004. - 202 с.
5. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста / Юрлингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. - С. 127-140.
6. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 27. – С. 40-45.

УДК 81'27:811:111

ББК 81.2-3

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИНЕРГИЙНОСТЬ МЕТАФОРЫ КАК ОДИН ИЗ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ АНГЛИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

*Козырева Наталья Витальевна**Ст. преподаватель кафедры английского языка № 4, МГИМО-Университет, г. Москва*

В последнее время внимание лингвистов все чаще обращается к явлению, казалось бы, достаточно изученному – к метафоре. Однако сегодня возрождение интереса к процессу метафорического переосмысления происходит в более современном ракурсе и объясняется, прежде всего, общим пристальным вниманием к проблемам смыслопорождения и смысловосприятия, в том числе в связи с новейшими исследованиями когнитивных механизмов познания и мышления [6, 8, 10, 13]. Вполне оправданно в современных исследованиях превалирует разработанный В.Н. Телия и развиваемый многими учеными подход к метафоре в ее креативной смысломодефицирующей и смыслопорождающей функции как к способу создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов [7, с. 36-42]. При этом важно понимать, что участие метафоры в преобразовании языковой картины мира – это не просто конкретная функция в конкретном использовании. Это, на самом деле, формирование в сознании человека системных процессов, которые помогают интегрировать те или иные фрагменты действительности и их языковую актуализацию в его общую ментальную систему. Метафоричность мышления человека, отражаемая в речевой деятельности, служит проявлением высокой степени ассоциативности и комбинаторности сознания.

Интересно отметить, что эта способность языка и мышления особенно активно эксплуатируется в политическом дискурсе, где метафора, будучи «на службе» определенным политическим силам или конкретным политикам, становится активным агентом прагма-когнитивной модификации дискурса, добавляя эмотивный, аксиологический, культурологический, персуазивный и манипулятивный компоненты. В руках и устах умелых, знающих профессионалов – дипломатов, политиков, спич-райтеров, имидж-мейкеров, политических журналистов и специалистов в области PR-технологий – политическая метафора становится эффективным средством синергического усиления прагматического потенциала дискурса. Неслучайно метафорические средства языка составляют весомую часть политического дискурса. [1, с. 89]

При этом в результате метафорического переноса возникает не просто последовательное соединение значений, смыслов и подсмыслов, включая историко-культурологические, но происходит некая самоорганизация смысловых компонентов, приводящая к эффекту синергии (т.е. взаимоусиливающего когерентного функционирования) всех составляющих. Так, Л.В. Щерба считал «правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [9, с. 24] даже важнее правил синтаксиса. В отношении метафоры это явление срабатывает неукоснительно, так как метафора, интегрируя семантический потенциал входящих в нее элементов, порождает именно «новые смыслы», а не сложение дискретных смысловых

частей. Очевидно, что смысл фразы «star chamber» подразумевает вовсе не значение «звездная палата» (что, казалось бы, вытекает из чисто механического складывания значений используемых единиц), а «тайный совет», либо какая-либо «влиятельная группа» в составе правительства или в околоразправительственных кругах, которая обладает реальной властью, независимо от официального состава руководства страны. И то, что каждый отдельный элемент словосочетания несет не только когнитивный, но и прагматический и оценочный компоненты (*star* – *звездный, высокий, лучший, самый первый, исключительный, недосыгаемый; chamber* – *палата, кулуары, скрытые от посторонних глаз камерные пределы*), приводит к синергическому переосмыслению лексических единиц, положенных в основу данной вторичной номинации. По мнению Е.В. Пономаренко, так проявляется смысловая нелинейность, которую порождает функциональный синергизм (или, иначе, синергичность) метафоры, когда, образно выражаясь, «два плюс два равно пяти», т.е. общий смысл единицы не равен сумме смыслов ее частей [3; 5].

Именно функциональный синергизм метафоры делает ее одним из превалирующих приемов в манипулировании общественным мнением и одним из наиболее эффективных механизмов скрытого речевого воздействия. Многие из подобных тактик и стратегий описываются в специальной литературе; лингвисты также не оставили без своего пристального внимания вопросы специфики манипулятивного воздействия в политическом дискурсе [2; 4]. Вызывая в сознании реципиента определенные образы, метафора (в зависимости от коммуникативного и/или манипулятивного замысла автора) может акцентировать нужные смысловые компоненты, либо завуалировать нежелательные. Этот прием опирается на изученные бессознательные реакции мозга на сигналы-«раздражители», когда позитивно окрашенные номинации вызывают естественное одобрение, а негативно окрашенные – осуждение. Настойчиво повторяемое воздействие на сознание и подсознание человека постепенно формирует «устойчивую ассоциативную связь, позволяющую идентифицировать тот или иной референт с аксиологическими позициями» [6, с. 44]. Путем комбинирования определенных элементов на разных участках дискурса, автор (часто незаметно для адресата), осознанно направляет его мнение в ту или иную сторону. Оценочные высказывания в политическом дискурсе приводят к тому, что взгляды, мнения, симпатии и антипатии наиболее авторитетных источников, либо многократное повторение каких-либо версий (даже однозвучных) навязываются аудитории, независимо от ее желания и ее количественного, национального, гендерного или иного состава. Как отмечал Г. Маркузе в своей книге, озаглавленной с помощью яркой контаминированной окказиональной метафоры «*Одномерный человек*» («*One-Dimensional Man*»), то, что вначале кажется ниспровергающим, в существующей ситуации сложившийся социум может очень быстро «переварить» как часть своей

«здоровой, полезной диеты»: *«But such modes of protest and transcendence are no longer contradictory to the status quo and no longer negative. They are rather the ceremonial part of practical behaviorism, its harmless negation, and are quickly digested by the status quo as part of its healthy diet.»* [12]. Интересно отметить, что для официальных властей протесты граждан якобы уже не являются «противоречащими существующему порядку, либо отрицающими его» (*«contradictory to the status quo and no longer negative»*), где устоявшийся порядок вещей, положение, состояние дел и незыблемый строй подкрепляется академическим термином на латыни: *«status quo»*. Для большей убедительности в высказывании настойчиво звучит рефреном повторяющаяся фраза *«no longer»*, якобы свидетельствующая о новом, более лояльном и либеральном отношении властей к социуму. Да и сами протесты манипулятивно-образно именуются властями некими *«проявлениями трансцендентального качества»*, *«транстрасцендентальностью»*, то есть чем-то *«не совсем понятным»*, *«выше понимания»* (читается подразумеваемое: *«неразумные»*, *«неоправданные»*, *«надуманные» протесты*). Однако трудно поверить, что для людей, которых не устраивает существующее положение дел и которые предпочитают мирно протестовать или как-то иначе, «трансцендентально» выражать свою гражданскую позицию, отличную от официально принятой, этот их протест является (как считают и манипулятивно настаивают на своем мнении власти) некой *«условностью»*, *«церемониальной частью практики поведения общества»* (*ceremonial part of practical behaviorism*), *«безобидным отрицанием»* (*harmless negation*), которые быстро *«усваиваются»* (*digested*) как строем, так и обществом в его существующем состоянии (*the status quo*), что является для них обыденным явлением и обычным делом, и даже якобы идет на пользу (о чем свидетельствует фраза *«as part of its healthy diet»* - *«как ингредиент, составляющая часть полезной для здоровья диеты»*).

Синергия, то есть комплексное взаимодействие всех этих когнитивных, лингвострановедческих и функциональных (прагма-семантических) компонентов в результате оказывает столь многоплановое воздействие на сознание реципиентов, что, по сути, заменяет автору огромный текст рассуждений и комментариев, компрессируя их в одной удачно использованной кулинарной и диетологической метафоре. При этом достаточно явно создается впечатление, что политики не испытывают особых сожалений по поводу критичного положения дел (отчего и возникают протесты) и не намерены предпринимать какие-либо меры, чтобы изменить *status quo*. Наоборот, власти решают, что сама ситуация *«оздоровит»* общество, и *«непонятные»* протесты прекратятся сами собой, раз уж об этом говорят политики.

Лингвистическая интерпретация прагматики и семантики дискурса выявляет такое ценное и плодотворное качество метафорических средств, как функциональная емкость, насыщенность – способность облекать довольно объемное смысловое пространство в относительно малые речевые формы благодаря ассоциативным возможностям метафор. В синергетике подобные эффекты характеризуются как взаимообмен между системой (в нашем случае – фрагментом дискурса) и внешней средой (общим сознанием человека и коммуникативной ситуацией, в которой адресат воспринимает текст); из внешней среды привлека-

ются элементы, согласующиеся с функциональным состоянием системы и/или коммуникативным замыслом автора речи (концепты, ассоциативно вызывающие определенные, часто вполне прогнозируемые реакции и впечатления) [3]. Например, в одном из интервью претендента на должность мэра, размещенном на сайте американского канала *The Real News* звучит фраза *“But what we haven't harnessed, I think, is people power”* [14]. Используя метафору *harness*, политик апеллирует к общей когнитивной системе адресата и подключает заложенный в ней образ (и, соответственно, концепт) збури / упряжи, т.е. приспособления, резко ограничивающего возможность свободного движения. Тем самым метафора позволяет избежать пространных рассуждений о том, что следует сохранять самоуправление народа и в процессе тех или иных преобразований в обществе не следует ограничивать народовластие. Нет сомнений, что выстраивание таких ассоциаций дает возможность любому реципиенту данного высказывания адекватно интерпретировать как поверхностную, так и глубинную структуру речемыслительного процесса, в том числе аксиологические, то есть оценочные смысловые компоненты.

Анализ языкового материала показывает, что тексты политической тематики чрезвычайно насыщены единицами оценочной семантики и прагматики, так как главной целью политиков является победа над своими политическими противниками и завоевание симпатий и поддержки электората. А в эпоху Интернета и глобализации, масштабы манипулирования смыслами становятся глобальными. Функциональная синергичность манипулятивной смысловой трансформации политической лексики часто приводит либо к размыванию ее прагма-семантического потенциала, либо к полной подмене понятий. Сегодня, в эпоху обострения политической борьбы и учащающихся региональных конфликтов, мы регулярно становимся свидетелями такой манипуляции смыслами, осуществляемой с помощью метафор, что дает основания причислить этот стилистический и риторический прием к системообразующим факторам политического дискурса. Очевидно, что в будущем частотность эвфемистического и манипулятивного употребления метафор в политическом дискурсе неизбежно будет только возрастать.

Список литературы:

1. Козырева Н.В. Метафора как оператор прагма-когнитивной модификации английского политического дискурса. // ж. Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 4, 2013. - С. 89 – 95.
2. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
3. Пономаренко Е.В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 13 (156). – Вып. 18. – С. 131-140.
4. Пономаренко Е.В. Пояснение как языковая единица (к вопросу о функциональных связях дискурса): Монография. – М.: Академия ФПС России, 1999. – 144 с.
5. Пономаренко Е.В. Системный подход как методологическая основа изучения речевой деятельности

- // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2006. – № 1 (41). – С. 134-138.
6. Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Принцип матрично-сетевой организации системы ценностных концептов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». – 2007. – № 1 (9). – С. 44-50.
 7. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26-52.
 8. Шибанова Е.О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики (на материале англоязычной прессы). – Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 221 с.
 9. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Изд. 2, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
 10. Fauconnier, G., Turner, M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2002. – 440 p.
 11. Lakoff, G. *Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters*. [Electronic resource]. – The Frameworks Institute, 2001. – URL: http://www.frameworksinstitute.org/assets/files/PDF_GII/metaphorical_thought.pdf
 12. Marcuse, H. *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. [Electronic resource] // Boston: Beacon, 1964. – URL: <http://www.marcuse.org/herbert/pubs/64onedim/odmcontents.html>
 13. The cognitive psychological reality of image schemas and their transformations. // *Cognitive Linguistics*. – Oct. 2009. – Volume 6, Issue 4. – P. 347–378.
 14. We Need to Harness People Power – Andy Shallal on Reality Asserts Itself (4/4) [Electronic resource] // *The Real News*. – March 28, 2014. – URL: http://therealnews.com/t2/index.php?option=com_content&task=view&id=31&Itemid=74&jumival=11659.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМАХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Краснощёков Евгений Владиславович

Канд. пед. наук, доцент кафедры лингвистического образования ЮФУ, г. Таганрог

Отношения принадлежности в тюркских языках могут выражаться различными способами, например, с помощью аффиксов притяжательности, присоединяемых к основе существительного, сочетаниями притяжательной формы личных местоимений с существительными, именными конструкциями, называемых изафетными или просто изафетом; в этих языках существует так же притяжательное (посессивное) склонение существительных; кроме того, притяжательное оформление получают и глаголы.

В данной работе мы хотели бы рассмотреть притяжательное (посессивное) оформление глаголов в тюркских языках.

При исследовании этих языков было установлено, что показателями притяжательности оформляются не только имена существительные, но и другие части речи, в частности глаголы. В данном случае эти показатели выступают в качестве аффиксов личного спряжения, но представляют собой посессивные, т.е. энклитические формы личных местоимений [2, 129].

Аффиксы принадлежности в тюркских языках имеют тесную связь с формами личных местоимений и практически во всех языках этой группы, представлены две системы личных аффиксов. Одна серия - это личные местоимения в номинативе, расположенные постпозитивно, другая совпадала частично с посессивными аффиксами [12, 238-239].

По поводу исторического соотношения личных показателей обеих серий в тюркологии преобладает мнение о происхождении посессивных показателей в результате усечения, редукции личных местоимений (см. Дмитриев 1940, 45; Кононов 1980, 170; Щербак 1981, 33-34). Однако высказывались и противоположные мнения - о несводи-

мости личных притяжательных окончаний к личным местоимениям (см. Серебренников-Гаджиева 1979, 99; Кормушин 1984, 16).

Наличие двух серий личных окончаний в тюркских языках, возможно объяснить семантико-синтаксически: в препозиции к существительному-местоимению «я», «ты» и т. д. может находиться причастие («дрова собирающий-я» > «я собираю дрова»), а посессивный характер личного маркера указывает на имя действия («дров собирание-мое») [12, 256].

Ш.Х. Акбаев, изучая фактический материал тюркских языков, а также языков близких к ним, пришел к выводу, что: 1) посессивные аффиксы тюркских языков могут быть возведены только к формам родительного падежа личных местоимений; 2) семантическое и функциональное развитие постпозитивных местоимений шло, по всей видимости, по пути постепенного свертывания лексического и усиления формально-грамматического значения, сопровождаемого постепенной утратой ударения [1, 7-10].

Исходя из материала тюркских языков, трансформация личных местоимений в 1 и 2-м лице происходила не одинаково: от местоимения 1-го лица сохранился лишь звук *m*, ставший основной морфемой принадлежности 1-го лица ед. числа; от местоимения 2-го лица сохранился звук - *n* в качестве морфемы принадлежности 2-го лица ед. числа [14, 25-26].

Этот процесс трансформации личных местоимений в показатели принадлежности происходил в тюркских языках в глубокой древности. Характерно, что во всех тюркских языках и диалектах, где система притяжательных аффиксов в той или иной степени подверглась деформации, тем не менее продолжает устойчиво сохраняться - *n*- в посессивно-именной парадигме. Факт такой устойчи-

ности на фоне деформирующейся системы может свидетельствовать об очень большой древности и изначальной глубокой укорененности *-n-* [14, 35]. В дальнейшем, сложившиеся притяжательные аффиксы продолжали постепенно стираться, превращаясь в односложные притяжательные морфемы.

Так, в якутском языке ряд форм спряжения глагола оформляется аффиксами принадлежности, утратившими значение принадлежности и перешедшими в парадигму спряжения, например: *барбыт-тар-а* 'Они ушли'; *Барыаҕ-ым* 'Я пойду' [3, 129].

Таблица № 1

Аффиксы сказуемости и принадлежности в якутском языке

	Аффиксы сказуемости ед. ч.	Аффиксы принадлежности ед.ч.
1 л.	<i>-бын(-бин,-бун,-бун), -пын (-пин, -пун, -пун), -мын (-мин, -мун, -мун)</i>	<i>-м -ым (-им, -ум, -үм)</i>
2 л.	<i>Бын,-бун, -бун) -гын (-гин, -гун, -гун), -кын (-кин, -кун, -кун), -хын (-хин, -хун, -хун) -нын (-нин, -нун, -нун)</i>	<i>-н -ын- (-н, -ун, -үн)</i>
3 л.	-	<i>та (-тэ,-то, -тө), -а (-э, -о, -ө)</i>
Множественное число		
1 л.	<i>-быт (-бит, -бут., -бүт)</i>	<i>-быт (-бит, -бут, -бүт) -пыт (-пит, -пут, -пүт) -мыт (-мит, -мут, -мүт)</i>
2 л.	<i>-гыт (-гит, -гут, -гүт)</i>	<i>-быт (-бүт, -бүт, -бүт) -гыт (-гит, -гут, -гүт) -кыт (~кит, -нут, -күт) -хыт (-хит, -хут, -хүт) -ныт (-нит, -нут, -нүт)</i>
3 д.	-	<i>-лара (-лэрэ, -лоро, -лөрө) -тара (-тэрэ, -торо, -төрө) -дара (-дэрэ, -доро, -дөрө) -нара (-нэрэ, -норо, -нөрө)</i>

Подобно аффиксам принадлежности, эти аффиксы тоже различаются по лицам и числам. Однако, в отличие от первых, аффиксы сказуемости в 3 л. отсутствуют, и форма их совпадает с формой основы существительного (см. таблицу № 1). Например: *сахабын* 'я якут', *капитамын* 'я капитан', *уолгун* 'ты мальчик', *кيني нуучча* 'он русский', *сахаларбыт* 'мы якуты', *оҕолоргут* 'вы дети', *кинилэр нууччалар* 'они русские'.

В 1-м л. и отчасти во 2-м л. мн. ч. форма сказуемости совпадает с формой принадлежности. Различаются эти формы лишь по контексту и структуре предложения: *Биһиги оҕолорбут*, (принадл.) *кэллилэр* 'Наши ребята пришли'; *Биһиги — маннабы оҕолорбут* 'Мы — здешние ребята' [3, 155-156].

В тофаларском языке имена существительные также могут выступать как сказуемые, когда они указывают на то, кем или чем является предмет (или лицо), о котором идет речь. Существительные, как и другие именные части речи, оформляются при этом специальными постпозитивными показателями сказуемости, указывающими на лицо. По форме они совпадают с личными местоимениями и не гармонируют с именной частью сказуемого, как это происходит, например, в хакасском или казахском языках, где эти предикативные местоимения превратились уже в настоящие аффиксы сказуемости. Тофаларский же язык в этом отношении идентичен тувинскому языку, в котором также имеются аналогичные предикативные местоимения [6, 222-223], например:

Тофаларский	Тувинский	Хакасский	
<i>мен аңшы мен</i>	<i>мен аңжы мен</i>	<i>мин аңчыбын</i>	'я охотник'
<i>сен аңшы сен</i>	<i>сен аңжы сен</i>	<i>син аңчызын</i>	'ты охотник'
<i>оң аңшы</i>	<i>ол аңжы</i>	<i>ол аңчы</i>	'он охотник'
<i>бис аңшы бис//</i>	<i>аңжы бис//</i>	<i>пис аңчыбис//</i>	'мы охотники'
<i>аңшылар бис</i>	<i>аңжылар бис</i>	<i>аңчыларбис</i>	
<i>сілер аңшы сілер// аңшылар</i>	<i>сілер аңжи сілер// аңжылар</i>	<i>сірер аңчызар//</i>	'вы охотники'
<i>сілер</i>	<i>сілер</i>	<i>аңчыларзар</i>	'они охотники'
<i>оларың аңшылар</i>	<i>олар аңжылар</i>	<i>олар аңчылар</i>	

[11, 27].

В тувинском языке аффиксы 1-го и 2-го лица, как было отмечено, восходят к личным местоимениям. Утратив характер самостоятельного слова, эти местоимения сливаются с именем сказуемого на правах его оформителя, т.е. переходят в разряд аффиксов [6, 221].

В этом языке в отличие от всех других тюркских языков оформители сказуемости и личные показатели 1-го и 2-го лица как единственного, так и множественного числа глаголов, исторически восходящих к причастиям,

до сих пор сохраняют фонетический облик соответствующих личных местоимений. Выполняя в предложении лишь роль оформителя сказуемого, в морфологическом отношении они, тем не менее, еще не перешли в разряд аффиксов. В литературном языке они сохраняют свой стабильный звуковой состав и не имеют никаких звуковых вариантов. Оформители сказуемости в тувинском языке находятся, по-видимому, в начальной фазе развития от самостоятельного слова к аффиксу, а именно: на стадии служебного слова.

Примеры оформления именного сказуемого:

В тувинском языке	В хакасском языке	
<i>мен өөреникчи мен</i> <i>сен өөреникчи сен</i> <i>бис өөреникчи бис//</i> <i>бис өөреникчилер бис</i>	<i>мин үгренчибин</i> <i>син үгренчизинь</i> <i>нис үгренчибис //</i> <i>нис үгренчилербис</i>	'я ученик' 'ты ученик' 'мы ученики'

[6, 222]

Примеры спряжения глагола, восходящего к причастию:

В тувинском языке	В хакасском языке	
<i>мен комчаан мен</i> <i>сен комчаан сен</i> <i>бис комчаан бис</i> <i>силер комчаан силер</i>	<i>мин хыгыргам</i> <i>син хыгыргазынь</i> <i>нис хыгыргабыс</i> <i>сірер хыгыргагар</i>	'я читал' 'ты читал' 'мы читали' 'вы читали'

В примерах из тувинского языка первые слова являются личными местоимениями, а последние (выделенные) — предикативными местоимениями.

В примерах из хакасского первые слова также являются личными местоимениями, а выделенная часть вторых слов — аффиксами сказуемости.

Что касается местоимения 3-го лица, то оно в качестве предикативного употребляется весьма редко: *ол өөреникчи ол* 'он ученик', *ол ажылдап тур ол* 'он работает' [6, 223].

В современном башкирском языке в 1-м и 2-м лице ед. и мн. числа используются специальные аффиксы, которыми оформляются не только именные части речи, но и некоторые разряды служебных слов (послелог, частицы).

Аффиксы сказуемости в башкирском языке следующие:

	Ед. Число	Мн. Число
1-е л.	<i>мын/мен, мон/мөн</i>	<i>быз/без, боз/бөз</i>
2-е л.	<i>һын/һең, һоң/һөң</i>	<i>һығыз/ һөгез, һоғос/ һөгөз</i>
3-е л.	<i>дыр/дер, дор/дөр, тыр/тер, тор/төр, зыр/зер, зор/зөр, лыр/леер, лор/лөр</i>	<i>дырзар/дерзәр, дорзар/дөрзәр; тырзар/терзәр, торзар/төрзәр; зырзар/зерзәр, зорзар/зөрзәр; лырзар/лерзәр, лорзар/лөрзәр</i>

[5, 51-52]

Аффиксы сказуемости 1-го лица обоих чисел представляют собой так же личные местоимения (*мын* — я, *без* — мы), которые утратили характер самостоятельного слова, например: *укуысымын* 'я ученик', *без язюсы быз* 'мы писатели'.

Аффикс 2-го лица ед. ч. восходит к местоимению 2-го лица ед. ч. *һин* (ты). Аффикс сказуемости 2-го лица мн. ч. в тюркских языках также развился из личного местоимения *сиз* > *сез* (вы).

Аффикс 3-го лица в современном башкирском языке почти всегда пропускается, а если и употребляется, то уже не при именах, а при глаголах, и тогда имеет особое значение (например, *ул килгән-дер* по смыслу отличается от *ул килгән*) [5, 52-53].

В турецком языке аффикс принадлежности 1-го л. ед. ч. при согласных основах внешне совпадает с аффиксами сказуемости 1 л. ед. ч.: *kardeşim* 'мой брат' / 'я брат';

различие между этими двумя аффиксами идет по линии ударения: аффиксы принадлежности — ударны, аффиксы сказуемости — безударны.

Аффикс принадлежности 2-го л. ед. ч. при согласных основах (*-m* ...) внешне и по ударению совпадает с аффиксом родительного падежа: *kardeşin* 'твой брат' / 'брата', *kitaplann* 'твои книги' / 'книг. ... [7, 75].

В балкарском языке глагол оформляется особыми аффиксами, которые делятся на две группы: 1) притяжательные аффиксы 2) предикативные аффиксы, происшедшие из личных местоимений. В качестве притяжательных аффиксов 1-го лица единственного числа служит *-м*; 2-го лица единственного числа *-нг*; 1-е лицо множественного числа имеет показатель *-к, кь*; 2-е лицо множественного числа *-гиз*. Аффикс 3-го лица не существует [15, 58].

В караимском языке для выражения категории лица при глаголах существуют две группы аффиксов.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
	1 группа		2 группа	
1 л.	<i>-мын, -мин</i>	<i>-быз, -биз</i>	<i>-м</i>	<i>-х, -к</i>
2 л.	<i>-сын, -син</i>	<i>-сыз, -сиз</i>	<i>-й</i>	<i>-йыз, -йиз, -йүз, -юз</i>
3 л.	<i>-дыр, -дир</i> или нулевая форма	<i>-дырлар, -дирлар</i> (или нулевая форма + <i>-лар, -ляр</i>)	<i>-</i>	<i>-лар, -ляр</i>

Аффиксы лица первой группы формально (и по значению) соответствуют показателям лица, употребляющимся при имени, и имеют полную и краткую (стяженную) формы. Например: ед. ч.: 1 л. *кел-я-мин* 'я иду', 2 л. *кел-я-син* 'ты идешь', 3 л. *кел-я-дир* 'он идет'; мн.ч. 1 л. *кел-*

я-биз 'мы идем', 2 л. *кел-я-сиз* 'вы идете', 3 л. *кел-я-дир-ляр* 'они идут' [10, 260, 278-279].

Аффиксы лица второй группы по форме частично соответствуют аффиксам принадлежности при именах.

Характерной чертой данной группы аффиксов лица является их краткость. Например: ед.ч. *кел-ди-м* 'я пришел', *кел-ди-й* 'ты пришел', *кел-ди* 'он пришел'; мн.ч. *кел-ди-к* 'мы пришли', *кел-ди-йиз* 'вы пришли', *кел-ди-лер* 'они пришли' [10, 262, 272].

Подобная картина наблюдается и в других тюркских языках.

Из вышесказанного следует, что личные местоимения при отсутствии в тюркских языках притяжательных стали выступать показателями «притяжательности» в глаголах (выражая при этом, кому принадлежит действие). Впоследствии родительный падеж личных местоимений послужил основой образования в тюркских языках притяжательных местоимений. Постепенно личные местоимения, служившие показателями принадлежности при глаголах, трансформировались, потеряв самостоятельность, в аффиксы принадлежности. Например, данные тувинского языка представляют нам начальную фазу развития от самостоятельного слова к аффиксу, а в хакасском мы видим их уже в качестве аффиксов.

Таким образом, притяжательность на определенной ступени развития в тюркских языках, ввиду отсутствия вначале притяжательных местоимений, могла выражаться с помощью форм личных местоимений, служивших показателями принадлежности. В дальнейшем, в результате сложного и длительного процесса личные местоимения трансформировались в аффиксы принадлежности.

Литература

1. Акбаев Ш.Х. К вопросу о происхождении посессивных аффиксов в тюркских языках. // Тюркологические исследования. М., 1976. - С. 3-11. 7. 271 с
2. Benzing J. Die tungussischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1956.

3. Грамматика современного якутского литературного языка. // под ред. Коркина Е. И., Убрятовой Е.И. М.; Наука. 1982. - 495 с.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.,Л.: 1940. - 205 с..
5. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М., 1948. - 276 с.
6. Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.; Изд-во восточной лит-ры. 1961. - 472 с.
7. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.;Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. - 569 с.
8. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. – Л., 1980. - 254 с.
9. Кормушин И.В. Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984. - 86 с.
10. Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во «Наука», 1964. - 343 с.
11. Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. - 287 с.
12. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. // под ред. Тенишева Э. Р. Морфология. М.: Наука, 2006. - 907с.
13. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку.: Изд-во «Маариф», 1979. - 302 с.
14. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. // под ред. Тенишева Э. Р. Морфология. М.: Наука, 1988. - 559 с.
15. Филоненко В.И. Грамматика балкарского языка. Кабардино-балкарское государственное издательство. Нальчик, 1940. - 87 с.
16. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). – Л.: Наука, 1981. – 362 с.

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЯКУТСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ

Курилова Самона Николаевна

Канд. филол. наук, научный сотрудник сектора палеоазиатской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Начало XVII столетия ознаменовалось проникновением на исконные территории юкагирских племен якутов в бассейны рек Индигирка и Яна на северо-востоке Сибири. Вплоть до середины XVIII в. происходило заселение якутскими пришельцами территорий, обжитых за столетия юкагирскими родами. Юкагиры подвергались одной ассимиляции за другой и в результате перенимали якутский язык и тип хозяйствования. Несомненно, возникал поток реалий, которые были в новинку для юкагиров того времени – термины коневодства и животноводства, слова, обозначающие предметы быта и различные постройки и т.п. Возникла необходимость заполнения лексического вакуума, для чего юкагиры обращались к словарю параллельной для юкагиров би- и полилингвов якутской лексической системы.

Все лексические единицы, заимствованные из якутского языка за весь период контактов (начиная с XVII в. и до настоящего времени) юкагиров и якутов, можно разделить на следующие 19 лексико-семантических групп слов, в которые входят как лексические заимствования, так и

выявленные случаи смешения кодов в рамках одного слова. Выделенные нами отдельные группы включают также группы лексических единиц с учетом их принадлежности к различным частям речи, и, конечно же, основной состав тематических групп в целом составляют субстантивы.

Время. Название месяцев: *тохсунньу* < як. тохсунҕу, тохсунньу 'январь' [5, с. 2755; 7, с. 393], *олунньу* < як. олунҕу, олунньу 'февраль' [1(VII), с. 277; 5, с. 1830; 7, с. 271], як. *кулун тутар* 'март' [5, с. 1210; 7, с. 187], як. *муус устар* 'апрель' [5, с. 1640; 7, с. 246], як. *бэс ыйа* 'июнь' [5, с. 444; 7, с. 100]; *сэтинньи* < як. сэтинҕи, сэтинньи 'ноябрь' [5, с. 2181; 7, с. 369], *ахсинньи* < як. ахсынҕи, ахсынньи 'декабрь' [5, с. 207; 7, с. 53]. Примеры:

(1) "Хандьэмэҕа" – *сэтинньи вальбарэги, ахсинньи, тохсунньу, тадаат олунньу кэйэбэги сэвнуул*. 'К зимним месяцам относится половина ноября, декабрь, январь, поэтому начало февраля' [3, с. 177]

(2) *Кулун тутарҕа чавйуолэр ат амуольэнь*. 'Если бы обреза́ли в марте, было бы хорошо' [3, с. 532]

(3) *Муус устар кунильсчэ чайлэдабат вадун личуоркэ мэдьуолнаануни.* ‘С десятого апреля важенка юкагирской породы начинает телиться’ [3, с. 274]

(4) *Бэс ыйа йуобайнудаба, илэн ин савараанудаба, пугучэги мэ моннааччий.* ‘Когда кончается июнь, когда у оленей только появляется шерсть, шерсть у них короткая’ [3, с. 134]

Общество и политика: *мунных* < як. мунҕах, мунҕах ‘собрание, сбор, совет, сход; заседание’ [5, с. 1622; 7, с. 244]. Пример:

(5) *Мунных кизийэ, йуодабанэ, ньаарчэлавйэлэ мөрэйчиһирлэк, мунныхха уудэк йандууйи.* ‘Кажется, немного выпив перед собранием вина, во время собрания все время засыпал=я’ [3, с. 266]

Территориальные единицы: як. *улуус* ‘улу’ (уст. административная единица в Якутии до районирования – обширный родовой союз; волость; общество) [5, с. 3006; 7, с. 434]. Пример:

(6) *Улуус энмут ньиэнунга, дьокутаатлэ.* ‘Вызывали=они из каждого улуса, депутатов’ [3, с. 324]

Животноводство: *сулар* ‘узdechка’ < як. сулар ‘недоздок, повод’ [5, с. 2328; 7, с. 341]; як. *сэргэ* ‘коновязь, коновязный столб’ [5, с. 2171; 7, с. 368]; *төрҕи* < як. төргүү ‘торока, ремешки позади седла для пристежки; задняя лука седла’ [5, с. 2776; 7, с. 395]. Примеры:

(7) *Суларги ондэмлэ.* ‘Надел=он узdechку (на коня)’ [3, с. 448]

(8) *Тудэ йоходилэбанэ сэргэба ириэльэлум.* ‘Своего коня, оказывается, привязал=он к коновязи’ [3, с. 88]

(9) *Пулийэ Христофор титтэ лайаа аньмизэрэн кэчинга йоходилэ төргии бурэ.* ‘Дядя Христофор посадив верхом позади себя, на конской тороке привезли=они’ [3, с. 49]

Медицина: як. *эм, эмп* ‘лекарство; лечебное средство’ [5, с. 250; 7, с. 540]. Пример:

(10) *Тунг эм кэдэлэ амутнэн амдур пугудьэрэйсиэнуллэлум.* ‘Это лекарство, оказывается, очень быстро доводит человека до потения’ [3, с. 390]

Трудовая деятельность: *хамул(ь) ~ хомуль, хамнишл ~ хамдишл ~ хамри(и)(л), хандьаачэ* ‘работник, слуга, обрабатывающий калым’ < як. хамнач(ч)ыт, хамнатчыт, хамнҕачыт ‘работник, батрак, слуга’ [5, с. 3286; 7, с. 477]; *солбуйааччи* < як. солбуйааччы ‘заместитель’ [1 (VIII), с. 507]. Примеры:

(11) *Тан ньаарчэ хамрил эйк эл амутнэ лэвдиэнун, эйк эл мэр аанун.* ‘Вот плохой батрак и плохо (нехорошо) питался, и не одевался’ [2, с. 259]

(12) *Танниги тудэл, Дьячков, правление солбуйааччиги нолдэн эуриэнуй, кораль өгэтэйуол морау ньиэдьинур, стадопэбан эуриэнуй.* ‘Тогда он, Дьячков, заместителем правления колхоза работал и ездил, чтобы обговорить о будущем корале-заgone’ [8, с. 80]

Орудия промысла и труда: *хайса(а)р* ‘деревянные лыжи, не подбитые мехом’ < як. хайыһар, хайысар ‘лыжи’ [5, с. 3253; 7, с. 475]. Пример:

(13) *Тэт хайсаар амутнэн ньобочэньи.* ‘Очень большой изгиб имеют твои лыжи’ [3, с. 326]

Животный мир: як. *кыыл* ‘дикое животное; зверь’ [1 (V), с. 419; 7, с. 215]. Пример:

(14) *Добоор, кыылтэгэлэн йуомэн, пуньмэн!* ‘Друг, зверюгу большую видел=я, добыл=я!’ [8, с. 134]

Жилище. Постройки и их части: *аранас* ‘лабаз’ < як. аранас ‘лабаз, кладовая на столбах; уст. могильный лабаз (на дереве)’ [1 (I), с. 531; 5, с. 133; 7, с. 45]; *күүлэ, куульэ* < як. күүлэ ‘сени, крытый ход в помещение (в якутском доме)’ [1 (V), с. 120; 7, с. 202]; *туннук* < як. туннук ‘окно, окошко’ [5, с. 2894; 7, с. 412]; *хос(хо)* < як. хос ‘комната’

[5, с. 3520; 7, с. 502]; як. *хотон* ‘хлев, коровник’ [5, с. 3531; 7, с. 503]. Примеры:

(15) *Тиндаа кэдэлэ эл кудэриэнуллэлэну, пурэн аранасха кудэриэнуллэлэна.* ‘Раньше людей не хоронили=они, клали=они наверху на лабазе’ [3, с. 465]

(16) *Ауяаа ауяаабандэ кэлуээн, күүлэбэ сэуээн.* ‘Вчера вечером прихожу=я, вошел=я в сени’ [8, с. 112]

(17) *Тунг ньидьэрпэй нимэбат маархан хос мэдьылба ат амуч.* ‘В этом новом доме одну комнату бы получить’ [3, с. 390]

(18) *Тэт ваай тэт туннуклэ йондичтэбанэн, тидэнг угаар пөдьэл вайи мэ лээй.* ‘Ты тоже приоткроешь свои окна, запах угара еще чувствуется’ [3, с. 124]

(19) *Монги, субуотныйк чии йавнэр хотонгинь ууни, тадаа чабадааччэни.* ‘Говорят, все участники субботника пошли в хлев, туда пошли работать’ [3, с. 534]

Кухня: *оһ(у)ох* < як. оһох ‘камин, камелек; печь’ [1 (VII), с. 358; 7, с. 279]; як. *суорат* ‘сорат’ (заквашенное кипяченное молоко) [5, с. 2347; 7, с. 343]; *ханьях ~ хайях ~ хайак* < як. хайях ‘кайа’ (сливочное масло, сбитое с теплым молоком и замороженное) [5, с. 3245; 7, с. 474]; *чохон* < як. чохоон, чохуон ‘чохон’ (сливочное масло, сбитое с теплым молоком и застывшее) [5, с. 3654; 7, с. 512]. Примеры:

(20) *Иидиэ оһуох кизийэ сабанэй.* ‘Ииде (зд. тетя, жена старшего брата) перед печкой сидит’ [8, с. 108]

(21) *Тунг суорат амутнэн валдьич.* ‘Этот сорат очень кислый’ [3, с. 62]

(22) *Омукчуур митинь лаамалэк тудэньишэ хайак, чохон, сукунэ хадьир кэчинунум.* ‘Омукчур нам на поклаже хайях, чохон, ткани всякие привозил’ [8, с. 244]

Развлечение: *ысыях* < як. ыһыах ‘ысыях’ (якутский праздник, посвященный солнцу и проводимый в последнюю неделю июня) [7, с. 531]. Пример:

(23) *Льукуолэл йандэ уйэги кэриэй. Йохопэл ысыахпэги.* ‘Крыло малого гуся линяет. У якутов – ысыях (зд. речь идет о 29-м дне июня по календарю юкагира Муску Прокония)’ [8, с. 206]

Прилагательные: *дохсун* ‘дерзкий’ < як. дохсун ‘дерзкий, наглый, буйный, пылкий; нахальный; стремительный’ [1 (III), с. 173; 5, с. 739; 7, с. 117]. Пример:

(24) *Мэт лыз дохсун нолэр кэвэчэн.* ‘Я-то еду из-за своей дерзости’ [3, с. 253]

Глаголы: *анаан* ‘очень, чрезмерно, слишком’ < як. анаан ‘(пред)назначаться, (пред)определяться, предписываться; быть назначенным, определенным; выделенный’ [1 (I), с. 460; 5, с. 102; 7, с. 41]; *батаа*= ‘сдерживать, удерживать’ < як. баттаа= ‘давить, нажимать; угнетать, притеснять; обижать’ [1 (II), с. 263; 5, с. 404; 7, с. 67]; *оһуохайдаа*= < як. оһуохайдаа= ‘танцевать осохай (якутский национальный танец, сопровождающийся хоровым пением-импровизацией участников)’ [1 (VII), с. 360; 7, с. 280]; *убаа*= ‘целовать’ < як. убаастаа= ‘уважать’ [7, с. 429]; *хайаайы* < як. хайаа= ‘делать, поступать каким-либо образом’ [5, с. 3243; 7, с. 474]. Примеры:

(25) *Анаан йуэульэй, йэвлугэ.* ‘Очень долго мучилась=она, бедная’ [8, с. 82]

(26) *Ичуок, ах йонгоги эл батаар, тиэннаабар йуораануй уорпэк ильэтиэчиэнунмэлэ.* ‘Смотри, из-за злости (не в силах сдерживать злость) идет=он ругать ребят, играющих там’ [3, с. 95]

(27) *Оһуохайдаар чилэ йавнуо валаанунум Экьадиэ.* ‘Всех танцующих якутский хороводный танец “осуохай” Экьадиэ увлекает (зд. вдохновляет хорошим исполнением зачина танца)’ [3, с. 62]

(28) *Йахтэрэн, йобулэк виэтэм, убаатэм.* ‘Напев, обнюхает=она (досл. носом сделает), поцелует=она’ [8, с. 80]

(29) *Уттэлгэ, көдэ шлэлэ хайаайы өрчуоризнутэм?! ‘Ох, как утомительно, (долго еще этот) человек будет покрикивать на оленей?!’* [3, с. 359]

Наречия: *алыс ~ алис* ‘очень’ < як. алыс ~ олус ‘чрезмерно, чрезвычайно, необыкновенно; очень, весьма, излишне, более того, черезчур, слишком, шибко’ [1 (I), с. 441; 1 (VII), с. 278; 5, с. 88; 7, с. 271]; *арай ~ арэй* ‘(и) вдруг, (и) вот, оказывается, однажды’ < як. арай ‘только, едва; а, и, вдруг, (и) вот’ [1 (I), с. 523; 5, с. 129; 7, с. 44]; *букатын ~ букатин* ‘совершенно, совсем’ < як. букатын, бугатын ‘совсем, вовсе, совершенно’ [1 (II), с. 483; 5, с. 538; 7, с. 80]; *дьэ ‘ну’* < як. дьэ ‘наконец(-то); ну’ [1 (III), с. 507; 5, с. 803; 7, с. 137]; *наар* < як. наар ‘все время, постоянно; всегда; срезмерно, слишком, чересчур’ [1 (VI), с. 430; 5, с. 1680; 7, с. 250]; *онуоха* ‘ну тогда’ < як. онуоха ‘на (это); и, (а) тогда; тут’ от указ. мест. ол ‘тот, та, то’ [1 (VII), с. 298; 5, с. 1845; 7, с. 269]; *оччофо* ‘тогда, в таком случае’ < як. оччофо ‘тогда, в то время; оттуда, с того времени, с той поры; прежде; в таком случае’ [1 (VII), с. 376; 5, с. 1908; 7, с. 282]; *синь* ‘все равно, все-таки’ < як. син ‘все равно, все одно; безразлично’ [1 (VIII), с. 411; 5, с. 2229; 7, с. 324].

Примеры:
(30) *Мол идьиз алыс пугэчэ чайлэк.* ‘Да очень теплый день’ [3, с. 248]

(31) *Тудэ кизийэ арэй ханьинэн эл йуольэлмэлэ йаан казак тудэ ньаачинь абуолги.* ‘И вдруг три казака, которых он никогда раньше не видел, встали перед ним’ [9, с. 45]

(32) *Көдэ – по-йу-уо-дьэрукунэк. Хайчиэ йэркэйэсиэнүмлэ. Арай, тан адуо йойаальэдул.* ‘Людей – много-о-го. Деда заставили=они камлать. Оказывается, тот мальчик заболел’ [8, с. 154]

(33) *Букатин мэтэк китнаамэлэ.* ‘Совершенно мне стал=он запрещать’ [3, с. 195]

(35) *Дьэ, последньэй мит йоходилэпэ мэ лауьусэч!* ‘Ну, по последнему разу нашим лошадам дали попотеть!’ [8, с. 46]

(34) *Наар пируодьэ чиик Курулэу-пэлдудизьа чамбиинаанунгул.* ‘Старику Курилэу помогалы люди, у которых всегда всего не хватало (зд. были бедными)’ [3, с. 327]

(38) *Онуоха, лэмкэун вафаричтуок йоходилэпэ?! ‘Ну тогда, с какой стати будем направлять (зд. пригонять отбившихся) лошадей?!’* [3, с. 220]

(34) *Оччофо тэньи албан пугулэрэутэй. Мэт тадаа пугулэрэул мэ чантайрэн.* ‘Тогда пусть здесь будет нагрето. Я там не смог нагреть’ [3, с. 390]

(32) *Халдэйбанэ синь мэ пэлтэм.* ‘Если убегу, все равно догонит=он’ [3, с. 233]

Вводно-модальные слова: *бысата* ‘в общем’ < быхата ‘короче (говоря), (одним) словом’ [1 (II), с. 765; 7, с. 95]; *хатэ* ‘(уж) лучше; зато; хорошо, что’ < як. хата ‘лучше; наоборот, напротив’ [5, с. 3395; 7, с. 488]; *бэл* < як. бэл ‘(и, но) даже’ [1 (II), с. 850; 5, с. 426; 7, с. 98]; *холобур* < як. холобур ‘например’ [5, с. 3457; 7, с. 494].

(36) *Йэрпэйэ пулгэйнубэ лаабар? – Элэнь, вальбар. – Хуодэн, “вальбар”?.. – Чавлаабар? – Бысата чавлаабар.* ‘На стороне восхода солнца? – Нет, на противоположной стороне. – Как на противоположной стороне?.. – На севере? – Да, в общем, на севере’ [3, с. 64]

(37) *Хадьираа, тэт уорпэ оорчиичэк хатэ!* ‘Хватит, лучше иди делать замечания своим детям!’ [3, с. 347]

(39) *Бэл сирин лахилги нондиэрэн ширэйуолдэ, лабабайнуни.* ‘Даже когда зашьешь непрочно заднюю сторону основания тордоха, (зд. нитка) развязывается’ [3, с. 289]

(40) *Тэн сабанэлэха, холобур, маархан көдэ мэ сунулэчлэм.* ‘Вот, например, кто-то один презирует нас, сидящих здесь’ [3, с. 98]

Междометные и бранные слова: *уру* (выражает положительные эмоции) < як. уру(уй), рууй ‘слава!’ (выражает радость, восторг, воодушевление) [5, с. 3070; 7, с. 442]; *хайриэн(ь)* ‘о, как жаль!, какая жалость!’ < як. хаарыан(ы), хаарыын ‘ох, как жаль!’ [5, с. 3370; 7, с. 468]; *саарынхы, сааринни, сааринги, саарингэ* ‘дурак’ < як. саараны ‘глупый, придурковатый’ [1 (VIII), с. 85; 7, с. 305].

Примеры:
(41) *Уру! Угунэн, пугэчэ альаайэпул титтэйлэк титтэ кэчина!* ‘Эй, как хорошо, что теплые печенки сами пришли!’ [9, с. 16]

(42) *Хайриэнь! Элэмдэльэк чууйнун.* ‘О, как жаль! Зря берегу=я’ [3, с. 501]

(43) *Чии тудуруу чаманэн эл абальвэльэк, саарингэ моннутэм.* ‘Среди людей находясь, громко не смейся, скажут=они “дурак”’ [4, с. 85]

Названия географических объектов. Топонимы: як. *Арбын* (урочище, возможно по названию одного из якутских родов) [5, с. 142]; *Тахсии* < як. тахсы(ы) ‘выход; дорога в гору, подъем’ [5, с. 2607; 7, с. 380]. Гидронимы: *Хара-Таала* < як. Хара-Таала ‘черный высокий гористый берег’ [5, с. 2533, 3329; 7, с. 371, 481].

Примеры:
(44) *Эиэ, Арбынгины уу-морийэн, нулийэ С. хандэйсэнүмлэ.* ‘Э, мне придется ехать в местность Арбын, попросили=они сопровождать дядю С.’ [3, с. 507]

(45) *Тан мит лалимэ мэнчуолбат, Тахсиица сэвэйли.* ‘С того-то места, откуда ездили за нашими нартами, вышли=мы к местности Тахсии’ [3, с. 276]

(46) *Мэт акаа лайэн эврэдаба Хара-Таалабан лодкалэк эврэсна.* ‘Когда твой старший брат в последний раз (здесь) был, прокатили=они (его) с собой на лодке по реке Харагал’ [3, с. 581]

Антропонимика. Клички животных: Кэрэмээс ‘Керемяс’ < як. кэрэмэс ‘темно-серый; сиводушчатый; сивый, седеющий’ [1 (V), с. 555; 5, с. 1042; 7, с. 222].

Пример:
(47) *Кэрэмээс (уоньши) аныбэ кизийэ Дашаньэнг анямэй.* ‘Керемяс (оценившаяся собака) на детской нарте спереди вместе с Дашей сидит’ [3, с. 48]

Разное: *айдаан* ‘драка; скандал’ < як. айдаан, айдаан ‘шум, крик, гомон, гвалт; скандал, дебош; суматоха, суэта; паника’ [5, с. 36; 7, с. 34]; *айи* ‘небо как доброе божество’ < як. айы ‘доброе начало; доброе божество, добрый дух’ [1 (I), с. 362; 5, с. 47; 7, с. 35]; *арбаа* ‘запад’ < як. арбаа ‘запад, западная сторона; зад, задняя сторона, спина; тыл’ [1 (II), с. 267; 5, с. 142; 7, с. 46]; *баттал* < як. баттал ‘притеснение, гнет; насилие, гонение; обида’ [1 (I), с. 546; 5, с. 405; 7, с. 67]; *билаат* ‘ткань’ < як. былаат ‘платок; шаль; шарф’ [1 (II), с. 688; 7, с. 92]; *бугул* ‘копна травы’ < як. бугул ‘копна (сена)’ [1 (II), с. 476; 5, с. 534; 7, с. 80]; *добоор* < як. добор ‘друг, спутник, товарищ’ [5, с. 727; 7, с. 115] (см. пример 14); *сэрэх* ‘опасность’ < як. сэрэх ‘опасение; (пред)осмотрительность, (пред)осторожность’ [1 (IX), с. 603; 5, с. 2170; 7, с. 369].

Примеры:
(48) *Танун суодэдэ нэмэн айдаан эвьэ.* ‘Кроме этого, каких драк не было’ [3, с. 460]

(49) *Арэй айин мархиль нолльэнь.* ‘Оказалась=она дочерью неба’ [9, с. 65]

(50) *Тан Маша арбаа ланудэн пөчэсэйлбуньиэдаба, мэ ньингилитиэнги.* ‘Когда та Маша хотела отправить (зд. покрывало для яранги) на западную сторону, начали ругаться=они’ [3, с. 318]

(51) *Туннэн идыинэ моноулдэ, чамадалдьэ-батталжа сабанэйли.* 'Так (это) теперь скажем, под гнетом царя жили=мы' [2, с. 259]

(52) *Туг пирога нямучэндэ билаатлэк умусэйинунуй.* 'Этот пирог закрываем красной тканью' [8, с. 264]

(53) *Бугул ульэгэдабанэ ваай моннунги "мэ ланбачэньи".* 'О траве в копнах тоже говорят=они "рыхлая, не плотная (есть)"' [3, с. 198]

(54) *Мирэмэдэ түдэл сэрэхнэй. Йуобан маранмэ палааснунум.* 'В это время она (зд. собака) представляет опасность (досл. имеет опасность). Запросто через голову снимает=она ошейник' [3, с. 363]

Широкое разнообразие в семантическом плане определено представлено заимствованными субстантивами и им отводится значительное место в словарном составе юкагирского языка. Часть якутских заимствований можно считать освоенными, поскольку они освоены фонетически (як. хамначыг 'слуга, батрак' > юк. хамуль. хандьаачэ), грамматически (як. сэрэх 'опасность' > юк. сэрэхнэй 'иметь, представлять опасность'), они словообразовательно активны (як. хайыһар 'лыжи' > юк. хайсар 'лыжи', хайруу 'изгиб', хайсэ= 'сгибать' и т.д.) и регулярно употребляются в речи (как, например, наречия и вводно-модальные слова). Тем не менее, часто встречаются окказионализмы (случаи смешения кодов в рамках одного слова), которые встречаются лишь однажды (или менее трех раз) в одном (или менее трех) источнике.

Сокращения: юк. – юкагирский язык, як. – якутский язык.

Список литературы:

1. Большой толковый словарь якутского языка. Т. I-IX. Под общ. ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004-2012.
2. Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.-Л.: АН СССР, 1958. – 288 с.
3. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.
4. Курилов Н.Н. Тидаанэ титэ моннунги (Раньше так говорили): пословицы, загадки, образные выражения, сравнения. Якутск: Дани Алмас, 2007. – 152 с.
5. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I-III. М.: Академия наук СССР, 1959. Электронный ресурс: <http://sakhatyla.ru/books/>
6. Харитонов Л.Н. Самоучитель якутского языка. Якутск: Книжное Издательство, 1987. Электронный ресурс: <http://sakhatyla.ru/books/>
7. Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. – 607 с.
8. Kurilov N. Tales from my mother Anna Kurilova. Эһиэ, Анна Курилова ньиэдьилпэ. Рассказы матери Анны Куриловой / Ed. С. Ode. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012. – 270 pp.
9. Maslova E. Yukaghir Texts. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. – 200 pp.

СПОСОБЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Кузина Оксана Александровна

Кандидат филологических наук, доцент каф. «Русский и иностранные языки», Омского государственного университета путей сообщения, г. Омск

В настоящее время одним из наиболее перспективных направлений в лингвистике является изучение языкового сознания человека с целью создания картины мира носителей того или иного языка. Одним из эффективных способов реконструкции картины мира является ассоциативный эксперимент – методика, которая основана на вербальных ассоциациях респондентов. В ходе ассоциативного эксперимента при восприятии слова-стимула в сознании носителя языка активизируется сложная, многоуровневая структура, отражающая образное представление о предмете или явлении, прототип предмета, соответствующий сценарий и связи в ментальном лексиконе. Этот метод позволяет установить связь между значением слова и его смысловым содержанием, которая возникает в процессе приобретения человеком опыта в рамках данной культуры.

Ассоциативный эксперимент как метод исследования используется разными авторами, среди них Г.А. Мартиросян, Е.Н. Гуц, Е.И. Горошко, А. Филиппович, А.А. Чернобров, Г.А. Черкасова, Н. Певная, Н.И. Береснева, Е.Н. Басовская, Н.И. Миронова, А.С. Филиппович, М.М. Сотникова, Е.В. Харченко, А.Г. Мартинович и многие другие. На основании данных эксперимента изучают гендерные различия в языковом сознании и проводят исследования ассоциативных полей людей, находящихся в необычном психофизиологическом состоянии. Эти данные используют для разъяснения вопросов природы вербальных ассоциаций, исследования языковой личности под-

ростка, изучения ассоциативных полей английских личных имен и прилагательных цветообозначений. На основании данных ассоциативного эксперимента анализируются и отдельные концепты, например, концепт *одиночество* [1, 2, 3, 4, 5].

Эксперимент проводится в виде анкетирования, при котором испытуемому предлагается список слов-стимулов. В процессе эксперимента испытуемые должны ответить, не задумываясь, на каждое слово-стимул первым, приходящим в голову словом или словосочетанием-реакцией. В результате исследования экспериментатор получает целый ряд реакций на слово-стимул, которые классифицируются исходя из конкретных целей и задач. Однако существуют общие способы анализа, которые в той или иной степени используются разными исследователями.

Все полученные реакции рассматриваются лингвистической и психолингвистической точки зрения. При анализе данных ассоциативного эксперимента с лингвистической точки зрения учитываются их формально-грамматические особенности. При этом реакции классифицируются как реакции-предложения, реакции-сказуемые, реакции-словосочетания и реакции словоформы, рассматривается распределение реакций по частям речи. Выявляются дополнительные смыслы слова, репрезентирующего исследуемый концепт, которые не отражены в толковых словарях.

С психолингвистической точки зрения ответы-реакции рассматриваются как разновидность речевых акций, результатом которых являются «тексты-примитивы»

[4, с. 93-99]. Эти тексты отличаются от текстов, порождаемых в результате коммуникативной деятельности, тем, что вторые являются составляющей иных видов деятельности и подчиняются их целям. Тексты, полученные в результате ассоциативного эксперимента, созданы по заданию экспериментатора и поэтому могут считаться текстами только условно, но, несмотря на это, они могут служить для оценки разных характеристик и особенностей языковой личности, например, языковых моделей реагирования на ситуацию, их изменение в зависимости от возраста и других факторов.

Существуют также разные уровни анализа данных, полученных в результате эксперимента:

– Уровень отношения между содержанием слов-ассоциатов. При этом выясняется, имеют или не имеют полученные реакции общих существенных признаков в своем содержании. На этом основании выделяют ассоциации по смежности, сходству, которые отражают основные виды отношений между явлениями объективной действительности и лежат в основе возникновения и закрепления в языковом сознании людей большинства словесных ассоциаций [4].

– Уровень порождения ответов-реакций. В этом случае рассматриваются стандартные (или стереотипные) реакции и индивидуальные реакции. Чем выше стереотипность реакции, тем слабее динамика языкового сознания. Авторы отмечают, что стереотипность реакций зависит от психоэмоционального состояния испытуемых, возраста в результате стресса [3]. Также следует отметить, что повышенная стереотипность реакции является гендерной и возрастной характеристикой [4, 2]. У девочек стереотипность реакций выше, чем у мальчиков того же возраста. Это объясняется тем, что девочки легче усваивают речевые нормы и для них более характерна автоматизированность оперирования языковым материалом.

– На уровне организации ассоциативного поля, которое задается и организуется словом-стимулом [4]. В ходе анализа ассоциативного поля выявляются все виды связей и отношений, возможных между единицами языка. Причем ассоциативная пара (стимул – реакция) рассматривается как его минимальная единица, а совокупность ассоциаций может рассматриваться как модель языкового сознания человека

Полученные в результате анализа ассоциативного эксперимента данные чрезвычайно разнообразны и имеют огромное значение не только для лингвистики, но и для

психолингвистики, когнитологии, культурологии, поскольку они открывают важную связь между сознанием индивидуума, коллективным сознанием и культурой.

Тот факт, что на результаты ассоциативного эксперимента могут влиять разные социальные и биологические факторы [3, 2, 1, 5, 6, 7, 8, с. 240–256.] – позволяет использовать эту методику для изучения как индивидуальных параметров личности, так и фрагмента группового образа мира со спецификой, определенной возрастом, полом, уровнем культуры, образования, местом проживания респондентов.

Список литературы:

1. Басовская Е.Н. Ассоциативное поле прилагательных-цветообозначений в русской языковой картине мира (по данным лингвистического эксперимента) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. **К.Р.Галиуллина**. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С.205.
2. Береснева Н.И. Свободные ассоциации как показатель когнитивного развития ребенка 6-7 лет (Тезисы) (<http://language.psu.ru>)
3. Горошко Е.И. Языковое сознание: Гендерная парадигма / Сб. науч. труд. "Методология современной психолингвистики". – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003.
4. Мартинович Г.А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента // Вопросы психологии, №2, 1993. – Стр. 93-99.
5. Миронова Н.И. Когнитивный анализ ассоциативного поля (мотивация, фокус внимания, фигура и фон, подлежащее предложения) // Международная конференция диалог. Материалы диалога 2002. Том. 1. Теоретические проблемы. (<http://www.dialog-21.ru>)
6. Певная Н. Специфика содержания концепта «одиночество» в русском языковом сознании/ Славянский научно-просветительский центр, 2005. (<http://www.slavcenter.ge>)
7. Попова Т.В. Ассоциативный эксперимент в психологии : учеб. пособие / Т.В. Попова. М.: Флинта: МПСИ, 2005. – 72 с.
8. Черкасова Г.Е. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная версия // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Сборник статей / Ред. Н.В. Уфимцева. М., 2004. – С. 240–256.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ АКЦИОНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОБЫТИЙ

Болдырев Николай Николаевич

доктор филологических наук, профессор, г. Тамбов

Логина Татьяна Викторовна

аспирант кафедры английской филологии, г. Тамбов

Функциональный потенциал английских акциональных глаголов в интерпретации событий заключается в их способности по-разному представлять само событие и его отдельные характеристики. При обозначении события на функциональном уровне они могут передавать его

в самом общем виде, имплицитно его аспекты, или акцентировать внимание на разных его характеристиках. Это обеспечивается за счет сочетания глагола с разными элементами предложения-высказывания: разные типы субъектов, объектов, обстоятельств (образа действия, меры и

степени, частотности), за счет употребления в разных типах конструкций: переходные/непереходные.

В то же время функциональный потенциал любого глагола определяется его когнитивной основой, представляющей событие в виде пропозиции и ее структурных компонентов, и способностью глагола фокусировать внимание на разных элементах пропозиции и их характеристиках. Соответственно для исследования семантических и функциональных особенностей акциональных глаголов представляется целесообразным применение **когнитивного подхода**, который позволяет объединять лингвистические и экстралингвистические знания о мире на основе единой концептуальной базы, дает возможность исследовать способность человека по-разному интерпретировать события окружающего мира в зависимости от собственного опыта и целей коммуникации.

К настоящему времени в лингвистике сложились разные подходы к изучению глагола. Более широкие перспективы для исследования открывает **функционально-семиологический подход**, возникший в русле когнитивного направления, поскольку он позволяет изучить конкретный способ формирования смысла в результате категоризации события в предложении-высказывании.

В качестве единицы языка глагол фиксирует определенное мыслительное содержание, в котором фиксируется то или иное представление о мире. Динамический характер глагола проявляется в возможности различного осмысления события в зависимости от условий и целей коммуникации. Значение глагола в процессе построения высказывания формируется как бы «на ходу» под влиянием лексического значения глагола, значения его грамматической формы, структурного значения предложения и ближайшего лингвистического контекста (см. подробнее: [2, с. 82-84]).

Поскольку объектом данного исследования являются английские акциональные глаголы, то представляется целесообразным напомнить признаки, по которым глагол может быть отнесен к предикатам действия. К их числу относятся:

- субъектные (активность, волеитивность, контролируемость субъекта);
- объектные (конкретно-результативное воздействие на объект, инактивность объекта, псевдо-активность объекта - для каузативных глаголов);
- аспектуальные (локализованность события во времени, его фазовая дискретность, точечность, кратность, длительность и результативность) (см.: [3]).

В качестве когнитивной структуры, репрезентирующей ДЕЙСТВИЕ на ментальном уровне и представленной в языке глаголом, а также предопределяющей формирование семантико-синтаксических конструкций, может рассматриваться **фрейм**. Именно данная структура позволяет представить, как фокусируется внимание на разных ее компонентах, специфических для каждого вида действия, или на действии в целом, что и лежит в основе разной интерпретации события.

Под **интерпретацией** будем понимать «процесс и результаты субъективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте

взаимодействия с ним. Это проекция мира, или мир, «погруженный» в индивидуальное сознание человека» (см. также: [4, с. 22]).

Обобщая вышесказанное, можно предположить, что интерпретация может иметь **объективный и субъективный** характер. Используя акциональный глагол, говорящий определенным способом интерпретирует событие: передавая его в самом общем смысле или акцентируя внимание на разных его аспектах.

В отношении глагола **объективная интерпретация** события сводится к констатации качества события без выражения субъективного отношения говорящего к нему. Общая интерпретация выступает в качестве естественной категоризации событий, опирается на их свойства, их описание. Таким образом, в ней доминирует дескриптивное значение.

Субъективная интерпретация события опирается на соотнесение свойств события с личной шкалой говорящего, содержит личное отношение говорящего или его реакцию. В данном случае доминируют не сами свойства события, а их оценка говорящим. При этом оценка может пониматься в самом широком смысле этого слова. Иными словами, индивид «оценивает» события, но оценка событий происходит не только с точки зрения «хорошо – плохо» или их «полезности», но и с точки зрения способа их концептуализации и категоризации в языке. Таким образом, **субъективную интерпретацию** можно соотнести с **оценочной интерпретацией**, которая предполагает схематизацию опыта (объектов и событий) в соответствии с коллективной и индивидуальной системой норм, идеалов, стереотипов, ценностей, на основе определения оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры. Оценочная интерпретация представляет собой языковую систему межличностной ориентации в мире, коллективно-индивидуальную систему взаимоотношений (см.: [5]).

И объективная, и субъективная интерпретация может быть общей и частной. Это означает, что акциональные глаголы общего и конкретного значений, актуализируя свое системное значение или модифицированное новое на функциональном уровне, могут давать событиям **общую и частную интерпретацию**.

Общая интерпретация связана с определением категориальной характеристики события в плане действия, процесса, состояния, отношения, каузации. Называя событие действием, состоянием или процессом, индивид интерпретирует событие, основываясь на своем жизненном опыте, представлении о том, каким должно быть событие, чтобы соответствовать конкретному категориальному типу и передаваемому смыслу. В системе языка глаголы с обобщенным значением (*create, destroy, drink, eat, go, move, say и др.*) дают событию общую интерпретацию.

Частная интерпретация события, в свою очередь, опирается на конкретные характеристики события (объект, материал, способ, скорость, интенсивность, инструмент и др.), заложенные в семантике глаголов с более конкретным значением (*bake, chat, command, lynch, sculpt и др.*). Таким образом, внимание говорящего фокусируется и на конкретном аспекте действия, и на специфике самого действия, будь то созидание, разрушение, перемещение и т.д.

Класс акциональных глаголов составляют глаголы разных лексико-семантических групп: говорения, созидания, разрушения и уничтожения, межличностного взаимо-

действия, потребления пищи и жидкости, движения и перемещения субъекта и др. Таким образом, событие действия может быть передано ими в самом общем виде (*create, destroy, do, make, move, take, give* и др.) без фокусировки внимания на разных его аспектах, следовательно, событие получает **объективную общую интерпретацию**. Данный вид интерпретации носит дескриптивный, описательный, характер, поскольку отражает существующее положение вещей. Глаголы с более конкретным значением (*bake, chat, kill, play, run, tail* и др.) дают событию **объективную частную интерпретацию**, поскольку в их семантике содержится информация не только о типе действия, но и составляющих его компонентах (субъект, способ, инструмент, место, объект и т.д.). Стоит отметить, что глаголы и с обобщенным, и с конкретным значением создают основу для субъективной интерпретации событий, поскольку способны передавать личное отношение говорящего к событию за счет реализации их функционального потенциала. Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что интерпретация события может осуществляться в нескольких направлениях:

1. Объективная интерпретация (отнесение события к конкретной категории: действие, состояние, процесс и др.), которая в свою очередь делится на

- общую (без выделения каких-либо аспектов в семантике глагола):

(1) While I was still trying to contain myself, she **was destroying** everything in my flat, throwing and breaking to pieces. Oh, if I had known the consequence of our conversation... [COCA]

(2) Cesarina **went her way**, without looking back, swaying her hips so that her skirt swished from side to side [COCA].

(3) Yesterday my mother **made** me some soup for dinner [COCA].

- частную (глаголы с конкретным значением):

(4) Miss Mable, who has diabetes and a bad back, **hobbles across** the lawn **toward** the old house in a misty rain [COCA].

(5) Karen **gobbles** a piece of pizza, then kisses me on my cheek, before rushing out the door with one of her friends, Gina or Gia, I can't remember which [COCA].

(6) It was dark in the garden... He wasn't sure if it was the moment for a kiss, so he **embraced** her [COCA].

2. Субъективная интерпретация (при «погашении» дескриптивного значения при доминировании оценочного компонента в семантике глагола):

- общая:

(7) Her sorrow **destroyed** amusement completely [BNC].

(8) The news **killed** him – one day he was fine, the next day he took to his bed, and that was that [COCA].

(9) His silence **spoke** volumes [COCA].

- частная:

(10) Inside shack, **fire** cheerily **gobbles** wood, good wood, stout wood, seasoned wood, warming two rooms well [COCA].

(11) Even the least expensive wedding dresses **would eat up** the majority of the money we've worked so hard to save [COCA].

(12) The wind **moaned** around the cabin like a wounded animal, rattling the door and the oiled paper at the main window [COCA].

Поскольку оценочная интерпретация события на функциональном уровне связана с реализацией категориального значения глагола, то она, также, как и глагольная категоризация, основывается на следующих основных принципах:

- **актуализация** системного акционального значения; модификация категориального значения;
- **перекатегоризация**, реализация признаков другой категории и, как следствие, переосмысление глагола для обозначения онтологически другого события;
- **поликатегоризация**, одновременная реализация глаголом признаков разных категорий (см. подробнее: [3]).

Основными когнитивными механизмами оценочной интерпретации событий являются профилирование, механизмы метафорического и метонимического переносов. Когнитивный механизм профилирования предполагает выделение какого-либо элемента фрейма или его отдельной характеристики для той или иной оценочной интерпретации события глаголом. Механизмы метафорического и метонимического переноса связаны с перекатегоризацией и поликатегоризацией глагола соответственно. Переосмысление значения акционального глагола осуществляется за счет синтаксических связей с нетипичными субъектами и объектами, элементами предложения, семантика которых погашает или сообщает некоторые категориальные признаки, употребления переходных глаголов в абсолютных конструкциях и др. В основе процесса перекатегоризации лежит механизм **онтологической метафоры** (понимание абстрактных явлений через конкретные) [6]. Поликатегоризация может быть двух видов: лексическая, заключающаяся в установлении нетипичных контекстуальных связей, не влияющих на категориальный статус, и синтаксическая, при которой сдвиг в лексическом значении влечет за собой и изменение категориального статуса.

В основе лексической поликатегоризации лежит механизм метонимии **синекдохального** (основанного на ассоциировании признаков: когда один из них составляет часть другого, имеющего более сложную структуру), **индикативно-знакового** (основанного на связи признака и его знакового показателя) и **каузального** типов (опирающегося на взаимозависимую связь причины и следствия события), а в основе синтаксической поликатегоризации – метонимия **обстоятельного** типа (основанная на ассоциировании действия с обстоятельствами его осуществления) [1, с. 8-18; 7, с. 248-254]. В качестве когнитивного механизма оценочной интерпретации событий может выступать и механизм **сравнения**, который помогает установить соответствие оцениваемого объекта или явления той или иной категории или системе ценностей.

В качестве языковых механизмов оценочной интерпретации выступают: сочетаемость с разными типами субъекта, объекта, обстоятельствами (образа действия, меры и степени, частотности), с нетипичными предложениями направления, именными сочетаниями с результативным значением, сообщающими глаголу иное значение, употребление в синтаксических конструкциях, изменяющих переходность глагола.

Таким образом, функциональный потенциал английских акциональных глаголов выполняет не только но-

минативную функцию, но и оценочную, интерпретирующую функцию, вследствие чего происходит совмещение естественной и оценочной категоризации событий.

Список литературы:

1. Агеева Н.Г. Типология и механизмы глагольной метонимии в современном английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1990. – 22 с.
2. Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты. С.-Петербург: РГПУ, 1994. 171 с.
3. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: монография. – С.-Петербург. – Тамбов: РГПУ/ТГУ, 1995. – 139 с.
4. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа модусных категорий // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации. Сборник статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной / Под редакцией Филимоновой О.Е., Кобриной О.А., Шарাপовой Ю.В. СПб.: ООО «Издательство «ЛЕМА», 2010. С. 17-27
5. Болдырев Н.Н. Два типа оценочных категорий в системе модусной категоризации в языке // От значения к форме, от формы к значению: сборник статей в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко. М., 2011. С. 73-86.
6. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. – 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.

НОМИНАЦИЯ И МОТИВАЦИОННЫЕ СВЯЗИ В ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Любезнова Наталья Владимировна

Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, ФГБОУ «Саратовский ГАУ имени Н.И. Вавилова», г. Саратов

Мотивированность – фундаментальное понятие синхронного словообразования, поскольку процесс словообразовательной мотивированности непосредственно связан с номинацией, отражающей результаты познания человеком реалий действительности, диалектическим взаимодействием данного, исходного с новым. Проблема мотивированности в лингвистике изначально связана с номинацией, с анализом механизма формирования в языке обозначения разных фрагментов действительности. Рематематическая природа словообразовательной инновации находит свое выражение в том, что «отношения мотивации устанавливаются между двумя однокоренными словами, одно из которых синхронически является с формальной и семантической точек зрения первичным, мотивирующим, а другое – вторичным, мотивированным, выводимым из него» [3, с. 21].

Как известно, существует несколько видов номинации: первичная (или прямая), вторичная, элементная, событийная (или ситуативная) и др. [1, с. 230-293]. Словообразовательная номинация занимает центральное положение среди других видов номинации, так как именно словообразование по своим главным функциям связано с возникновением и использованием названий. Цель словообразовательного акта – создание нового наименования, производное слово знаменует появление новой лексической единицы со своей собственной смысловой структурой, нового номинативного знака. Поэтому необходимо осмыслить словообразование с точки зрения того, как словообразование и его факторы (в том числе словообразовательная мотивированность) возникают и существуют для удовлетворения потребностей номинации реалий действительности. Ономасиологический подход к словообразованию позволяет по-новому взглянуть как на план содержания, так и на план выражения словообразования, поэтому словообразование может рассматриваться как деривационная ономасиология. «Важной задачей деривационной ономасиологии является

установление правил, диктующих использование определенного способа словообразования при необходимости выразить то или иное категориальное значение или отнести вновь обозначаемый предмет к одной из знакомых (ономасиологических) категорий данного языка» [2, с. 236].

По ономасиологической функции все знаменательные части речи делятся на две группы: имена существительные и части речи, выражающие признак в самом широком и обобщенном смысле (прилагательные, наречия, глаголы). Глагольная номинация, в отличие от именной, изучена недостаточно, поскольку глагол, в отличие от имени существительного, которое носит дискретный характер, называет недискретные реалии – переменный признак (действие, процесс, состояние).

Познавательная и объективирующая познание функции языка реализуются в самом его функционировании в двух сферах: в номинации и предикации. Процесс глагольной номинации, то есть называние какого-нибудь признака реалии, неразрывно связан с предикацией – познавательно-оценочным отношением предмета мысли к действительности, с соотношением нового с ранее познанным. Поэтому закономерен подход к глагольному слову как внутренней синтагме с двучленной ономасиологической структурой, содержащей данное и новое.

Номинативная структура, как и структура предикативная, всегда бинарна. Она содержит указание на базис (данное) и признак (новое). В качестве базиса при номинации выступает прежде всего обобщенная семантика части речи. На уровне словообразования базис и признак получают свои экспоненты в виде словообразующего форманта и мотивирующей основы. Для нас важно решить вопрос: что является в префиксальных образованиях базисом, а что признаком. Традиционно считается, что в приставочных глаголах мотивирующая основа – это базис (данное), а формант (в глаголообразовании словообразующим формантом является префикс или конфикс) – это новое [2, с. 282]. Однако лексикографическое толкование

(трансформация внутренних синтагм во внешние) глаголов свидетельствует о том, что к глагольному производному слову нельзя подойти так однозначно. В ономаσιологическом аспекте производный глагол может быть интерпретирован двояко: базисом может выступать префикс, а признак выражаться основой глагола, и, наоборот, в некоторых образованиях префикс выполняет функцию носителя признака.

М.В. Черепанов делит префиксальные глагольные синтагмы на следующие типы [4. с. 55-60]:

1) Синтагмы, в которых данное выражается основой (основа – поясняемое), а новое – префиксом (префикс – поясняющее). М.В. Черепанов называет такую детерминацию основной. Основная детерминация неоднородна, она наблюдается, во-первых, в глаголах исходных словообразовательных типов, СЗ которых указывают на перемещение в пространстве: *вбежать, выбежать, взбежать, прибежать, отбежать, забежать* и под. В подобных глаголах префикс несет только уточняющее значение: уточняет направление движения.

Во-вторых, основная детерминация наблюдается в глаголах, мотивирующая основа которых имеет семантику близкую или тождественную семантике СТ. Ср. СТ со словообразовательной семантикой «изготовить, произвести что-либо» *выковать (подкову), вывалить (валенки), выточить (деталь)* и др. В подобных глаголах главный компонент выражен основой, поясняющий – префиксом. Префикс выполняет функцию близкую к грамматической.

В-третьих, признаковую функцию выполняют глагольные префиксы с модификационными значениями. Ср., например, префиксальные глаголы со значением деминутивности: *поговорить, поглядеть, почитать, посидеть* и под.

2) Синтагмы, в которых базисом является префикс, а признаком – основа. Ср. *заездить, закормить, заласкать, залечить, захвалить* и др. Префикс несет базисную семантику «неумеренно-интенсивно воздействовать на кого-либо», а основа указывает на способ воздействия.

3) Синтагмы, в которых в качестве базисного компонента выступает конфикс. Ср. *забегаться, задуматься, заботиться, завратиться, засидеться* и др. Конфикс

(приставка + постфикс) выполняет детерминирующую роль.

СТ как динамическое образование неоднороден: в него могут входить мотивированные глаголы с основной детерминацией и с префиксальной. Ср. СТ формации «вы-» с СЗ «извлечь объект из пространства или среды» включает такие глаголы, как *выдоить, выкорчевать, выполоть, выпотрошить* (детерминация основная, т. к. мотивирующие основы указывают на извлечение) и *выварить (соль), выкопать, выкрутить (лампочку), вычесать (блох)* и под. (детерминация префиксальная, об этом свидетельствуют трансформации внутренних синтагм во внешние: *выварить* «извлечь, добыть из чего-либо варкой», *выкопать* «копая, извлечь»).

Учет префиксальных глаголов с тем или иным видом детерминации способствует более правильному выявлению различных наслоений в словообразовательных типах. В зависимости от того, какой из компонентов синтагмы является в номинативном акте исходным (даным), а какой компонент выполняет признаковую функцию выделяются и виды словообразовательной мотивированности глагола.

Таким образом, мотивированность тесно связана с потребностями номинации. Мотивированные наименования, возникшие в ходе словообразовательного акта, являются важной частью ономаσιологии.

Список литературы:

1. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. М.: Наука, 1977. С. 230-293.
2. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. М.: Наука, 1977. С. 222-304.
3. Левицкий В.В. Виды мотивированности слова, их взаимодействие и роль в лексико-семантических изменениях // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л., 1969. – С. 21
4. Черепанов М.В. Очерк словообразовательной типологии русского глагола: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.

ВОКЗАЛЫ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ СТАНЦИИ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА 1890-Х ГГ.

Любомищенко Татьяна Марленовна

Канд. филол. наук, доцент кафедры литературы, г. Таганрог

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00237

Изучение творчества А.П. Чехова побуждает многих литературоведов к поиску «констант художественного мира» писателя (И.Сухих), т.е. таких черт индивидуальной авторской манеры, которые, намечаясь в ранних рассказах Чехова, прослеживаются и в его зрелом творчестве. А. Чудаков, М. Горячева, Н. Разумова, М. Ларионова, В. Кондратьева и др. рассматривают произведения Чехова с точки зрения выявления в них доминантных для писателя принципов создания художественного пространства. М.О. Горячева указывает на «наиболее значимые пространственные единицы» в творчестве Чехова - «город, имение, сад, деревня, дорога, озеро, степь, небо, море» [1,

с 9], а Н.Е. Разумова в своей монографии «Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства», вводя понятия «основного топоса» и «сенсорной доминанты» [3, с.51], убедительно демонстрирует возможности «пространственного подхода» к изучению эволюции мировосприятия и художественной манеры Чехова.

Нам представляется, что к числу наиболее значимых для Чехова пространственных единиц с полным основанием можно было бы отнести топос железнодорожной станции (вокзала). Дорожный сюжет достаточно широко представлен в творчестве писателя, и те пространственные знаки, с которыми связан мотив остановки в пути, безусловно, должны быть наделены не только художественной, но и онтологической семантикой. Отметим и

тот факт, что роль такого пространственного знака в прозе Чехова первоначально играет постоянный двор, однако в произведениях послесахалинского периода почтовая дорога заменяется железной, а пространство постоянного двора постепенно уступает место пространству вокзала.

Безусловно, подобное замещение обусловлено биографически (длительное перемещение на писателя Сахалин «коннопешим» образом, без сомнения, уступает по комфорту переезду по железной дороге, который пока на такое длительное расстояние невозможен) и исторически (наибольший размах строительства железнодорожных путей в мире и в России во второй половине XIX в. приходится именно на период с 1880 по 1890 г.— 244,7 тыс. км. Тогда же были построены и вокзалы в крупных городах России [5, с. 17]). Однако образы, питаемые историко-биографическими источниками, приобретают у Чехова особую символическую глубину.

Так, в рассказе «Убийство» содержится своеобразная историческая справка: постоянный двор вдовы Авдотьи Тереховой, построенный ещё при Александре I, превращается в «полустанок, который назывался просто разъездом», а спустя десять лет он уже настоящая станция. От некогда богатого постоянного двора остается пристанционный трактир. Исторический экскурс в контексте рассказа имеет особую значимость: его персонажи с символической фамилией Богомолы теряют «старую веру», но так и не обретают новую. Название станции – Прогонная – формирует представление о промежуточности жизни, о механистичности пути, который не оканчивается обретением истины и гармонии с миром.

В этом рассказе, как и в большинстве других чеховских произведений 1890-х гг., изображена провинциальная жизнь – и станция показана маленькая, незначительная с точки зрения географии. Однако, в отличие от железнодорожных станций ранних рассказов, которые упоминались лишь как место комического, анекдотического происшествия («Жалобная книга», «Толстый и тонкий» и др.), вокзалы и станции в зрелой чеховской прозе маркируют границу – между деревней и городом, культурой и природой, социальностью и бытийностью. Показателями пограничности пространства станции являются «тишина», «темнота» и «пустота»: «... все тихо разошлись, и стало опять темно и пусть, и наступила та самая тишина, какая бывает только на станциях, одиноко стоящих в поле или в лесу, <...> когда чувствуется вся эта пустота кругом, вся тоска медленно текущей жизни [6, с. 32]. К показателям пустынности и безлюдья можно добавить ещё и признак невероятной жары, зноя. «Невесёлая станция, одиноко белеющая в степи, тихая, со стенами, горячими от зноя, без одной тени и, похоже, без людей» (244) – так описывает автор станцию Донецкой железной дороги в экспозиции рассказа «В родном углу».

Подчёркнутая удалённость железнодорожной станции от жилья у Чехова может выступать как средство характеристики уклада жизни («Село Уклеево лежало в овраге, так что с шоссе и со станции железной дороги видны были только колокольня и трубы ситценабивных фабрик» (417) - в повести «Мужики») или как средство психологической характеристики («жена старосты Мавра <...> во всю свою жизнь нигде не была дальше своего родного села, никогда не видела ни города, ни железной дороги» (285) – в рассказе «Человек в футляре»).

В повести «Моя жизнь» удалённость вокзала от города - «вокзал строился в пяти верстах от города» (123) -

объясняется прозаически: городское управление попыталось сэкономить на взятке инженерам-строителям. В окрестностях станции Дубечня, где разворачивается едва ли не большая часть событий повести, – поля озимых и яровых, вид которых рождает у героя радостное чувство, однако на самой станции «было жарко, пахло извёсткой, и рабочие вяло бродили по кучам щепы и мусора» (123). Таким образом, пространство станции выделяется из окружающей природы и приобретает признаки «нечистого» места.

«Нечистота» - это не только «развалины», «неубранство», «хлопающие ставни», «воры ночные и дневные», но и «хаос» (180), который понимается как состояние некоторого промежуточного пространства. В соответствии с традиционными представлениями всякое переходное пространство является «нечистым», его населяют существа, наделённые чертами inferнальности. В пространстве железнодорожной станции возникают призрачные фигуры: «Матвей оглянулся, но уже не было ни саней, ни мужика, как будто всё это ему только примерещилось» (35), чудовища: «собака мчалась по улице, <...> ей казалось, что её преследует по пятам какое-то чудовище» (122). Марья Васильевна («На подводе»), переживая поезд у переезда, узнаёт в женщине, стоящей на площадке одного из вагонов, свою умершую мать: «...такие же пышные волосы, такой же точно лоб, наклон головы» (264). Даже знакомые и близкие люди в окрестностях железнодорожной станции обретают «чужие» черты: «у ворот усадьбы или в саду меня встречало неожиданно милое привидение – она! Оказывалось, что она приехала по железной дороге и со станции пришла пешком» (160).

Однако главное демоническое существо пространства станции – это, конечно, сам поезд, который приобретает – вполне в духе монолога Феклуши из пьесы А. Островского «Гроза» - облик огнедышащего чудовища: «Шёл длинный товарный поезд, который тащили два локомотива, тяжело дыша и выбрасывая из поддувала снопы багрового огня. На переезде в виду станции передний локомотив издал пронзительный свист.

- Свистить... - проговорила Дашутка» («Убийство») (56).

Обратим внимание на важный акустический признак присутствия нечистой силы – свист. «Свист—явление, неизменно связываемое в народных представлениях с призывом зла, лиха, беды, нечистой силы» [2, с. 296]. Двойное упоминание о свисте – в объективно-повествовательной речи и в реплике Дашутки - способствует акцентуации важного звукового сигнала. «Пронзительным свистом» провожает проходящих мимо женщин и «чугунка» - так в повести «Моя жизнь» называются чернорабочие на строительстве железной дороги. Безликость толпы оборванцев и то, что в городе её все боялись, – тоже своеобразный признак «нечистой» природы.

Ещё один признак звукового самопроявления нечисти – брань, ругань. Упомянутая нами «чугунка» из «Моей жизни» «пила, ела, нехорошо бранилась» (122). «Как греховное, нечистое поведение брань соотносится с демонологическими персонажами», - отмечают авторы словаря «Славянская мифология» [4, с. 56]. С другой стороны, «брань широко используется в роли оберега: ею прогоняют лешего, домового, русалку, ходячего покойника, вампира и т.п.» [4, с. 56]. Восемнадцатилетняя Дашутка в чеховском рассказе отвечает работнику, который «выбрал её нехорошими словами», «скороговоркой длинную,

отборною бранью, которой она могла научиться в только в трактире у пьяных мужиков» (50). Дашуткина брань выступает, как видим, в функции оберега, защиты от чужой агрессии – и в бытовом, и в фольклорно-мифологическом смысле. С другой стороны, девушка, хоть и невольно, но оказывается соучастницей убийства, т.е. совершает греховный поступок, тем самым приближаясь к «чужому» пространству и нечисти, поэтому и «говорит» на языке нечисти.

В рассказе «Убийство» «нечистое» пространство железнодорожной станции, в котором вот вот-вот произойдет преступление, погружено в снежную бурю, метель. Следуя пушкинской традиции, автор видит в хаосе метели страшное присутствие бесовской силы: «Когда сильная буря качает деревья, то как они страшны! <...> Как ведьмы на шабаше, кружатся облака снега» (35), «... в это время пошёл снег хлопьями <...> он всё встряхивал головой, так как что-то давило ему голову и плечи, будто сидели на них бесы» (50). И в этом хаосе метели и бесовства уже не ясно, кто более греховен: убийцы, поддавшиеся звериному инстинкту, или жертва, Матвей, который тоже был одержим бесами («бес забрал меня окончательно и заслонил свет от очей моих своими погаными копытами» (39).

Само помещение железнодорожной станции или вокзала также имеет внешние признаки промежуточного, пограничного положения. Оно по сути является звеном, соединяющим природную и социальную жизнь. До сих пор эту функцию – и в русской классике, и в чеховском творчестве – выполняла усадьба. «Это прежде всего образ русской культуры вообще, как места осмысленной встречи русского человека с природным миром; за национальными чертами здесь отчетливо проступают черты эпохальные» – так характеризует роль пространства усадьбы в русской литературе В. Щукин [7, с. 10].

В чеховской прозе 1890-х гг. усадьба депозитизируется, а усадебная модель культуры профанируется, уступая место новой, вокзальной модели. Антропоцентричность усадебной организации жизни уступает место полицентричности случайных встреч, ни к чему не обязывающих знакомств, дорожных разговоров с целью скоротать время. Зависимость человека от звонков, предупреждающих об отправлении поезда, вокзального расписания, станционного и прочего железнодорожного начальства – всё это характеризует новый культурный топос и провоцирует изменение сущности героя.

Наиболее последовательно этот процесс представлен в повести «Моя жизнь». Усадьба Чепраковых – «очень старая, давно заброшенная» – продана за долги и стала помещением железнодорожной станции: мать Чепракова при продаже выговорила себе право жить в одном из боковых флигелей ещё два года и выпросила для сына место при конторе» (125). Пограничность положения бывшей усадьбы подчеркнута противостоянием прошлого и настоящего. «Барыня-помещица» генеральша Чепракова иногда вспоминает, что прислуга обязана её «величать превосходительством», учит сына правильно держать нож и встречает гостя вопросом: «Вы дворянин?» (126). При этом усадьба-станция характеризуется атмосферой одиночества, тесноты и вырождения: окна забиты досками, по двору ходят телята, сад, уже одичавший, заглушён бурьяном и кустарником, комнаты флигеля, в которых обитает бывшая хозяйка имения, загромождены мебелью, перене-

сённой сюда из большого дома. И снова реализуется метафора нечисти как сущности пограничного пространства: в самой барыне «было уже что-то мертвенное и даже как будто чувствовался запах трупа» (126).

Социально-культурные функции, которые традиционно выполняла барская усадьба, теперь переходят к вокзалу. На вокзале едят и пьют, и важным локусом вокзального пространства становится пристанционный трактир или буфет: «на станции подошли к буфету и выпили по рюмке хересу» («В овраге») (433), «можно было закутить, выпить пива» («Расстройство компенсации») (477), Саша на вокзале угощает Надю «чаем, яблоками» («Невеста») (504). Здесь, на вокзале, как ранее в дворянских усадьбах, концентрируется и духовная жизнь. На станции Прогонной в рассказе «Убийство» даже проходит всенощная церковная служба – как когда-то в домовых церквях.

На железнодорожной станции у Чехова звучит музыка («за платформой в толпе бойко играли на гармонике и на дешёвой визгливой скрипке») («Анна на шее») (15); на станции, описанной в рассказе «Расстройство компенсации», собираются дачники в ожидании свежих газет и новостей, которые привозит курьерский поезд, здесь же стоит книжный шкаф – можно посмотреть книги. Как тут не вспомнить еврейский оркестр («четыре скрипки, флейта, контрабас»), который приглашают хозяева вишневого сада, персонажи последней чеховской пьесы, а также знаменитый «многоуважаемый шкаф» – в имении, которое тоже из усадьбы постепенно превращается в вокзал, ведь отсюда по железной дороге вот-вот разъедутся прежние хозяева, и вскоре «понаедут» дачники...

Основные элементы пристанционного пейзажа тоже покажутся читателю знакомыми: лунный свет, заливающий платформы, по которым гуляют дачники, пруд («луна отражалась в пруде») (15), сад, переходящий в поле и степь, кусты сирени, «крик кузнечиков», собака, сопровождающая гуляющих. Всё это калькированные элементы традиционного усадебного мира, однако мир этот, концентрируясь вокруг вокзала, утратил прежнюю устойчивость, и теперь его обитатели – люди временные, «дачники и горожане, приезжавшие сюда в хорошую погоду подышать чистым воздухом» (15).

Таким образом, вокзал и железнодорожная станция не только наделены семантикой пограничности, но и становятся частью «дачного» пространства многих чеховских текстов 1890-х гг. «Дачный» текст, с одной стороны, профанирует и десакрализует «усадебный», с другой – отражает ощущение неустойчивости мира, временности – жилья и жизни. Ощущение подвижности жизни, необходимости принять важное решение настигает героев чеховских рассказов на вокзале («Дама с собачкой», «О любви», «Расстройство компенсации»); в купе поезда («Печенег», «Невеста») или у переезда («Убийство», «На подводе»), вот только достичь желаемой гармонии с миром никому из них так и не удаётся.

Литература

1. Горячева М.О. Проблема пространства в художественном мире А.П.Чехова: Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. М., 1992. – 16 с.
2. Плотникова А.А. О символике свиста// Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. Отв. ред. С.М. Толстая - М.: Изд-во "Индрик", 1999. – С.295 - 304.

3. Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск.: Томский государственный университет, 2001. – 522 с.
4. Славянская мифология, Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 512 с.
5. Сотников Е.А. Железные дороги мира из XIX в XXI век. М.: Транспорт, 1993. – 200 с.
6. Чехов А.П. Собр. соч. в 12-ти тт. Т.8. – М.: ГИХЛ, 1956. – 556 с.
В тексте статьи ссылки на произведения А.П. Чехова даются по этому же источнику с указанием номера страницы в круглых скобках после цитаты.
7. Щукин В. Поэзия усадьбы и проза трущобы // Вест. МГУ. Серия 9. Филология. 1994. № 2. С. 9-17.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

Марченко Юлия Михайловна

Соискатель Факультета иностранной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского. г. Симферополь

Основную часть лексического состава языка составляет исконная лексика, которая отражает национальную самобытность народа. Наряду с исконной лексикой в языке функционирует большой пласт заимствованной лексики, отражающий экономические, культурные, общественно-политические контакты народа с другими странами и народами. В лингвистической науке данный пласт известен под термином «заимствованная лексика». Заимствование – это элемент чужого языка, который проник в язык и прошёл или проходит постепенную адаптацию и имеет достаточно определённую сферу функционирования [цит. по 1].

В XIX веке нидерландские лингвисты, такие как, Э. Мультагули, В. Билдердейк и др., старались освободить нидерландский язык от всего архаичного в области спеллинга и лексики. По мнению лингвистов, это был процесс в значительной степени, субъективный, и управляемый. В XX в., в особенности после Второй мировой войны, в нидерландский язык стало проникать большое количество иностранных заимствований – процесс объективный, стихийный и почти неуправляемый [2].

Важным направлением исследований нидерландского (фламандского) языка является изучение изменений, которые происходят в словарном составе этого языка. В последнее десятилетие лексический состав нидерландского языка значительно увеличился за счёт заимствований из английского языка. Некоторые заимствования не имеют эквивалента в нидерландском языке. Однако существуют английские заимствованные лексические единицы, имеющие эквиваленты в нидерландском языке, но употребляемые в процессе коммуникации в своём английском варианте. По словам Рональда ван дер Кроля влияние английского языка на нидерландский происходит не только за счёт увеличения количества лексических единиц, но и на других языковых уровнях, грамматическом и фонетическом (например, произношение имён собственных, географических названий) [6].

В Большом словаре нидерландского языка Ван Дале (*Van Dale Groot woordenboek van de Nederlandse taal*) лексические единицы, заимствованные из английского языка или образованные с помощью морфем английского языка имеют пометку «Eng». О.О. Гончарова проводит исследование слов и выражений, сохранивших английскую форму в нидерландском языке (иногда с небольшими изменениями в написании) в количестве 4092 единицы, и разделяет их на следующие лексико-семантические группы:

- военное дело (44 единицы);
- экономика (553 единицы);
- средства массовой информации (115 единиц);

- компьютерные технологии и техника (558 единиц);
- культура и искусство (463 единицы);
- медицина (69 единиц);
- окружающая среда (93 единицы);
- наука и образование (186 единиц);
- социальные отношения (414 единиц);
- спортивная лексика (414 единиц);
- табуированная лексика и сленг (95 единиц);
- транспорт (213 единиц).

В процессе заимствования наблюдаются также грамматические изменения. Нидерландский язык включает в себя 1022 единицы гибридных нидерландско-английских композитов, из которых 587 являются существительными, 46-прилагательными, 389- глаголами [4, с. 78].

На современном этапе наибольшее обогащение лексики нидерландского языка за счёт заимствований с английского языка наблюдается в таких сферах, как культура, искусство и спорт (*bestseller, bodypainting, cast, fantasy, limelight, snapshot, soundtrack*), современные компьютерные технологии (*browser, computer, printer, hacker*), индустрия развлечений (*aquapark, cinema, cafe*), средства массовой информации (*columnist, digizine, factsheet, multichannel, narrowcasting, playbackshow*) и т.д.

Часть слов, образованных в нидерландском языке с помощью лексического материала английского языка, отсутствует в английских словарях. Таким образом, такие сложносочинённые слова получают в нидерландском языке новое значение, отличное от значения отдельных английских слов, из которых оно состоит. Например, *dinnerdate, dressboy, onemanshow, personalityglossy, activitycenter, afterclub, babymoon, babyshower, bar-dancing, housewarmingparty, babydoll, lovehandles, mediaplanner, messboy, streetcornerwork, supernanny u m.ð* [8].

В сфере компьютерных технологий и интернет-коммуникаций много терминов являются интернациональными и, подобно другим языкам, нашли место и в нидерландском языке. Так слово *computer* было заимствовано в нидерландский язык в 1965 году, но на сегодняшний день существует несколько вариантов названий этого устройства. Например, *homecomputer* (от англ. *home+computer*) или *personal computer*, а также *simputer* (от англ. *simple+computer*). Встречаются такие названия как *desknote* (от англ. *desktop+notebook*), *laptop* или *notebook, subnotebook* (вот англ. *sub+notebook*), *netbook, handcomputer* (от англ. *hand+computer*) или *palmtop*[8].

Часто, во время общения с представителями других государств, процесс коммуникации происходит быстрее и эф-

фективнее при использовании заимствованных слов, когда нет необходимости задумываться, как перевести то или иное слово с одного языка на другой.

В процессе заимствования в нидерландский язык существительные английского языка приобретают характеристики существительного нидерландского языка: род, число, падеж, категория определённости или неопределённости (выражается при помощи неопределённого артикля *een* и определённых артиклей *de i het*) [3]. Категория рода у заимствованных лексических единиц представлена артиклями: мужской и женский род существительного имеет артикль *de* – *de cab, de daisy, de earl, de facelifting*; средний род – артикль *het*: *het assessment, het callanetics, het dartboard, het eclectic, het idol, het longboard, het modem, het nursing, het overstatement, het roll-over, het touchscreen* [8].

Категория множественного числа для заимствованных слов образуется по грамматическим правилам нидерландского языка с помощью прибавления окончания *-s* к форме единственного числа, т.е. англоязычные заимствования сохраняют ту же форму множественного числа, какую они имеют в английском языке. Например, *captains, dresscodes, videogames, warehouses* [7]

Одновременно со словами, которые заимствуются в нидерландский язык из английского без изменений или с небольшими изменениями, существуют также слова, которые калькируются в нидерландский язык, т.е. образуются путём точного их копирования средствами нидерландского языка. При калькировании простых существительных английского языка некоторые слова сохраняют тоже самое значение, которое было в исходном языке, например: *jumper* (от англ. *jumper*), *kuster* (от англ. *coaster*). Сложные существительные, заимствованные из английского языка, подвергаются частичному калькированию, т.е. одна часть слова остаётся английской, другая переводится на нидерландский язык. Например, *flashgeheugen* (от англ. *flash memory*), *pocketboek* (от англ. *pocketbook*), *supermarkt* (от англ. *supermarket*) и т.д. [4, с. 80].

Имена прилагательные, которые заимствуются в нидерландский язык, также как и имена существительные, либо сохраняют свою первоначальную форму (*dizzy, eager, fair, groggy, happy*), либо изменяются согласно правил словообразования нидерландского языка (*protectionistisch* (англ. *protectionistic*), *glamoureuus* (англ. *glamorous*), *pervasief* (англ. *pervasive*)) [8].

Процесс грамматической адаптации глаголов, заимствованных из английского языка, происходит при помощи добавления окончания *-en*, например, *to close – closen*. В целом процесс спряжения глаголов английского происхождения совпадает со спряжением собственно нидерландских глаголов с небольшими исключениями в правописании, утверждёнными Союзом Нидерландистов (*Nederlandse Taalunie*) [5].

Таким образом, можно утверждать, что нидерландский язык, подобно многим другим языкам, подвергся сильному влиянию со стороны английского языка. Многие для упрочения статуса нидерландского языка делается Нидерландским языковым союзом (1980) и нидерландско-бельгийской межправительственной организацией. Однако позиция северян (нидерландцев) по отношению ко всему иностранному значительно менее критичная, чем позиция южан (фламандцев). Последние, в условиях языкового противостояния внутри Бельгии, на практике практически не употребляют слов, заимствованных из французского в нидерландский. Фламандцы используют вместо французского понятия либо голландское слово, либо, если такового не имеется, английское.

Литература

1. Абдуллин Е.М. Английский подпласт заимствованной лексики современного литературного татарского языка. [электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/angliiskii-podplast-zaimstvomannoi-leksiki-sovremennogo-tatarskogo-literaturnogo-yazyka#ixzz2ndiNmcnD>
2. Белоусов В.О. Голландский? Фламандский? Нидерландский! [электронный ресурс] – режим доступа: http://www.doenned.org/index.php?option=com_content&view=article&id=72&Itemid=219&lang=r
3. Берков В. П. Современные германские языки: Учеб. / В. П. Берков.— 2-е изд., испр. и доп. — Москва: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2001. — 336 с.
4. Гочарова О.О. АНГЛІЙСЬКА МОВА В КОМУНІКАТИВНОМУ ПРОСТОРІ НІДЕРЛАНДІВ У ХХ-ХХІ СТ. дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 – германские языки / Олена Олегівна Гончарова. – Київ – 2011. – 309 с.
5. Boon Ton den. Ik googel, jij googelt: Engelse werkwoorden in het Nederlands / Ton den Boon. – Druten: BnM Uitgevers, 2007. – 120 p.
6. Krol Ronald van de. Native English for Nederlanders. A personal, cultural and grammatical guide. 6-de druk / Ronald van de Krol. – Amsterdam: Business Contact, 2008. –с. 78 – 104
7. Margreet Kwakernaak, Theodoor Puttemans Le Néerlandais pour les nuls, 2e édition/ - Paris, 2012. – 279p.
8. Van Dale Groot woordenboek van de Nederlandse taal [электронный ресурс]. / [hoofdredacteur drs. C. A. den Boon, prof. dr. D. Geeraerts]. – Veertiende druk 2005 en digitale aanvullingen (Jaarboek taal 2007, 2008, 2009, 2010). – Utrecht: Van Dale Uitgevers, 2010.

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ТЕРМИН»

Мирошниченко Лариса Николаевна

старший преп. кафедры иностранных языков НИУ «БелГУ», г. Белгород

Теоретические исследования по проблемам сущности и функционирования термина в языкознании имеют давнюю традицию. Вопросам теоретического терминоведения посвящены работы отечественных лингвистов Д.С. Лотте (1931), А.А. Реформатского (1932), Г.О. Винокура

(1939), Л.А. Капаназде (1965), Т.Л. Канделаки (1970), В.П. Даниленко (1973), В.М. Лейчика (1974), Б.Н. Головина (1987), Р.Ю. Кобрина (1989), С.В. Гринева (1990), М.Н. Володиной (1993), В.А. Татарина (1996) и др. Современное терминоведение представлено широким спектром

направлений, решающих как теоретические, так и практические задачи, где основным объектом исследований выступают лексические единицы специальных областей знаний. Распространение научных идей когнитивизма послужили основой для выделения в конце XX века самостоятельного направления в исследовании терминов - когнитивного терминоведения, которое В.М. Лейчик охарактеризовал как пятый этап в развитии отечественной науки о терминах. По мнению ученого, это «не просто еще одно направление в теоретическом терминоведении, а фактически новая система взглядов на термин, терминологию, терминосистему, терминодержащие тексты разного характера» [7, с. 235].

Целью нашей статьи является рассмотрение теоретических подходов к осмыслению сущности термина с точки зрения лингвистических, терминоведческих и когнитивных позиций, а так же выявление различий среди них.

Проблема точной и общепринятой дефиниции термина является актуальной для современной лингвистики. В.П. Даниленко в монографии, посвященной терминологической лексике русского языка, приводит 19 определений «термина» различных авторов [6: с. 83–86]. Поиски наиболее адекватной дефиниции термина связано, прежде всего, с установлением соотношения между термином и словом, термином и понятием.

Лингвистического подхода к определению термина придерживался основоположник отечественного терминоведения Д.С. Лотте. Ученый рассматривал термин как особое слово в лексическом составе естественного языка, которое «в противовес обычному слову (или словосочетанию) должен иметь ограниченное, твердо фиксированное содержание ... вне зависимости от контекста» [9: с. 5]. На основе такой трактовки, к термину выдвигались следующие требования: краткость, устранение многозначности, синонимии, омонимии, позднее последовательными ученого число требований было расширено до пятнадцати. В настоящее время большинство лингвистов и терминоведов подвергают критике наличие требований к термину и отклоняют понимание термина как особого слова лексической системы языка.

Функциональный лингвистический подход, предложенный Г.О. Винокуром в 30-е гг. XX века, рассматривает термины как «слова в особой функции» [4: с. 5], подчиняющиеся общим законам языка. Данный подход предполагает, что любая лексическая единица, выполняющая номинативную функцию и обозначающая специальное понятие в системе понятий, может стать термином, то есть лексической единицей, обладающей признаком термина. При этом системные характеристики термина уходят на второй план по сравнению с особенностями функционирования термина. В качестве основных процессов функционирования лексической единицы как термина являются процессы терминологизации и детерминологизации, определяющие состояние лексической единицы на пути от термина к нетермину и наоборот.

Современный терминоведческий подход придает термину статус особого объекта, отличающегося от слов и словосочетаний естественного языка в лингвистическом понимании. В.М. Лейчик определяет термин как «сложную трехслойную лексическую единицу того или иного ЯСЦ» и разграничивает следующие составляющие термина: естественноречевой субстрат, логический су-

перстрат и терминологическую сущность, выражающуюся в обладании термином рядом содержательных и формальных признаков. На основе этого В.М. Лейчик дает такую формулировку: «Термин - лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее - конкретное или абстрактное - понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [8: с. 31]. Данная дефиниция не отрицает обладания терминами всеми семантическими и формальными признаками языковых лексических единиц, но подчеркивает, что слово становится термином только в языке специальных целей и служит средством наименования специальных понятий. Кроме того, по мнению автора, термины являются элементами терминосистем, отражающих теории специальных сфер деятельности.

Проведенный анализ определений термина, предложенных языковедами и терминоведами в конце XX - начале XXI вв., позволяет выделить следующие аспекты, характеризующие термин:

1. Термин имеет языковую природу и представляет собой номинативно значимое слово или словосочетание (Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю., Володина М.Н., Даниленко В.П., Канделаки Т.Л., Татаринцов В.А. и др.).
2. Термин выражает специальное (профессиональное) понятие определенной области знания или конкретной практической деятельности человека (Володина М.Н., Гринев С.В., Лейчик В.М., Немченко В.Н., Суперанская А.В., Шайкевич А.Я., Даниленко В.П. и др.).
3. Термин создается (заимствуется или принимается) для концентрации, фиксирования хранения и передачи информации (Ахманова О.С., Володина М.Н., Лемов А.В.).
4. Термин ограничивается дефиницией и местом в определенной терминосистеме (Шелов С.Д., Володина М.Н., Даниленко В.П., Канделаки Т.Л., Комарова З.И., Суперанская А.В.).

В когнитивном терминоведении вопрос о соотношении термина и понятия углубляется за счет введения в терминоведческий оборот понятий «концепт», «концептуальные структуры», «форматы знания». Под концептами понимаются «те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания» [2: с. 23]. В этой связи термин представляет собой «вербализованный специальный концепт, появляющийся и совершенствующийся в процессе познания» [8: с. 99].

Следует указать на то, что понятие является результатом рационального отражения и осмысления наиболее общих, существенных признаков предмета или явления [10: с. 118]. Концепт, напротив, может отражать один или несколько признаков объекта, в том числе и не существенных.

Е.И. Голованова характеризует отношение между понятием и концептом как «челночные отношения»: «специальное понятие конструируется на основе (или с привлечением) концепта как элемента общего, «разделенного» знания, в процессе развития науки и ее взаимодействия с общекультурным знанием содержание понятия частично включается в содержание концепта, что, в свою очередь, влияет на дальнейшее развитие понятия» [5: с. 14]. Таким образом, говоря о содержании термина,

его формирование идет по пути от концепта к понятию, где концепт представляет собой «стихийное обобщение специального знания», а понятие является результатом его теоретического обобщения. Следует обратить внимание на то, что формирование специальных концептов происходит не только на основе теоретико-практической или теоретико-познавательной (научной) деятельности, но и на основе чувственного опыта, о чем свидетельствуют термины-метафоры и метонимии.

Важным фактором переосмысления определения термина является его понимание в качестве динамического образования в процессе познания и профессиональной деятельности. Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова отмечают, что термин следует рассматривать как «... компонент динамической модели языка, диалектически сочетающей в себе стабильную знаковую систему и ее постоянное переосмысление ...» [1: с. 15]. Таким образом, термин с позиций когнитивного подхода детерминирован как вербализатор результата появления в процессе когнициции специальных концептов, которые функционируют в дискурсе. В.М. Лейчик приводит следующее определение термина: «Термин - динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когнициции), перехода от концепта - мыслительной категории - к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [8: с. 22].

Отличительной чертой когнитивного направления в терминоведении является также рассмотрение термина как результата сложного взаимодействия коммуникации и когнициции в семиотическом пространстве определенной области знания и деятельности. В связи с этим объектом когнитивного терминоведения становится дискурс и термин рассматривается как когнитивно-дискурсивная единица языка, представляющая собой «информационно-когнитивную структуру, в которую входят специальные знания той или иной сферы деятельности человека, и активирующаяся в прагматических условиях в зависимости от типа коммуникации» [3: с. 19].

Подводя итог проведенному теоретическому обзору, следует отметить, что различие подходов к рассмотрению основных проблем, связанных с определением термина, свидетельствует о сложности и многогранности

данного языкового явления. При выборе подхода, по нашему мнению, следует руководствоваться исследовательскими задачами.

Список литературы:

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2002. - 199 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. Изд. 2-е, стер. - 123 с.
3. Бригиневиц В.Е. Англоязычная терминология альпинизма (структурный и когнитивно-дискурсивный подходы): автореф. дис. ... канд. фил. наук. - Пятигорск, 2014. - 29 с.
4. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. - Т.У. Сб. статей по языковедению. М., 1939. - С. 3 - 54.
5. Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского гос. универ-та. 2013. №24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. - С. 13-18.
6. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977. - 248 с.
7. Лейчик В. М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. М.: Рязань, 2007. - С. 121– 133.
8. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 5-е, испр. и доп. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. - 264 с.
9. Лотте Д.С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов. - М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. - 24 с.
10. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - М.: АСТ Восток - Запад, 2007. - 314, [6] с. - (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).

О СПЕЦИФИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ИНОЯЗЫЧНЫМ МАГИСТРАНТАМ-ФИЛОЛОГАМ

Мухортов Денис Сергеевич

канд. филол. наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

На протяжении ряда лет в России осуществляется обучение иностранных учащихся по магистерским программам типа «Русский язык и культура в современном мире». Одним из обязательных предметов в профессиональном цикле базовой части является английский язык. В связи с этим невольно возникает проблема качественного и дифференцированного подхода к преподаванию этого предмета, а, следовательно, поиск путей ее решения. Эта тема неоднократно обсуждалась в научном сообществе [2;

3; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 12], однако дискуссионным не всегда удавалось уйти от излишнего теоретизирования, и поэтому на сей раз хотелось бы изложить свою точку зрения по некоторым важным моментам практического плана, которые на проверку оказываются непростой задачей для преподавателя-практика.

Трудности начинаются с первого урока, когда происходит знакомство. Ритмико-интонационные и произносительные особенности представителей Таиланда,

Китай, Кореи, Турции, Японии и других стран заставляют прислушиваться к конкретному человеку, пытаться разобрать имя, правильно воспроизвести и запомнить его.

Учитывая многочисленность китайских слушателей, основные сложности возникают с китайскими именами. В отличие от русских, жители азиатско-тихоокеанского региона называют своих детей новыми именами, причем в каждое имя вкладывают надежду на то, что их ребенок будет особым, неповторимым, с преобладанием определенных качеств, эти чаяния вкладываются в именную иероглиф, тоновый рисунок имени или в полифонию слова. Так, например, китайское женское имя «Ын» обозначает «умная», «Лулу» – «цапля», мужское имя «Шу» – «восход»; корейское мужское «Доюн» – «мерцающий, мелькающий»; тайское женское «Ангсана» – «желтый цветок», «Сивапорн» – «благословение».

Неожиданным также является то, что, представляясь, студенты называют свое имя полностью, причем первой идет фамилия, а вторым – имя. Просьба преподавателя ограничиться лишь именем вызывает недоумение, из чего можно заключить, что в лингвокультуре региона является значимым произносить фамилию и имя одной ритмической группой. Для русского уха, не привыкшего к словам с таким звучанием, все это кажется диковинным, а в повседневном общении вызывает неудобство. Чтобы его избежать, наиболее простым выходом из ситуации будет попросить студентов написать большими буквами свои имена на листке бумаги, сложить его втрое и поставить перед собой. Постепенно эти слова станут привычными, и память будет их выдавать с такой же легкостью, с какой мы произносим «Джек», «Мэри», «Ник», «Джонатан» или «Мэгги». Однако даже после просьбы написать только имя, студенты будут писать на бумаге фамилию и имя, и преподавателю нужно быть готовым к тому, чтобы обращаться к студенту так, как он того хочет: «Ли Линь», «Янь Пэйцзюнь», «Дин Сяоюй».

Однако если «Ли Линь» звучит как одно слово, то «Янь Пэйцзюнь» – четко как два, а это вне «наших» традиций обращения к студенту.

Проблематичным является не только произнесение, но и чтение этих уникальных антропонимов. Особенно китайских. Сделаем небольшое отступление и поговорим ряд моментов.

Следует признать, что немногим русским преподавателям английского языка известны тонкости передачи имен собственных (ИС), изложенные, например, во всеобъемлющем труде Д.И. Ермоловича «Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи», в котором собраны и систематизированы правила регулярной практической передачи иноязычных собственных имен.

Среди прочих иностранных наречий китайский язык выделяется особо. В 1979 г. КНР через ООН потребовала от других стран применять единую систему передачи китайских ИС на латинице – «пиньинь» (Pinyin). Как бы кто не сопротивлялся, «система пиньинь получила практически безоговорочное признание и применение в СМИ и коммуникации всего мира» [5, с. 396]. Так, например, в кириллической транскрипции имя Цюй Цюбай при записи в *пиньине* выглядит как Qu Qiubai, Чжао Куаньинь – как Zhao Kuangyin, а имя «великого кормчего» Мао Цзэдуна – как Mao Zedong. И, не зная этих тонкостей [5, с. 396-406], правильно китайское имя не передать. Так и произошло в моем случае.

В группе оказалась китайка Сюнь и парень Сюй, причем первый слог в том и другом имени в русской фонетической транскрипции звучит как [шу], концовка женского имени произносится едва разборчиво. Когда студенты сдавали свои тетради в первый раз, все подписали на русском, а на одной из них было написано “Ху”. И было ощущение, что парень решил написать английское местоимение “he” по-русски, чтобы мне было понятно, что это писала не Сюнь. На уроке казус легко разрешился. “Ху” на пиньинь – Сюй.

Следующей задачей преподавателя является определить языковой уровень студентов.

По разным причинам филфак не может обеспечить магистрантов постоянным штатом преподавателей по английскому языку. С одной стороны, это хорошо, поскольку есть возможность знакомиться с новыми людьми и их подходами к обучению языку. А, с другой, не очень, так как уходящий преподаватель не оставляет отчет о знаниях студентов или хотя бы краткую заметку о проделанной работе и достигнутых результатах. В работе нет преемственности, а значит, нет системности. Это ведет к отсутствию понимания, к какому общему знаменателю нужно идти и какие требования на выходе предъявлять студентам. Нередко получается так, что преподаватель, доставшийся группе последним, и есть тот человек, который будет принимать экзамен, при этом делать это без учета тез знаний, умений и навыков, которые в студентов вкладывали предшественники. Причем порой в силу национальных особенностей (эмоциональность, впечатлительность, мнительность) мы выставляем оценку, исходя из того, как человек работал на наших парах в течение семестра. И здесь нам может быть невдомек то, что с другим преподавателем студент мог быть более открытым и деятельным, чем с нами, поскольку нас он может не воспринять, как следует, и наше появление может вогнать его в какие-то комплексы в плане говорения и проявления активности на уроке.

В добром советском прошлом существовали учебно-методические комплексы, которые позволяли обеспечить преемственность и системность в процессе обучения. Например, «Практический курс английского языка под ред. А.Д. Аракина». Хотя некоторые вузы еще до сих пор пользуются им. Каждый новый учебник базировался на материале предыдущего, развивая интеллектуальный и языковой уровень и совершенствуя заложенные ранее компетенции.

Для нас это – прошлое, а для иностранных учащихся, в основном китайских, это – настоящее. По данным моих опросов, в китайских вузах для 4-летнего бакалавриата существует комплект из 4 учебников по английскому языку, и студенты знают, что от них ждут на выходе. Насколько мне известно, у нас нет преемственности в материалах и нет четко выработанной программы.

Поделюсь своим опытом работы с иноязычными магистрантами. И начну с вопроса об учебных материалах. Как известно, развитие коммуникативных навыков на языке идет по четырем основным направлениям: чтение, письмо, аудирование, говорение. Следовательно, все четыре должны найти отражение в процессе обучения.

С уверенностью можно сказать, что главным критерием в образовательном процессе является мотивированность и заинтересованность студентом в происходящем. У каждого преподавателя английского языка в

арсенале имеется не один боекомплект глянцевого учебника, из которых всегда можно выбрать что-то самое интересное и самое увлекательное. В модульных поурочных разработках западных пособий есть материал и для обсуждения, и для прослушивания, и для письменных заданий, и, само собой, для чтения. В качестве примера можно привести всем известные пособия: “The New Cutting Edge”, “Face2face”, “Language Leader”, “Outcomes”, “Market Leader” и др. Причем на каждом новом занятии можно брать новый материал. Это всегда интересно и познавательно. Проверка старого материала проводится в форме устного опроса или словарного диктанта.

Для работы на уроке я решил взять с ними самые интересные фрагменты из учебника “The New Cutting Edge. Upper-intermediate”. Например, детективную историю про исчезновение женщины на парижской выставке 1889 года или истории о прошлом и настоящем людей из разных стран. То есть такие сюжеты, которые бы помогли студентам разговориться, снять психологические барьеры, активизировать пассивный вокабуляр, делать монологические высказывания или вступать в диалог на заданную тему. Тем самым, на каждый урок берется новая тема, причем перед началом урока или в конце повторяется лексика из прошлого. Это можно делать в традиционной форме словарного диктанта, устного опроса, а можно делать в творческой форме. Например, в формате известной игры “Alias”, когда студенты пишут по несколько слов на отдельных листках бумаги, а потом загадывают их друг другу по очереди. Учитель выступает в роли секунданта и модератора. Подобным образом учащиеся помогают друг другу снять языковой барьер, набирают скорость в формулировании своих идей, повторяют слова и обретают беглость речи.

Помимо этого, в ходе урока можно использовать и другие игры. Для смены заданий и настроений подойдут «данетки». Суть этого интеллектуального тренинга в том, что парам выдается по одной карточке. На одной стороне – описание ситуации и вопрос к собеседнику, почему что-то в этой ситуации так, а не иначе. На другой стороне – ответ на вопрос, который может прочитать только модератор игры. Таким образом в парах или в тройках выбирается по человеку, который знает целиком всю историю (она написана на карточке), но рассказывает все без концовки. Собеседники задают ему общие вопросы (вопросы с ответами «да»-«нет»), и так продолжается до тех пор, пока кому-то не удастся разгадать ребус или хотя бы приблизиться к разгадке. Потом свою историю рассказывает другой человек, и еще раз начинается процесс разгадывания. Истории написаны на русском языке. Таким образом, в этой игре преследуются несколько учебных целей. Студенты переводят с листа, тренируют навыки лексико-семантического маневрирования, повторяют правила порядка слов в вопросах, актуализируют лексику по самым разным жизненным ситуациям, в реальном общении повышают свою коммуникативную компетенцию.

Если позволяет время, для смены обстановки или видов деятельности на уроке можно делать «музыкальную паузу». К ее исполнению заранее назначается определенный студент. От него требуется дома выбрать какую-нибудь хорошую динамичную песню, подготовить короткий рассказ о ее создании, ее исполнителе, распечатать несколько экземпляров текстов песни и записать ее на диск или плеер, чтобы потом проиграть на уроке. Таким образом делается разрядка. После исполнения песни хором на уроке ведущий музыкальной паузы может объяснить неизвестные слова или обороты. А преподаватель после этого – провести небольшое обсуждение того, о чем говорится в песне.

Времени на все, конечно же, едва-едва хватает. Отдельную проблему представляют пояснения и перевод. То есть вроде бы учим магистрантов английскому, а они нередко сбивают акцент в сторону русского. И тут начинается. Необходимо объяснять какие-то вещи языкового плана, одно объяснение тянет за собой другое, а время урока идет. Между тем, этот разговор и сопутствующий ему перевод каких-то слов на русский язык просто вызывают восторг. Как, например, получилось, когда я предложил студентам задание на идиомы. Студенты пришли в полный восторг не столько от английских идиом, сколько от их русских аналогов. Они с жадностью впитывают любой интересный для них материал. На следующем уроке в ходе проверки они с легкостью воспроизводят то, чему их учили на предыдущем: *fight tooth and nail, put a sweater back to front, he's head and shoulders above the others in the class, she's my flesh and blood, he's the life and soul of the party*.

Перевод на русский является отдельным жанром.

К этому в первую очередь относится перевод предложений с целью повторения грамматики. Поскольку на родине данный вид деятельности был основным в процессе обучения, к нему они относятся с большим вниманием и тщательно выполняют все, что им задается. Причем при разборе полетов пытливно въедаются в каждую мелочь.

Поиск необычных форм проведения урока и отчетности продолжается. В нынешнем семестре студентам было предложено вести дневник наблюдений за происходящими событиями – “My News Diary”, задание, которые в лингвометодике относятся к разряду *journal writing* [см., например, 13; 14].

Каждый день было необходимо просматривать одноминутные новости по каналу BBC (http://www.bbc.com/news/video_and_audio/) и, по возможности, один из эпизодов фиксировать на бумаге дословно. В противном случае, просто описывать его. В следующей колонке требовалось делать аналитический комментарий и давать прогноз того, как будет развиваться это событие. Иначе говоря, перед студентами стояла задача ежедневно заполнять следующие три колонки.

Таблица 1.

Date	Top News Description	Analytical thinking and forecasting
------	----------------------	-------------------------------------

В понедельник учащиеся отдавали на проверку свои недельные наблюдения и продолжали работу в новых тетрадах. Через неделю они получали проверенные

тетради и сдавали новую порцию новостей. Таким образом, студенты работали с английским языком в постоянном режиме. У них была возможность расширять свой

лексико-фразеологический потенциал, писать сразу на чистовик мысли, которые приходили к ним в связи с событиями разной степени тематической сложности, они регулярно занимались аудированием, и в письменном виде делились своей точкой зрения на происходящие события. Более того, преподаватель в постоянном режиме общался с каждым студентом лично. Это позволяло указывать на проблемные вопросы в грамматике, обобщать ошибки и, главное, дисциплинировать всех и держать их в хорошей

рабочей форме. Помимо прочего, у студентов была мотивация заниматься этим в системе. Следует отметить, что это задание входило в экзаменационный билет. Об этом было сказано ребятам в самом начале. И у них просто не было выбора игнорировать это требование учителя. В результате, студенты на экзамен приходили подготовленным и по форме, и по содержанию.

Приведу в неисправленном виде несколько выдержек из студенческих работ в рамках нарратива «Украино-российский конфликт».

Таблица 2.

Date	Top News Description	Analytical thinking and forecasting
19/02/14	Ukraine president sacks army chief: Ukrainian Victor Yanukovich sacks the head of the armed forces amid protests that have turned the capital Kiev into a battle zone. At least 26 people died mainly in Kiev as protesters wielding petrol bombs and paving stones fired to defend their encampment in the central independence square from police using rubber bullets and stun grenades.	Every one wants to live in a peace world nobody like war. The world war, the National War all bad for our people we can't work or study very well. every one want to live with family and friends in a peace world. (Шу)
21/02/14	Ukraine's President Viktor Yanukovich and opposition leaders have signed an agreement on ending the political crisis there. Under the deal mediated by European foreign minists, a caretaker agovernment will be installed and elections will be brought forward to December. After an all-night session involving three foreign ministers from the Germany, France and Poland, President Yanukovch finally signed an agreement with opposition and what a humiliating agreement that is.	Ukraine is a very important country for Russia and EU. I remembered a very famous woman in Ukraine. Her name is Yuliashenko. Now the parliament have voted to release to the opposition leader. She is indeed Yuliashenko. The opposition is always friendly to EU. So I think that EU will be help the opposition reseize the power and regime. (БН)
24/02/14	Political protests in Ukraine growing more violent. Clashes between police and the opposition killed at least 25 people and injured more than 240 overnight.	I think the conflicts between governments should not let the people hurt. The Europe and Russia should not interfere in Ukraine own problems. History tells us that almost every country had happened civil war. People always support the truth. (Линь)
25/02/14	The new interim President of Ukraine Oleksandr Turchynov has said that Ukraine wants to return to the path of closer integration with European Union.	From my point of view, it's not very easy to return to the path of integration with European Union, although it's a good future for Ukraine. Russian will fear that it would be threatened if Ukraine moves closer to the European Union. So maybe Russian will interfere with the new interim government of Ukraine in the future. (Пэйцзюнь)
03/03/14	As Ukrainian leaders accused Russia of carrying out an armed invasion in the Crimea region, US President Barack Obama warned Moscow not to intervene militarily.	The military invasion of Russia in the Crimea region has absolutely complicated the situation in Ukraine. Russia's done nothing good to solving Ukraine's crisis. That country might be divided in the future. (Луянь)

Прежде чем комментировать формальную сторону процитированных работ, следует сделать одно важное наблюдение. Знакомство с этими точками зрения открывает нам глаза на то, как воспринимают события новейшей истории иноязычные студенты-русисты. Навскидку можно сказать, что 70-80% студентов в группе вслед за BBC считают Россию агрессором, который должен убраться из Украины восвояси. Получается так, что ребята не смотрят российское телевидение и не читают российских газет, и единственный источник информации для них является сайт BBC с его известной антикремлевской риторикой, и остается только удивляться тому факту, что занимающиеся по программе «Русский язык и куль-

тура в современном мире» магистранты, т.е. люди сознательные и начитанные, могут так легкомысленно размышлять.

Из этого следует, что на преподавателя, будь то английского или русского языков, возлагается некая миссия корректировать подобные опрометчивые выводы, общаться с такими вольнодумцами и тонко проводить линию российской государственности, защищать аксиому об единстве славянских народов, ибо изучающий русскую культуру не может заниматься ею лишь для того, чтобы в дальнейшем использовать полученные знания для манипуляции Россией в коммерческих целях. Мы отдаем свои знания иноязычным студентам не для ослабления России, а для укрепления ее, не для того, чтобы плодить недругов, а для того, чтобы возвращать друзей и сторонников. Как

говорится, кому многое дано, с того и многое спросится. Люди, обеспечивающие образовательный процесс в вузах России, должны осознавать, что косвенно ответственны за сохранение и пропагандирование нашей культуры.

А теперь о формальной стороне письменных работ.

Невооруженным глазом можно увидеть студенческие оплошности. Причем нельзя сказать, что они чем-то сильно отличаются от ошибок, которые делают наши студенты. Здесь есть погрешности и орфографического плана, и синтаксического, и лексико-семантического.

- a) Every one
Famours
- b) nobody like war
every one want EU will be help the opposition
governments should not let the people hurt
almost every country had happened civil war
Russia's done nothing good to solving Ukraine's crisis
- c) a peace world
Russian will fear that ...

Общий уровень обучаемой группы можно было определить, как средний и выше среднего. Студенты владеют многими важными грамматическими конструкциями и расширенным словарным запасом, способны быстро ориентироваться даже в незнакомых им темах. Однако вышеприведенные студенческие работы ничего не могут нам сказать об устной речи учащихся. А в этом плане, все обстоит не так просто.

Поначалу, когда только начинаются занятия, уверенно и непринужденно могут общаться единицы, остальные скованны, робки, не уверены в себе. Это объясняется тем, что в китайских школах и вузах основное внимание обращается чтению и письму. Потому-то у студентов такой превосходный уровень владения письменными навыками. Тем не менее, они с охотой берутся за любое дело, если оно поставлено хорошо и, главное, интересно.

Отвечая на вопрос, насколько легко обучаемы китайцы, А.В. Савин, член Ассоциации китаеведов РАН, ответил следующее: «Учиться они могут, да и трудолюбие у них прививается с малых лет. Но для китайцев много значит сильная рука, если дать чрезмерную свободу, то вместо урока может получиться что-то наподобие Черкизовского рынка. В Китае очень большие классы в школах – порой до 80-ти человек – работать в таких условиях не просто. Но зная их психологию, это возможно. Китайцам нужен вожак, который весь этот муравейник направит в одну сторону. Поэтому учителю целесообразно наладить контакт с лидерами класса и общаться с остальными через них, а также заинтересовать, дать мотив к обучению» [11].

В конце семестра я традиционно прошу студентов ответить на ряд вопросов, чтобы понять все ли я делал правильно, что понравилось больше всего, что меньше всего, за что не стоило браться вообще.

На сей раз, анкета состояла из следующих вопросов:

1. Что мне запомнилось на уроках английского языка в магистратуре (за весь срок обучения)?
2. Чем отличается преподавание английского языка в российском вузе от преподавания английского языка в вузе на моей родине?
3. Чего я ожидал от уроков английского языка? Получил ли я это?

4. Какие были самые интересные и запоминающиеся темы на уроках английского языка?

5. Какие пожелания я хочу высказать преподавателям английского языка?

6. По каким пособиям я занимался английским языком на родине?

7. Какие аспекты английского языка я бы хотел изучать в магистратуре (страноведение Великобритании и США; фонетика; чтение и обсуждение художественной литературы или англоязычной прессы; культурология; деловой английский; перевод с английского языка на русский)?

8. Какую оценку я ставлю себе по английскому языку, и почему?

9. Какие ошибки, как мне кажется, русские преподаватели английского языка допускают в процессе обучения иностранных студентов?

10. Чего я желаю учителям английского языка с новыми магистрантами?

Самым неожиданным было желание студентов заниматься переводом текстов о культуре, обычаях, литературе с английского на русский, деловым английским, обсуждением художественной литературы и делать доклады на заданную тему.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что работа с иноязычными магистрантами предполагает знание психологии этого контингента. В отличие от русских студентов, открытых к общению, мобильных, готовых включаться в разные виды деятельности, юго-восточные и азиатские студенты гораздо спокойнее, а, главное, прагматичнее. Бессистемный, неинтересный или бесполезный материал может стать причиной потери собранности, включенности и работоспособности. Об этом следует помнить с момента начала занятий до дня проведения экзамена.

В недавно проведенной «Прямой линии» Путин заметил, что, например, Китай является одним из основных партнеров России, а значит, связи с ним будут укрепляться и крепнуть, и количество желающих получить образование в российских вузах будет расти. Заметим, что вместо слова «Китай» можно поставить любое другое из ряда стран, о которых говорилось в начале: Индия, Турция, Таиланд, Корея, Япония и др. Несмотря на нынешнее давление со стороны запада, перспективы нашей страны в международном плане становятся качественно другими по сравнению с тем, что рисовали 1990-е, интерес к нашей культуре и даже бизнесу увлекает новые поколения иностранцев, а, следовательно, в данной ситуации от вузовских преподавателей-англистов требуется начинать выработать общую стратегию обучения иноязычных студентов и магистрантов, создавать банк учебных материалов и придерживаться определенных стратегий работы с этими учащимися.

Список использованной литературы

1. Аракин В.Д. Практический курс английского языка. Учеб. для студ. пед. вузов / Под. ред. В.Д. Аракина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Гуманит. изд. центра «ВЛАДОС», 2001.
2. Балтуева С.В. Обучение иностранных стажеров речевому взаимодействию в деловой сфере: Дисс. ... канд. пед. Наук. – СПб., 1994. –181 с.

3. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М.: Высшая школа, 1991. – 207 с.
4. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности / Григорьева В.П., Зимняя И. А., Мерзлякова В. А. и др. – М.: Русский язык, 1985. – 116 с.
5. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р. Валент, 2005.
6. Иванова Т.Ю., Чэнь Янмэй. Учет фонетической интерференции при обучении китайских студентов языку делового общения // Обучение иностранных студентов: состояние и перспективы. СПб.: СПбГТУ, 1997. – С. 94 – 97.
7. Кутузова Г.И., Чэнь Янмэй. Методика обучения иностранных студентов базисным экономическим понятиям // III международная научно-практическая конференция «Интеграция экономики в систему мирохозяйственных связей». – СПб.: СПбГТУ, 1998. – С. 158 – 159.
8. Лapidус Б.А. Интенсификация процесса обучения иноязычной устной речи (пути и приемы). – М.: Высшая школа, 1970. – 128 с.
9. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Русский язык, 1989. – 276 с.
10. Прошина З.Г. Английский язык как посредник в коммуникации народов Восточной Азии и России: Проблемы опосредованного перевода: Дисс. ... док. филол. наук. – М., 2002.
11. Савин А.В. Китайца надо знать в лицо. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://savin-china.ru/mk-1>, дата обращения: 14.04.2014.
12. Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи. – М.: Русский язык, 1981. – 107 с.
13. Bazerman, C., Little, J., Bethel, L., Chavkin, T., Fouquette, D., Garufis, J. Writing Across the Curriculum. A Reference Guide to Rhetoric and Composition. West Lafayette, Ind.: Parlor Press: WAC Clearinghouse, 2005.
14. Caywood, C.L., Overing G.R. (Eds.) Teaching Writing: Pedagogy, Gender, and Equity. Albany: State University of New York Press, 1987.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБОНЯТЕЛЬНЫХ ВОСПРИЯТИЙ ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ ЯЗЫКОВЫХ СРАВНЕНИЙ

Недосекина Анастасия Васильевна

Аспирант каф. англ. яз. гуманитарных фак-тов фак-та РГФ, ВГУ, г. Воронеж

Как известно, информация об окружающем мире представлена человеку в непосредственно-чувственной форме: многообразии цвета, звука, вкуса, запаха. А каналы получения этих данных (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) составляют общую систему физического восприятия мира человеком. Каждый отдельный способ восприятия отличается тем, что создает свои собственные механизмы, регулирующие получение сведений с помощью конкретного органа чувств. Таким образом, через ощущения и восприятия реализуется непрерывающаяся связь индивида с окружающей действительностью.

В результате процесса восприятия и взаимодействия двух сфер существования человека – физической и ментальной – в его сознании формируется чувственный образ, в сложном процессе трансформации «раздражения в факт сознания» участвуют ассоциации, воспоминания и другие свойства мышления: «Воображение, фантазия, интуиция, память и прочие когнитивные способности всегда вносят свою лепту в освоение и осмысление мира» [1, с. 79–82]. Так, каждый воспринимает окружающую действительность «по-своему», давая тем или иным предметам и явлениям свои собственные «сенсорные оценки, связанные с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим» [2, с. 180]. Следует отметить, что наша перцепция неразрывно связана с языком.

В данном исследовании хотелось бы подробнее остановиться на обонятельных ощущениях человека и способах их репрезентации в речи.

До недавнего времени принято было думать, что у человека обоняние не играет особенно существенной роли. Действительно, у человека данное чувство играет значительно меньшую роль в познании внешнего мира,

чем зрение, слух или осязание. Но значение его всё же велико, так как оно доставляет нам большое многообразие различных ощущений, для которых характерен присущий им обычно яркий положительный или отрицательный аффективно-эмоциональный тон. Обоняние имеет свою специфику в системе восприятия, так как теснейшим образом связано с мышлением и подсознанием, ассоциативной памятью и воображением. Так, в романе М. С. Харитонова «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича» запах осознается героем «как краткая метка для памяти, вроде той, что употребляли индейцы какого-то племени: они носили на поясе набор пахучих веществ и нюхали в момент, когда надо было что-то запомнить; много лет спустя запах позволял восстановить всю полноту события» [3, с. 78]. Почти всякое обонятельное ощущение обладает более или менее ярко выраженным характером приятного или неприятного; многие вызывают очень резкую положительную или отрицательную эмоциональную реакцию. Есть запахи нестерпимые и другие — упоительные. Так, в окружающем нас мире существуют тысячи различных запахов. Внести в это многообразие систему пытались многие ученые, такие как К. Линней, Логгу, А. Бэн, Цвардемакер, Геннинг и др., классификации которых приводил в своей работе С. Л. Рубинштейн [4, с. 238–239]. Ханс Д. Риндисбахер отмечает, что «человеческое обоняние может различать сотни тысяч различных запахов и в этом отношении сопоставимо со зрением и слухом, ни в одном из языков мира, кажется, нет классификации запахов, подобной, к примеру, цветовым классификациям» [5, с. 579]. Некоторые из запахов просты и знакомы для восприятия, и мы с легкостью можем передать их в речи при помощи простых номинаций-характеристик, например: запах «пряный»,

«цветочный», «горелый», «свежий», «затхлый» и т. д. Однако единой завершенной классификации запахов не существует из-за отсутствия для них формальных обозначений. Действительно, нередко человек сталкивается с трудностями описания в речи того или иного аромата, который он не встречал в своих ощущениях до этого. Для того, чтобы собеседник смог понять и представить в своей обонятельной памяти с максимальной точностью именно тот, а не иной запах, человек прибегает к использованию образных языковых сравнений. Приведем некоторые из них:

1. *Сколько разных запахов! Вот как будто запах сырого картофеля; так пахнет, когда разрежешь большую картофелину, белую, холодную, пролежавшую всю ночь на открытом воздухе в лунном свете.* (Рэй Бредбери. 451 градус по Фаренгейту. Часть 3. Огонь горит жарко, 1953);

2. *Из корзины пахло так, будто там не грибы, а растолченный чеснок.* (Владимир Солоухин. Третья охота, 1967);

3. *От всех этих лохмотьев шел какой-то грязный, маслянистый запах, похожий на запах замазки с примесью скверного табака.* (А. И. Куприн. Погибшая сила, 1900);

4. *В воздухе стоял тот вкусный запах, похожий на запах первых огурцов, каким снег пахнет только в марте.* (Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2, 1928);

5. *Миллиарды песчинок трещали, колотясь о железо, лопнуло и вылетело стекло, кругом гудело, возник острый, удушающий запах, как будто одновременно выбивали пыль из множества старых ковров.* (Ю. В. Трифонов. Утоление жажды, 1970);

6. *Между прочим, за носилками оставался густой спиртовой запах, словно из дяди вытекал и вытекал многолетний алкогольный дух.* (Фазиль Искандер. Школьный вальс, или Энергия стыда // «Знамя», 1987);

7. *От влажной маминой постели пахло как из открытой стиральной машины, где стынет наворочающаяся серая вода.* (Ольга Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки, 1995-1999).

Многообразие запахов позволяет выразить сложное, сугубо индивидуально переживаемое чувство. Данные примеры являются доказательством того, что такое разнообразие обонятельных ощущений все же находит свою реализацию в речи при помощи сравнительных оборотов. Посредством них человек стремится передать свой опыт, личностное впечатление об окружающей действительности и поставить опорную точку, способную отослать читателя или собеседника к той или иной ситуации восприятия конкретного обонятельного ощущения. Как отмечает К. Классен, объясняя запах, мы вынуждены его с чем-то сравнивать, «нащупывать точную метафору для нашего обонятельного переживания» [6, с. 45], т. е. формирование обонятельных значений базируется на определенных когнитивных механизмах, лежащих в основе языковых явлений, к которым относятся метафорические и метонимические переносы, а также образные сравнения.

Список литературы:

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 79–82.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры. – 1999. – С. 180.
3. Харитонов М. С. Избранная проза: в 2 т. – М.: Московский рабочий, 1994. – Т. 1. – С. 78.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – Издательство: Питер, 2002. – С. 238 – 239.
5. Риндисбахер Ханс Д. От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Ароматы и запахи в культуре /сост. О.Б. Вайнштейн. 2-е изд., испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 2. – С. 579.
6. Классен К., Хоувз Д., Синотт Э. Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Кн. 1. – С. 41–50.

ВРЕМЯ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОМ ЭПОСЕ «МАХАБХАРАТА»

Невелева Светлана Леонидовна

*Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института Восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург*

Говоря о времени в «Махабхарате», следует выделить три его аспекта: во-первых, событийное время сюжета, во-вторых, повествовательное время и, в-третьих, то, что можно назвать «мифологией времени» (анализ этой отдельной проблемы см.: [1; 2; 3; 4; 25]). Для понимания специфики времени в эпосе о потомках царя Бхараты обратимся к содержанию этого эпического памятника.

«Махабхарата» состоит из восемнадцати книг. Пять первых – с I по V – охватывают события, происходящие до начала великой битвы на Курукшетре; следующие четыре – с VI по IX – содержат описание этой битвы, и девять остальных – с X по XVIII – посвящены тому, чем завершается эпос. Одно из основных значений термина *парва* – временное: «узловой период», «рубежный момент», «время перехода», а в «Махабхарате» этот термин

используется в связи с композиционным делением текста на отдельные книги (так же называются и более мелкие фрагменты текста – сказания). *Парва* в значении «книга» понимается как более или менее четко очерченный отрезок общесюжетного времени, который включает в себя продиктованное логикой основного сюжета последовательное расположение событий, сконцентрированных вокруг главных действующих лиц эпоса. Названия книг эпоса лишены метафоричности, в них прямо обозначено главное событие или же имя центрального персонажа, т. е. выделено наиболее значимое для содержания.

В книге I, называемой «Адипарва», «Книга Начала» [7], рассказу о детстве героев Пандавов и их соперников в борьбе за власть, двоюродных братьев Кауравов, предпослана мифологическая «предыстория» эпических событий. Книга II «Сабхапарва» [8] повествует о том,

как в Собрании (*sabhā*) воинов-кшатриев между братьями зарождается смертельная вражда из-за оскорбления, нанесенного супруге Пандавов Драупади. Книга III «Араньякапарва», «Лесная» [11], представляет собой своего рода антологию замечательных историй, которые рассказывают находящимся в изгнании героям святые мудрецы-риши [22; 23]. В качестве одного из вариантов перевода названия «Араньякапарва», которое используется в критическом издании вместо традиционного «Ванапарва», можно предложить, по аналогии с *араньяками*, «лесными трактатами», вариант «Книга лесных наставлений», и это соответствует содержанию парвы: пребывая в лесах, изгнанники Пандавы благодаря наставлениям святых мудрецов-риши приобщаются к высшей мудрости. Действие основного эпического сюжета здесь приостанавливается, а событийное время фиксируется выборочно, в связи с ритуальным обхождением героями мест паломничества.

Книга IV, «Виратапарва», «О Вирате» [9], названа так по имени царя, во владениях которого вынуждены скрываться Пандавы в течение 13-го года изгнания. «Удьюгапарва», книга V [10], рассказывает об усилиях (*udyoga*) бога-героя Кришны предотвратить кровопролитие. Рисующие картину великой битвы четыре книги «Махабхараты» посвящены геройской гибели полководцев Кауравов и содержат в своем названии их имена: книга VI «Бхишмапарва» – «О Бхишме» [18]; книга VII «Дронапарва» – «О Дроне» [13]; книга VIII «Карнапарва» – «О Карне» [12]; книга IX «Шальяпарва» – «О Шалье» [14]. В книге X, название которой «Сауптикапарва» можно толковать как «Книга об избиении спящих воинов» [15, с. 9-52; 109-132], сын военачальника Дроны, желая отомстить за смерть отца, вероломно убитого Пандавами, нападает ночью на их лагерь, не зная, что Кришна увел героев оттуда. В книге XI – «Стрипарва», «О женах» [15, с. 53-95; 133-158], – описывается, как женщины оплакивают павших в битве воинов.

Пока не переведенные на русский язык XII и XIII книги «Махабхараты» – «Шантипарва» и «Анушасанапарва» – содержат наставление героя Бхишмы, лежащего на смертном одре: он пал на поле брани, но в силу своей праведности обрел право самому назначить время своей кончины. Т.е. время его «биографии» выглядит растянутым. Последним крупным обрядом *ашвамедха*, который является центральным событием книги XIV «Ашвамедхикапарвы», «О жертвоприношении коня» [16], по существу заканчивается собственно эпическое действие. В книге XV под названием «Ашрамавасика», «О жизни в обители» [17, с. 9-74], говорится о завершении жизненного пути героев старшего поколения, которые добровольно приносят себя в жертву огню. В последних книгах – с XVI по XVIII [17, с. 75-118] – подводится итог земному существованию главных эпических героев: в книге XVI – «Маусалапарва», «О побоище палицами» [17, с. 75-92] – погибает Кришна; книга XVII – «Махапрастханика», «О великом исходе» [17, с. 93-102] – посвящена последнему паломничеству Пандавов, осуществляющих ритуальное обхождение земли по кругу *прадакшины*; в названии книги XVIII – «Сваргароханапарва», «О восхождении на небеса» [17, с. 103-118] – отражена посмертная судьба действующих лиц эпоса, связанная с мифологическим пространством-временем [21].

Как можно видеть, событийное время основного сюжета «Махабхараты», как и его пространство, пред-

стает в обрамлении пространственно-временного континуума мифа, в чем состоит несомненная уникальность древнеиндийского эпоса.

В «Махабхарате», в частности, в «Араньякапарве», а также в «Шантипарве» и «Анушасанапарве», немало так называемых «вставных» повествований, включающих фабульные эпизоды, изредка перемежающиеся теоретическими фрагментами, – черта, присущая, как известно, не только древнеиндийскому эпосу [5, с. 115-120], который отличается разве что необычайным обилием композиционно инкорпорированного материала. Во «вводных» историях используются стилистические и композиционные приемы, в ряде отношений сходные с теми, которые доминируют в рассказе о событиях основного сюжета. Однако сюжетных связей с центральным действием эпические отступления, самостоятельные по содержанию, не имеют, обладая собственным набором персонажей, а также местом действия и событийным временем. Следует подчеркнуть, что отношение эпического сюжета к композиционной инкорпорации никоим образом несводимо к формальной роли «рамки», подобно санскритской повествовательной прозе [6, с. 3-20]. «Вводные» эпизоды не только иллюстрируют, но и дополняют, углубляют смысл происходящего в эпосе, устанавливая идейную «парадигму» и подавая тем самым прошлое в качестве идеального образца. Примером может служить миф о разрушении Шивой жертвоприношения богов, помещенный в конец книги X, «Сауптикапарвы», где, как обычно, сконцентрированы главные мифоритуальные ассоциации книги: неистовый воин-мстителю, сын Дроны, ассоциируется с Шивой, а избиение воинов из стана Пандавов – с жертвоприношением этому богу.

Среди «вставных» историй, прерывающих повествование, могут быть установлены следующие типы. С учетом названных параметров особняком стоят рассказы о минувших событиях эпоса, которые прерывают линейное развитие сюжета: в них действуют те же самые эпические персонажи. Таковы, например, в «Араньякапарве» повесть об убийстве героем Бхимасеной демона-ракшаса Кирмиры (гл. 12) или рассказ Арджуны, сына Индры, о его пребывании на небе (гл. 163-171). Качественно иную группу инкорпорированных сюжетов составляют эпические отступления: переложения мифов (т.е. истории, где действующими лицами являются боги), а также древние предания о мудрецах и героях.

Событийное время «Махабхараты», как и время «биографии» эпических героев, линейно, охватывая их жизненный цикл, тогда как в инкорпорированных эпизодах повествование обращено исключительно к *прошлому*. В инкорпорациях, где происходит возврат к минувшим эпическим событиям, время делает крюк, оставаясь, однако, в пределах общего времени эпоса. Действие в предании отнесено к неопределенному прошлому, время которого укладывается, тем не менее, в рамки эпической памяти, тогда как сюжет мифологической инкорпорации лежит вне пределов времени, охватываемого событиями эпоса.

Линейное время главного сюжета эпоса прерывается, таким образом, в возвратах повествования к прошлому разной глубины *воронками*. Если для мифологического сюжета острие этой *воронки* уходит в начало времен, а для предания – в глубины эпической памяти, то для отдельного эпического героя максимальная глубина *воронки* – это обстоятельства, предшествующие его рождению. Так,

в «Араньякапарве» Притха, мать героя Карны, узнает о том, что она рождена в роду Вришние у царя Шуры и ребенком, согласно обещанию отца, передана бездетному царю Кунтибходже (287.23, 24). Далее в хронологической последовательности подробно излагается линия Карны (гл. 228-293): риши Дурвасас дарует Притхе мантру, заклинание, благодаря которому у нее от бога Сурьи рождается Карна. Притха, желая сохранить свою тайну, помещает его в корзину и пускает по реке; младенец попадает в семью бездетного суты Адхиратхи, где после его появления у того рождаются другие сыновья.

Временную модель генеалогического сюжета формирует, таким образом, движение времени вспять: от «рамочного» начала до наиболее отдаленной точки – рождения героя и затем обратно, к «рамке» инкорпорации. Последовательно изложенные эпизоды, относящиеся к двум сюжетным линиям – линии Притхи и линии ее сына Карны, образуют «воронку времени» сюжета, представляющего собой две вариации на тему подкидыша [19].

Показатель времени соотносится с содержательным типом сюжета, свидетельствуя о том, чем является этот сюжет: фрагментом эпического действия или же принадлежит к отступлениям – мифам, преданиям, т.е. к «вводной» сюжетике. В силу принципа «хронологической несовместимости», иными словами, невозможности одновременного существования в эпосе «двух театров действия» [24, с. 92], синхронно происходящие события излагаются последовательно. В «Махабхарате» время эпизода, «параллельного» данному, соотносится с его линейным временем с помощью временного показателя, которым служит формульное выражение *etasminn eva kāle tu* – «а в то самое время...». Одновременность или последовательность действия передается также синтаксически обособленными, абсолютными конструкциями: *teṣāṃ puṇyatamā gatriḥ... tatraiva vasātām āsāt* (III.179.16) «Пока они жили там, настала святейшая ночь»; *tasmin tu gākṣase hate* (III.155.1) «Когда тот ракшаса был убит...».

Можно сделать вывод о том, что «Махабхарата» различает время предания и время мифа. Наречием *puṅgā* («некогда», «когда-то») вводится, как правило, эпическая переработка мифа, с его пространством-временем, лишенным, естественно, всякой связи с эпическим пространством и временем. Истории о героях в преданиях подключаются обычно с помощью наречия *puṅvat* – «ранее», «прежде».

В «Махабхарате» обращение к *будущему* времени является особой привилегией святых мудрецов. Святые риши в своих пророчествах предсказывают героям их *индивидуальное* будущее: так, родовой жрец Пандавов, риши Дхаумья, предсказывает: посещение тиртх избавит братьев от тревог (III.88.30); мудрец Ломаша предвещает, что омовение в местах паломничества, тиртхах, поможет Пандавам вновь обрести благоденствие (III.92.16-22).

Имеющееся в «Араньякапарве» уникальное эсхатологическое учение говорит о грядущих бедствиях Калиюги, последнего мирового периода, и завершается мифологическим рассказом о *будущем мира*, связанном с пришествием Калкина Вишнуяшаса (гл. 188, 189). Представление о циклическом характере времени, о сменяющихся друг друга мировых периодах, югах (гл. 186-188), выглядит обособленно на фоне более общих для эпоса временных построений. Однако сама необычайная длительность каждой из четырех юг, исчисляемая тысячелетиями, словно бы *выпрямляет* в традиционном сознании

временной циклизм, тем более, что время отдельной юги и их совокупности линейно [20].

В заключение необходимо отметить, что особенностью древнеиндийского эпоса «Махабхарата», длительное время, начиная приблизительно с середины I-го тысячелетия до н.э., просуществовавшего в устной традиции, является соединение зрелых представлений о возможностях структуры эпического повествования, возможностях, учитывающих различные способы обращения с фактором времени.

Список литературы:

1. Альбедиль М.Ф. Моделирование времени в традиционной индийской культуре // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 3-6.
2. Васильков Я.В. «Колесо Времени» в индийском эпосе и «пещера судеб» у о. Павла Флоренского // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 11-14.
3. Васильков Я.В. Кала (Время) // Словарь: индуизм, джайнизм, сикхизм. М.: Республика, 1996. С. 221-222.
4. Васильков Я.В. Калавада // Словарь: индуизм, джайнизм, сикхизм. М.: Республика, 1996. С. 222-223.
5. Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.: Наука, 1974. – 419 с.
6. Гринцер П.А. Санскритская обрамленная повесть // Индийская средневековая повествовательная проза. М.: Художественная литература, 1982. – 299 с.
7. Махабхарата. Адипарва, Книга первая / Пер. с санскр. и коммент. В.И.Кальянова. СПб.: Наука, 2006. – 738 с. (1-е изд-е 1950 г.).
8. Махабхарата. Книга вторая, Сабхапарва (О Собрании) / Пер. с санскр. и комм. В.И.Кальянова. М.; Л.: АН СССР, 1967. – 249 с.
9. Махабхарата. Книга четвертая, Виратапарва (О Вирате) / Пер. с санскр. и комм. В.И.Кальянова. Л.: Наука, 1967. – 216 с.
10. Махабхарата. Книга пятая, Удьюгапарва (О старании) / Пер. с санскр. и комм. В.И.Кальянова. Л.: Наука, 1976. – 590 с.
11. Махабхарата. Книга третья, Араньякапарва (Лесная) / Пер. с санскр., предисл., комм. и толк. словари Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М.: Наука, 1987. – 799 с.
12. Махабхарата. Книга восьмая, Карнапарва (О Карне) / Пер. с санскр., предисл. и комм. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М.: Наука, 1990. – 325 с.
13. Махабхарата. Книга седьмая, Дронапарва (О Дроне) / Пер. с санскр. и комм. В.И.Кальянова. СПб.: Наука, 1993. – 656 с.
14. Махабхарата. Книга девятая, Шальяпарва (О Шалье) / Пер. с санскр. и комм. В.И.Кальянова. М.: Ладомир, 1996. – 352 с.
15. Махабхарата. Книга десятая, Сауптикапарва (Об избиении спящих воинов); Книга одиннадцатая, Стрипарва (О женах) / Пер. с санскр., комм. и статьи. Изд-е подгот. С.Л.Невелева и Я.В.Васильков. М.: Янус-К, 1998. – 235 с.
16. Махабхарата. Книга четырнадцатая, Ашвамедхикапарва (О жертвоприношении коня) / Пер. с санскр.,

- комм, и статьи / Изд. подгот. Я.В.Васильков и С.Л.Невелева. СПб.: Наука, 2003. – 308 с.
17. Махабхарата. Заключительные книги (XV-XVIII) / Пер. с санскр., комм. и статьи. Изд. подгот. С.Л.Невелева и Я.В.Васильков. СПб.: Наука, 2005. – 234 с.
 18. Махабхарата. Книга шестая, Бхишмапарва (О Бхишме) / Пер. с санскр., комм. и статья. Изд. подгот. В.Г.Эрман. М., Ладомир-Наука, 2009. – 478 с.
 19. Невелева С.Л. Сюжет о Карне в третьей книге Махабхараты («сознание инициации») // Древняя Индия. Язык. Культура. Текст. М.: Наука, 1985. С. 76-87.
 20. Невелева С.Л. Контекстные связи эпической шлоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука, 1987. С.97-129.
 21. Невелева С.Л. Конец биографии эпических героев («Махабхарата»: книги XV, XVII и XVIII) // *Donum Paulum. Studia Poetica et Orientalia*. К 80-летию П.А.Гринцера. М.: Наука, 2008. С. 275-298.
 22. Невелева С.Л. Мудрец-сказитель в Махабхарате (к проблеме эпического текстосложения) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Классическая филология и индоевропейское языкознание*. Отв. ред. Н.Н.Казанский. Т.IV, ч.1. СПб.: Наука, 2008. С. 277-294.
 23. Невелева С.Л. Эпические риши (по данным «Махабхараты») // *Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности*. Вып. XX. *Indologica*. Сборник статей памяти Т.Я.Елизаренковой. Кн. I. М.: РГГУ, 2008. С. 329-351.
 24. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. – 324 с.
 25. Vassilkov Ya.V. *Kālavāda (the Doctrine of Cyclical Time) in the Mahābhārata and the concept of Heroic Didactics* // *Composing a Tradition: Concepts, Techniques and Relationships*. Zagreb.: 1999. P. 17-33.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФАКТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРОВ)

Никифорова Ольга Валентиновна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, г. Арзамас

Современные русские говоры, обнаруживая следы влияния литературного языка, демонстрируют самобытность, яркость, оригинальность, «дух народности» (И.И. Срезневский). Связь истории, культуры, особенностей мировосприятия русского человека, условий существования индивида и языка особенно наглядно проявляется в лексико-семантической системе говоров, которая отражает все актуальные для диалектоносителя представления об окружающем мире. Диалектные слова, аккумулируя социально-историческую информацию, эмоционально-экспрессивную оценку, сведения национального характера, являются носителями важной для говорящих на данном языке информации. Слово, в частности диалектное, отражает различные стороны человеческой жизни и деятельности, становится универсальной единицей народной памяти, содержит знания об отношениях людей, разнообразных видах их взаимодействия, о том, чем наполнена жизнь как отдельного индивида, так и нации в целом. Согласно А.Д. Шмелеву, «... овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно привывает к ним, и будучи свойственными (или хотя бы привычными всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком)» [5, с. 296].

Одним из элементов культуры является обрядовая лексика, которую нельзя рассматривать в отрыве от обряда. Обрядом считается символическое действие, которым его участники отмечают то или иное событие в жизни отдельного человека или коллектива. Однако смысл обряда не в составляющей его деятельности, а в том, что она обозначает. Ведь обряды реализуются в соответствующее время и по соответствующему поводу – в важные моменты жизни человека.

Существующие в народе обряды сохраняют огромный пласт слов, в которых отражаются архиепические представления человека об окружающем мире. «В процессе обрядовой деятельности люди закрепляют за культовыми предметами, манипуляциями, обозначенными словом, определенный смысл, а представленное ими как репрезентатор мира обрядовое слово является хранилищем древней культуры и истории народа» [1, с. 235]. Особенности отражения сакральных характеристик в русском языковом сознании выявляются при анализе диалектной лексики, обозначающей обрядовую пищу. Разнообразные выпечные изделия не только составляют важнейшую часть крестьянского рациона, но и наделяются в народном сознании функциями. Известно, что в контексте семейных и календарных обрядов использовался определенный вид выпечки. Ритуал праздников и обрядов предполагал обязательное наличие специальных мучных изделий, чаще – печеных, реже – жареных. Обрядовые хлебные изделия выпекались для колядников в святочный период, для детей в обрядах весенне-летнего цикла, для скота в обрядах весеннего цикла. Обрядовая выпечка не только являлась предметом угощения, но играла роль ритуальной пищи в семейных и календарных обрядах. Сакральная функция этих яств связана с хлебными зёрнами, обладающими широким спектром религиозно-магических значений.

Номинации, обозначающие обрядовые выпечные изделия, составляют значительную часть лексики нижегородских говоров и условно распределяются по 4 группам.

1. Названия, образованные от хрононимов. К данной группе относятся номинации рождественского обрядового печенья – *коляды*, *колёдки*, *колёдица*, *колёдочка*, *коледá-молёда*, *колядки*, *калёдки*, которые получили свое название от *коляда* – ‘святки и праздник Рождества Христова и все дни до Крещения’ [3, т. 2, с. 139]. Лексемы

таусень, таусеньки, усеньки для обозначения святочного печенья образованы от наименования *таусень* – ‘Васильев вечер, канун Нового года’ [3, т. 4, с. 383]. «*На рождество, на святки пякут таусинь*» (д. Булдаково Сеченовского р-на). Сюда же включаются апелятивы, которые употребляются для обозначения обрядовых хлебов, изготавливаемых к празднествам весенне-летнего цикла. На третьей неделе Великого поста – Среднокрестной – пеклись хлебные изделия, именуемые в нижегородских говорах *среднокрестки*.

2. Названия выпеченных изделий, объединенные аграрным кодом. Они представлены лексемами, заключающими в себе, в частности, скотоводческий код. В зимние и весенние праздники, во время свадьбы в Нижегородской области изготовлялось ритуальное печенье, представляющее собой изображение фигур домашних животных: *барашек, бляшка, свинка, козелки, коза, овечки, петушки, зайнька, курица*. В Вербное воскресенье в селах Нижегородской области было принято печь печенье в виде распустившихся почек вербы. «*Пекли бляшки из ржаного теста, сверточком тесто завивали*» (д. Сергино Ветлужского р-на). Это печенье ели дети, а также скармливали скоту.

Птичий код содержит номинации обрядовых хлебных изделий, выпекаемых в весенние праздники. Такая мотивация носит регулярный характер и связана с древнейшими представлениями о птицах. Во всех описаниях нижегородских обрядов весеннего цикла упоминается обрядовое печенье, называемое *жаворонки, жавората, воробушки, грачи, кулики, птички, пичужки, скворцы, чижики*. Эти печенья имели форму птиц, пеклись из круглого комка теста, на котором пальцами формировалась головка с клювом, крылышки и хвост, поднятый вверх, кроме того, делались ножом неглубокие надрезы, как бы имитировавшие перышки. Обычай печь из теста птичек связан с воздействием на быстрейший приход весны. Печеных птиц дети усаживали на заборы, бегали с ними по улице, призывая скорейший прилет птиц.

Земледельческий код раскрывает лексема *просвирник*, этимологически тождественная церковной *просфоре* – ‘освященный хлеб, опреснок’ [4, т. 3, с. 381] и содержит мотив пшеницы, поля.

Растительный код заключает в себе слово *малинки* ‘маленькие булочки в виде орешков, которые пекли на Масленицу’. «*Малинки как конфетки, кубики-таки, на масле их поджаривать маленько. Ешь – они похрустывают*» (с. Мотовилово Арзамасского р-на).

3. Названия, отражающие особенности украшения и формы обрядового печенья, особенности теста, из которого выпечено изделие: *домашний орех* ‘маленькие булочки из муки, которыми невеста обносит гостей на свадьбе’; *орешки* ‘маленькие булочки, которые пекли на Масленицу’; *лестницы* ‘печенье в виде лестницы, которое пекут к Вербному воскресенью’; *розан* ‘свадебный пирог’; *коlobашки, восьмерки, витушки, клюжечки, рогульки, казанки* ‘святочные печеные изделия’; *каракульки, каракусеньки* ‘круглый крендель, который пекли на святки’; *сдобница* ‘пирог, который пекли на рождение или крещение’.

На четвертой неделе Великого поста пекли *кресты* ‘печенье в форме крестов из ржаной муки на воде’. «*Пёкут кресты. Намешивают тесто, делают крестом, и в крест ложат денежку. Мать с утра напекёт. Кому денежка попадет, то будит счастливый*» (с. Теплово Ку-

лебакского р-на). Значение слова сформировалось на основе метафорического переноса названия реалии на выпеченное изделие, похожее на него по форме. Указывая на важность печения крестов в середине Великого поста, крестьяне Нижегородской области говорили: «*Ломается говенья – крестов печенье*».

4. Названия, мотивированные совершаемым действием. К ним относятся *перепёчка* ‘пасхальный хлеб’ от глагола *перепекать* (ср. у Даля *перпека* ‘высокий и толстый хорошо поднявшийся хлеб’, *перепеча* ‘род кулича, каравая, папушника’, прим. *перпечень* ‘все хлебное, печенье, собираемое попами с причетом по домам, после Пасхи, при обходе с образами’) [3, т. 3, с. 72]; *печинушка* ‘фигурки из теста, которые пекли во время Великого поста’ от глагола *печь* «*Потом бегали дети с печинушками в руках, кричали: жаворонки, прилетите – весна пришла*» (с. Сергеевка Балахнинского р-на); *приженец, пряженец* ‘жаренный на масле пирожок, который пекли обычно на Масленицу’ от глагола *прячь, пряхи* – ‘жарить в масле’ [3, т. 3, с. 523].

Своеобразие нижегородских обрядовых выпечных наименований состоит в отсутствии однозначности большинства лексических единиц, в их семантической подвижности. Известно, что полисемия развивается у слов, широко употребительных, обозначающих важные для носителя языка реалии. Пути развития полисемии – это образование новых значений путем переноса по сходству (метафория): *домашний орех* ‘маленькие булочки из муки, которыми невеста обносит гостей на свадьбе’; *орешки* ‘маленькие булочки, которые пекли на Масленицу’; *лестницы* ‘печенье в виде лестницы, которое пекут к Вербному воскресенью’; или по смежности (метонимия), вызванное диффузностью семантики лексем, в частности, праздник-печенье: *среднокрестки, сороки*, ‘печенье, которое пекли на Сороки – праздник 40 мучеников 22 марта’.

По структуре обрядовые выпеченные изделия в нижегородских говорах представлены как однословными (*гостинец, доспех, коровайчик, курень, сыр, казанки, коньки*), так и двусловными наименованиями. Например, для обозначения обрядовых угощений на Масленице используются сочетания *кислые пряники, поганые лепешки, поганые блины, первый блин, масленичные блины*, в которых маркером терминологичности служат имена прилагательные. Например, *поганий* в наименованиях *поганые лепешки, поганые блины* имеет значение ‘языческий, отщ. до идолства, до почитания кумиров; нехристианский, некрещеный, бусурманский, либо иноверческий вообще’ [3, т. 3, с. 150]. В с. Сосновка Княгининского р-на, с. Ленково Лысковского р-на в чистый понедельник по дворам ходили татары, просили поганных блинов и им отдавали оставшуюся скоромную пищу. Очевидно, что символика обрядовых выпечных изделий имеет глубокие языческие и христианские корни.

Наименования выпечных изделий, составляющие значительный пласт семантического поля традиционной народной культуры, фиксируют и репродуцируют общие культурологические представления крестьян, отражая местные особенности быта и духовной жизни Нижегородского края, и «... обнаруживают таким образом традиционную для народа многомерность мировидения и умения воплотить ее в самых простых формах» [2, с. 137].

Список литературы:

1. Банкова, Т.Б. Обрядовое слово в лингвокультурологическом словаре // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Материалы I-ой Международной научно-практической конференции «Преподавание иностранного языка в поликультурном образовательном пространстве». 28–29 мая 2001 г. Томск: Томский политехнический университет, 2001. С. 235-238.
2. Банкова, Т.Б. Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке // Сибирский филологический журнал. 2008. № 4. С. 128-138.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Рипол Классик, 2002. Т. 2. 784 с. Т. 3. 544 с. Т. 4. 672 с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М.: Прогресс, 1971. Т. 3. – 827 с.
5. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 490 с.

ТИПЫ КОНТЕКСТА ПРИ АКТУАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭНАНТОНИМОВ*Острикова Галина Николаевна**Доцент, канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону,*

Контекст, играющий определяющую роль в выборе значения энантонимов (лексических единиц, совмещающих в одной форме два противоположных значения), понимается довольно широко и традиционно подразделяется на лингвистический и экстралингвистический [3, с. 238]. В лингвистическом контексте выделяются три типа: морфологический, лексический и синтаксический [2, с. 88 – 89]. Экстралингвистический контекст может указывать на семантику актуализируемых единиц в виде пресуппозиций (экзистенциональной, прагматической, коммуникативной, лингвистической), т.е. предварительного знания, и конситуации – ситуации, сопутствующей производству речевого акта.

Наибольшей продуктивностью при реализации значений энантонимов отличается экстралингвистический контекст. Для актуализации исследуемых единиц эффективными могут быть как отдельные типы контекста, так и их комбинации.

Рассмотрим сначала так называемые «чистые» типы экстралингвистического контекста, а именно конситуацию и отдельные типы пресуппозиций. Противоположные значения энантонимов чаще актуализируются в тексте с помощью вербализации содержания различных пресуппозиций, чем в определенной конситуации, что обусловлено большей объективностью содержания компонентов пресуппозиций, так как содержание высказывания логически следует из определенных условий его употребления. Пресуппозиции указывают, создают смысл высказывания; а ситуативный контекст позволяет уточнить и лучше понять значения определенных слов в данном высказывании.

Пример с экзистенциональной пресуппозицией в качестве основного средства актуализации одного из двух значений энантосемичного глагола **aufrollen** 1) «развертывать, раскатывать, разматывать» и 2) «свертывать, скатывать, наматывать»), а именно второго, мы находим в следующем предложении:

Mit dem Aufrollen des Vorhangs war Sylvia wieder in die Zauberwelt versetzt – ein befreiender Gegensatz zu dem Stückchen wirklicher Welt, das sich in Kolno's satyrischem Berichte gespiegelt hatte. (Bertha von Suttner: Martha's Kinder (Kapitel 24))

В этом предложении содержание экзистенциональной пресуппозиции актуализирует противоположное

значение глагола **aufrollen** – «свертывать, скатывать, наматывать». Знание объективной реальности (устройства и работы театра, в частности занавеса) помогает реализации указанного значения, ведь «не подняв» (здесь: «не скатав занавеса»), нельзя «оказаться в волшебном мире».

Актуализация энантосемичных лексических единиц с эмотивно-оценочной семантикой (в плане «положительности» или «негативности») происходит часто с участием лингвистической пресуппозиции, так как знание устройства и функционирования языка и применение этого знания субъектом речи в процессе коммуникации помогает выразить экспрессивно-ироническое значение энантосемичной единицы. Например:

Schöner konnte ein Abschied nicht sein, kein Klammern mehr, gelacht und weggeschlafen. [archiv.tagesspiegel.de vom 05.03.2005] – *Прекраснее уход (смерть – Г.О.) не мог быть, ничего не держит, посмеялся и уснул.*

Реализация лексемы **schön**: 1) «заслуживающий признания; воспринимаемый как позитивный, радостный» и 2) «мало радостный; дающий повод для неудовольствия, досады» в своем втором значении становится возможной лишь благодаря знанию того, что данная лексема в своем предметном значении может обладать негепозитивным, экспрессивно-ироническим значением. В результате чего и возникает парадоксальное сочетание лексических единиц «прекрасная смерть», передающее иронический смысл, базирующийся на контрасте сказанного и подразумеваемого.

Несколько реже в качестве основного контекстуального средства для реализации энантосемичного значения выступает конситуация, так как одной ситуацией, сопутствующей производству речевого акта, очень часто оказывается недостаточным для определения энантосемичного значения. В следующем примере с опорой именно на определенную ситуацию реализуется одно из противоположных значений глагола **aufheben**: 1) «сохранять, прятать, беречь» и 2) «отменять, устранять, ликвидировать, уничтожить»:

Da das Lasern bis auf den Wegfall der Brille keinen Vorteil bringt und somit aus medizinischer Sicht meistens nicht notwendig ist, übernehmen die gesetzlichen Krankenkassen die Kosten nicht. Mit einer Brille, so die Begründung, lässt sich die Fehlsichtigkeit genauso gut aufheben. Wer sich

entscheidet, selbst eine Laserbehandlung zu bezahlen, muss sich auf mindestens 1000 Euro pro Auge einstellen. (Die verschiedenen Laser-Verfahren. DIE WELT: 06.06.2010)

Только конкретное положение в обязательном медицинском страховании Германии относительно услуг лазерной медицины поясняет нам, что происходит в случае лечения (здесь «устранения») дефекта зрения. Содержание ситуативного контекста помогает в выборе значения «отменять, устранять, ликвидировать, уничтожить», в противном случае было бы сложно понять, что же происходит с дефектом зрения с помощью очков. Вырванное из данного контекста одно предложение (*Mit einer Brille, so die Begründung, lässt sich die Fehlsichtigkeit genauso gut aufheben*) сложно понять однозначно.

Анализ языкового материала позволяет рассмотреть взаимодействие синтаксического, лексического и словесно-грамматического контекстов для актуализации одного их энантиосемичных значений лексической единицы. Например:

Calogrenant sucht den rechten Weg und findet ihn, wie wir oben festgestellt haben; es ist der rechte Weg zum Abenteuer, und schon dies Suchen und Finden des rechten Weges offenbart ihn als einen der Auserwählten, als einen der echten Ritter von Artus' Tafelrunde; als ein echter und des Abenteurers würdiger Ritter wird er von seinem Gastfreund, der selbst ein Ritter ist, mit Freude und mit Segenswünschen über den gefundenen rechten Weg aufgenommen. (Auerbach, Erich, Mimesis, Bern: Francke 1946 (S. 131))

В данном примере актуализатором одного из двух исследуемых значений энантионима **Gastfreund** («гостеприимный) хозяин, хлебосол/частый гость») является сочетание различных видов лингвистического контекста. Для актуализации значения важен синтаксический контекст, то есть сама структурная схема предложения, влияющая на лексическое значение слова. Пассивная конструкция предложения: *Er wird von seinem Gastfreund aufgenommen* (дословно: Он принимается своим хозяином) здесь в большей степени, чем активная конструкция, показывает процесс действия («прима»), а предлог *von* передает в немецком языке деятеля, осуществляющего это действие (кем? – хозяином). Поэтому соотносительность энантионима **Gastfreund** с грамматическим значением контекстного партнера *wird aufgenommen von wem?* («принимается кем?») является морфологическим контекстом, влияющим на реализацию значения «хозяин». Лексический (точнее – лексико-семантический) контекст находит отражение в семантической близости сопутствующего энантиониму глагола *aufnehmen* («принимать, встречать»), которая диктует в данной синтаксической структуре предложения указанное значение.

Следует отметить, что среди так называемых «чистых» типов контекста самой продуктивной в плане реализации энантиосемичных значений слов является экзистенциальная пресуппозиция. Остальные виды пресуппозиций и подвиды контекстов в «чистом» виде встречаются при реализации одного из противоположных значений довольно редко. Данный факт объясняется тем, что экстралингвистический контекст в силу своих особенностей включает в себя (самым экономным способом) большой объем информации, необходимый для распознавания и определения нужного значения. А информация энциклопедического характера, нужная для осуществления жизненно важных задач, играет здесь порой определяющую роль. Гораздо чаще энантиосемичные значения

немецких лексических единиц реализуются в так называемом «смешанном» контексте, когда значение единиц определяется не одним, а несколькими актуализаторами, среди которых встречаются самые различные сочетания: пресуппозиция + лингвистические типы контекста, конситуация + различные типы пресуппозиций, конситуация + лингвистические типы контекста, сочетание разных типов пресуппозиций и т.п.

Как и в описанных ранее случаях «чистого» контекста, где преобладают примеры с экзистенциальной пресуппозицией, в «смешанном» контексте также наиболее частотны случаи реализации энантиосемичных значений с участием этой же пресуппозиции. Рассмотрим на следующем примере со значениями глагола **anhalten** 1) «остановить, привести в состояние покоя, при(остановить)» и 2) «длиться, продолжаться» в качестве актуализаторов второго значения сочетание экзистенциальной пресуппозиции с лингвистическим контекстом.

Schmerzen, die länger als sechs Monate anhalten, gelten als eigenständige Krankheit. (archiv.tagesspiegel.de vom 30.03.2005)

Выбор соответствующего значения в анализируемом примере происходит на основе известного всем факта, что человек болен только в том случае, если боли «продолжаются», а не «прекращаются». Лингвистическим подспорьем является здесь временной интервал длиной шесть месяцев, который был бы не уместен при противоположном значении глагола. Характеризуя контекстуальные условия реализации энантиосемичных значений, следует остановиться на тех случаях, когда исследуемое значение актуализируется с опорой не только на определенный тип пресуппозиции, но и с учетом конситуации. В качестве примера рассмотрим актуализацию первого значения глагола **aufrollen**: 1) «развертывать, раскатывать, разматывать» и 2) «свертывать, скатывать, наматывать»:

Simonides hielt das Paket eine Weile in der Hand und besichtigte ebenfalls das Siegel. Dann erbrach er es und reichte ihr die darin enthaltene Papierrolle. – Lies! – sprach er ...– Du bist ein gutes Kind, ganz wie deine Mutter war, – sprach er, in träumerisches Sinnen verfallend, aus dem ihn das Aufrollen des Papiers weckte. – Der Herr verzeihe mir, aber – aber deine Liebe wäre nicht umsonst gegeben, hätte ich alles, was ich hatte, behalten, wie ich es hätte tun können. Solche Macht liegt im Gelde! – Es wäre noch schlimmer für mich gewesen, wenn du so gehandelt hättest, Vater; denn dann wäre ich jedes Blickes von ihm unwürdig und ohne Stolz auf dich. Soll ich jetzt lesen? (Lewis Wallace: Ben Hur (Kapitel 30))

В данном случае актуализация значения 1) «развертывать, раскатывать, разматывать» глагола **aufrollen** происходит с помощью экзистенциальной пресуппозиции (знание определенной очередности и взаимозависимости действий – запечатанный пакет сначала нужно вскрыть, затем развернуть свиток, потом прочесть написанное на нем) и конситуации (приготовление к чтению документа).

Экстралингвистические средства могут указывать на семантику актуализируемых единиц также с использованием конситуации в сочетании с лингвистическими типами контекста, как например:

Man stieg aus, folgte dem Hunde und fand, daß ein nackter, zwischen dem Schilf verborgener, Leichnam der Gegenstand war, welcher den Instinkt des Tieres an den Platz

gefesselt hielt. Der Körper verriet deutliche Spuren äußerer Gewalt. Zwar war er noch nicht in Verwesung übergegangen, aber doch so steif, daß man schon auf ein längeres Ableben schließen konnte. (Willibald Alexis. Der neue Pitaval - Band 11)

Однозначный выбор из двух противоположных значений энантионима **ableben** 1) «*прожить (до конца) какой-то промежуток времени, пережить*» и 2) «*умереть*» в пользу второго значения осуществляется в данном случае с помощью конситуации, учитывающей субъективно сложившиеся обстоятельства (описание криминального случая с обнаружением мертвого тела). Кроме этого, реализации данного энантиосемичного значения способствует и лексико-семантический контекст в виде лексических единиц семантического поля «*смерть*»: *Leichnam (труп), Körper (тело), Verwesung (разложение), steif (застывший)*. Следует отметить, что в данном примере используется субстантивированный инфинитив **Ableben** от глагола **ableben**, который сохраняет все его семантические признаки.

Актуализация реализуемых энантиосемичных значений, в силу их противоположности, выявляет эффективность разных языковых средств и внеязыковых факторов. Это могут быть самые разнообразные сочетания контекстов и их типов, но всё же наиболее продуктивным средством актуализации противоположных значений энантионимов является экстралингвистический контекст. Преобладание экстралингвистического контекста, который является своеобразным описанием неязыковых условий реализации языковых единиц, может быть объяснено тем, что «...использование языка в паралингвистическом окружении является действительно более экономным (прежде всего по длине высказывания и, следовательно, по типу диалога) расходом собственно языковых

средств» [1, с. 17]. Экстралингвистический контекст в виде пресуппозиций, их сочетаний с конситуацией или с лингвистическими средствами реализации языковых единиц определяет выбор соответствующего значения энантиосемичной лексической единицы. Более продуктивной в этом плане можно считать экзистенциальную пресуппозицию, которая часто встречается в «чистом» виде и служит своеобразным описанием неязыковых условий реализации языковых единиц. Она же в сочетании с различного рода экстралингвистическими и лингвистическими средствами также продуктивнее остальных видов пресуппозиций. Другие виды пресуппозиций и типы контекстов в «чистом» виде встречаются при реализации одного из противоположных значений значительно реже. Наиболее близкой к экзистенциальной пресуппозиции с точки зрения экстралингвистической информативности является конситуация, поэтому она, как актуализатор энантиосемичного значения, тоже продуктивна. Таким образом, информация, необходимая для выявления одного из противоположных энантиосемичных значений, носит преимущественно экстралингвистический, энциклопедический, затекстовый характер, что, в свою очередь, экономит лингвистические средства выражения.

Список литературы:

1. Колшанский Г.В. Паралингвистика [Текст] / Г.В. Колшанский. М.: Наука, 1974. – 80 с.
2. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
3. Торсуева И.Г. Контекст / И.Г.Торсуева/ Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – с. 238

О ПРОЦЕССЕ КОМПРЕССИИ В ЯЗЫКЕ

Овчинникова Наталья Дмитриевна

канд. филол. наук, доцент кафедры «Международный бизнес» МГУ ПС, г. Москва

Экономия, рассматриваемая лингвистами как одна из форм развития языка, поддерживающая языковую систему в состоянии динамического равновесия [3, 11, 19 и др.] и основанная на категории вариативности в выборе языковых средств, изучается отечественными лингвистами через ее проявление – процесс компрессии. Принцип языковой экономии и явление компрессии соотносятся как диалектические категории общего и единичного, где экономия выступает как общее, «душа», «суть единичного, закон его жизни и развития», а компрессия – «объект во всей совокупности присущих ему свойств, отличающих его от всех других объектов и составляющих его индивидуальную, качественную и количественную определенность» – включает общее как свою сущность и является единичным [20, с. 31]. Представляется, что единичное (компрессия) и общее (экономия) существуют в единстве, порождая особенное.

Следует отметить, что интерес к проблеме компрессии возрос к концу 50-х годов XX века, что было связано с увеличением числа переговоров по каналам связи. Для увеличения объема передаваемой информации за счет компрессии речевых сигналов необходимо было выделять

существенные черты в речи так, чтобы, «передавая их по каналам связи на приемном конце можно было восстановить речь в первоначальном виде» [7, с. 211]. Таким образом, термин «компрессия» (от лат. *compressio* – сжатие) заимствован в лингвистику из теории связи, где он обозначал способность спектра речевого сигнала сжиматься во время его передачи. Сжатие единиц, моделей и конструкций языка оказалось возможным, во-первых, благодаря линейности, однонаправленности и асимметричности языкового знака, поскольку эти свойства обусловлены свойствами времени и оказывают влияние на внутреннюю организацию языка, во-вторых, благодаря информационной избыточности речи. Опускаемая информация имплицитруется на фоне вербально выраженного текста, но является потенциально восполнимой. Опущение обусловлено экстралингвистическими факторами, важнейшими из которых является ситуация общения и «внутренняя избыточность» участников коммуникации.

Компрессия понимается неоднозначно разными лингвистами в силу функционально-стилевых ограничений или вследствие того, что проводимые исследования

ограничены рамками определенной «синтаксической микросистемы» [8, с. 44].

Лингвисты единодушно связывают компрессию со сжатием плана выражения и плана содержания единиц и структур. Ряд лингвистов [15, 17, 5, 13 и др.] трактуют компрессию как процесс, в результате которого достигается возможность выражения полноты информации минимальными языковыми средствами. В результате этого процесса в языке возникают «специфические структуры», способные функционировать как простые предложения, части сложных предложений или как эквиваленты сложных развернутых конструкций [5, с. 22].

Возможно выделение широкой и узкой трактовки понятия компрессии. Компрессия в *широком* смысле понимается как любое сокращение плана выражения и/или содержания знака, приводящее к краткости, простоте, сжатости. Установлено, что краткость ведет к сильному синтаксическому распространению, что при использовании языковых средств других уровней создает большую семантическую емкость.

В *узком* понимании компрессия отграничивается от смежных синтаксических явлений (эллипсиса, комплексной конденсации, замены, упрощения, синтаксической редукции), отмечается закономерный характер изучаемого процесса, обусловленного свойствами самой структуры и преобразующего неэкономные структуры в экономные. Данный подход предложен в диссертационном исследовании Б.П. Дюндик [8].

Таким образом, давая рабочее определение компрессии можно определить ее вслед за В.Н. Куряковым [13, с. 7] как обусловленный принципом языковой/ речевой экономии закономерный процесс, протекающий на всех уровнях языковой речевой структуры, имеющий результатом значительное сокращение (сжатие) плана выражения и плана содержания высказывания и обеспечивающий наиболее оптимальные условия обмена информацией между участниками коммуникации.

В настоящее время сфера употребления термина «компрессия» непрерывно расширяется. К нему обращаются не только при описании путей порождения экономных конструкций, но и при определении их деривационной глубины [1]. Понятие компрессии используется: в теории и практике перевода как особый переводческий прием сокращения объема переведенного текста при сохранении инварианта содержания [22, 21, 14, 23, 2, 10 и др.], в методике в связи с разработкой новых приемов обучения иностранным языкам [9], в психолингвистике. Доказано, что обучение трансформациям, ведущим к компрессии речи, «заметно влияет на улучшение мнемической деятельности [...] совершенствует умения и навыки репродукции в условиях коммуникации» [9, с. 163].

Вопрос об экономном характере скомпрессированных единиц вызывает дискуссию. Так, в синтаксисе разговорной речи компрессия выражается в простоте синтаксических связей [18] и реализуется через употребление более простых и синтаксически сжатых конструкций, хотя и менее экономных. Однако большинство лингвистов склонны рассматривать компрессию как процесс порождения экономных синтаксических конструкций, передающих тот же объем информации, что и неэкономные конструкции, но при минимальном количестве использованных знаков плана выражения, поскольку цель

компрессии – достижение коммуникативного эффекта через минимальную затрату минимальных языковых средств.

Плюрализм мнений относительно компрессии не является недостатком. Исследователи считают, что каждая из предложенных трактовок компрессии, взятая в отдельности, находится в отношении дополнительности друг к другу, раскрывая всю многогранность и сложность явления.

Нет единства мнений исследователей и относительно типологии компрессии. Разные признаки, положенные в основу классификации, приводят к наложению видов компрессии и выделению одинаковых типов по разным параметрам (например, смешение способов и результатов компрессии). Тем не менее, мы говорим о *слоговой* (сокращение слоговой величины сообщения или сокращение числа слогов в сообщении за счет выбора более кратких слов), *синтаксической* (выбор более краткой и более простой синтаксической конструкции), *лексической* (выражение той же мысли меньшим числом слов), *семантической* (устранение из текста отрезков, которые дублируют по содержанию предшествующие высказывания) компрессии. Все виды компрессии взаимосвязаны: синтаксическая компрессия приводит к лексической и слоговой и затрагивают тематическую составляющую семантико-смысловой структуры отрезка сообщения.

Компрессия на *уровне текста* интегрирует способы сжатия, характерные для всех нижележащих уровней, а также имеет свои собственные специфические особенности. Так как текст является знаком определенной ситуации, то возможна его замена другим, более кратким знаком или знаками. Компрессированный и эксплицированный варианты текста эквивалентны относительно плана содержания, а именно описанной ими ситуации. В плане выражения тексты неэквивалентны, так как набор используемых в текстах знаков различен.

Результатом действия компрессии на текстовом уровне является выделение наиболее информативных и семантически значимых элементов текста, которые с наибольшей степенью отражают денотатную структуру текста [13]. Логической основой всех способов компрессии текста при сохранении полноты содержания являются, с одной стороны, смысловая связь между сохраняемыми и компрессируемыми отрезками сообщения, и фоновые знания, с другой. [16, с. 99-100].

Современное развитие лингвистической мысли требует переосмысления сущности рассматриваемого явления в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, которая представляет собой «интеграцию и взаимодействие двух ведущих парадигм современности – когнитивной и коммуникативной, их рациональный синтез» [12, с. 8]. Это открывает широкие перспективы для более углубленного, чем прежде, изучения языковых явлений, позволяет выявить их когнитивные и дискурсивные особенности, раскрыть их онтологическую природу.

В проведенном нами исследовании жанровой трансформации английских публичных выступлений (ПВ) в информационные газетные сообщения (ИГС) процесс компрессии получает новое осмысление.

Системно-языковой подход к жанровой трансформации (рассмотрение результатов ее проявления на текстовом и пропозематическом уровне) впервые позволил выработать определенную закономерность ее осуществления: первичную и вторичную компрессию. Вслед

за Н.С.Валгиной [4] представляется возможным трактовать первичную и вторичную компрессию как коммуникативную и семиотическую соответственно.

В рамках ситуационной стратегической модели Т.А. ван Дейка [6] первичная коммуникативная компрессия как процесс структурно-семантической трансформации ПВ в ИГС, приводящий к изменению функционально-смысловых типов речи, связывается с преобразованием тематической (семантической) и прагматической структуры текстов на основе изменения соотношения эксплицитной и имплицитной информации. Выделенные нами трансформации – семантические, структурные, изменение соотношения функционально-смысловых типов речи – обусловлены прагматическими факторами, которые определяются изменением функций коммуникации: изменением прагматической установки воздействия в ПВ на информирование и оценку в ИГС.

Практический материал свидетельствует о наличии парафразовых трансформаций, что является проявлением грамматической вариативности.

Нами установлено, что в синтаксисе ИГС наблюдается действие вторичной семиотической компрессии, способами актуализации которой выступают осложненные предложения и парантетические вхождения. Как показало исследование, их общее количество пропорционально количеству придаточных и сложносочиненных предложений, что демонстрирует зависимость синтаксического типа предложения от функционально-смысловых типов речи: передача рассуждения исходного текста осуществляется сложными предложениями, таким образом, уравнивается динамическое и статическое представление материала.

Проведенный анализ позволяет с уверенностью заявить, что процесс компрессии ситуативно обусловлен. Варьирование коэффициента компрессии обусловлено экстралингвистическими (стремление автора к объективной подаче материала, зависимость компрессии от статуса выступающего, важности проблемы) и лингвистическими (широко распространенное цитирование) факторами.

Важной характеристикой процесса компрессии становится зависимость его функционального аспекта от употребительности структур, что позволило нам выделить общие (функция средств актуализации, информативные и стилистические функции) и частные функции, связанные с синтаксическим строением конструкции и предполагающие ориентирование автора на фоновые знания реципиента и обобщение излагаемого материала. Таким образом, собственно-грамматический и стилистический аспекты скомпрессированных структур взаимосвязаны и взаимообусловлены и способствуют реализации основной коммуникативной установки – информирования и оценки.

Проведенный анализ показал, что жанровая трансформация в публицистическом тексте в полной мере основывается на первичной компрессии, в то время как вторичная компрессия реализуется не полностью вследствие наличия в тексте ИГС большого количества цитат. Увеличение коэффициента компрессии и ее экспрессивной силы, возможно, обусловлено уменьшением количества цитат в тексте ИГС.

Проведенное исследование подтверждает, на наш взгляд, целесообразность и перспективность применения, наряду с традиционными методами лингвистического анализа, современных когнитивных методов при исследовании жанровых текстовых категорий и характеристик.

Интерпретация компрессии при жанровой трансформации в рамках коммуникативно-прагматического, когнитивного и парадигматического подходов дает более глубокое представление о трансформационном механизме.

Настоящее исследование намечает пути дальнейшего изучения процесса компрессии и выявления особенностей жанровых преобразований в рамках стилистики текста. Методика и полученные результаты могут быть использованы для анализа других функционально-стилевых и жанровых разновидностей.

Список литературы:

1. Блох М.Я. Дихотомия «язык - речь» и теория трансформационной грамматики// Вопросы грамматики английского языка. – М., 1969 – с.17-37.
2. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского на английский язык. – М.: Издательство УРАО, 2001 – 207с.
3. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? – М.: Наука, 1977 – 264 с.
4. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280с.
5. Власова Ю.Н. К проблеме компрессии на уровне сложного предложения. Тезисы докладов. – Петригорск, 1970 – с.21-23.
6. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация/ Пер.с англ. Сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова – М.: Прогресс, 1989 – 311с.
7. Добрушин Р.Л. Лингвистика и практика// Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная. – М.: Наука, 1968 – с.210-212.
8. Дюндик Б.П. Компрессия придаточных предложений в современном английском языке: дисс...к.ф.н. – М., 1971.
9. Эйгер Г.В., Гохлернер М.М. О роли овладения приемами компрессии речи при обучении неродному языку// Психология грамматики. – М., 1968 – с.153-165.
10. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. – 424с.
11. Костомаров В.Г. Причины и характер прогресса русского языка в наши дни // Вестник АН СССР, 1978 № 10 – с. 89-100.
12. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров/ РАН ИНИОН. Центр гуманитар. научно-информационных исследований – М., 2000 – с.7-25.
13. Куряков В.Н. Компрессия как особенность американского военного текста (на материале боевых приказов армии США): автореф. дисс...к.ф.н. – М., 1991 – 17с.
14. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М.: Московский лицей, 1996. – 208с.
15. Нелюбин Л.Л. Синтаксис языка американских боевых приказов: дисс...к.ф.н. – М., 1968
16. Пан Г.В. Языковая экономия и коммуникативная насыщенность текстов в прессе ГДР: дисс...к.ф.н. – М., 1978.
17. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения: автореф. дисс. ... д. ф.н. – Л., 1968 – 40с.

18. Середина К.Г. О компрессии синтаксической структуры в английском разговорном языке. Тезисы докладов. – Горький, 1966.
19. Сизов М.М. Краткость как характеристика газетного стиля современного английского языка и языковые средства ее реализации: автореферат дис... канд. филол. наук. – М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1981 – 24с.
20. Спиркин А.Г. Философия. – М.: Гардарики, 2003 – 735с.
21. Цвиллинг М.Я. Переводческий текст как объект перевода// Грамматика и перевод. – М., 1988. – с.141-146.
22. Чернов Г. Синхронный перевод: речевая компрессия – лингвистическая проблема. Тетради переводчика. – М.. 1969 – с.52-65.
23. Швейцер А.Д. Перевод как акт межкультурной коммуникации// Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов. – М.: МГЛУ, 1999. – вып. 444 - с.180-187.

ФЕМИННЫЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПА В РАССКАЗЕ В. ВУЛЬФ «НАСЛЕДСТВО»

*Панченко Полина Николаевна
Студентка КубГУ, г. Краснодар*

Современные исследователи гендера и языка уделяют много внимания изучению гендерных стереотипов, отмечая их неравномерную представленность в языке лиц разного пола, например, яркое проявление андроцентризма в некоторых языках. Андроцентричность языка впервые была подвергнута критике представительницами феминистской лингвистики в 60-70г. XX в. в США и Германии. Главной целью феминистской лингвистики стало разоблачение мужского доминирования в общественной и культурной жизни, а также в языке. Основополагающей в данной области стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины», в которой автор обосновала андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке [5].

К предвзвешенным нормам одного пола предъявляется особый набор поведенческих норм и ожиданий, значительно отличающийся от требований к другому полу. Для этого используются специальные термины и слова, по-разному описывающие мальчиков и девочек, мужчин и женщин. Все это находит свое отражение в особых формах проявления общественного сознания – стереотипах. Традиционно, стереотип представляет собой некую схему (клише), на основе которой происходит восприятие и оценка информации. Эта схема выполняет функцию обобщения некоего явления, предмета или события, с ее помощью человек действует или производит оценку автоматически, не задумываясь. Рассмотрим само понятие гендерного стереотипа. По определению А.В. Меренкова, это «устойчивые программы восприятия, целеполагания, а также поведения человека, в зависимости от принятых в данной культуре норм и правил жизнедеятельности представителей определенного пола» [4, с. 161].

Гендерные стереотипы – это «устойчивые для данного общества в данный исторический период представления о различиях между мужчинами и женщинами» [1, с. 17]. Еще одно определение мы встречаем у И.С. Клециной, которая под гендерными стереотипами понимает «стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское»» [2, с. 19].

Итак, понятие «гендерные стереотипы» подразумевает, во-первых, качества и характеристики, с помощью которых обычно описываются мужчины и женщины. Во-

вторых, в гендерных стереотипах содержатся нормативные образцы поведения, традиционно приписываемые лицам мужского или женского пола. В третьих, в гендерных стереотипах отражены обобщенные мнения, суждения, представления людей о том, чем же отличаются друг от друга мужчины и женщины.

К первой группы можно отнести стереотипы, характеризующие мужчин и женщин с помощью определенных личностных качеств и социально-психологических свойств, и в которых отражены представления о мужественности и женственности. Например, женщинам обычно приписываются такие качества, как пассивность, зависимость, эмоциональность, конформность и др., а мужчинам – активность, независимость, компетентность, агрессивность и т.д. Как мы видим, качества маскулинности и феминности имеют полярные полюса: активность – пассивность, сила – слабость.

Вторая группа гендерных стереотипов связана с закреплением определенных социальных ролей в семейной, профессиональной и других сферах. Женщинам, как правило, в качестве основных отводятся семейные роли (матери, хозяйки, жены), а мужчинам – профессиональные. Как отмечает И.С. Клецина, «мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, а женщин – по наличию семьи и детей» [3, с. 22]. Внутри отдельной сферы (например, семейной) набор ролей, приписываемых мужчине и женщине, различен. Например, в качестве сугубо «женских» относят роли, связанные с уборкой в доме, приготовлением пищи, стиркой и глажением белья и мытьем посуды. Мужскими же функциями в семье являются функции добывания денег, ремонтные работы по дому, вынос мусора.

Третья группа гендерных стереотипов отражает различия между мужчинами и женщинами в занятиях определенными видами труда. Так, мужчинам приписываются занятия и профессии инструментальной сферы деятельности, имеющие, как правило, творческий или создающий характер, а женщинам – экспрессивной сферы, отличающейся исполнительским или обслуживающим характером. Поэтому распространенным является мнение о существовании так называемых «мужских» и «женских» профессий. Из перечисленных групп гендерных стереотипов наиболее общими и универсальными являются стереотипы феминности/маскулинности.

В. Вульф причисляется к ряду авторов-модернистов, показывающих в своем творчестве ломку шаблонных стереотипов в разных областях, в том числе и в сфере гендера, что непосредственно связано с присутствием писательницы у самих истоков феминизма как движения.

Рассмотрим специфику гендерных стереотипов на материале рассказа V. Woolf «The Legacy».

Сначала обратимся к первой группе, которая описывает личностные качества.

В. Вульф показывает эмоциональную сторону Анджелы. Главная героиня очень радуется чему-то новому, не скрывая свои эмоции: «*her little cry of delight*» – «её восторженный крик». Семы «pleasure», «satisfaction» и «happiness» указывают на наличие эмоционального аспекта, свойственного женщинам (Delight – a feeling of great pleasure, satisfaction, or happiness). Также мы можем увидеть и переживания её помощницы Сесси Миллер, которая была очень расстроена смертью Анджелы: «*terribly distressed*» – «страшно расстроена». Интенсификатор «*terribly*» усиливает негативную эмоцию.

В тексте показано, что Анджела отзывчива и добра к людям: «*with her genius for sympathy, had discovered all sorts of qualities in Sissy Miller*» – «с её даром отзывчивости обнаружила в Сесси Миллер неоценимые достоинства». (Sympathy – an expression of understanding and care for someone else's suffering.), она находит только самые лучшие качества в человеке (had discovered all sorts of qualities in Sissy Miller.) В описании Сесси также выявляются положительные качества: «*She was the soul of discretion; so silent; so trustworthy, one could tell her anything, and so on*» – «Сама деликатность; такая сдержанная; надёжная, ей всё-всё можно рассказать, и т.д.». В. Вульф представляет её только с лучшей стороны (Discretion – the ability to behave without causing embarrassment or attracting too much attention, especially by keeping information secret. Silent – without any sound. Trustworthy – able to be trusted), в то время, как про Гилберта и про других мужчин она не даёт такого описания.

Автор также показывает нам любящее и тёплое отношение Анджелы к Сесси: «*For Sissy Miller, with my love*» – «Дорогой Сесси Миллер, с любовью». (Love – to have strong feeling of liking a friend or person in your family.) Здесь видно, как Анджеле дорога её помощница. Она не скрывает это, а наоборот говорит об этом. Опять проявляются эмоции Анджелы, её сострадание и переживание о происшедшем: «*had been terribly upset*» – «невероятно разогорчилась». Семы «unhappy», «anxious» указывают на наличие эмоционального аспекта, свойственного женщинам. (Upset – to make sb/yourself feel unhappy, anxious, or annoyed.)

Кроме того в Анджеле чувствуются беззаботность и легкость: «*she was still such a child; she loved ices*» – «она была совсем ещё ребёнком; любила мороженое». (Child – an adult who behaves, like a little boy or girl.) Однако неуверенность в себе и в своих силах прослеживается в характере Анджелы: «*She was so terribly ignorant, she used to say, as if that were not one of her charms*» – «Она любила толковать о своём ужасающем невежестве, а ведь оно только подчёркивало её обаяние». (Ignorant – not having enough knowledge, understanding, or information about something.) Она думает, что она многого не знает, что с многим просто не справится. Ещё одно доказательство, что Анджела не уверена в себе: «*Have I the courage to do it too?*» – «Хватит ли у меня мужества тоже это сделать?». (Courage – the

ability to control your fear in a dangerous or difficult situation.) Её тревожит своё будущее.

Вторая группа гендерных стереотипов связана с закреплением определенных социальных ролей в семейной, профессиональной и других сферах.

Например, мы можем наблюдать, как В. Вульф показывает превосходство мужчины над женщиной в обществе: «*Did I realize my responsibility...as Gilbert's wife?*» – «Сознаю ли я, какая это ответственность – быть женой Гилберта?». Из данного примера следует, что мужчина главный, особенно, если он какой-нибудь видный деятель. Женщине отведена второстепенная роль (as Gilbert's wife), на что указывает использование притяжательного падежа и имени собственного. Мы видим, что Анджела хотела иметь детей. Для неё это было настоящим горем: «*It had been a great grief to her that they had no children*» – «Для неё явилось серьезным горем, что у них не было детей».

Третья группа гендерных стереотипов отражает различия между мужчинами и женщинами в занятиях определенными видами труда.

Например, В. Вульф показывает зависимость женщины от мужчины: «*of the duties that fall to the lot of a prominent politician's wife*» – «как жена видного политического деятеля, несла свою долю обязанностей». (Politician – a person whose job is concerned with politics, especially as an elected member of parliament, etc. Wife – the woman that a man is married to.) Анджеле общество рассматривало не как отдельную личность, а именно как жену Гилберта. Он занят в профессиональной деятельности, а она просто исполняет роль жены. Также мы можем наблюдать, как Анджела отчаянно хотела работать, помогать и быть полезной обществу: «*She wished to have some work of her own. She wanted to do something.*» Всё это было непонятно Гилберту: «*Hadn't she enough to do looking after him, after her home?*» – «Ей хочется тоже иметь какую-нибудь работу. Мало ей, что ли, дела – заботиться о нем, вести хозяйство?». Её стремление работать забавляло его. Он не понимал зачем ей это? Ведь её главная обязанность – заботиться о нём и о доме.

Из рассмотренных нами примеров мы можем сделать вывод, что к первой группе непосредственно относятся личностные и эмоциональные качества женщин, их восприимчивость, внушаемость, чувствительность, способность к состраданию. В тексте это может быть выражено семантически, так как слова, выражающие эмоции, уже дают нам понять, что чувствует человек и как воспринимается ситуация, в которой он находится. С помощью стилистических оборотов происходит усиление выразительности речи, то есть привлечения внимания или вызов эмоций.

Вторая группа гендерных стереотипов связана с отведением ролей в семье. Для женщин это означает быть домохозяйкой, воспитывать детей, поддерживать быт. У женщины здесь второстепенная роль. Мы семантически можем это пронаблюдать, так как само слово «жена» имеет значение женщины по отношению к мужчине, с которым она состоит в браке.

К третьей группе относится сфера деятельности женщины, в какой профессиональной области она может реализоваться. В тексте Анджеле отведена роль только жены, она не работает, однако очень хочет быть полезна обществу. Из-за этого она участвует в общественной

жизни людей, не вырываясь из домашнего бытового контекста, а концентрируясь на нем.

Список литературы:

1. Гендерный подход в дошкольной педагогике: Монография в двух частях, под ред. к. пед. н. Л.В.Штылевой. – Мурманск: МГПУ, 2001. – 78 с.
2. Клещина И.С. Гендерная социализация: учеб. пособие. – СПб: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 92. с.

3. Меренков А.В. Социология стереотипов. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2001. – 161. с.
4. Lakoff R. Language and woman's place // Language in Society. – Published by: Cambridge University Press 1975. – pp. 45-80.
5. Вульф В. Наследство. Режим доступа: <http://smartfiction.ru/prose/inheritance/>
6. Woolf V. Legacy. Режим доступа: <http://www.nbu.bg/webs/amb/british/5/woolf/house10.htm>

CORRECT USAGE AND TRANSLATION OF HIGHLY SPECIALIZED FINANCIAL TERMINOLOGY

*Пасечникова Любовь Юрьевна
Студент, НИ ТГУ, г. Томск*

It's very important to consider the differences of the source language and the language in the translation because the correctness of the resulting expression depends on correct translation. Depending on the importance of the material the consequences of an incorrect translation may be different.

1). *Discrepancy grammatical forms one of the components considered terms and FL and TL. This kind of differences we see primarily the translation of the English terms, formed by a combination of nouns. Next we'll consider the various specifics of translation of English terms into Russian.*

The primary objectives of the financial risk management function are to establish risk limits, and then ensure that exposure to risks stays within these limits. (управление финансовыми рисками);

Основными целями управления финансовыми рисками является определение допустимых пределов риска и дальнейшее обеспечение того, что тенденция поведения рисков остается в этих пределах.

2). *Terms consisting of two nouns related pretext "of" (Noun of Noun) usually translated the term structure "noun + noun in the genitive case":*

The Bank's Evaluation Department is headed by the Chief Evaluator, who reports exclusively to the Bank's Board of Directors. (Совет директоров).

Отдел оценивания Банка возглавляет главный специалист по оцениванию, который подчиняется исключительно Совету директоров Банка.

Raffaele Marchetti, professor of international relations at Rome's Luiss University, said Italy considered itself "a privileged partner" with Russia, together with Germany, with both traditionally providing Russia with "a gateway to Europe" [4]. (Профессор римского университета)

Раффаэль Маркетти, профессор международных отношений римского университета Льюисс считает Италию "привилегированным партнером" России, так же, как и Германию, ведь он всегда отождествлял Россию с "воротами в Европу".

Mr Draghi, president of the ECB, also revealed that banks would be able to borrow up to €1trn from the central bank, should they smash targets, or benchmarks, set by the ECB [4].

Г-н Драги, президент Европейского центробанка, также сообщил, что банки смогут получить до € 1трлн от ЕЦБ, если они достигнут целей или ориентиров, установленных ЕЦБ.

3). *Other prepositions linking two nouns in the composition of terms usually transmitted relevant pretexts Russian language:*

Dividends per share are included in dividend income when the Group's right to receive the dividend payment is established and collection of the dividend is probable. [4]

Дивиденды на акцию включаются в доходы в статье дивидендов в том случае, когда устанавливаются права Группы на получение соответствующих выплат и сбор дивидендов является возможным.

4). *Differences in the composition of lexical terms FL and TL. When we compare the English compound terms and their Russian equivalents we can find differences in the lexical meaning of the main components.*

Based on our best judgment of the eventual outcome of these claims, management recognised the benefit of the utilization of losses as follows: RR 534 million in 2005, RR 515 million in 2008 and RR 1606 million in 2009. [5]

На основе наших самых оптимистичных прогнозов возможного исхода этих претензий, руководство распределило размеры погашения убытков использования потерь следующим образом: 534 млн. рублей в 2005 году, 515 млн. руб в 2008 году и 1 миллиард 606 миллионов в 2009 году. (if we translate to the letter: использование убытков)

The Bank invested €134 million to buy a minority equity stake in Transcontainer, the major operator of rail containers whose parent company is also RZD. [4]

Банк инвестировал 134 млн. евро на приобретение купить контрольный пакет акций в организации «Трансконтейнер», являющейся крупнейшим оператором перевозок железнодорожных контейнеров, материнской компанией которой также является РЖД. (if we translate to the letter: родительская компания)

5). *Translation of terms with different meanings*

Aggregate financial returns were within the target range, but 62% of investments in the sample achieved an internal rate of return below 10% [4].

Совокупная финансовая прибыль была в пределах целевого диапазона, но 62% инвестиций достигли внутренней нормы доходности ниже 10%

In some cases the cause of the ambiguity is the origin of the terms of multi-valued common words broad enough

semantics. As an example the English term multi-valued "amount", which has several Russian equivalents [2]:

1. сумма; величина;
2. объем.

<i>The term amount in the context</i>	<i>Translation of the term in the context</i>
<i>~ of production and sales</i>	<i>объем производства и реализации</i>
<i>~s of assets</i>	<i>величина активов</i>
<i>~s of revenues</i>	<i>Объемы выручки</i>
<i>~s payable under the agreement</i>	<i>суммы к оплате по договору</i>
<i>~s receivable under the agreement</i>	<i>суммы, подлежащие получению по договору</i>
<i>to recognize the ~ as income</i>	<i>признать сумму как доход</i>

Meaning of the term may belong to different narrow fields of finance. The most telling example is the term "provision" which has the following values [2]:

1. резерв (на покрытие расходов, предполагаемых убытков);
2. обеспечение;
3. положение (договора).

When translating this kind of terminology may be used descriptive transfer. Descriptive translation enables you to pass the term precisely but complicate the structure

The potential holding gains are significant in all sectors of the economy.

Потенциальный доход от увеличения стоимости активов является существенными во всех секторах экономики.

holding gain – доход от увеличения стоимости активов [2];

Список литературы:

1. Вдовичев А. В. Перевод экономических текстов: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2012. - 228 с.
2. Пивовар А.Г. Большой англо-русский финансово-экономический словарь. – М.: Экзамен, 2000. – 1063 с.
3. E. Banks. Finance: The Basics. : Routledg, 2007
4. Financial Times [Электронный ресурс] – URL: www.ft.com (дата обращения: 15.05.2014)
5. РосБизнесКонсалтинг [Электронный ресурс] Американский поставщик ядерного топлива USEC подает заявление о банкротстве - URL: www.rbc.ru (дата обращения: 17.06.2013)

ТЕКСТ. ИНТЕРТЕКСТ. АЛЛЮЗИВНЫЙ ТЕКСТ

*Павленко (Васильева) Елена Александровна
К.ф.н., СПбГУ, Санкт-Петербург*

Как видно из самого термина «интертекст», любой интертекст является текстом. В соответствии с принятым определением, текст - это автономная когерентная знаковая структура [3, с. 5]. Когерентность текста - это соединение его элементов друг с другом. В отличие от текста, элементы интертекста относятся не только друг к другу, но и принадлежат элементам другого текста или даже других текстов. Очевидно, что ни текст, ни интертекст не существуют в своих крайних формах: нельзя представить себе полностью автономный текст, как нельзя привести пример интертекста, который не являлся бы текстом, то есть не имел бы внутренней связи элементов, поскольку в таком случае он просто распался бы на отдельные составляющие, находящиеся в диалоге с различными другими текстами, но не относящиеся друг к другу.

Как любой знак, интертекст можно проанализировать в трех аспектах: с точки зрения синтаксиса, прагматики и семантики. Нас будет интересовать прагматический аспект. Принято считать, что прагматика интертекста описывает отношения между отправителем/получателем и самим интертекстом. Однако нам представляется, что прагматика интертекста выглядит намного шире заявленной и может быть описана и как вза-

имодействие интертекста с другими текстами/интертекстами, и отдельно как взаимодействие такого интертекста с автором с одной стороны и читателем с другой (несомненно, речь идет о художественном тексте, в широком смысле).

Взаимодействие текстов, автора и читателя становится возможным, в том числе, за счет наличия в интертексте различных видов включений - реминисценций, цитат и аллюзий. Существует большое количество работ, посвященных выявлению видов включений и их характеристик и особенностей, а также попыткам отграничить их друг от друга. В рамках данной статьи мы не будем рассматривать разницу между этими видами интертекстовых включений. Достаточно будет сказать, что аллюзия, по сравнению с цитатой, представляет из себя явление более сложное, являясь не только фрагментом конечного текста и одновременно элементом исходного текста, но и механизмом заимствования из одного текста в другой. Далее мы будем оперировать термином «аллюзия», поскольку для данной статьи разница между включениями не имеет существенного значения.

Какие бы теории интертекстуальности ни выдвигали лингвисты и литературоведы, некоторые положения остаются неизменными. Любой текст существует не сам

по себе, а в рамках культур или культуры. Любой текст является диалогом со всеми прочими предшествующими ему или последующими текстами. Любой текст ведет самостоятельный диалог с читателем. Если ранее считалось, что важно рассматривать текст с точки зрения его создателя, то есть автора, то с появлением теории интертекстуальности стала учитываться и позиция читателя. Автор создает свой текст с намерением что-то донести до читателя, но после завершения работы и получения данного текста читателем текст перестает принадлежать автору, и читатель, воспринимая и интерпретируя текст, имеет на него свои права.

Итак, если рассматривать насыщенный аллюзиями текст, можно сделать несколько выводов. Во-первых, принимающий текст, без всякого сомнения, будет интертекстом, поскольку часть его элементов принадлежат не только ему, но и другому тексту или текстам. Исходный текст может быть, как текстом, так и интертекстом (если не придерживаться крайней точки зрения на интертекстуальность и не считать любой текст интертекстом), поскольку он может состоять в диалоге с предшествующими текстами, а может быть в значительной степени автономным. Принимающий текст ведет диалог с автором и с читателем, а также является средством обеспечения диалога автора с читателем. Особые диалогические отношения текстов/интертекстов обозначены французской исследовательницей Ю.Кристовой термином межтекстовый диалог. Именно способность к такому диалогу и была названо Ю.Кристовой «интертекстуальностью»: «Мы называем интертекстуальностью такую текстуальную итеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [1, с. 225].

Итак, интертекстуальность может рассматриваться как поле, в котором существуют и функционируют тексты. В разных текстах имеется различное количество интертекстовых включений, т.е. «градус интертекстуальности» у них разный. Популярность постмодернизма привела к появлению текстов, имеющих высокий градус интертекстуальности. Нам представляется возможным для описания таких текстов использовать понятие «аллюзивного текста».

С нашей точки зрения, аллюзивным можно назвать такой текст, который ориентирован на диалог с предшествующими текстами, то есть текст, существующий в поле интертекстуальности. Такой текст взаимодействует с прецедентными текстами и одновременно ориентирован на диалог с читателем, и подразумевает отклик со стороны читателя. В аллюзивном тексте, как мы считаем, чрезвычайно важна роль читателя и его способности к интерпретации. Текст, написанный автором, и текст, понятый читателем – это не один и тот же текст, вот почему автор аллюзивного текста в первую очередь ориентирован на читателя. Таким образом, в акте коммуникации аллюзивный текст «раздваивается»:

Автор ----- АТ¹ ----- читатель ----- АТ²,

где АТ¹ - это текст со всеми авторскими интенциями, а АТ² - это текст, воспринятый читателем, причем количество АТ² будет условно бесконечным, по числу читателей и конкретных коммуникативных актов, а АТ¹ ≠ АТ².

В случае аллюзивного текста мы в некотором смысле имеем дело с двумя не совсем одинаковыми текстами. Автор создает свой текст, значительным компонентом которого является вертикальный контекст и, следовательно, фоновое знание. При этом, естественно, у автора есть некоторое авторское намерение, реализуемое, в том числе, за счет текстовых включений и привносимых ими смыслов (очевидно, что текстовые включения являются неотъемлемой частью аллюзивного текста). Читатель получает созданный автором текст, но после прочтения и интерпретации такой текст перестает принадлежать автору и обогащается за счет смыслов, привносимых в него читателем.

Представляется очевидным, что некоторые текстовые включения при этом могут остаться неопознанными, и таким образом объем смыслов «читательского» текста будет уже смыслового объема «авторского» текста. Возможно, что некоторые смыслы будут расширены читателем за счет его фоновых знаний, объем которых может оказаться шире объема авторских. Например, автор безотчетно заимствовал какой-либо фрагмент прецедентного текста, полагая такой фрагмент своим и не осознавая, что это заимствование. Читатель же заимствование опознал, несмотря на отсутствие сигналов со стороны автора, и реминисценция превратилась в аллюзию или, например, в косвенную цитату, и смысл «читательского» текста оказался шире «авторского», поскольку возникло соположение контекстов, которого автор не предполагал. Все вышеизложенное также является характеристикой аллюзивного текста.

Кроме этого, аллюзивный текст, как уже было упомянуто выше, содержит различные текстовые включения. Эти включения, с одной стороны, способствуют переключке между данным текстом и всеми прецедентными и, следовательно, соединению контекстов. С другой стороны, включения вставляются автором в текст с целью обязательного опознавания их читателем для обеспечения диалога с прецедентными текстами и привлечения новых смыслов в конечный текст.

Прагматическое воздействие автора аллюзивного текста на читателя заранее планируется автором, и конечной целью такого воздействия является корректировка восприятия СФИ [2, с. 27] с помощью разных способов и приемов, включающих, в частности, использование текстовых включений. Автор заинтересован в том, чтобы читатель такие включения опознал, и уловил, частью какого прецедентного текста они являются, иначе большое количество смыслов, задуманных автором, не будут поняты читателем.

Таким образом, в любом аллюзивном тексте преобладает вертикальный контекст в противовес горизонтальному, то есть контекст, ориентированный на прецедентные тексты и фоновые знания читателя. Это та часть историко-филологических сведений эпохи, которую, исходя из своего творческого замысла, автор считает необходимым ввести в текст. Любой постмодернистский текст «играет» с читателем и ведет с ним самостоятельный диалог, и наличие включений в данной связи является обязательной частью авторского замысла.

За счет вертикального контекста происходит углубление смысла текста, в частности, постмодернистского. Благодаря вертикальному контексту и содержательно-подтекстовой информации текст становится «объемным».

Если читатель «улавливает» текстовое включение и аллюзию в частности, то благодаря дополнительным смыслам, привносимым таким включением, меняется смысл всего текста или его отрезка, на котором включение функционирует.

Что касается горизонтального контекста, нам представляется, что можно говорить о наличии обратной зависимости между аллюзиями и влиянием контекста на структуру и значение аллюзивного текста. Чем более текст насыщен включениями, т.е. чем более он аллюзивен,

тем меньшее значение имеет контекст, по сравнению с обычным текстом.

Список литературы:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: КомКнига, 2006. — 144 с.
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — 255 с.
3. Plett H. Intertextuality. — Walter de Greiter, Berlin and New York, 1991. — 139p.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КОМПЬЮТЕРНОГО ДИСКУРСА»

Подгорная Екатерина Артуровна

*к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков,
Кемеровский институт (филиал) «РЭУ им. Г.В. Плеханова», г. Кемерово*

Переход к постиндустриальному обществу способствовал созданию новых информационных технологий, благодаря которым возникла новая форма коммуникации – интернет-коммуникация или компьютерная коммуникация, структурной единицей которой является компьютерный дискурс. Процесс компьютерной коммуникации осуществляется посредством компьютерного дискурса как структурного компонента коммуникации, приобретаемого в интернет-среде специфические лингвистические характеристики.

Изучению дискурса в современной лингвистике уделяется большое внимание. Многоплановость дискурса приводит к различиям исследователей во взглядах на сущность дискурса и его характеристики. Множество работ посвящено трактовке самого понятия «дискурс» (напр., G.Cook 1989; D. Schiffrin 1994; Ю. С. Степанов 1995; П. Серио 1999; В. В. Красных 2001; Л. О. Чернейко 2006), рассматриваются соотношения «дискурса» и «текста» (М. Л. Макаров 1998; М. К. Бисималиева 1999; Н. В. Петрова 2003), «дискурса» и «речи» (N. L. Fairclough 1995), выделяются структурные характеристики дискурса, исследуется соотношение дискурса и видов институционального общения (N. L. Fairclough 1995; P. Водак 1997; В. И. Карасик 2000; Е. И. Шейгал 2000).

Как отмечают некоторые исследователи, например, Е. О. Менджеричкая, термин «дискурс» в свете тенденций к междисциплинарному рассмотрению языка переосмыляется и приобретает множество новых интерпретаций, что не способствует однозначности восприятия терминологической единицы и говорит о ее полисемии [7]. Поэтому уточним понятие «дискурс» применительно к специфике нашего исследования. В данном исследовании, вслед за В. В. Красных, дискурс трактуется как вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими планами [6].

Возникновение виртуальной среды, как принципиально нового вида среды существования человека, привело к формированию новых дискурсивных практик. Что же представляет собой специфический дискурс и в чем его особенности? Исследуемый феномен представляет собой достаточно новый объект изучения, что в свою очередь, порождает различную терминологию. В зависимости от

цели исследования изучаемый объект получил в работах различные наименования: виртуальный дискурс (Н. Г. Асмус, Д. В. Галкин, Е. Н. Вавилова, О. В. Лутовинова), интернет-дискурс (Н. А. Ахренова, Л. П. Халяпина), электронный гипертекст (О. А. Левоненко); компьютерный дискурс (О.А. Леонтович, Е. Н. Галичкина, П. Е. Кондрашов), электронный дискурс (А. Г. Абрамова, Е. И. Горюшко, Д. Р. Валиахметова), сетевой дискурс (Н. Л. Моргунов), в зарубежной научной среде: Computer-mediated communication / discourse (S. Herring, E. Kerr), electronic discourse (B. Davis, E. Jonsson). В ряде работ указанные наименования являются взаимозаменяемыми.

Остановимся на содержании данных терминов подробнее. Термины «интернет-дискурс» и «сетевой дискурс» указывают на локализацию возникшего специфического дискурса (сеть Интернет). Эти наименования не всегда предполагают реализацию речевого общения, осуществляемого в сети Интернет посредством компьютера, т.к. в связи с бурным развитием информационных технологий и распространением Интернета, такого рода общение возможно посредством других средств коммуникации, например, сотовых телефонов (услуги WAP, GPRS и т.п.). Как отмечает П. Е. Кондрашов, словосочетание «сетевой дискурс» не соответствует требованиям, предъявляемым к терминам, в силу того, что в слове «сетевой» ощущается многозначность [5].

С нашей точки зрения, термин «электронный гипертекст» не выражает достаточные и необходимые признаки понятия. Например, в работе Е. Н. Галичкиной, гипертекст рассматривается как один из конститутивных признаков, на основании которого компьютерный дискурс выделяется как вид общения [2]. Термин «электронный дискурс» указывает на то, что речевое общение осуществляется посредством искусственного канала связи (электронного сигнала), а слово «электронный» не всегда используется только лишь в значении «посредством компьютера». Например, факсовая коммуникация, причисляясь к электронной, не отражает специфики исследуемого феномена.

Д. В. Галкин использует термин «виртуальный дискурс», понимая под «виртуальным»: 1) все, что связано с использованием компьютерной техники, а также телевидением (особенно в плане его конвергенции с компьютерными системами); 2) амбивалентный буквальный смысл

этого слова – названное виртуальным происходит или существует не на самом деле, является "не реальным", "не актуальным", существует "как бы"; однако буквально виртуальный означает "фактический", "действительный", происходящий на самом деле.

На наш взгляд, «амбивалентный буквальный смысл» слова виртуальный не в том, что названное виртуальным может существовать «как бы», а в том, что оно может быть не материально. Исследователь описывает виртуальный дискурс следующим образом: «в постсовременной культуре возникает новый тип дискурса – виртуальный. Он становится самостоятельной дискурсивной практикой, которая ассимилирует иные дискурсы и оказывается основным посредником для доступа к ним; является дискурсопорождающей инстанцией с особым механизмом знакопорождения; формирует особый тип виртуальной идентичности, через которую формируются иные типы культурной идентичности; имеет сложное, многослойное полидискурсивное строение» [3, с. 27-28]. Полидискурсивность задается в виртуальном дискурсе на нескольких специфических для него коммуникативных слоях: функционально-технологическом; социофункциональном и интерактивном.

На наш взгляд, описанию виртуального дискурсивного пространства в совокупности различных дискурсов наилучшим образом соответствует концепция языкового существования, предложенная Б. М. Гаспаровым, согласно которой виртуальный дискурс складывается из коммуникативных фрагментов, хранящихся в памяти как заготовки, которые затем «сшиваются» в актах коммуникации, а сама виртуальная среда подобна мнемонической среде человеческого сознания, хранящего и оперирующего огромным массивом очень подвижных и пластичных коммуникативных фрагментов [4, с. 56].

Употребляемый в диссертационной работе Е. В. Вавиловой, термин «виртуальный дискурс» опирается на два лексических значения слова виртуальный: «1) возможный; такой, который может или должен проявиться при определенных условиях, но в реальности не существующий...; 2) созданный на экране компьютера; воспроизводимый компьютерными средствами» [9, с.177].

Понимаемый таким образом термин «виртуальный» имеет более узкое значение, чем в работе Д. В. Галичкина. Второе значение слова «виртуальный» вполне соответствует отмеченному терминологическому применению и согласуется с первым значением слова в понимании вышеназванного исследователя, но, в отличие от него, сохраняет смысловой компонент значения «нереальности», что, на наш взгляд, не способствует обозначению им процесса коммуникации через компьютер.

Автор сохраняет присутствие компонента «нереальности», подразумевая, что не все составляющие общения посредством компьютера действительны и некоторые из них лишь манифестируются собеседниками. Например, негативные эмоции могут не испытываться реально, так как характерной особенностью межличностных отношений при общении в сети Интернет является их виртуальность, варьируемая по степени: от собеседников, хорошо знакомых в реальности или давно общающихся между собой, до совершенно незнакомых людей и возможных "виртуалов". При рефлексии говорящего может возникнуть некоторое несоответствие своего речевого поведения в реальном и виртуальном общении, т. е. так называемый, эффект собственной виртуальности [1]. Но,

как отмечают исследователи Е. А. Нестерова и В. Ю. Нестеров, манифестация реально не испытываемых «виртуалами» эмоций в действительности является лишь «карнавальной маской» *реального* коммуниканта [8, курсив мой – Е.П.].

Обратимся к тому, как описывает понятие «компьютерный дискурс» (далее – КД) Е. Н. Галичкина. Под КД она понимает общение в компьютерных сетях и выделяет его как вид коммуникации на основании следующих существенных признаков: 1) электронный сигнал как канал общения; 2) виртуальность, понимаемая как общение с неизвестными, воображаемыми собеседниками; 3) дистантность (удаленность участников в пространстве и времени); 4) опосредованность (осуществляется с помощью технического средства); 5) высокая степень проницаемости, понимаемая исследователем как то, что слушателем, соучастником или участником компьютерного общения может оказаться любой человек; 6) наличие гипертекста; 7) креолизованность компьютерных текстов; 8) по преимуществу статусное равноправие участников; 9) передача эмоций, мимики, чувств с помощью "смайликов"; 10) комбинация различных типов дискурса – бытового (электронная почта), делового (официальный обмен и запрос информации), научного (обсуждение научных вопросов в конференциях), педагогического (обсуждение вопросов преподавания и образования), рекламного и др.; 11) специфическая компьютерная этика, понимаемая как совокупность принципов и правил поведения общающихся в компьютерной среде людей [2].

Выделяемый автором критерий креолизованности рассматривается следующим образом: «специфика компьютерных текстов заключается в том, что они включают как гипертекстовые характеристики, так и элементы креолизованных текстов (на данном этапе существующих, как правило, в виде картинок)» [2].

А. Г. Сонин предлагает называть произведение, доступ к семиотически разнородным («гетерогенным») составляющим которого регулируется компьютерной программой, изменяющей текст в зависимости от выбранной субъектом стратегии его чтения, «мультимедийным». А такое свойство мультимедийных текстов как «гибкую обусловленность текстовой структуры действиями пользователя» – интерактивностью, наиболее распространенной формой которой является гипертекст [10].

Рассматривая второй из выделенных Е. Н. Галичкиной признаков КД, П. Е. Кондрашов отмечает, что виртуальной можно назвать лишь «коммуникативную маску» субъекта речи или «пространство» общения, создаваемое с помощью специальной техники. К тому же, вызывает сомнение выделение признака дистантности как удаленности участников в пространстве и времени. По замечанию П. Е. Кондрашова, указанная характеристика справедлива только по отношению к реальному пространству, тогда как по отношению к виртуальному, она некорректна. Несмотря на то, что время в КД фиксируется точно, это мало интересует собеседников, параметр времени является, таким образом, неактуальным, общение происходит как бы «вне времени» [5].

Дистантность КД рассматривается как то, что, несмотря на физическую удаленность участников в реальном пространстве и времени, существует возможность общения в искусственно-созданном пространстве, по отношению к которому этот критерий нивелируется.

Нельзя также не согласиться и с отмеченной выше темпоральной характеристикой, отметив, что реальное время в виртуальном пространстве отличается от реального времени в действительности. «Киберпространство творит уникальное темпоральное пространство, где при условии продолжения интеракций интересубъективное время обобщенно растягивается, что обеспечивает комфортабельную и уютную «зону рефлексии» [12]. «В киберпространстве время может приостанавливаться, смешиваться (пересекаться) с временными рамками другого коммуниканта, и иногда даже отвергаться [11]. Такой признак компьютерного дискурса, как опосредованность, т. е. осуществление общения с помощью технического средства, понимается Е. Н. Галичкиной, на наш взгляд, слишком широко и требует конкретизации, поскольку не все технические средства через которые осуществляется коммуникация (телефон, факс и др.), отражают особенности КД.

Спорным, на наш взгляд, является понимание П. Е. Кондрашовым термина «компьютерный дискурс» не только как процесса и результата общения посредством компьютера, но и как «околокомпьютерной» сферы коммуникации: общение специалистов этой области знаний, компьютерные журналы, телефонные SMS-сообщения, печатная продукция об общении такого рода, тексты компьютерных игр и т.д. [5]. Непонятна отнесенность телефонных SMS-сообщений к выделенной автором сфере коммуникации, к тому же, мы считаем необоснованным включение самой «околокомпьютерной» сферы коммуникации в понятие «компьютерный дискурс», так как она не отражает присущие данному феномену специфические характеристики. Возможно, говоря об «околокомпьютерной» сфере коммуникации, П. Е. Кондрашов хотел подчеркнуть, что лексика компьютерного дискурса (значительная доля которой представлена компьютерным жаргоном, источниками пополнения которого служат: лексика Интернета, лексика web-дизайна, лексика компьютерных игр, лексика электронных презентаций, лексика компьютерной графики, лексика программистов, лексика компьютерной музыки и видео) проникает в так называемую им «околокомпьютерную» сферу коммуникации. Но данный факт, на наш взгляд, указывает лишь на процессы взаимопроникновения и взаимодействия между компьютерным общением и традиционными формами коммуникации.

Таким образом, под КД мы понимаем ряд электронных текстов в ситуации реального живого общения посредством компьютеров, связанных сетью Интернет, особый вид деятельности и существования в интернет-среде.

Список литературы:

1. Вавилова Е.Н. Жанровая классификация дискурса телеконференций Фидонет: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Томск, 2001. – 21 с.
2. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 19с.
3. Галкин Д. В. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна // Критика и семиотика. – Вып. 1. – Томск: ТГУ, 2000. – С. 26–34.
4. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
5. Кондрашов П. Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект. Дис. канд. филол. наук. – Краснодар, 2004. – 189 с.
6. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
7. Менджеричкая Е. О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестник московского университета. – Сер. 10. Журналистика, 2006. – №2. – С. 50–55.
8. Нестеров В.Ю., Нестерова Е. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов, 2003. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov/com/1>
9. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск: Харвест, 2002. – 976 с.
10. Сонин А.Г. Кто креолизировал мой текст? (о проблеме систематизации терминологического аппарата) // языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / Институт языкознания РАН; Московский гуманитарно-экономический институт. – М.: МГЭИ, 2005. – Вып. 9. – С.170–175.
11. Suler J. Cyberspace as Dream World, 1996a. URL: <http://www.rider.edu/users/suler/psyber/cybdream.html>
12. Suler J. The Basic Psychological Features of Cyberspace, 1996b. URL: <http://www.rider.edu/users/suler/psyber/basicfeat.html>

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ РАССКАЗА Э.А. ПО «ПАДЕНИЕ ДОМА АШЕРОВ» В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Попова Дарья Игоревна

Студентка 4 курса Отделения русской филологии Института филологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, г. Тамбов

Война за независимость (Американская революция) 1775–1783-х гг. способствовала обретению США статуса суверенной державы, развитию американского общества и быстрому экономическому и территориальному росту республики в XIX в. Но, несмотря на это, население

США продолжало делиться на классы, сохранялось рабство на Юге страны. При формировании политической системы республики новая власть опиралась на интересы аристократии, а стремление Великобритании к подрыву экономики и торговли США в период наполеоновских войн привело к Англо-американской войне 1812–1815-х

гг. В 1830 г. началось выселение коренного населения страны – индейцев.

Однако и после этих социально-политических потрясений американцы продолжали верить в высшее предназначение своей страны, которая представлялась им краем безграничных возможностей. Эта общенациональная идеология получила название «американской мечты». Со временем она деградировала и превратилась в беспринципную и циничную жадность наживы.

Негативное отношение американского писателя Эдгара Аллана По (Edgar Allan Poe, 1809–1849) к повседневности буржуазной родины с её алчностью, двуличием и фатовством нашло отражение в его рассказе «Падение дома Ашеров» («The Fall of the House of Usher», 1839) и переросло в нём в неприятие жизни вообще. С этим связано наличие в произведении мотивов отчаяния и смерти.

Э.А. По представлял собой пример маленького, никем не признанного человека на литературном поприще. Его личность и творчество вызывали у русских литературных критиков второй половины XIX – начала XX вв. особый интерес, а первыми отзывами об американском писателе были переведённые статьи французского поэта Шарля Бодлера (1821–1867): «Эдгар Аллан По, его жизнь и произведения» – перевод из журнала «Пантеон» (1852, № 9), «Эдгар Поэ» – предисловие Ш. Бодлера к публикации нескольких рассказов Э.А. По в журнале «Ребус» (апрель 1883, № 13) и др. Первые переводы произведений американского романтика, выполненные А.П. Башуцким, П.А. Лачиновой, С.А. Андреевским и Л.И. Пальминым, появились в России ещё в 1860–1870-е гг., но его талант был по достоинству оценён лишь на рубеже XIX – XX вв. благодаря писателям-символистам Д.С. Мережковскому, К.Д. Бальмонту, В.Я. Брюсову и др.

Э.А. По – это «фантастический реалист» с холодной и увлекательной логикой, «возбуждающей в душе дрожь горячки»: «В своём болезненном настроении, он анатомирует не имеющие тела вещи, анализирует неподлежащее анализу, рассматривает то, что может быть, но чего решительно нет. Тем не менее, его скальпель, химические орудия и микроскоп вовсе не боятся научных возражений; в основании их лежит глубокое размышление, холодная пронизательность, истинно математическая точность и особенно неумолимая, беспримерная логика». Критики отмечали не только мастерство, но и «силу фантазии» автора рассказа «Падение дома Ашеров»: «По-видимому, какой-то душевный вампиризм управляет выводимыми на сцену лицами, которые движутся в рамках довольно тесного горизонта, покрытого чреватых бурей тучами, среди удушливой и тяжелой атмосферы, пропитанной серными или гнилыми испарениями. Видимые будто в тумане образы похожи на неясные воспоминания из другого мира, которые явились во сне, гнетут грудь, сдавливают дыхание и пугают воображение даже после пробуждения» [8].

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881), один из самых значительных и известных в мире русских писателей и мыслителей, в предисловии к публикации «Трёх рассказов Эдгара Поэ» (1861) уверял читателя, что в новеллистике Э.А. По образы и события описаны ярко и подробно, благодаря чему можно поверить в реальность происходящего, «тогда как событие это или почти совсем невозможно или ещё никогда не случалось на свете». Ф.М. Достоевский восхищался, насколько достоверно и прони-

цательно американский романтик рассказывает «о состоянии души человека», и считал, что он пытается воздействовать на читателя, «играя на нервах как виртуоз, рассчитывая эффекты и не ошибаясь в них» [6: 11, с. 160–161].

Писатель-публицист, литературный критик и революционер-демократ Николай Васильевич Шелгунов (1824–1891) в своём очерке «Эдгар По – как психолог» (1874) восхищался умением писателя «выследить», проанализировать и передать маниакальное состояние своей собственной души душе читателя. «Эдгар По мог бы сделаться мистиком, – писал Н.В. Шелгунов, – но для этого нужно, чтобы он не был психологом» [11].

Православный богослов и историк Николай Петрович Аксаков (1848–1909) в своей критической статье «Психология Эдгара Поэ» (1886) рассматривал процесс умирания человека в творчестве американского писателя не как смерть, а как «таинственную загадку жизни»: «...наш автор постепенно умерщвляет живого человека и наконец оставляет в нём жизнь и одну только жизнь, чтобы сделать её единственным предметом своего анализа. <...> душа, анализируемая так тщательно и так художественно нашим поэтом <...> могла бы быть душою Робинзона, живущего на необитаемом острове и не встретившего даже своего Пятницы» [1].

Ярчайшему представителю Серебряного века Дмитрию Сергеевичу Мережковскому (1855–1921) были близки эстетические принципы Э.А. По, изложенные им в «Философии творчества», о чём свидетельствует то, что в своей критической статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) он обращается к художественным тезисам По: «Ещё Бодлер и Эдгар Поэ говорили, что прекрасное должно несколько удивлять, казаться неожиданным и редким. Французские критики более или менее удачно назвали эту черту – *импрессионизмом*» (курсив автора – Д.М.) [9, с. 459].

«В «Падении дома Эшер» он [Э.А. По] для будущих времён нарисовал душевное распадение личности, гибнущей из-за своей утончённости», – писал поэт Серебряного века Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) («Генный открытия», 1901). Он перевёл на русский язык практически всю прозу и поэзию Э.А. По, т.к. считал, что эстетика и поэтика произведений По присущи символистскому направлению: «Он [Э.А. По] первый угадал поэзию распадающихся величественных зданий, угадал жизнь корабля как одухотворённого существа, уловил великий символизм явлений моря, установил художественную, полную волнующих намёков связь между чело-веческой душой и неодушевленными предметами, пророчески почувствовал настроение наших дней и в подавляющих мрачностью красок картинах изобразил чудовищные – неизбежные для души – последствия механического мирозерцания». Американский писатель стал для К.Д. Бальмонта «колумбом новых областей» души, который, как человек с болью в сердце, «неизбежно должен был страдать глубоко и погибнуть трагически» [2, с. 15–18].

Редактор ежемесячного журнала исторической литературы и науки «Вестник всемирной истории», издававшегося в Санкт-Петербурге в 1899–1908-е гг., Сергей Сергеевич Сухонин в своей статье «Эдгар Поэ и один из его “учёных” критиков» (1901) так же, как и Достоевский, отмечал, что происшествие в рассказах Э.А. По описаны точно и подробно. «Одержимые маниями» и «преследуемые галлюцинациями, действующими под влиянием

невроза», герои этих рассказов, согласно С.С. Сухонину, «создают фантастический мир, где возможное и несуществующее сливаются в новый род чудесного» [10].

По мнению Зинаиды Афанасьевны Венгеровой (1867–1941), русской писательницы и литературного критика, чувство тайны у Э.А. По было «врождённым», а восприятие тёмного мира ужасов и необъяснимых ощущений в человеке и окружающем мире гармонирует у него с «холодным мастерством формы». В своей статье «По, Эдгар Аллан», написанной для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» в 1903 г., она отмечает «виртуозность» По и его «уменье придавать реальности отдельным чертам фантастического целого»: «Все происшествя описываются с точностью и необычайным обилием подробностей; он [Э.А. По] переходит от наглядного к вероятному и постепенно увлекает читателя куда хочет. <...> фантастические события описываются с обстоятельностью и спокойствием простого пересказа и кажутся несомненно истинными». Она считает рассказ «Падение дома Ашероу», главный герой которого умирает «от собственного ужаса», одним из лучших в творчестве писателя и относит его к «области мрачной фантазии, порождающей ужас в душе читателя» [5: XXIVa (48), с. 831].

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924), писатель, литературовед и один из основоположников русского символизма, назвавший Э.А. По «учителем нашего Достоевского», также перевёл его произведения на русский язык, объясняя это тем, что в России «до сих пор не существовало удовлетворительного перевода поэм Эдгара По»: «Этот пробел в нашей переводной литературе необходимо было заполнить, и я нашел возможным взять на себя этот труд, так как творчество Эдгара По изучал с большим вниманием, с своей ранней юности...». Переводы К.Д. Бальмонта он считал несоответствующими действительности, тогда как, по мнению Александра Александровича Блока (1880–1921), классика русской литературы XX столетия и одного из величайших поэтов России, перевод Бальмонта совершенен, поскольку он «близок душе» По, «очень чуток к музыке слов и стилю» [3: 5, с. 618]. В.Я. Брюсов видел в произведениях По «откровения о глубинах нашей психики, частью освещающие такие стороны, которые и поныне остаются неразрешёнными проблемами науки» [4].

Таким образом, русская литературная критика уже во второй половине XIX в. обозначила основные мотивы творчества Э.А. По, которые оказались продуктивными для русского литературного сознания. Есть основания говорить, что художественная образность американского романтика стала творческим стимулом для Ф.М. Достоевского и «старших» символистов, ярчайших представителей Серебряного века нашей литературы – Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, Ф.К. Сологуба, В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта. К аналогичному выводу приходит литературный критик и журналист Пётр Авдеевич Кузько (1884–1969): «Основная мысль «Чёрных масок» Андреева (Л.Н. Андреев, русский писатель – прим. моё, Д.П.) заключена уже в красивой поэме Эшера («Гибель Эшерова дома») и в рассказе «Вильям Вильсон» (рассказ Э.А. По – прим. моё, Д.П.); а переводчик «Кандида» (повесть Вольтера – прим. моё, Д.П.) – Ф. Сологуб, прячась от ужасов реального, от «Мелкого Беса» пошлости и тупоумия, в прекрасную землю «Ойле» (см. цикл стихотворений Ф.К. Сологуба «Звезда Маир» (1898) – прим. моё, Д.П.), в инстинктивном самосохранении невольно подражает поэту [Э.А. По]...» [7]. Романтические мотивы и образы Э.А.

По, его глубокий психологизм, эстетизация психических отклонений личности, мотив смерти и др. становятся основаниями для новых художественных открытий русских писателей и поэтов.

Список литературы:

1. Аксаков Н.П. Психология Эдгара Поэ // Всемирная иллюстрация. № 10, 11, 12. СПб.: Книгоиздательство Германа Гоппе, 1886. – с. 191-194, с. 210-211, с. 234-238. URL: <http://poe.velchel.ru/?cnt=11> (дата обращения: 5.05.2014).
2. Бальмонт К.Д. Гений открытия // По Э.А. Эврика. М.: Эксмо, 2008. – 400 с.
3. Блок А.А. Эдгар По. Собрание сочинений // Собр. соч. в 9 т. Т. 5. Очерки, статьи, речи. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 617 с.
4. Брюсов В.Я. Предисловие переводчика // По Э.А. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы Эдгара По в переводе Валерия Брюсова. Харьков: Фолио, 1995. – 448 с. URL: <http://www.flibusta.net/b/243326/read#t1> (дата обращения: 10.05.2014).
5. Венгерова З.А. По Эдгар Аллан // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т. Т. XXIVa (48): Полярные сияния – Прая. – 1898. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1890-1907. – 961 с.
6. Достоевский Ф.М. Предисловие к публикации «Трёх рассказов Эдгара Поэ» // Собр. соч. в 15 т. Т. 11. Публицистика 1860-х годов. – 1993. Л.: Наука, 1988-1996. – 387 с.
7. Кузько П.А. Поэт безумия и ужаса – Эдгар Поэ // Кавказ. № 1. Тифлис, 1909. – с. 86-89. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%8D%D1%82_%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BC%D0%B8%D1%8F_%D0%B8_%D1%83%D0%B6%D0%B0%D1%81%D0%B0_%E2%80%94%D0%AD%D0%B4%D0%B3%D0%B0%D1%80_%D0%9F%D0%BE%D1%8D_\(%D0%9A%D1%83%D0%B7%D1%8C%D0%BA%D0%BE\)](http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%8D%D1%82_%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BC%D0%B8%D1%8F_%D0%B8_%D1%83%D0%B6%D0%B0%D1%81%D0%B0_%E2%80%94%D0%AD%D0%B4%D0%B3%D0%B0%D1%80_%D0%9F%D0%BE%D1%8D_(%D0%9A%D1%83%D0%B7%D1%8C%D0%BA%D0%BE)) (дата обращения: 16.01.2014).
8. Лопушинский Е. Эдгар По (Американский поэт) // Русское слово. № 11. СПб., 1861. – с. 1-30. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%B4%D0%B3%D0%B0%D1%80_%D0%9F%D0%BE%D1%8D_\(%D0%90%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D1%82\)_\(%D0%9B%D0%BE%D0%BF%D1%83%D1%88%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9\)](http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%B4%D0%B3%D0%B0%D1%80_%D0%9F%D0%BE%D1%8D_(%D0%90%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D1%82)_(%D0%9B%D0%BE%D0%BF%D1%83%D1%88%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9)) (дата обращения: 16.01.2014).
9. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной зарубежной литературы // Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. – 903 с.
10. Сухонин С.С. Эдгар Поэ и один из его «учёных» критиков // Вестник всемирной истории. № 5. СПб.: Типография А.А. Пороховщикова, 1901. – с. 139-167. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%B4%D0%B3%D0%B0%D1%80_%D0%9F%D0%BE%D1%8D_%D0%B8_%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD_%D0%B8%D0%B7_%D0%B5%D0%B3%D0%BE_%C2%AB%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8B%D1%85_%C2%BB_%D0%BA%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2_\(%D0%A1%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BD\)](http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%B4%D0%B3%D0%B0%D1%80_%D0%9F%D0%BE%D1%8D_%D0%B8_%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD_%D0%B8%D0%B7_%D0%B5%D0%B3%D0%BE_%C2%AB%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8B%D1%85_%C2%BB_%D0%BA%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2_(%D0%A1%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BD)) (дата обращения: 7.05.2014).
11. Шелгунов Н.В. Эдгар По – как психолог // Дело. № 7, 8. СПб., 1874. – с. 350-366. URL: <http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=11&sub=4> (дата обращения: 15.01.2014).

НОСТРАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И СРАВНЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Попова Лариса Георгиевна

*Профессор, доктор филологических наук, Институт иностранных языков
Московский городской педагогический университет
профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, г. Москва*

Ностратическая теория в наши дни получает ощутимые перспективы своего дальнейшего развития. Как отмечает Гахраман Гумбатов, в настоящее время в ностратическую семью включают индоевропейские, картвельские, уральские, дравидийские, семито-хамитские и алтайские языки. Сторонники ностратической гипотезы считают, что носители ностратического праязыка принадлежали к европеоидной расе и обитали на территории Восточной Европы и, возможно, сопредельных районов Азии [4].

В наше время по замечанию В.А.Дыбо и И.И.Пейрос важное место занимает разработка проблем, связанных с культурно-исторической интерпретацией новых данных компаративистики. Подобная проблематика распадается на ряд тем:

- исследование языковых контактов между носителями отдельных языков и языковых семей и на их основании исследование контактов между соответствующими народами и их культурами,
- определение уровня материальной культуры носителей того или иного праязыка,
- выявление временной и пространственной локализации праязыков [5].

Поэтому в рамках данной статьи хотелось бы предложить подход установления на материале сравнения родственных и неродственных языков следы языковых и культурных контактов. Для примера возьмем такие родственные языки, относящиеся к одной индоевропейской семье, но в рамках этой семьи к разным языковым группам, как немецкий, армянский и латинский языки. А в качестве неродственного языка можно предложить венгерский язык. Проанализируем одну лексическую единицу, относящуюся к одному из самых древних тематических пластов языка – к номинациям орудий труда. И такой единицей предлагаем взять топор.

В немецком языке словарные номинации топора – это

1. das Beil,
2. die Axt [9, с. 738].

Обратимся к толкованию этих слов в немецком словаре К. Дудена. Там мы находим следующую информацию.

Слово *das Beil* означало инструмент для битья. Он похож на другой инструмент, обозначаемый словом *die Axt*, но у него широкое лезвие и короткое топориче, ручка. Он предназначен для рубки древесины и мяса. Использовался и как боевое оружие [11, S. 267]. Что касается слова *die Axt*, то в словаре мы читаем: слово пришло, вероятно, из Малой Азии, обозначает орудие труда с тонким лезвием и длинной ручкой для рубки деревьев [11, S. 237]. В переводном словаре мы можем дополнительно получить следующую информацию. *Das Beil* – это топор и секира. В диалекте может это слово обозначать тяпку [2, с.224]. *Die Axt* обозначает топор, колун и секиру [2, с.192].

В армянском языке топор получает такое толкование, как

Կաղին [7]. В толковом словаре армянского языка читаем:

կաղին - բացառութիւն

կաղնի,

[գոյական]

Հարվածելով կտրելու և ճեղքելու երկաթե գործիք սուր բերանով և փայտե կոթով, որ հնում գործածվում էր նաև որպես զենք:

[10].

Что в переводе означает: Топор (сущ.) Орудие труда для резки, рубки, состоит из железного лезвия и деревянной ручки. В древние времена он использовался в качестве оружия [1].

В армянском языке для обозначения топора существуют такие слова, как: топор – *secures, ascia*, для разрубания мясных туш – *dolabra* [3, с. 340]. Причем *dolabra* – это еще и кирка, мотыга [6, с. 288], а словом *secures* обозначали не только топор, но и секиру [6, с. 776]. В венгерском языке топор – это *Axe* [8].

Получив материал для сравнения, отметим сходство в лексемах немецкого и венгерского языков. Сравните *die Axt* – *axe*. Отмечается и сходство с латинским *ascia*. Возможно, все эти лексемы связаны с тем фактом, что это слово пришло из Малой Азии в древности и именно этим словом обозначали древнее орудие труда, которое потом стало топором. И еще одна интересная деталь. В армянском и немецком языке при толковании этих слов мы встречаем информацию о том, что топор использовался и как боевое оружие. Но в более древнем латинском языке подобного замечания мы не встретили.

Отсюда можно предположить, что именно эта лексема, пришедшая в индоевропейские и финно-угорские языки, к последним относится венгерский язык, и доказывает нам еще раз убедительно, с одной стороны, несомненные языковые и культурные контакты этих языков, а с другой стороны, что носители ностратического праязыка, действительно, проживали в восточной Европе и в Малой Азии.

Сравнение показало также интересную деталь культурных контактов людей того времени. Топор того периода как орудие труда мог найти свое применение и как боевое оружие. Он у всех народов формируется в определенном виде. Это острое лезвие и ручка из дерева. Отличия имеют лишь сферы применения и длина ручки топора, а также величина и форма лезвия. Среди сфер применения можно назвать в одинаковой степени предназначения топора для рубки леса, для работы по дереву и, конечно, для рубки мяса при приготовлении пищи. Важный момент сходства указывает на древние следы формирования культуры, как в древности при существовании ностратического языка, так и самобытные черты культуры народов, говорящих, к примеру, на немецком и армянском

языках. И конечно, мы имеем дело с культурными контактами носителей, в нашем случае, армянского, немецкого и венгерского языков. Очевидны контакты народов соседних стран, к которым причисляются народы, говорящие на немецком и венгерском языках. И это следует учитывать при сопоставлении слов.

Предлагаемый в данной статье подход может вызвать, вне всякого сомнения, научные доводы иного порядка. Но автор статьи предлагает лишь один из вариантов развития ностратической теории в наши дни и будет рад развертыванию научной дискуссии на страницах данного научного журнала, так как данная теория весьма молода и имеет перспективы своего дальнейшего развития.

Список литературы

1. Армянско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://armjanskij.perevodchikonlajn.ru> (дата обращения: 20.02.2014).
2. Большой немецко-русский словарь.- 1980.- В 2 томах.- М.: Русский язык, 1980.
3. Громько И.Н. Русско-латинский словарь.- Мр.: Новое знание, 2004.- 456 с.
4. Гумбатов Гахраман [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2012/05/01/581> (дата обращения: 20.02.2014).
5. Дыбо В. А, Пейрос И. И. Проблемы изучения отдаленного родства языков // Вестник Российской Академии Наук. - М., 1985. - № 2. - С. 55-66.
6. Латинско-русский словарь/ К.А.Тананушко.- Минск: Харвест, 2008.- 1040 с.
7. Русско-армянский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perevodspell.ru/perevodchik/armenian.htm> (дата обращения: 20.02.2014).
8. Русско-венгерский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webtran.ru/translate/hungarian/> (дата обращения: 20.02.2014).
9. Русско-немецкий словарь.- М.:Русский язык, 1976.- 748 с.
10. Толковый словарь армянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://bararanonline.com/լրացի> (дата обращения: 20.02.2014).
11. Deutsches Universalwoerterbuch.- Mannheim-Leipzig-Wien-Zuerich: Dudenverlag, 2007.- 2016 S.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР МЕДИЦИНСКОГО ПЕРЕВОДА

Поворозник Роксолана Владиславовна

Канд. филол. наук, доцент, докторант кафедры теории и практики перевода с английского языка, г. Киев

Лексикализация медицинских концептов – это сложное явление, напрямую зависящее от условий реализации коммуникативной деятельности или намерений автора подчеркнуть тот или иной признак объекта как наиболее релевантный для темы коммуникации (область медицины, интересующая адресата). Таким образом, терминологическая вариативность отражает многоплановый характер употребления медицинской лексики в зависимости от коммуникативной ситуации, регистра и т.д. В результате оптимизируется межязыковое и межкультурное общение, повышается качество медицинского ухода, но в то же самое время усложняется процесс перевода.

Хотя принципы организации системы здравоохранения во многих странах подобны, влияние интеркультурного фактора нельзя отрицать, поскольку этническое происхождение и культурные установки пациента, по мнению Р.Кампоса, несомненно, трансформируют его общение с врачом, в свою очередь, выступающего генератором и транслятором иной культуры [4]. Таким образом, медицинский перевод необходим не только для преобразования лексического материала средствами другого языка, но и для сведения воедино различных культурных и мировоззренческих полей (мнений, эмоций, поведенческих стереотипов) коммуникантов, иногда принадлежащих к единой языковой среде.

Результаты исследований Ф.Почхакера и М.Шлезингер, отраженные в монографии “Healthcare interpreting: Discourse and interaction” (2007), указывают на то, что ошибки и неточности в переводе зачастую являются продуктом культурных расхождений, низкого уровня медицинской осведомленности пациента, но также могут быть вызваны терминологической вариативностью [10, с.2-4].

М.А.К.Халлидей и др. еще в 1964 г. указывали на то, что «важным аспектом перевода научных текстов является высочайшая вероятность наличия прямых эквивалентов технических терминов в целевом языке. Необходимо отметить, что полностью значения никогда не совпадают, но установив терминологические эквиваленты, переводчик с легкостью воссоздаст текст другим языком» [5, с.129].

Терминологическая вариативность часто рассматривается параллельно с явлением субституции. При этом Н.В.Сандалова утверждает, что «в синтагматике мы различаем типы терминов-вариантов в зависимости от типа субституции – формальной (опирающейся на разные типы парадигматических вариантов) или семантической (опирающейся на логико-семантические отношения между терминами и понятиями)» [3, с.43]. Формальная субституция представлена такими языковыми формами, как морфологические субституты, аббревиатуры, эллипсы, невербальные субституты. Семантическая субституция представлена универбацией; субститутами, основанными на равнозначности понятий; субститутами, основанными на родовидовых отношениях понятий и терминов [3, с.44].

Е.Г.Жавкина подчеркивает дефицит теоретических работ, посвященных проблеме терминологической субституции, которую она определяет, как «явление репрезентации референта текста разными терминологическими и нетерминологическими единицами», но отмечает, «что в практике создания научных текстов, их редактирования и в практике перевода она решается тем или иным способом» [2].

Например, В.Монтальт и М.Гонсалес Дейвис предлагают реализовывать терминологическую субституцию в медицинском переводе с помощью таких стратегий, как экзотизм, культурное заимствование, калька, транслитерация, коммуникативный перевод и культурный перенос [7, с.180-181].

С терминологической точки зрения, основным испытанием для переводчика являются названия медицинских состояний, эндемических для тех или иных географических зон в силу особенностей климата или культурно-обусловленных бытовых факторов. Эти состояния Д.О'Нил называет «культурным синдромом» или «культурно-специфическим заболеванием», а А.Фагетти – «синдромом культурной принадлежности» [11, с.249]. Ярким примером такого синдрома в западной культуре является «синдром обожжённой кожи» (*toasted skin syndrome*), вызванный длительной работой с ноутбуком на коленях, в результате чего тепло, генерируемое компьютером, со временем приводит к тепловым ожогам и появлению пятен на коже.

Тем не менее, даже те медицинские заболевания, которые имеют универсальный характер, могут обретать различные названия, ставя в тупик как неподготовленных слушателей без специального образования, так и переводчиков. Например, Т.Дж. Пекхам, опросивший 180 пациентов с ортопедическими нарушениями, отмечал, что 80 % респондентов считали *broken bone* и *fractured bone* разными видами переломов [9].

Лингвистическую вариативность принято анализировать, используя схему М.А.К. Халлидея, А. Макинтоша и П.Стивенса, где основную роль играет то, как язык используется (регистр), либо то, кем он используется (диалект) [5, с.77]. В переводоведении данный подход разделяют, например, М.Бейкер и Б.Хатим и Й.Мейсон. Мы полагаем, что его можно применить и к анализу терминологической вариативности в медицинских текстах.

Исходя из вышесказанного, становится понятным, почему зарубежные лексикографы исследуют терминологическую вариативность в медицине с помощью корпоральной методики. При этом вариативность, связанную с регистром коммуникации, прослеживают на примере сопоставления нескольких корпусов медицинских текстов, среди которых один включает тексты для неподготовленной аудитории, а несколько других – тексты с разной степенью специализации. Для определения терминологической вариативности в рамках одного регистра подбирают тексты, понимание которых предполагает одинаковый уровень развития технической компетенции (владение специальной терминологией, «медицинская осведомленность» по Д.Натбиму) [8].

Исследование научно-популярных медицинских текстов показало, что переводчики в первую очередь обращают внимание на так называемые «когнитивные зонды» (*knowledge probes*), например *called*, *referred to as*, *defined as*, указывающих на то, что одна из лексем является термином, а другая - гиперонимом, сопровождающимся парафразой термина [11, с.256].

Так, Гусева Е.И. пишет, что «контекстные вариативные ряды к заимствованному термину пополняются и за счет иных видов метавысказываний – от развернутых дефиниций термина, выходящих за рамки предложения, до его неясных толкований в тексте. В современных

текстах частотны неясные дефиниции, когда между коррелятами устанавливается опосредованная связь» [1].

Терминологическая вариация в зависимости от регистра коммуникации отражает социальные связи коммуникантов (формальный регистр), а также степень общности их знаний (техническая или специализированная коммуникация). В ситуации неформального общения с коллегой онколог скорее всего использует профессионализм *chemo*, в научном журнале - развернутый термин *low-dose chemotherapy*, а во время консультации пациента ограничится гиперонимом *medication*.

Наилучшим показателем компетенции переводчика является легкость, с которой он подбирает терминологические варианты, исходя из степени подготовленности адресата, условий и целей коммуникации. Не менее важна и способность к перефразированию, адаптации медицинской информации к запросам представителей различных языковых и культурных групп.

Переводоведческие исследования, в основном, фокусируются на медицинской терминологической вариативности в зависимости от регистра коммуникации. Однако переводчики-практики намного чаще сталкиваются с вариативностью в зависимости от диалекта (диатопической, диастратической и хронолектной вариативностью). Каждая из них требует своей переводческой стратегии и набора приемов для достижения адекватности. Диастратическая вариативность отражает социальный статус коммуникантов, тогда как диатопическая – их этническое происхождение.

Примером диастратической вариативности является афоризм медика и литератора Оливера Уэнделла Холмса «I would never use a long word where a short one would answer the purpose. I know there are professors in this country who 'ligate' arteries. Other surgeons only tie them, and it stops the bleeding just as well» (Я не использую длинные слова, когда можно обойтись короткими. Знаю, в нашей стране есть профессора, "лигирующие" артерии. Иные хирурги просто перевязывают их, но кровотечение все равно останавливается).

К диатопической вариативности относят, среди прочих, названия болезней в латиноамериканской культуре. Латиноамериканцы традиционно делят недуги на «горячие» и «холодные», причем для излечения «горячих» применяются «холодные» средства и наоборот. Так, например, *frio de la matriz* (буквально "холод матки") проявляет себя послеродовыми депрессиями, застоём крови в малом тазу, нарушениями цикла. Традиционное лекарство от *frio de la matriz* – растение дамиана (тернера раскидистая), которая также имеет свойства афродизиака (разжигает кровь).

М.Терседор-Санчес и К.И.Лопес-Родригес ограничивают хронолектную вариативность диадой «язык взрослого (педиатра) - язык ребенка» [11, с.260]. Однако мы считаем, что для славянских языков больше характерна вариативность греко-латинских (так называемых «эрудированных» терминов) с их архаичными славянскими эквивалентами (*hydrocephalus* – гидроцефалия и водянка головного мозга, *obstruction* – обструкция и закупорка, *exudate* – экссудат и выпот). Взаимодействующие в рамках одного текста иноязычные и русские лексемы Е.К.Жавкина именуется «формально-семантическими субститутами», которые «отличаются от основного термина своей формой и частичными изменениями в значении. Они характеризуются отношениями равнозначности,

включения, пересечения, расширения, сужения семантики» [2]. Среди формально-семантических субститутов исследовательница выделяет синонимы, парафразические конструкции и гипо-гиперонимические субституты.

К.Хергет и Т.Алегре отметили, что использование заимствований греческого или латинского происхождения – признак научного дискурса и сразу классифицирует перевод как текст, созданный для медиков. Когда же текст предназначен для неподготовленных читателей, переводчик скорее всего воспользуется материалом родного языка. В некоторых случаях, однако, заимствования, по мнению исследователей, предпочтительны. Это касается случаев, когда 1) в языке перевода искомая лексема отсутствует, 2) эрудированный термин передает значение более точно, 3) лексема в языке перевода имеет негативную коннотацию, 4) лексема в языке перевода является архаизмом, 5) болезнь (или симптом) практически не встречаются в целевой культуре. Иногда эрудированные термины могут сопровождать исконные, поясняя их смысл [6].

Терминологическая вариативность – неизбежный фактор медицинского перевода, служащий цели оптимизации межкультурного и межъязыкового общения. Проблемы, связанные с отражением подобной вариативности в переводе, устранимы благодаря развитию переводческой компетенции, которая включает общую профессиональную осведомленность, владение переводческими стратегиями и приемами, понимание целей и задач коммуникации с позиций врача и его пациентов.

Список литературы:

1. Гусева Е.И. Заимствование научных понятий как источник вариативности терминов/Елена Ивановна Гусева//Кафедра русской филологии и перевода МГУ. – 2009. - [Электронный ресурс] - Режим доступа:http://rusfilmggu.at.ua/publ/lingvistika/zaimstvovaniye_nauchnykh_ponjatij_kak_istochnik_variativnosti_terminov/2-1-0-5
2. Жавкина Е.Б. Вариативность термина и его субституция в научном русскоязычном и немецкоязычном тексте: Автореф. дис... канд. филологических наук: 10.02.20/Евгения Борисовна Жавкина - Екатеринбург, 2004. - [Электронный ресурс] - Режим доступа:

- <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/variativnost-termina-i-ego-substitucija-v-nauchnom-russkojazychnom-i-nemeckojazychnom.html>
3. Сандалова Н.В. Норма и вариативность в юридической терминологии (по лексикографическим источникам)/Наталья Владимировна Сандалова//Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология – Вып.2(8). – Пермь, 2010. – С.42-47.
 4. Campos, Roberto Navarro. Interculturalidad, cosmovisión y practicas médicas mayas de la Peninsula de Yucatán: Una aproximación antropológica// Universidad Nacional Autónoma de México. - 2011. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.mayas.uady.mx/articulos/interculturalidad.html>
 5. Halliday, Michael Alexander Kirkwood, McIntosh, Angus, Strevens, Peter. The linguistic sciences and language teaching. - London: Longman, 1964. – 322 с.
 6. Herget, Katrin, Alegre, Teresa. Translation of medical Terms//Translation Journal. - 13 (3, July). – 2009. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.translationjournal.net/journal/49medical.htm>
 7. Montalt, Vicent, Gonzalez-Davies, Maria. Medical Translation Step by Step: Learning by Drafting. – Abingdon: Taylor & Francis, 2007. – 298 с.
 8. Nutbeam D. The evolving concept of health literacy/Don Nutbeam//Social Science & Medicine. – 2008. - Vol.67. - P.2072–2078.
 9. Peckham, T. J. Doctor, have I got a fracture or a break?//Injury. - 25(4). - 1994. – С. 221–222.
 10. Pochhacker, Franz, Schlezinger, Miriam (eds.) Healthcare Interpreting: Discourse and Interaction. - Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2007. – 165 с.
 11. Tercedor-Sánchez, Maribel, López-Rodríguez, Clara I. Access to health in an intercultural setting: the role of corpora and images in grasping term variation.//Linguistica Antverpiensia, New Series – Themes in Translation Studies. - #11. – 2012. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://lans-tts.uantwerpen.be/index.php/LANS-TTS/article/view/306>

КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА НА МАТЕРИАЛЕ СМИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Радченко Иван Иванович

Канд. фил. наук, докторант кафедры русского языка и культуры речи, Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

В современном мире средства массовой коммуникации все чаще становятся не только и не столько источником сообщения, то есть информации, сколько средством воздействия на сознание людей, средством манипулирования другими людьми. Между странами, группами, сообществами, индивидами постоянно ведутся информационные войны, целью которых является внедрение определенного рода информации для воздействия на мысли, мотивы поведения людей, эмоции и чувства. Имидж является одним из средств коммуникации, представляющим наиболее эффективный обобщенный

тип сообщения, реализуемый в условиях дефицита информации или отсутствия времени.

Имидж личности невозможно представить вне категории оценки, потому что он направлен на создание у адресата сообщения определенного ценностного отношения к тому или иному человеку. Ориентация на оценку человека, оценку его качеств, достоинств или недостатков – это предназначение имиджа, тем более когда речь идет о конкретных задачах, например, о завоевании авторитета, уважения, симпатии, привязанности, благодарности (имидж руководителя, бизнесмена, преподавателя) либо о

победе на выборах (имидж политика). Актуальность работы определена тем, что, являясь одной из важнейших лингвистических категорий, оценка становилась предметом исследования в работах Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, В.А. Звегинцева, А.А. Ивина, Т.В. Маркеловой, В.Н. Телии и др., однако аспект изучения возможностей приемов оценивания в качестве средства создания и формирования имиджа личности не подвергался детальному лингвистическому анализу. В то время как возможности, предоставляемые языком для осуществления воздействия на читателя/слушателя, значительны, ибо язык является не только средством общения, но и средством контроля, манипулирования.

Форма, в которой существует информация, может заключать в себе не только лингвистические, но и экстралингвистические характеристики. Мы в своем исследовании ограничимся рассмотрением только лингвистических форм манипулятивного воздействия на читателей, и, прежде всего, языковых конструкций с отрицанием.

Цель отрицательного предложения не столько информация о каком-то факте, сколько его воздействие на сложившееся мнение адресата речи, то есть субъективный смысл отрицательного предложения содержит элемент волевого начала и чаще всего сопровождается экспрессией.

Органическая связь категории отрицания с модальностью, экспрессивно-эмоциональным значением предложения признается целым рядом ученых, занимающихся этой проблемой.

Так, В.М. Труб, рассматривая семантические функции отрицания, выделяет как одну из ее главных, функцию негативной оценки истинности.

В данном случае отрицание анализируется в коммуникативном аспекте *«негативная оценка истинности всегда является производным высказыванием, полученным в результате применения оператора отрицания к коммуникативно более ранней пропозиции»* [1, с. 44].

В языке негация находит выражение при помощи формального сигнала – частиц «не, ни», специальной интонации, преобразованного словопорядка, специальных лексико-фразеологических единиц.

Категория отрицания предполагает определенный багаж когнитивных знаний у адресанта. Как отмечает Труб, *«говорящий отрицая нечто, знает, что адресат уверен в противоположном»* [1, с. 45].

Ср.: «Она смотрела в зеркало и ничего не видела» – адресат твердо знает, что говорящий уверен в противоположном – «когда смотрят в зеркало, видят свое отражение» (И.Р.). В силу знаний, противоположных знаниям адресанта, адресат неизменно испытывает удивление, чувство обманутого ожидания.

Анализ языка газетных статей показал, что изолированное использование интенсифицирующих средств, фигур, построенных на базе категории отрицания, встречается на страницах газет редко. Зачастую различные стилистические фигуры, построенные на базе категории неопозитивности, используются в комплексе. Средства выражения категорий интенсивности и неопозитивности, служат для создания приема контраста и в конечном плане выполняют главную задачу газетного текста – воздействие на читателя.

Средства категории отрицания характерны для газетных статей, несущих информацию, как правило, негативного характера.

Так, например, в статье, посвященной смене губернаторов в Ростовской области, аргументировано описываются причины произошедшей смены руководителей области.

Характерно, что при такой манере изложения, автору удалось в какой-то мере скрыть свою позицию, свое отношение к произошедшей смене властных первых персон, но и одновременно потребовало от него особого мастерства воздействия на читателя с целью формирования у него нужного корреспонденту мнения на произошедшие события, его оценку.

Статья как бы состоит из двух параллельных тем, первая – повествование о том, почему не переназначили старого губернатора, а вторая – вследствие чего и как была назначена новая кандидатура и ее характеристика.

Ясно одно, что смена руководителей власти в области вызвала много споров, всевозможных суждений и даже определенных ожиданий.

Поэтому появление данной статьи должно было дать ответы на вопросы общественности и, самое главное, на наш взгляд дать «правильное» толкование произошедшей смены областного руководства.

Надо отметить, что чаще всего в статье используются лексические средства отрицания (не – нет), зачастую усиленные отрицательной частицей «ни»: *«Но в двух других пари – о том, последует ли за переделом сфер влияния в новой команде и передел собственности и ресурсов предшественников, а также кто важнее для нового губернатора – президент или премьер, – победителей пока нет».* («Город N», 28.12.2010).

«Ни у одного местного наблюдателя не хватит связей и компетенции, чтобы понять, как все было на самом деле, – считает один из собеседников N» (Там же) – отрицание совмещено с кватитативными интенсификациями «все» и «ни одного».

Интересно, что отрицания используются при характеристике просчетов В. Чуба в его экономической и социальной политике, а так же при характеристике первых шагов в политике нового губернатора, не допустившего тех или иных нежелательных акций, приказов, выступлений молодежи.

В данном случае, использование одних и тех же языковых средств для описания просчетов бывшего губернатора и положительных первых шагов нового, в сознании читателя сглаживает негативные стороны правления В.Ф. Чуба.

Например: *«Он (В.Чуб, – И.Р.) нарушил первый принцип придворного: нельзя служить двум господам, этого ему и не простили», «По другой версии, не сумев решить вопрос с продлением полномочий в администрации президента, Владимир Чуб с помощью старых влиятельных друзей – среди них называют даже имя вдовы Бориса Ельцина, Наины Иосифовны, – смог добиться аудиенции у премьера»* («Город N», 28.12.2010).

«Нарушил первый принцип» – имплицитное отрицание: «нельзя служить двум господам» – отрицание в прецедентном тексте.

А вот характеристика первых шагов работы нового губернатора: *«Во-первых, команда только сформировалась и не успела себя проявить», «Критерии отбора инвестпроектов, которым область намерена*

оказывать поддержку, сроки и формы поддержки должны были появиться в виде постановлений губернатора. В окончательном виде этих документов нет до сих пор, проекты очень спорны», «Областные власти получили сразу два плюса: один за то, что не допустили разгона молодых людей, а стали выяснять причины протеста; второй – за смелость: не стали маскировать конфликт, признав проблемы, которые есть у молодежи в межнациональном общении» («Город N», 28.12.2010).

Отрицание также используется и в изложении оправдания незначительных достижений нового Губернатора.

Широко используются устойчивые сочетания: «Федералы подпустили тумана, заявив, что «еще есть темные лошади, о которых никто не знает» ... («Город N», 28.12.2010). В данном примере использовано устойчивое выражение «темная лошадка, которую никто не знает». То есть отрицание вводится в прецедентные обороты.

Также в анализируемом тексте довольно продуктивно использование частиц: (вряд ли, едва ли), которые вносят значение отрицания. Например:

«Кто и когда делал подобные предложения губернатору, едва ли станет известно». (Там же).

В данном примере использование частицы «едва ли» равнозначно отрицательной частице «не» то есть «не станет известно».

Часто используются отрицания с обратным смыслом: «Да и сейчас, комментируя происшедшее и делаясь предположениями о будущем, большинство не последних в области людей, с которыми тему смены власти обсуждал корреспондент N, предпочли, чтобы их имена на страницах газеты не назывались». В данном примере выражение «не последних» равнозначно «первых». Или: «Многие с интересом наблюдают за тем, как будут складываться отношения новой команды с теми, чей бизнес-успех не в последнюю очередь был связан с предшественниками» («Город N», 28.12.2010). («Не в последнюю очередь», то есть «в первую очередь»).

«Я думаю, губернатор в ситуации не из легких» (Там же). Так говорит собеседник корреспонденту газеты, и надо понимать, что речь идет о «тяжелой ситуации». То есть в данном примере отрицание представлено в активном взаимодействии с категорией интенсивности, а также в использовании живых разговорных оборотов, прецедентных оборотов.

Таким образом отрицательные конструкции могут передавать не только отрицательные оценки (неудачные мероприятия, задуманные и осуществленные Чубом). «В его (В. Чуба – И.Р.) объяснительном спиче была одна фраза, которую теперь связывают и с версиями неудавшихся согласований, и с ситуацией на отдельных предприятиях области», «Чуба убрал из-за несговорчивости по НЗПП, из-за него он попал в опалу у премьерского блока,» ... (Там же). Но эти же отрицательные конструкции использует автор, рисуя и положительные характеристики Голубева, как «опытного стратега, руководителя хорошо обдумывающего свою линию поведения», («не познакомившись тщательно с ситуацией», «не осуждать своего предшественника», «не расправляться с собравшимися по поводу убийства их товарища студентами ...»). «Сильно ожидание того, что Василий Голубев не просто озвучивает идеи, а уже знает, как добиться их решения».

Надо отметить, что описание поведения человека, избегающего необдуманных отрицательных поступков, отрицательных оценок, с помощью отрицательных конструкций, является одной из прагматических возможностей отрицания и по существу не описано в научной литературе.

Позитивную информацию адресат – читатель получает, анализируя содержание отрицательных высказываний. Отсутствие «отрицательных» явлений расценивается как факт наличия противоположных им, «положительных явлений, не получивших однако прямого обозначения в семантической структуре высказывания. Наблюдаемое при этом противоречие имеет характер несоответствия между тем, что показано в предложении, и тем, что мы из него извлекаем. Двуплановость смысловой организации высказывания создает экспрессию повествования и является средством выражения авторской позиции, зачастую в скрытой или открытой форме иронии.

Таким образом, отрицательные конструкции в данной статье позволяют автору за счет умелого использования самих конструкций и средств интенсификации различного языкового уровня, их экспрессивности – решать важный вопрос – проблему, рождающую сомнения в умах по поводу необходимости замены старого губернатора.

Автор отмечает в своей статье определенное недовольство существующее у элиты назначением Голубева, недоумение: почему прислали издалека. «В Ростовскую область парашютиста присылать нельзя». («Город N», 28.12.2010).

В данном примере эксплицитное отрицание, выраженное отрицательным наречием, используется для отрицания смысла, заложенного в значении устойчивого выражения разговорного стиля «присылать парашютиста» – метафора.

Характеризуя нового губернатора, автор проявил определенную осторожность в освещении старых проблем, отмечает у нового губернатора отсутствие необдуманных оценок и решений. «Неоднократно упоминаемый собеседниками N автозавод в Таганроге, переживающий сложные времена, Василий Голубев почти демонстративно объезжает стороной, ссылаясь на недостаточную изученность проблем автостроения». («Город N», 28.12.2010). В этом предложении имплицитное отрицание выражено устойчивым оборотом «объезжает стороной» то есть не заезжает.

«Депутат Заксобрания считает, что хотя все ключевые посты в администрации уже заняты, но всех новых и оставшихся руководителей назвать командой сложно». («Город N», 28.12.2010). Форма имплицитного отрицания выражена устойчивым оборотом «назвать командой сложно», то есть – «нельзя».

Таким образом автор умело избегает прямых отрицательных конструкций в оценке действий нового губернатора.

Если же такое случится, то обязательно со ссылкой на некий источник и, как правило, с дальнейшим положительным толкованием. Таких примеров найдено только два, в числе почти 60 отрицательных конструкций.

Например, одни из них: «Я думаю, он (В.Ю. Голубев, – И.Р.) не стал и не станет частью прежней элиты, ему придется выстраивать свою систему, – считает эксперт». (Там же). В данном примере

эксплицитное отрицание выражено повторяющейся частицей «не». А значение отрицания еще и усиливается лексическим повтором, выраженным глаголом в разных временных формах от прошедшего «не стал», в сумме выражающих постоянство через настоящее, которое в тексте опущено, до будущего «и не станет». И здесь же для нейтрализации такого отрицательного выпада в сторону нового губернатора приводится и другая точка зрения на эту же проблему: «*Есть другая точка зрения – губернатору с элитой повезло: – Чуб очень хорошо вымуштровал ее*». (Там же).

И хотя действия нового губернатора описываются отрицательными конструкциями, в целом в описании создается позитивное мнение социума о первых шагах его деятельности, формируется его положительный имидж.

Таким образом, в основе формирования имиджа лежит оценка, которая создает у адресата сообщения определенное ценностное отношение к тому или иному человеку.

Известно, что использование резервных конструкций должно быть регламентировано целью стратегии. Считается, например, недопустимым использование отрицаний и императивов, если задача речевого сообщения заключается в создании позитивного мнения социума.

Однако в газетной статье, как показывает наше исследование, возможно использование отрицательных конструкций для формирования у читателей положительного мнения по поводу фактов, описываемых событий, явлений, или характеристик человека.

Отрицательные конструкции, как правило, экспрессивны, так как цель их – воздействие на эмоции и сознание адресата, потому что отрицать можно лишь положительное значение в наличии предмета существующих в когнитивных читателя. Это касается и отрицаний в положительных характеристиках персонажа, но они носят оправдательный характер: «*не успел, не мог, не имел возможности*».

Проведенный нами анализ употребления категории негации в языке газетных текстов, говорит о том, что авторами данная категория используется не только в своем прямом назначении для выражения отрицательных значений, но и для выражения экспрессивной оценки, как отрицательной (чаще), так и положительной в качестве средства создания и формирования имиджа личности.

Список литературы:

1. Труб В.М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности: Вопросы языкознания. 1994 № 1 С. 44–45.

АНАЛИЗ НАЗВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ У. С. МОЭМА “УЗОРНЫЙ ПОКРОВ” НА ОСНОВЕ ЦВЕТОВОГО СИМВОЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ

Шалова Екатерина Сергеевна

Студентка кафедры лингвистического образования ИТА ЮФУ, Таганрог

У поэта и писателя вместо кисти и красок есть слова, чтобы нарисовать образ окружающего мира, поэтому в произведениях художественной литературы ассоциативность цвета достигает наибольшей метафоричности, символичности и многозначности смыслов. В понятии цвета заключено не только видение и ощущение самого цвета, но и смысл, в котором таятся безграничные ассоциации: чувства радости или отчаяния, ощущение света или тьмы, ощущение вечности или тленности. “С момента возникновения цветовой символизм самым тесным образом был связан с магией и религией. Само деление магии на белую и черную свидетельствует о важнейшей роли цвета в магических ритуалах. В определенных случаях цвет рассматривался как божество” [1, с. 3]. Именно он рисует ассоциативно-смысловую структуру в сознании читателя, что находит свое отражение в романе У.С. Моэма “Узорный покров”. В связи с этим предметом анализа данной статьи стал скрытый смысл названия произведения У.С. Моэма и его связь с цветовой символикой, чем и продиктована следующая цель - выдвинуть несколько гипотез связи названия произведения с его сюжетом, подтвердив одну из них на основании символически цвета в литературе и анализа “цветовой” насыщенности произведения. Первая гипотеза может быть сформулирована следующим образом - название романа У.С. Моэма метафорически связано со смыслом строки из сонета Перси Биши Шелли: «Lift not the painted veil which those who live / Call Life». Вторая гипотеза (исходя из дословного перевода романа) - название произведения имеет прямую связь с понятием вуали, как атрибута свадебного

наряда, что одновременно перекликается с семантикой и символикой цвета в художественной литературе.

“Узорный покров” или же “Разрисованная вуаль” (дословный перевод)- название романа британского писателя У. С. Моэма (1925), позаимствованное из сонета Перси Биши Шелли, который начинается со слов: «Lift not the painted veil which those who live / Call Life», что в переводе на русский: «О, не приподнимай узорную вуаль, которую люди жизнью называют». Всем известно, что названия произведений отражают их смысл, но почему вуаль, ведь никто из героев её не носил, и почему она именно узорная, разрисованная? Здесь мы приближаемся ко второй гипотезе происхождения названия данного романа. Разгадка таится в самом его сюжете, но вовсе не на поверхности.

«Каждый из нас одинок в этом мире. Мы отчаянно стремимся поделиться с другими сокровищами нашего сердца, но они не знают, как принять их, и потому мы одиноко бредем по жизни, бок о бок со своими спутниками, но не заодно с ними, не понимая их и не понятые ими» - писал Сомерсет Моэм, и эти слова во многом перекликаются с основной идеей произведения. Но всегда ли в нашем одиночестве и несчастьях виноват мир? Быть может, иногда вина в этом и наша, и мы видим в этом мире только то, что хотим? Но рано или поздно обстоятельства “поднимают вуаль” наших иллюзий, и жизнь предстает перед нами такой, какая она есть на самом деле: смесь добродетели, но и порока, великих людей, но и мелких, благородства, но и низости в том числе - никакой идеализации. «Разрисованная вуаль» и показывает нам жизнь

главной героини Китти, жившей под этой самой вуалью, в своем мире, не признающем чувств других, не считающимся с ними, пытаюсь разглядеть в других то, чего в них нет, и добавляя в палитру этой вуали свои краски, умножая свои ошибки. И только в монастыре, среди монахинь, героиня начинает замечать, что смысл многих вещей гораздо глубже, чем ей всегда казалось. И что, сняв вуаль, можно открыть для себя заново даже когда-то нелюбимого мужа.

Но это лишь одна сторона медали. В названии романа отчетливо прослеживается и другая идея. Первая ассоциация, которая могла возникнуть у читателя со словом “вуаль” - свадебная вуаль - элемент наряда невесты. Но её вуаль белого цвета. В религии белый цвет - это символ невинности, чистоты, святости, целомудренности. По мнению психологов, белый - это *tabula rasa*, чистый лист, разрешение проблем и новое начало, новая страница жизни. Если рассмотреть значения, входящие в приядерную область семантического пространства белого цвета в двух культурах - русской и английской, то в русской культуре белый цвет символизирует чистоту, свадьбу, непорочность, невинность, добро и все хорошее; в английской культуре - свадьбу, непорочность, невинность, свежесть [3]. То есть символика цвета в культурах идентична, и возникающая ассоциация закономерна. Если вчитываться в роман, то мы не обнаружим в нем описания деталей одежды героев, а именно её цвета. И лишь единственное упоминание о нем связано с одеванием монахинь. На протяжении всего сюжета, с самого момента их появления, автор настойчиво указывает нам, что они облачены во всё белое, как в прямом, так и в переносном значении, и лишь единственное яркое пятно в их образе - это красный крест, еще один цветовой символ - символ безграничной любви к ближнему во имя Бога. Очевидно, автор, критикующий во всех своих произведениях моральный упадок общества и его греховность, “даровал” непорочность только этим героиням, вероятно, потому, что они наиболее приближены к Богу, остальные же, в частности Китти, смотрят на мир из-под узорной, а точнее разрисованной, и совершенно порочной вуали. О “разрисованности” вуали в прямом смысле можно судить из частотности употребления цветов в романе. На основе анализа цветовой семантики можно сделать вывод, что в сюжете присутствует полная палитра красок: желтый, красный, зеленый, белый, черный, коричневый, серый, голубой. Эти цвета присутствуют во всех окружающих Китти объектах - от облаков

до скатерти на столе. Но довольно символично, что по частотности употребления преобладает использование белого цвета (35 случаев), который, к слову сказать, также применяется при описании объектов природы, к примеру, облаков. А природа, как нам известно, творение Бога. Не отстают от белого цвета синий и черный – 27 и 25 случаев употребления соответственно. Синий, как известно, символ совершенства, высокого происхождения и божественного предназначения. Он также появляется в сюжете в контексте природы. Черный же используется при описании вещей, черт лица (глаза, брови), всё это будто обволакивает Китти со всех сторон или непременно находится рядом. Вспомним, что черный цвет - антитезис белого, противоположная сторона жизни. Все самое негативное в жизни первобытных людей выражал именно он - злые силы, небытие, смерть, хаос, разрушение. [1, с. 6] Из этого можно сделать вывод, что автор не “обеляет” героиню, но оставляет крохотную надежду на её светлое будущее, отодвигая темные краски на задний план. С другой стороны, цвета и краски вуали - это калейдоскоп наших поступков, наших ошибок, наших иллюзий и пороков. Мир таков, каков он есть, но все мы видим его по-разному и, увы, у большинства из нас “вуаль взгляда” отнюдь не белая.

Таким образом, подводя итог нашей работе, мы достигли намеченных целей. В ходе анализа нам удалось подтвердить гипотезу связи названия произведения с понятием вуали, как атрибута свадебного наряда, ее непосредственное отношение к семантике и символике цвета в художественной литературе и культуре народов. Данный анализ может послужить хорошим подспорьем в процессе дальнейшего изучения семантики и символики цвета в произведениях литературы и сопоставления культурно-специфического значения цветов у разных народов мира.

Список литературы:

1. Базыма Б.А. Психология цвета: теория и практика: учеб. пособие. Изд.: Речь, 2005 – 208 с.
2. Миронова Л. Н. Цветоведение: учеб. пособие. Изд.: Минск, 1984 – 286 с.
3. Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология: учеб. пособие. Изд.: Речь, 2004 - 672 с.
4. Maugham S. W. The Painted Veil. Изд.: Каро, 2009 - 256 с.

ЗВУКОПИСЬ И ЕЕ ФУНКЦИИ В ПОВЕСТИ А.С. СЕРАФИМОВИЧА «ПЕСКИ»

Сидорова Ольга Борисовна

студентка историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ, г.Арзамас Нижегородской области

Традиционно звукопись ассоциируется исключительно с поэтическим текстом. Безусловно, стихотворения М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.А. Блока, С.А. Есенина и других русских поэтов отличаются особой мелодичностью и благозвучием. С помощью употребления гласных и согласных звуков поэты создают яркие, ни с чем несравнимые образы, открывают перед читателем истине многогранный, звучащий мир.

Однако не только поэтический текст может «шептать», воссоздавая мотив колыбели, или экспрессивно

«кричать», будоража сознание. Такого эффекта в состоянии достичь и относительно небольшой рассказ, написанный рукой талантливого прозаика. Все типы звуковых повторов и виды звукописи не играют характерной роли по отдельности, они в совокупности преследуют в прозаическом тексте одну главную цель – создание объективного и субъективного звукообразов произведения. Объективные звукообразы связаны с образами звуков, которые отражают окружающий мир человека или, иначе говоря, бытие вне человеческого разума. Они напрямую соотносимы с

внешними условиями и не зависят от воли героев произведения. Субъективные звукообразы, напротив, сопутствуют появлению человека в произведении. Например, речь героя, его смех, интонация голоса дают персонажу особую характеристику и отражают его душевное состояние.

Как справедливо заметила учёный-языковед И.Б. Голуб, «сохранение избранного звукообраза на протяжении всего произведения или его значительной части создает особую тональность, выразительную своими звуковыми ассоциациями и благоприятную для проявления эмоциональных красок и создания эмфатической интонации» [1, с. 183]. Звукопись призвана создавать особые музыкальные интонации, делать речь благозвучнее и мелодичнее. Кроме стилистической можно выделить также выразительно-образительную функцию звукописи, так как данный художественный прием не только помогает автору создать звуковую оболочку, но может в прямом смысле этого слова нарисовать различные по характеру эмоций действия, изобразить душевное состояние героя в определенный отрезок времени. И, конечно, звукопись выполняет важную смысловую функцию в художественном тексте, а именно позволяет логически выделять ключевые слова, образы, символы, акцентируя внимание на проблематике произведения.

Для анализа звукописи в прозаическом тексте нами была выбрана повесть А.С. Серафимовича «Пески», увидевшая свет в 1908 году. Эта эпоха в истории России характеризовалась как период жестокой реакции, вследствие этого многие прогрессивные писатели того времени старались не касаться острых социальных проблем общества. Но А.С. Серафимовича данное обстоятельство не только не остановило, оно заставило его с ещё большей решимостью взяться за написание произведения, в котором отразилась человеческая драма, порожденная жаждой наживы и властью денег.

Сам автор определил идею «Песков» следующим образом: "Молодая, полная сил и здоровья работница продает себя старику мельнику в чайнии стать собственницей обветшалой мельницы. Потом, с годами, сама превращаясь в старуху, в свою очередь хозяйка властью собственности прикрепляет к себе молодого работника. Мельница и у этого высасывает молодость: собственность и тут сожрала чувства. Капиталистический мир таким образом утверждает систему эксплуатации не только мышц, но и чувств. Вот в чем социальная основа рассказа"[3, с. 420.].

Исходя из приведенной выше цитаты, становится ясно, что А.С. Серафимович с ненавистью относился к проявлению каких бы то ни было собственнических инстинктов. Будучи приверженцем учения марксизма-ленинизма, писатель четко понимал, насколько пагубно могут отразиться на судьбе человека безграничная жажда денег и, напротив, ничем не ограниченная власть вещей. В своем произведении автор обнажает перед читателем вечные жизненные ценности, центром которых являются добрые человеческие отношения между людьми, а не горы «золотых монет». Деньги и песок являются в произведении тождественными: они постепенно «засыпают» открытые души людей, делают их черствыми, пустыми и поистине мертвыми, лишеными доброты и милосердия. Природа в рассказе погибает под натиском желтого песка, а материальный мир вещей медленно, но верно убивает все человеческое.

С первых строк повести предстает звукообраз, который красной нитью проходит сквозь содержание всего текста, – образ дремотной, звенящей тишины. В состав него входит несколько субъективных звукообразов.

Во-первых, характерным для данного произведения является звук сыплющегося песка. Обычный человек не так часто концентрирует своё слуховое внимание на том, чтобы уловить специфический звук, передаваемый взаимодействием крохотных песчинок и ветерка. Но истинный художник слова способен не только услышать, но и передать услышанное на письме: *«Ветра нет, воздух неподвижен, прозрачен и чист, но песок звучит странным, едва уловимым звуком, заунывно и грустно. Зыбучий и тонкий, он даже при безветрии сыплется с перегнувшихся гребней и звучит»*. В приведенном контексте представлен синтез аллитерации парных согласных звуков [з], [с] и ассонанса (повторение гласных [о], [у], [ы]), что в совокупности создает целостный звуковой облик гоняемых ветром тысяч песчинок. Звуковые ассоциации вызывает и пересыпание муки: *«...скупо, едва заметной струйкой сыплется мука. Посыплется, посыплется и задумается, и в напрасном ожидании стоит разинутый короб»* (повторяются глухие согласные [с], [п], [т]).

Заметим, что образ песка в произведении является ведущим, это своеобразный символ разрушения. Герои не в силах противостоять наступающему песку, который насыпает живые, сочные поляны, превращая их в подобие пустыни. Однако в этом состоит парадокс: старика тянет именно в желтеющую даль. Это подтверждает цитата: *«Но в ту сторону, где было светло и просторно, где желтели пески, дед часто выходил. Выберется на песчаный бугор, сядет, подставит голую голову горячему солнцу и сидит. У ног – короткая полуденная тень, а вдаль – нескончаемо и необозримо, сколько глаз хватает, тянутся пески»*. Изображая песок, автор употребляет слова: *«воровски», «узко», «неподвижно пробирающиеся языки»*. Это говорит о том, что образ песка писатель стремится наполнить совершенно новым содержанием: песок у А.С. Серафимовича не начало новой жизни и символ свободы души, как, например, в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, здесь это смертоносный яд, который убивает постепенно, на протяжении всей жизни. Впрочем, как и собственнические инстинкты превращают нас в пустых, бездушных существ, так и сухой песок окутывает природу в желтый мрак.

Чтобы подчеркнуть мотив беспробудного сна, автор прибегает к приему ассонанса. Продемонстрируем это на конкретном примере: *«Мужичонка храпит. Лошадь подымает веки, от которых немного сторонятся мухи, глядит, моргая добрыми влажными глазами, и начинает жевать вяло и сонно, и опять задремывает, покачиваясь с торчащим в губах клоком»*. В данном контексте в сильной позиции преимущественно стоят гласные звуки [о], [а], поэтому, читая эти строки, невольно хочется зевать.

Особый мотив тревоги, напряженности, накала страстей передает согласный сонорный, дрожащий звук [р]. Его употребление в тексте связано с крупной ссорой, истерикой, отчаянием. Иллюстрацией служит следующий отрывок, где в прошлом молодая, полная жизни, батрачка, а ныне скупая старуха, в приступе истерики сообщает Ивану о том, что порвала духовное (в дореволюционной России так именовалось завещание):

«Она завизжала, но не визгом ужаса, а звериным криком захлебывающейся, рвущейся злобы:

– Духовное-то... духовное-то я... порвала!!

Он застыл с занесенным топором, а она каталась в истерически-злорадном хохоте, судорожно впившись в землю, и пена пузырилась на сведенных губах.

– ...порвала!.. порвала!.. порвала!..

И лес, хмуро обнимая со всех сторон, насмешливо и глухо повторял страшное слово:

– ...порвала!.. порвала!..

На сухой ветке кланялась ворона!

– Потерял... потерял... потерял!..

Выронил топор, пошел шатаясь, держа обеими руками голову».

Этот отрывок иллюстрирует, насколько уместно писатель акцентирует внимание на слове «порвала», а также соотносит его со словом «потерял». Лексический повтор и восклицательная интонация передают отчаяние обоих героев произведения.

Во-вторых, неотъемлемой звуковой частью рассказа является звон. Почти в каждом абзаце встречается словосочетание «звонит вода» и различные его вариации: «звенела вода», «тихо звенела вода», «звенела выливающаяся вода», «звонит вода», «звонит вода и наполняет темное и неподвижное молчание чем-то иным, полным иного значения, смысла...»), а также аллитерация звука [з] и его мягкой разновидности: «Звенела, качаясь в тени столбиками, мошкара. И иногда казалось, звонит сама тишина, звонят горячие полуденные краски, белизна лепестков, голубые вкрапленные пятнышки незабудок, густая листва». Постоянный нагнетающий звон ничуть не похож на звон колокольный – умиротворяющий. Он, напротив, ориентирует на внутреннюю тревогу, сохраняя при этом внешнее псевдо спокойствие.

На протяжении всей повести встречаются другие значащие звукообразы. Приведем следующую строчку из текста: «Несся тяжёлый топот кованых сапог и крикливые бабы взвизги...». Сочетание глухих согласных [т],

[п], [к] действительно имитирует тяжёлый мужской шаг, а сочетание мягких согласных звуков с гласным [и] отражает визгливые нотки женского голоса.

А.С. Серафимович прибегает к нарушению языковой нормы для того, чтобы создать яркий звуковой образ. Примером антинормы может послужить словосочетание «капают капли». Однокоренные слова, которые следуют друг за другом, в этом случае усиливают эффект капающей воды «с добрых мягких пожевывающих губ лошади».

Кроме того, повесть «Пески» становится полнозвучной благодаря употреблению слов, которые своим звучанием имитируют слуховые впечатления от изображаемого предмета или явления: *грохочут, шуришит, скрипели, фыркала, капали, всхлипывая, укает, врюхался, журчание, выл, звонит, грызут, лужают, шамшит, шамкает, шептались, клокотали, визжали, гоготанье, хрюканье, визг, шипела, турлыкали, ворковали, хохот, треск, свист*. Читатель достаточно легко может восстановить звуковой облик действия.

Редко встречаются в тексте прямые звукоподражания: «нно-о» звонко погоняет лошадь, «фью» выступает синонимом слову «уйду, убегу», «у-у» отражает высшую степень ярости, недовольства, «тьфу ты» выступает в роли своеобразного ругательства. Такие имитационные вставки, характерные для разговорной лексики, добавляются в диалог живого участия.

Итак, проанализировав звукопись в повести А.С. Серафимовича «Пески», можно утверждать, что в данном произведении фоника реализует себя максимально: яркие звукообразы создаются при помощи аллитерации, ассонанса и их синтеза; многообразие звуков представлено «звучащими» словами и звукоподражаниями. В целом звукопись в прозаическом произведении занимает заметное место наряду с цветовыми и обонятельными образами. В восприятии проблематики произведения важно уметь слышать, видеть и чувствовать изображаемое.

Список литературы:

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие. М.: Айрис-пресс, 2007. – 448 с.
2. Серафимович А.С. Собрание сочинений в 4-х т. М.: Правда, 1987.-Т.1.
3. Серафимович А.С. Полное собрание сочинений. М.: "Федерация", 1932. – Т. 3.

ФУНКЦИИ АЛЛЮЗИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Сиренко Татьяна Сергеевна

Аспирант кафедры германских языков, г. Санкт-Петербург

Любой текст, независимо от его принадлежности к тому или иному типу, имеет целевую направленность. В этом заключается его прагматическая функция, неразрывно связанная с антропоцентризмом любого текста, его прагматический потенциал. Таким образом, любой текст имеет прагматическое воздействие на адресата. Разумеется, при наличии адресата, адресанта, авторского замысла, ожидаемого прагматического эффекта и соответствующего содержания.

В данной статье с точки зрения прагматики рассматривается именно художественный текст как наиболее уникальный тип текста. Художественный текст – сложное многоуровневое единство, прагматика которого заключается в эстетическом воздействии на адресата. Авторская интенция и желание донести до адресата свой замысел нуждаются в особых средствах выражения. Художественный текст насыщен самыми различными языковыми средствами: от эпитета до аллюзии. Именно прагматика определяет стилистику текста, жанр и языковой материал.

Уникальность художественного текста заключается в множественности его интерпретации. Любой художественный текст включает в себя три основных компонента. Первый – это мир действительности, отраженной во втором компоненте, в произведении – в мире авторского вымысла, и наконец третий компонент – это мир адресата, воспринимающего этот текст. Мир авторского замысла и мир действительности тесно сплетаются, образуя художественное пространство, включающее в себя пространство смысловое (интенции), пространство содержания (сюжет), и пространство средств выражения. Наличие смыслового пространства, построенного с помощью пространства средств выражения, подразумевает нацеленность автора на передачу определенных идей, то есть наличие прагматики в тексте [1]. Таким образом, художественный текст прагматичен, и прагматичен не на одном уровне, так как является совокупностью авторских интенций и языковых средств. Среди прагматических аспектов художественного текста можно особо выделить его многозначность. Как понять, что имел в виду автор, вставляя в речь персонажа цитату «быть или не быть»? И насколько подготовленным следует быть читателю, чтобы понять всю многозначность?

Говоря о пространстве средств выражения, следует отметить их многозначность. Образные средства выражения имеют не только стилистическую окраску, украшая текст и придавая ему эмоциональность. Они так же имеют прагматическую функцию. Все исходит от антропоцентризма, то есть от автора и его замысла, от созданного контекста. Очевидно, что адресат не задумается о фразе «твоя невеста красива, но несколько бледна, словно эта луна за окном», в то время как фраза «твоя невеста хоть и красива, но глупа, как эта глупая луна на этом глупом небосклоне» – в сознании, насыщенном фоновыми знаниями, сразу образует сигнал. Сигнал о том, что адресат такие слова уже где-то встречал. В «Евгении Онегине» А.С. Пушкина. Для чего автор использует подобные сигналы? Во-первых, для придания образу глубины, так как адресат сразу мысленно и неосознанно начнет сравнивать образ обеих героинь – героиню из претекста и героиню вторичного текста. Во-вторых, для краткости при одновременном сохранении полноты образа. Если героиня автора чем-то похожа на Ольгу, и автор хочет данное подчеркнуть, он использует языковое средство, которое адресата к Ольге приведет. При этом его оригинальный персонаж от этого только выигрывает.

Таким образом, автор может использовать интертекст и интертекстуальные включения (аллюзия, цитата) для воплощения своих интенций. В XX веке, особенно в постмодернистской литературе, интертекст приобрел большое влияние, его использование стало своего рода литературным приемом. «Интертекст» – это межнациональный культурный код, существующий вне времени. Разумеется, автор как человек принадлежит к определенной эпохе, культуре, расе и языку. Таким образом, в художественном тексте присутствует и прецедентность, и интертекстуальность. Они используются автором с одной целью: коммуникативно-прагматическое воздействие на читателя. Коммуникативное потому, что в тексте осуществляется диалог «Автор – текст – читатель». Среди основных языковых средств, используемых автором для достижения прагматического воздействия на адресата можно выделить цитату, аллюзию и реминисценцию.

Целью данной статьи является рассмотрение функции аллюзии как интертекстуального включения. Под включением понимается определенный отрезок, фрагмент прецедентного текста, заимствованный автором для создания своего произведения. При изучении интертекстуальных включений возникает вопрос: Каков источник данных включений? Каким образом автор использует их в своем произведении? Какова функция данных включений?

Изучением аллюзии занимаются многие известные лингвисты: У. Торнтон (аллюзия в произведениях Дж. Джойса) [2], Л.А. Машкова (аллюзия в свете филологического комментария в целом) [3]], И. В. Арнольд [4], Р.А. Брауэр (аллюзия в поэзии А. Попа) [5]. Аллюзия – это интертекстуальное включение, содержащее намек на определенный литературный, исторический, культурологический факт, закрепленный в межнациональной культуре, или указывающий на связь данного текста с другим текстом [6]. На данном этапе изучения аллюзии существует несколько ее определений. Чаще всего аллюзию характеризуют как стилистический прием, однако аллюзия не всегда несет стилистическую функцию. Она также используется и с точки зрения ее прагматической функции, указывая на интенцию автора, чем придает тексту эмоциональность. Интертекстуальные включения заимствуются автором из претекста – оригинального произведения – и помещаются в чужое текстовое пространство. Автор кодирует аллюзию, а адресат ее дешифрует, опираясь исключительно на фоновые знания. Однако распознать аллюзию не всегда возможно, так как в отличие от цитаты, она является неявной. Элементы претекста являются рассредоточенными в рассматриваемом тексте. Все это требует повышенного внимания от адресата и, возможно, дополнительных знаний. Кроме того, аллюзия может быть представлена в тексте в виде имен собственных, ситуации или целого отрывка. В сознании адресата образуется два контекста и две ситуации: претекста и вторичного текста. Именно это и является одной из авторских интенций.

Как и любые включения, аллюзию можно классифицировать. В лингвистике существует два основных подхода к классификации аллюзии: первый основывается на ее структуре, второй – на ее семантике.

Например, М. Д. Тухарели предлагает классификацию аллюзий, основанную на структуре:

1. Аллюзия может быть представлена словом, чаще всего, именем собственным.
2. Аллюзия может быть представлена сочетанием слов и более крупными по объёму и конструкции словесными образованиями: сверхфразовым единством, абзацем, строфой, главой.
3. Аллюзией может являться самостоятельное художественное произведение [7].

Также М.Д. Тухарели предлагает следующую классификацию аллюзий, основываясь на их семантике:

1. *Имена собственные – антропонимы.* В эту же группу она включает:

- *зоонимы* – имена животных, птиц;
- *топонимы* – географические названия;
- *космонимы* – названия звезд, планет;
- *ктематонимы* – названия исторических событий, праздников, художественных произведений;
- *теонимы* – названия богов, демонов, мифологических персонажей.

2. Библиейские, мифологические, литературные, исторические аллюзии.

3. Отзвуки цитат, ходовых речений, контаминации, реминисценции [8].

Аллюзии могут быть также классифицированы по типу атрибутивности [9]:

1. *Аллюзии с атрибуцией* – их также называют *эксплицитные*, где однозначно указывается автор. Эксплицитные аллюзии предполагают во вторичном тексте наличие межтекстовой связи. Эксплицитная информация помогает перевести интертекстуальные включения из статуса намека в статус доказательства. Функциональность эксплицитности в таком случае проявляется в том, что она позволяет читателю без широких фоновых знаний быть вовлеченным в межтекстовую игру и расшифровать интенции автора.

“Time is out of joint”, he said. “Good job I was born to set it right”.

“Hamlet?” I asked [10].

2. *Неатрибутированные аллюзии – имплицитные*, которые, порождая дополнительный стилистический и прагматический эффекты, являются наиболее распространенными и требуют от читателя широких фоновых знаний. Имплицитные включения являются наименее узнаваемыми элементами «чужого текста», и остаются лишь намеками. Они могут либо присутствовать в тексте в большом количестве, либо стоять в ключевой позиции в тексте, где могут каким-то образом привлечь внимание адресата: в начале, в конце, в предисловии или заглавии.

“I saw a boy with his head stuck in a saucerpan” [14].

Взрослый читатель, возможно, аллюзию не распознает, поскольку Эмиль из Леннеберги, надевший супницу на голову, скорее знаком детям.

Можно отметить, что разные типы аллюзии выполняют разные функции, что говорит о многофункциональности аллюзии. Следует рассмотреть подробнее возможные функции аллюзии.

По мнению Гальперина, аллюзия может функционировать как средство «расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библиейских, литературных, исторических персонажей и событий на те, о которых идет речь в данном высказывании», в таком случае «аллюзия не восстанавливает хорошо известный образ, а извлекает из него дополнительную информацию» [12].

Функции аллюзии как интертекстуального включения достаточно разнообразны. Аллюзия может выступать в функции выражения авторской оценки, в характерологической функции, в сравнительно-уподобительной функции, в функции иронии, в функции пародирования, в сравнительно-уподобительной функции, в окказиональной функции, в функции воздействия на читателя, в текстоструктурирующей функции (иногда на называется орнаментальной). Данные функции могут выступать самостоятельно, а могут совмещаться и взаимодействовать друг с другом [13].

Одной из самых важных функций аллюзии является ее *характеризующая* функция. Она заключается в актуализации определенных коннотаций, закрепленных за именем литературного персонажа или явления.

“Mr. Hyde entered the room with his friend Jekyll” [14].

Hyde – аллюзивное имя собственное, отсылающее читателя к произведению Р. Стивенсона «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда». В романе Дж. Ффорде обыгрывает сюжет Стивенсона: Хайд и Джекилл появляются вместе, а не как одно лицо.

Кроме того, аллюзия обладает *окказиональной* функцией: отсылает читателя в определенным историческим событиям, фактам, личностям, с целью воссоздания образа эпохи.

“Indeed — existing letters from Cardinal Wolsey indicate most strongly that he was “vexed and annoyed”. Кардинал Уолси – реальная историческая фигура. Уолси был архиепископом Йоркским с 1514 по 1529 год. Упомянется Ффорде при описании персонажа, который переписывался с данной исторической личностью.

Аллюзия также обладает *предсказательной* функцией. Например, использование эпитафии или упоминание вскользь названия литературного произведения, мжет которого схож с сюжетом автора, или какого-то момента претекста, за которым следуют важные события.

“The steel door on the ground floor had been torn from its hinges”. Адресант, знакомый с творчеством Э. А. По с легкостью заметит здесь прямую отсылку на рассказ «Падение дома Эшервов». Фрагменты рассказа Э. А. По обыгрываются в романе: с героиней происходят точно такие же события, как и с героем рассказа, меняется только место действия, что предсказывает развитие сюжета.

Текстоструктурирующая функция – функция, о которой упоминает лингвист М. Д. Тухарели: «Аллюзии-зачины и аллюзии-концовки относятся к важнейшим формообразующим моментам текста. Будучи предикативными аллюзиями, они становятся концептуальным ядром в составе целого комплекса, по принципу доминанты подчиняют другие части текста. Располагаясь в композиционно важных частях, они помогают осмыслить содержание художественного произведения, привнося в новое место обитания по аналогии или противопоставлению смысл источника аллюзии».

Так, у Ффорде роман “The Eyre affair” уже сам роман имеет в заголовке эксплицитную аллюзию, а в конце романа несколько раз повторяются отрывки самого романа Ш. Бронте, а слова Рочестера “sweet madness” служат паролем для героини Ффорде.

Функция иронии – ‘Best Romantic Male’ went to Darcy and ‘Best Female in a “Coming of Age” Book’ went to Scout Finch. Дарси – герой романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение», известный своей популярностью среди женщин.

Таким образом, функции аллюзии, основанные на авторской интенции, играют большую роль в формировании адресантом нужного восприятия смысла художественного произведения. Функции аллюзии не ограничиваются вышеперечисленными. Вполне возможно, что их число может быть больше в зависимости от интенций автора.

Также следует отметить, что при изучении функций аллюзии большую роль играет контекст. Именно контекст определяет выбор претекста, придает претексту новую глубину и новый смысл во вторичном тексте. В контексте актуализируется те элементы претекста, которые являются важными в построении вторичного текста. Помимо этого, контекст наполняет аллюзию новым значением, выводимым из содержания вторичного текста. Од-

ним из главных условий функционирования аллюзии состоит в ее узнаваемости и понимании читателем, ведь для актуализации аллюзии необходимо наличие фоновых знаний у читателя. Под фоновыми знаниями в лингвистике подразумевается совокупность сведений культурного, материального, исторического и прагмалингвистического характера носителя определенного языка. Поэтому при их отсутствии адресат легко пропустит имплицитную аллюзию.

Восприятие аллюзии в художественном тексте можно представить в виде следующего процесса: понимание прямого значения контекста – распознавание ссылки на претекст – соотнесение принимающего текста с претекстом – понимание интенций автора и возникающих дополнительных значений – соотнесение с фоновыми знаниями – и эмоциональное и интеллектуальное восприятие текста и его смысла.

Следует также отметить, что для дальнейшего изучения феномена аллюзии как интертекстуального элемента представляется важным выявление прагматических характеристик коммуникативной ситуации, порождающей аллюзию. Следует подробно исследовать информационный запас аллюзии как единицы контекста и ее влияние на преобразование поверхностных структур текста в глубинные. Необходимо также изучить текстовые сигналы аллюзии как приема образной импликация, способствующие её обнаружению и дешифровке скрытой в ней информации. Если адресант распознает авторскую интенцию, то он сам достраивает количественный уровень информации текста до необходимого. В обратном случае недостаток информации, содержащейся в поверхностной структуре текста, не позволяет ему понять глубинный смысл сообщения.

Таким образом, аллюзия как интертекстуальный элемент представляет собой выразительный и многофунк-

циональный лингвистический приём, позволяющий автору создать ассоциативный образ через соотнесение факта или персонажа с другими фактами и персонажами в художественном тексте, а также дополнить этот образ необходимым для автора смыслом.

Список литературы:

1. А.Ю. Маслова «Введение в прагмалингвистику», Москва, 2007.
2. Thornton W. Allusions in Ulysses, 1968.
3. Машкова Л.А. Литературная аллюзия как предмет филологической герменевтики. АР, МГУ 1989
4. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М: изд-во «Флинта», 2002.
5. Brower R.A. Alexandre Pope: The poetry of allusion. – Oxford, 1959. P.1,8.
6. Словарь лингвистических терминов, lingvistics_dictionary.academic.ru.
7. Тухарелли М. Д. Аллюзия в системе художественного произведения. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Тбилиси, 1984.
8. Тухарелли М. Д. Аллюзия в системе художественного произведения. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Тбилиси, 1984.
9. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. Москва, 2000.
10. J. Fforde “The Eyre affair”, 2001.
11. J. Fforde “Something rotten”, 2004.
12. И.Р. Гальперин «Стилистика английского языка», Москва, 1981.
13. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. – Москва, 2003.
14. J. Fforde “Something rotten”, 2004.

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ИМПЛИЦИТНЫХ ТЕОРИЙ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Смерчинская Анастасия Александровна

Преподаватель 32 кафедры Военного университета МО РФ, г. Москва

Проблемы речевого взаимодействия людей, связанные с ментальными основами понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются и участвуют в переработке информации, рассматривает когнитивное направление в лингвистике. Становление когнитивной лингвистики связано с трудами зарубежных ученых Марком Джонсоном, Джорджа Лакоффа, Джона Остина, а также отечественных исследователей Валерия Закиевича Демьянкова, Елены Самуиловны Кубряковой, Алексея Алексеевича Леонтьева, Александра Романовича Лурии, Евгения Владимировича Сидорова, Натальи Ивановны Формановской и других.

Целью настоящего исследования является выявление конструктивной роли когнитивного моделирования языковых элементов в знаковой системе имплицитных теорий речевого общения в диалогическом дискурсе.

Имплицитные теории речевого общения, по аналогии с имплицитными теориями личности [1: с. 8], представляют собой предположения «наивного субъекта» о

том, как в личности соотносятся друг с другом два или более элементов когнитивных моделей речевого общения, таким образом, что, если есть один, следует предполагать наличие другого. Семантическая организация диалогического дискурса обуславливается имплицитными теориями речевого общения, которые представляют собой компонент когнитивного фона участников коммуникации. Во время речемыслительного процесса у коммуникантов возникает совокупность представлений, в которой отражаются не только отдельные предметы и их свойства, но и типичные свойства групп предметов, происходит моделирование образа, т. е. создание когнитивных моделей.

Представления как отражение действительности субъективны и не могут быть переданы непосредственно от одного партнера к другому; поэтому нельзя утверждать, что содержание этих представлений совпадает у партнеров диалогического дискурса. Элементы содержания представлений в знаковой системе языка могут передаваться от одного партнера к другому, сравниваться, видоизменяться, осмысливаться [3: с. 26]. Адресант может

формулировать мысль в форме высказывания, направленного собеседнику. В этом случае говорящий кодирует текстовое сообщение, переводя свои мысли в систему знаков языка. Со стороны адресата происходит обратный процесс – декодирование высказывания, который представляет собой анализ воспринимаемого высказывания и превращение развернутого высказывания в свернутую мысль. Этот процесс в психологии часто называется пониманием. Понимание возникает, если участников диалога объединяет наличие общих знаний, то есть имеется единое смысловое поле. Наличие общих знаний определяет языковой выбор и обеспечивает успех коммуникации, который предполагает согласование намерений участников и удовлетворение их взаимных претензий. Участвуя в диалоге, коммуниканты вынуждены выполнять разнообразные речевые / неречевые действия, заставлять друг друга реагировать на них определенным образом, воздействовать друг на друга. В связи с этим язык можно рассматривать как эффективное средство внедрения в когнитивную систему реципиента концептуальных конструкций (когнитивных моделей – элементов имплицитных теорий речевого общения), часто помимо сознания реципиента, тогда язык выступает как социальная сила, средство навязывания образов, взглядов. Следовательно, язык в целом, в аспекте его коммуникативного употребления рассматривается как средство знаковой координации деятельности участников речевой коммуникации, и одновременно как область осуществления такого рода управления.

Когнитивная модель речевого общения в диалогическом дискурсе – это единица знания, психическая структура, которая представляет собой целостный образ речевого общения, определяющий поведение; объединяет разнообразные отдельные впечатления в связную интерпретацию; характеризуется изоморфизмом (принципиальным подобием при разном наполнении); служит основой реорганизации психических структур с целью достижения психического комфорта, тенденции к господству «хороших структур» [4: с. 187].

Психолингвистический механизм когнитивной модели речевого общения, по-видимому, родственен гештальту (gestalt (нем.) – форма, целостность). Основателем гештальт-теории является немецкий психолог Вольфганг Кёлер. Для В. Кёлера и сторонников его теории окружающая нас действительность состоит из организованных форм и само наше восприятие этой действительности тоже организовано. В нашем понимании когнитивные модели речевого общения обусловлены структурными характеристиками когнитивного механизма, задействованного в процессе языкового отображения действительности. В гештальт-психологии законы гештальта наряду с законами ассоциаций действуют вне и помимо воли и сознания самого человека, так как принцип целостности выступает как изначально данный. В результате образуется целостное восприятие предметов или ситуаций.

Основной акцент в исследовании дискурса переносится на единицы и структуры познания. Гештальт-подход обращает наше внимание, прежде всего, к структурам психической организации и может быть охарактеризован стремлением объяснить речевое поведение участием и влиянием преимущественно познавательных единиц и структур, характерных для деятельности человека.

В рамках коммуникативного подхода когнитивное явление гештальта подлежит переосмыслению в качестве коммуникативного феномена, где интерактивное есть

также фундаментальное, основополагающее отношение, но оно характеризует отношение между участниками акта речевой коммуникации. На формировании целостного образа восприятие не завершается, гештальтное опознание является лишь частью восприятия объекта и сопровождается детальным опознанием. Последнее утверждение основывается на приоритете межличностного отношения перед всеми другими отношениями в социовербальной интеракции, включая отношение между познающим субъектом и познаваемым миром.

Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [6: с. 150], полагающими, что гештальты – это категории, используемые людьми для того чтобы понимать мир и действовать в нем, мы аналогичным образом рассматриваем когнитивные модели речевого общения как компоненты имплицитных теорий речевого общения. Категоризация является важнейшим аспектом для любого подхода к мышлению. С ее помощью мы осмысленным образом категоризируем предметы, жизненные и коммуникативные ситуации, с которыми мы сталкиваемся. Например:

– I'm sorry, did you say he escaped? (Извините, Вы сказали, он сбежал?) [8]

В приведенном фрагменте диалога из сериала: «I'm sorry, did you say he escaped?» представляет собой вербализацию элемента имплицитной теории речевого общения, категоризации коммуникативного события. Актуализация данной когнитивной модели позволяет продемонстрировать реципиенту определенную схему непонимания как способ косвенного осуждения поступка, предпринятого неким субъектом.

При этом Дж. Лакофф на основе гештальтного восприятия, ментальной образности, двигательной активности выделяет весьма значимый уровень взаимодействия человека с объектами реального мира, так называемый базовый уровень. Это взаимодействие является источником доконцептуальной организации компонентов имплицитных теорий общения. Базовый уровень является промежуточным; его нельзя считать ни самым высоким, ни самым низким уровнем концептуальной организации. Именно на этом уровне опыта материального взаимодействия мы четко проводим различие между представлениями об объектах, действуя наиболее эффективно и успешно. Стоит спуститься на один уровень ниже, и вещи становятся значительно сложнее. Человеческая способность к восприятию с помощью гештальтов, ориентированная на базовый уровень, не дает возможности с легкостью проводить разграничения на более низких уровнях. [5: с. 351]. Например:

– Well then, why can't you listen? (Хорошо, тогда почему ты не слушаешь?)

– “Attic” Theory. I've always believed the human brain is like... an attic. A storage space for facts. But because that space is finite, it must be filled only with the things one needs to be the best version of oneself. It's important, therefore, not to have useless facts. The matters that comprise a typical support group meeting, for example, are crowding out useful ones. (Теория “Чердака”. Я всегда верил в то, что человечески мозг, он как... чердак. Хранилище для фактов. Но поскольку его объем ограничен, нужно заполнять его только такими вещами, которые нужны человеку, чтобы стать лучшей версией себя. Поэтому важно не запоминать бесполезные факты. Болтовня, в которой и заключается типичная группа поддержки, например, вытесняет все полезное.) [9]

Первый коммуникант демонстрирует свое непонимание в отношении неадекватного поведения своего собеседника на собрании, требуя объяснений, так как ей сложно понять ситуацию в целом с помощью гештальтного восприятия, ориентированного на базовый уровень взаимодействия участников диалога, из-за того, что ее представление о сложившейся ситуации не соответствует базовому уровню. В ответ последний в образной форме разворачивает целую теорию о работе человеческого мозга и необходимости «заполнять его бесполезными фактами». При этом актуализируется устойчивая когнитивная модель как компонент имплицитной теории речевого общения, при которой весьма своеобразное объяснение причины, которое находит свое отражение в нежелании участвовать в обсуждении различных проблем на собрании, способствует продолжению речевого общения и снимает возможное непонимание или недостаточное понимание намерений говорящего адресатом в процессе интерпретации высказываний в диалоге. Поэтому реплика-объяснение становится коммуникативно мотивированной, но не на общих признаках, а на тех объектах, которые являются частью этой деятельности. В эту категорию входят сущности, охарактеризованные посредством когнитивной модели сложившейся ситуации, и ее содержание обусловлено целостной структурой – содержанием данного компонента имплицитной теории речевого общения.

Таким образом, интерактивная интерпретация категорий по своей сути – гештальтов – когнитивных моделей речевого общения выводится Дж. Лакоффом и М. Джонсоном из взаимодействия познающего субъекта и окружающего его мира. Интерпретация интерактивного как характеризующего взаимодействие субъекта и мира вытекает из общей когнитивистской установки на присвоение знаниям субъекта о мире ведущего статуса. В этом заключена сила и одновременно слабость когнитивистской установки, поскольку в ней не находит свое отражение коммуникативное координативное отношение субъект-субъект.

Употребление говорящим в диалоге когнитивных моделей как компонентов имплицитных теорий речевого общения позволяет адаптировать семантику высказывания к процессу создания смыслов реципиентом и к обработке формируемых смыслов, поскольку существенным свойством восприятия и понимания речи является интерпретация. В современной науке смыслообразование в интерпретации рассматривается как деятельность субъекта. «Понимать не означает более воспринимать нечто пассивным образом, но подразумевает способность создавать смыслы и работать с ними, т.е. деятельность во всей ее обусловленности» [2: с. 71]. Общее положение теории понимания и интерпретации прямо указывает на возможность оценки вербализации когнитивных моделей – компонентов имплицитных теорий речевого общения – как важнейшего фактора смыслообразования, поскольку указанные когнитивные модели подразумевают наличие знаний интерпретатора и образуют одну из схем, используемых при интерпретации для смыслообразования.

Вербализация когнитивных моделей – компонентов имплицитных теорий речевого общения – оказывается функционально значимой во всех трех аспектах интерпретации таких как процесс, результат и установка. Базовым элементом интерпретации является понятие некоторого

объекта в качестве знака, то есть «презумпция интерпретируемости». В нашем случае таким объектом интерпретации является высказывание (реплика) диалога на фоне целостной структуры диалогической интеракции. Интерпретации зависят от запаса знаний интерпретатора и от правильного выбора соответствующих ситуации структур [7: с. 130]. Чем больше запас знаний интерпретатора, тем более адекватными, специфическими и точными его действия могут быть. Например:

– She did see her attacker's face. I think she might even know who he is! (Она же видела лицо нападавшего. По-моему, она даже его знает.) [8]

Семантика данного высказывания определена представлениями говорящего о том, как должен вести себя человек на допросе в полиции, обвиня пострадавшую в скрытии важных для расследования фактов. Здесь обозначение определенного компонента имплицитной теории речевого общения говорящего, восходящее к соответствующим компонентам когнитивной структуры («Она же видела лицо нападавшего», «она даже его знает»), как фактор, побуждающий партнера по диалогу следовать определенной смысловой схеме, демонстрирует реципиенту полную уверенность говорящего в своих убеждениях неоткровенности слов пострадавшей в ходе интерпретации реплик в диалоге.

Наблюдение за употреблением в диалогической речи высказываний, включающих вербальное представление когнитивных моделей – компонентов имплицитных теорий речевого общения – показывает, что свойства высказываний как раз и выступают в качестве интерпретивно эффективной «детали интерпретируемого объекта» – высказывания, содержащего обозначение когнитивных моделей – элементов имплицитных теорий речевого общения. Немаловажным представляется понятие семантической адаптации высказывания к процессам интерпретации, поскольку именно для интерпретации его реципиентом и строится высказывание диалога с адекватной семантической структурой. Например:

– He made his conditions quite clear. I refuse your, quote-unquote, “help”, I wind up on the street. (Его условия вполне понятны. Откажусь от Вашей, так сказать, помощи, останусь на улице.) [8]

Вербализация данной модели в высказывании позволяет создать семантическую базу для создания смыслов реципиентом и к определенному типу обработки формируемых смыслов. Семантика данного высказывания определена представлениями говорящего о специфике речевого общения со своим отцом, что дает возможность говорящему побуждать реципиента к активной интеллектуальной деятельности в том направлении, которое желательно для говорящего.

На основании вышеизложенных положений можно сделать выводы о том, что диалогический дискурс является сложным видом речевой деятельности, предполагающим участие когнитивных процессов, которые обеспечивают познание окружающей действительности и общение собеседников, а также определяют успешность речевой деятельности, содержательность речи, качество восприятия и понимания её слушающим. В рамках коммуникативного подхода когнитивное, в частности, явление гештальта, подлежит переосмыслению в качестве коммуникативного феномена, где интерактивное есть также фундаментальное, основополагающее отношение, но оно

характеризует отношение между участниками акта речевой коммуникации. На формировании целостного образа восприятие не завершается, гештальтное опознание является лишь частью восприятия объекта и сопровождается детальным опознанием. Представляется, что исследуемое нами понятие когнитивного моделирования компонентов имплицитной теории речевого общения может быть операционально полезным для изучения закономерностей организации диалогического общения как интеракции коммуникативных сознаний.

Список литературы:

1. Ангалева М.А. Имплицитные теории личности как фактор семантико-прагматической организации диалогического дискурса (на материале английского и русского языков): дис. канд. филол. наук. / М.А. Ангалева. – М., 2009. – 8 с.
2. Барковский П. Феномены понимания. Контуры современной герменевтической философии. Мн., 2008. – 71 с.
3. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. № 6. М., 1964. – 26 с.
4. Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985. – 187 с.
5. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М. 2004. – 351 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск, 1998. – 150 с.
7. Лукманн Т. Конституирование языка в повседневной жизни // Концептуализация и смысл. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1990. – 130 с.
8. Субтитры к сериалу «Элементарно» (на англ. яз.). Сезон 1. Эпизод 1 [Электронный ресурс] // podnapisi.net: мультязычные архивы субтитров. Дата обновления: 26.02.2012. URL: <http://www.podnapisi.net/ru/elementary-2012-subtitles-p2591219> (дата обращения: 11.07.2014).
9. Субтитры к сериалу «Элементарно» (на англ. яз.). Сезон 1. Эпизод 2 [Электронный ресурс] // podnapisi.net: мультязычные архивы субтитров. Дата обновления: 26.02.2012. URL: <http://www.podnapisi.net/ru/elementary-2012-p2664176> (дата обращения: 11.07.2014).

ВОЗРАСТНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ АКУСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ СТОПЫ КАК ЕДИНИЦЫ РЕЧЕВОГО РИТМА

Сокорева Татьяна Викторовна

МГЛУ, ст. преподаватель кафедры фонетики английского языка, Москва

Речевой ритм как объект научного исследования представляет собой сложное явление, и мнения лингвистов относительно основных аспектов данной проблемы значительно разнятся.

Противоречивым вопросом в русле данной темы является установление единиц ритма – какие элементы являются основополагающими при образовании ритмического рисунка высказывания. Традиционно единицами ритма считались слоги и стопы (акцентные, или ритмические, группы). Ритмический эффект в стопе создается за счет выделенности сильного ударного слога на фоне слабых безударных слогов, образуемой при помощи просодических характеристик.

Однако наряду со слогом представители московских лингвистических школ, рассматривая другие элементы высказывания, установили ритмические закономерности просодических характеристик таких единиц ритма, как синтагма, фраза и сверхфразовое единство [2; 4]. Изучение формирования ритма различных стилей речи показало, что существуют разнообразные структурные отношения между крупными и мелкими единицами ритма, так, например, несколько синтагм могут составлять определенный ритмический цикл, а сверхфразовые единства первого порядка образуют регулярно повторяющееся единство в составе более крупных СФЕ [3; 5; 6].

С появлением новой парадигмы ритма в слоге стали различать гласные и согласные звуки или интервалы, чередование которых тоже представляет собой определенный ритм, что позволяет говорить о появлении более дробной структуры ритмических единиц. Таким образом, список единиц, участвующих в образовании ритма, включает в себя с одной стороны слог, стопу, синтагму, фразу и СФЕ, а с другой стороны гласные и согласные звуки, со-

ставляющие слог, что позволяет предположить существование определенной иерархии ритмов и ритмических единиц.

Помимо установления единиц ритма, исследователями всегда интересовал вопрос, как формируется и изменяется речевой ритм человека с течением жизни. Многочисленные работы, посвященные становлению и развитию ритма речи, затрагивают также проблему формирования ритма у детей разного возраста. В частности, на материале речи английских и французских четырехлетних детей и их матерей исследователями было установлено, что при овладении языком в детстве доминантным является слогосчитающий ритм, в то время как акцентосчитающая модель появляется в процессе развития личности человека и его речевых навыков [7].

Важной темой при изучении проблем ритма является также вопрос, на каком этапе разговора в спонтанной речи проявляется ритм, т.е. с какого момента установится возможным определить его тип.

Необходимо отметить, что большинство исследователей, выявляя изохронность и неизохронность ритмических единиц различных языков, опирались только на изучение и сопоставление параметра длительности. Отдельные ученые, такие как А. Лукина, Г. Кочански, А. Сзакай и др., наряду с длительностью анализировали показатели ЧОТ и интенсивности для получения более точной картины результатов [8; 10; 9].

В ходе настоящего исследования с целью изучить развитие и формирование ритмической организации речевого высказывания была поставлена задача – найти и проанализировать возрастные изменения ритмической структуры стопы на основании значений параметров длительности, ЧОТ и интенсивности на материале начальных

слов телефонных диалогов 102-х жителей США. Звуковой материал был отобран из лингвистического корпуса «Switchboard» и нормирован по гендеру (51 мужчина и 51 женщина) и возрасту (три группы по 34 человека молодого, среднего и старшего возраста).

Для решения поставленных задач был проведен электронно-акустический анализ просодических особенностей неподготовленной диалогической речи американских жителей. При помощи слуховой разметки автором были выделены границы интонационных групп, паузы, границы слогов и стоп. Необходимо отметить, что определение слоговых границ основывалось на данных С. В. Андросовой, согласно которой в американском варианте английского языка, в частности в спонтанной речи, прослеживается универсальная тенденция к образованию открытых слогов [1]. Из дальнейшего анализа были исключены явления хезитации, вокализованные паузы и предшкальные безударные слоги.

В ходе электронно-акустического анализа при помощи программы «Praat 5.3.03» были определены следующие группы параметров:

1) Длительность

- длительность стоп и ударных слогов
- средняя длительность безударных слогов каждой акцентной группы (длительность всех безударных слогов, разделенная на их количество)

- соотношение длительности ударного слога к средней длительности безударных слогов

2) ЧОТ

- $ЧОТ_{\max}$ и $ЧОТ_{\min}$ ударных и безударных слогов
- интервал ЧОТ ударных и безударных слогов в полутонах ($ЧОТ_{\text{инт}}$)

3) Интенсивность (Инт)

- максимальная и минимальная интенсивность в ударных и безударных слогах ($Инт_{\max}$, $Инт_{\min}$)
- интервал интенсивности в ударных и безударных слогах ($Инт_{\text{инт}}$)

С целью проверки статистической значимости полученных результатов, значения всех параметров были изучены с помощью двухфакторного дисперсионного анализа (ДДА) с факторами «возраст» (молодой 20 – 39 лет, средний 40 – 59 лет, старший 60 – 69 лет) и «гендер» (мужчины, женщины).

Результаты электронно-акустического анализа свидетельствуют о наличии заметного контраста между акустическими показателями ударных и безударных слогов в составе стопы. Средние значения параметров длительности, ЧОТ и интенсивности в ударном слоге больше, чем в безударном у мужчин и женщин всех возрастов (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Средние значения акустических параметров (n = 102)

Акустический параметр	Женщины			Мужчины		
	Молодой возраст	Средний возраст	Старший возраст	Молодой возраст	Средний возраст	Старший возраст
Длительность стопы (мс)	468	510	550	477	484	503
Длительность ударного слога (мс)	252	280	285	226	264	267
Длительность безударного слога (мс)	180	178	195	166	175	169
$ЧОТ_{\max}$ в ударном слоге (Гц)	254	241	218	142	149	140
$ЧОТ_{\max}$ в безударном слоге (Гц)	246	226	203	133	141	125
$ЧОТ_{\text{инт}}$ в ударном слоге (пт)	3,3	3,6	4,2	2,8	3,8	4,1
$ЧОТ_{\text{инт}}$ в безударном слоге (пт)	3,1	4	4,4	3	3,4	3,4
$Инт_{\max}$ в ударном слоге (дБ)	67,7	68,7	66,7	68,3	68,2	69,1
$Инт_{\max}$ в безударном слоге (дБ)	65,8	65,6	63,9	65,8	64,8	65,4
$Инт_{\text{инт}}$ в ударном слоге (дБ)	18,7	16,9	20,3	20,1	20,7	19,4
$Инт_{\text{инт}}$ в безударном слоге (дБ)	20,3	17,5	23,4	21,5	20,1	20,3

Полученные данные подтверждают наличие определенной ритмической структуры стопы, которая основывается на выделенности сильного ударного слога на фоне более слабых безударных слогов, образуемой всеми просодическими характеристиками. Таким образом, чередование стоп и ударных слогов составляет основу акцентосчитающего ритма, а сами слоги и стопы являются элементами, входящими в иерархию различных единиц, участвующих в образовании речевого ритма (от отдельных звуков до СФЕ), выделение которых достигается при помощи всех характеристик просодии.

Говоря о возрастных изменениях речевого ритма, необходимо отметить, что результаты анализа показали статистически значимое увеличение длительности стопы в женской группе информантов, что было подтверждено однофакторным дисперсионным анализом (переменная – средняя длительность стопы только у женщин, фактор – возраст; $p = 0,05$). Как видно из Таблицы 1, средняя длительность ударного слога также возрастает с увеличением возраста информантов, причем у женщин немного

больше, чем у мужчин (ДДА: фактор «возраст», $p = 0,001$; фактор «гендер», $p = 0,039$). Рассматривая структуру стопы, а именно значения средней длительности безударных слогов в их соотношении со средней длительностью ударного слога, можно наблюдать лишь незначительное увеличение данного соотношения в пользу ударного слога с увеличением возраста говорящих, что по результатам ДДА является статистически незначимым.

Анализируя возрастные изменения значений ЧОТ, следует отметить статистически значимое уменьшение среднего значения $ЧОТ_{\max}$ у женщин с увеличением возраста, в то время как у мужчин значения данного параметра достигают максимума в среднем возрасте как периоде наиболее активной жизни человека (ДДА: фактор «возраст», $p = 0,05$).

Параметр $ЧОТ_{\min}$ в ударных и безударных слогах был зафиксирован для последующего вычисления интервала ЧОТ, тем не менее, можно отметить наличие тенденции уменьшения его значения и в ударных, и в безударных

словах с возрастом независимо от гендерной принадлежности информантов.

Результаты вычисления интервала ЧОТ в ударных и безударных слогах выявили значительное расширение интервала ЧОТ в ударных слогах с возрастом как у женщин, так и у мужчин (ДДА: переменная – ЧОТ_{инт} (пт); фактор «возраст», $p = 0,023$; фактор «гендер» оказался незначимым, $p = 0,6$). В безударных слогах интервал ЧОТ также расширяется с увеличением возраста информантов (ДДА: фактор «возраст», $p = 0,02$) и изменяется под влиянием гендерного фактора – у женщин интервал ЧОТ немного шире, чем у мужчин (фактор «гендер», $p = 0,047$).

Возрастные изменения показателей максимальной интенсивности в ударных и безударных слогах оказались минимальными и статистически незначимыми, так же как и гендерные различия значений данного параметра (см. Таблицу 1). Интерпретация результатов ДДА для значений интервала интенсивности у мужчин и женщин в трех возрастных группах связана с наличием взаимодействия двух факторов – возраста и гендера (ДДА, Interaction, $p = 0,01$). При наличии такого взаимодействия, влияние одного фактора на значение переменной будет зависеть от уровня другого фактора. Таким образом, Инт_{инт} в ударном слоге меньше у женщин молодого и среднего возраста, по сравнению с мужчинами тех же возрастных групп (18,7 дБ; 16,9 дБ – у женщин; 20,1 дБ; 20,7 дБ – у мужчин молодого и среднего поколения соответственно), но больше у женщин пожилого возраста, чем у пожилых мужчин (23,4 дБ – у женщин; 20,3 дБ – у мужчин).

Таким образом, результаты данного исследования свидетельствуют о развитии речевого ритма с течением жизни человека в процессе возрастного развития всей фонологической системы. Ритмическая организация речи американских мужчин и женщин с возрастом претерпевает различные изменения: с увеличением возраста информантов растут значения показателей средней длительности стопы и ударного слога, а также увеличивается соотношение длительности ударного слога по отношению к безударным слогам. С возрастом и у мужчин, и у женщин происходит расширение интервала ЧОТ и уменьшение значений ЧОТ_{мин}. Женская речь по мере взросления информантов характеризуется уменьшением значений ЧОТ_{макс} в ударных и безударных слогах. Все это свидетельствует об изменении ритмического рисунка речи на протяжении жизни человека: речевой ритм американцев с возрастом становится более акцентосчитающим. Поскольку исследование проводилось на материале только начальных слогов телефонных диалогов (первый 21 слог, всего 2142 слога), можно предположить, что ритмический

рисунок речи устанавливается сразу с первых фраз разговора, по которым при осуществлении определенного анализа можно говорить о принадлежности речи говорящего к конкретному типу ритма. Объем проанализированного материала оказался достаточно для распознавания ритмической модели языка, для выявления возрастных особенностей изменения ритма, а также для подтверждения наличия определенной иерархии ритмических единиц в речи.

Список литературы:

1. Андросова С. В. Акустические и перцептивные корреляты цельнооформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи): автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 2013. – 40 с.
2. Антипова А. М. Ритмическая организация английской речи (экспериментально-фонетическое исследование ритмообразующей функции просодии): автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 1980. – 32 с.
3. Антипова А. М. Ритмическая система английской речи. М.: Высшая школа, 1984. – 120 с.
4. Бурая Е. А. Роль просодии в формировании ритма спонтанной диалогической речи (экспериментально-фонетическое исследование на базе английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. – 24 с.
5. Цибуля Н. Б. Роль интонации в структурировании текста: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. – 24 с.
6. Шевченко Т. И. Последовательность контуров в просодии английской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. – 22 с.
7. Grabe, E., Post, B., Watson, I. The Acquisition of Rhythmic Patterns in English and French // Proceedings ICPHS. San Francisco, 1999. – P. 1201 – 1204.
8. Loukina, A., Kochanski, G., Shih, C., Keane, E., Watson, I. Rhythm Measures with Language-Independent Segmentation // Proceedings of interspeech 2009: speech and intelligence. Brighton, UK, 2009. – P. 1531 – 1534.
9. Nokes, J. and Hay J. Acoustic Correlates of Rhythm in New Zealand English: A Diachronic Study // Language Variation and Change. – 2012. – 24. – P. 1 – 31.
10. Szakay, A. Rhythm and Pitch as Markers of Ethnicity in New Zealand English // Proceedings of the 11th Australian International Conference on Speech Science and Technology / ed. by Paul Warren and Catherine I. Watson. University of Auckland, New Zealand, 2006. – P. 421 – 426.

ПРЕДЛОГИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Суровцева Светлана Ивановна

Канд. фил. наук, доцент кафедры иностранных языков, г. Челябинск

Современный этап развития лингвистики характеризуется большим интересом учёных-лингвистов проблемой предлогов в аспекте сравнения с другими языками. Так как французский язык относится к группе аналитических языков, где отсутствуют склонения, поэтому роль предлогов для него значительно шире, чем в русском

языке. Между тем до сих пор лингвистическая наука испытывает некоторый «голод» сколько-нибудь полного описания французской системы предлогов. Научных работ в этой области ещё недостаточно, а в тех, которые опубликованы, не дано полного описания всей системы предлогов французского языка, хотя в них и не ставилось такой цели (см. работы Д.Пайара).

Следует также отметить, что в русскоязычных грамматиках, предназначенных для изучающих французский язык, уделяется недостаточно внимания такой части речи как предлог. (См. Костецкая Е.К., Гольденберг Т.Я., Дауэ К.Н., Жукова Н.Б., Никольская Е.К., Бабаян М.А., Флёрова Н.М., Илия Л.И., Васильева Н.М., Пицкова Л.П.). Данные грамматики определяют предлог как служебную часть речи, употребляющуюся для связи слов в предложении и указывающую на различные отношения между словами. Предлоги оформляют не только грамматические, но и лексические отношения. В синтаксисе предлоги служат для выражения отношений объектных (*rapport objectif*), определительных или атрибутивных (*rapport attributif*) и обстоятельственных (*rapport circonstanciel*). Сравните например: *une tasse de café* (чашка кофе), *une tasse à café* (чашка для кофе). Предлог *de* в первом случае указывает на объектные отношения, а предлог *à* во втором случае на атрибутивные отношения. Имеют место быть и такие точки зрения, которые отрицают наличие у предлогов семантической функции (см. Реферовская Е.А., Васильева А.К.), но если существует такая точка зрения, то из этого следует, что есть и противоположная. То есть многие лингвисты придерживаются мнения, что предлог обладает семантической функцией, т.е. лексическим значением [14, с. 31]. М.А. Бабаян разделяет французские предлоги на два вида: "чисто грамматические" и "смысловые предлоги" [3, с. 372]. К первому виду автор относит предлоги *à, de u par*. Предлог *à* "выражает грамматическое отношение дательного падежа" [3, с. 372]. Например: *J'écris une lettre à mon amie* (Я пишу письмо своей подруге). Предлог *de* служит для выражения отношений родительного падежа [3, с. 372]. Например: *C'est le stylo de Julie.* (Это ручка Юли). Предлог *par* выражает отношения дательного падежа. Например: *Moscou a été fondé par Joury Dolgorouky.* (Москва была основана Юрием Долгоруким). Выделение такой группы предлогов вызывает немало вопросов. К этой группе относится только три предлога? Правомерно ли утверждать, что эти предлоги не выражают никаких дополнительных лексических отношений? Тем более, что Илия Л.И. в своей грамматике эти же случаи употребления этих же предлогов квалифицирует как предлоги, оформляющие объектные и атрибутивные отношения. По мнению Илии Л.И., любой предлог "не лишён значения" [8, с. 206]. В научной литературе эти предлоги исследователи французского языка обозначают различными терминами, чаще встречается термин "пустой предлог - *preposition vide*." По этому вопросу Г.А. Тер-Авакян утверждает, что "любое слово, каким бы опустошённым оно ни казалось, является носителем определённой функции и потому не может рассматриваться как "пустое" "[14, с. 33].

По составу французские предлоги разделяют на простые неразложимые (*prépositions*) и сложные или составные (*locutions prépositives*) (см. Костецкая Е.О., Кардышевский В.И., Дауэ М.А. и др.). К простым предлогам относятся такие как: *à, de, par, sur, dans, en, sous, avec, outre, après, selon, entre, jusque, près, pour, chez, avant, depuis, sans, parmi, hors, vers, dès*. В своём большинстве это предлоги латинского происхождения. К сложным относятся такие предлоги как *à côté de, en face de, à la suite de, par rapport à, grace à, le long de, à l'aide de, vis-à-vis* и т.д. Сложные предлоги представляют собой неразложимое предложное сочетание, которые очень продуктивны, потому что их образование не прекращаются в языке.

В зависимости от морфологической природы знаменательного слова, являющегося стержневым, различают предлоги отсубстантивные, отглагольные, отадвербиальные [14, с. 16]. Далее автор отмечает, что основным показателем устойчивости предложного сочетания является утрата образующим компонентом семантических и грамматических свойств, характерных для данной части речи.

Что же касается классификации французских предлогов, то однозначного толкования этой проблемы тоже нет пока в лингвистической науке. Т.к. существующие классификации построены на основе различных принципов (исторических, морфологических, синтаксических, семантических), то и толкование этой проблемы различно. В уже упомянутых грамматиках авторы классифицируют французские предлоги только по морфологическим признакам: простые и составные. Тогда как Тер-Авакян Г.А. предлагает разделить предлоги на 23 группы. В своей классификации автор хотел отразить "онтологические", "логические" и "синтаксические" значения. Под "онтологическими" подразумеваются предлоги, которые отражают отношения, "реально существующие во внеязыковой действительности" [14, с. 12], т.е.: пространственные, временные, орудийные, трансформативные, причины, следствия и цели, адресные, объектные, агентные, цены или стоимости, модальные. К "логическим" автор относит предлоги, которые выражают значения сравнения, соответствия - несоответствия, включения - исключения, замещения, условное, распределительное и ограничительное. Кроме лексических ("онтологических" и "логических") значений французские предлоги обладают и синтаксическими значениями. Грант Айкович Тер-Авакян отмечает выделительные, атрибутивно-предикативные, предикативно-обстоятельственные и аппозитивные.

Данная классификация является наиболее объёмной и охватывающей все предлоги, нежели та, которую мы находим у Реферовской Е.А. и Васильевой А.К. [11, с. 394].

Современная лингвистика переживает этап переосмысления значимости релятивных единиц, в частности предлогов, в языке, так как в настоящий период круг значений и употреблений предлогов расширяется и исследование их семантико-грамматических свойств становится одной из актуальных проблем. Во французском языке работы, связанные с предлогами, большей частью представляют собой описания отдельных наиболее употребительных предлогов. Подразумеваются труды таких авторов как С.Vandeloise, J-J.Franckel, D.Paillard, P.Cadiot, A-M.Berthonneau, M.Borillo, J-C.Anscombe, I.Bartning, D.Leeman и др.

Предлог является элементом единства целого, то есть системы частей речи, в которой они выполняют определённую, отведённую им функцию – связующую. При этом сами предлоги рассматриваются нами как система, так как каждый предлог – это часть, следовательно, все эти части должны быть объединены в единое целое – в систему. Здесь мы руководствуемся тем, что часть может выражать объект не сам по себе, а лишь по отношению к тому, составляющим чего он является, то есть предлоги представляют собой целостную совокупность компонентов настолько тесно связанных друг с другом, что представляют собой нечто единое целое.

Результаты исследования предлогов темпоральной семантики во французском языке дают нам возможность

утверждать, что этот класс слов постоянно пополняется. Так, нами выявлено уже 236 единиц в более чем 40000 употреблений.

Таким образом, постоянное пополнение реестра релятивных единиц, в частности предлогов, сопряжено с экстралингвистическими причинами, которые обусловили необходимость в более точном выражении отношений между словами в предложении и в словосочетании. Каждая релятивная единица рассматривалась индивидуально, методом компонентного анализа определялось её место в семантических подгруппах предлогов с указанием на темпоральные отношения. При отборе релятивных единиц нами выявлены и применены следующие критерии:

- обладают категориальным значением релятивности;
- проявление морфологических признаков (неизменяемость);
- синтаксические особенности проявляются в том, что они не являются членами предложения, а выполняют связующую функцию;
- имеют двусторонние синтаксические связи.

Список литературы:

1. Абросимова Т.А. Хрестоматия по теоретической грамматике французского языка (на франц. яз.). М.: Просвещение, 1972. – 248 с.
2. Амирова Т.А. и др. История языкознания: Учебное пособие для студентов высш. учеб. завед. Под ред. С.Ф. Гончаренко. М.: Издательский центр "Академия", 2003. – 672 с.
3. Бабаян М.А., Флёрова Н.М. Практическая грамматика французского языка. М.: Внешторгиздат, 1964. – 504 с.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1955. – 416 с.
5. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Французский язык: Теоретическая грамматика: Морфология: Синтаксис: Ускоренный курс: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1991. На франц. яз. – 299 с.
6. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1976. – 286 с.
7. Дауэ К.Н., Жукова Н.Б. Справочник по грамматике французского языка. Для старших классов средней школы. Изд. 2-е дополненное и переработанное. М.: Просвещение, 1967. – 288с.
8. Илия Л.И. Грамматика французского языка. М.: Высш. шк., 1964. – 304 с.
9. Костецкая Е.О., Кардышевский В.И. Практическая грамматика французского языка для неязыковых вузов: Учеб. М.: Высш. шк., 1983. – 272 с.
10. Никольская Е.К. и ГольденбергТ.Я. Грамматика французского языка (на франц. яз.). М.: Высш. шк., 1974. – 364 с.
11. Реферовская Е.А. и Васильева А.К. Теоретическая грамматика современного французского языка. Ч.1: Морфология и синтаксис частей речи (на франц. яз.). Л.: Просвещение, 1973. – 430 с.
12. Пайар Д. К вопросу о значении предлога *sur*: Исследования по семантике предлогов: Сб. статей. М.: Русские словари, 2000. – 376 с.
13. Тер-Авакян Г.А. Предлоги французского языка (пособие по курсу нормативной грамматики для ин-тов и фак. иностр. яз.). Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1977. – 266 с.
14. Тер-Авакян Г.А. Значение и употребление предлогов во французском языке: Пособие по грамматике для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1983. – 240 с.

ВАРИАТИВНОСТЬ СОЮЗНЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Трубавина Н.В.

Канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого языка ЛИИИ АлтГПА, г. Барнаул

Настоящая статья посвящена изучению вариативности союзных средств связи в островных немецких говорах Алтайского края, представляющих собой смешанные гетерогенные языковые образования, сформировавшиеся, с одной стороны, в отрыве от языка-основы и в иноязычном окружении (русский язык), с другой стороны, в процессе длительного контакта и смешения друг с другом.

Исследование лексических, морфологических и синтаксических особенностей островных немецких говоров Алтая показывает высокий уровень сохранения, с одной стороны, и вариативности исследуемых диалектных систем, с другой стороны [3, 4, 5, 7, 8, 10]. Под вариативностью понимается «изменение единицы языка (структурное или семантическое) в пределах ее тождества (Степанова 1967, 91). Являясь универсальным свойством любой языковой системы, вариативность проявляется на всех уровнях речевой коммуникации диалектоносителей – от параллельного и попеременного использования средств

разных языков до осознания говорящим возможности разного фонетического, лексического или грамматического оформления высказывания [2].

Вариативность союзных средств связи в островных немецких говорах Алтая прослеживается как на уровне содержания так и на уровне выражения.

Вариативность в плане выражения предполагает «неизменяемость значения при вариантности его формального выражения» [9, с. 90].

Как и в современном литературном немецком языке, в исследуемых говорах для выражения одних и тех же отношений могут быть использованы разные союзы (обычно классифицируемые как синонимы). Так, для выражения следования носители говоров параллельно используют союзы «*ehp/eja/oja*» и «*verem/vorcher/tevor*», соответствующие литературным союзам «*ehe*» и «*bevor*».

Особого внимания стоят множественные сочинительные присоединительные скрепы, отличающиеся широкой вариативностью форм как в разных говорах, так и

внутри одного говора. Так, группа союзных средств, употребляемых для выражения значения, соответствующего немецкому союзу «nicht nur... sondern auch» включает в себя следующие варианты: net plous ... aach / net plous ... no aach / nech blous ... no / net krat ... no noch / net krat ... awer ach / net ... ach / noo net ... awer ach / net krat ... noch [6, с. 141]

Особо следует отметить возможность присоединения десемантизированных союзов к наречиям и относительным местоимениям: «wo tass», «solong wi / solang os», «oja os» и т.п., что приводит к еще большей вариативности союзных средств связи в островных немецких говорах. Так, например, наряду с широко распространенным уступительным союзом «wenn ... uk / wonn aach», выступающим в разнообразных фонетических вариантах, встречается союз «obwi», по всей видимости возникший в результате слияния союза «ob» с concessивной семантикой и десемантизированного союза «wie» [1, с. 1051].

В значительной степени вариативность диалектных союзных средств связи в плане выражения обусловлена наличием большого количества фонетических вариантов одного и того же союза в разных говорах. Так, подчинительному условному союзу «wenn» современного литературного немецкого языка в говорах будут соответствовать фонетические варианты «wann – wonn – wänn», союзу «dass» – «tass / daut / dot», причинному союзу «weil» – «wils/wail/weil», временному союзу «ehe» – «ehp/ehpst/ehpscht/eja/oja» и т.д. Сочинительный союз «aber» звучит в речи диалектоносителей как «oba (uba)/awer (awa, aber, aba)», вариантами союза «sonst» выступают «sonst/sunscht / schunst/schunscht / sunst / sens /sinst», а союз «und» встречается в вариантах «unn», «enn» или «onn» [6].

Вариативность союзов еще более усиливается за счет проникновения в говоры элементов из русского языка. Так, например, уступительный союз «wonn aach» конкурирует в говорах с заимствованным из русского языка союзом «хоть». Постепенно языковая экономия вызывает замену сложного слова более простым, и союз «хотя», «хоть», становится основным средством передачи уступительных отношений в сложноподчиненном комплексе. Употребляемые в современном литературном языке уступительные союзы «obwohl», «obgleich», «obschon» носителями говоров неизвестны.

Примером влияния русского языка на средства связи в сложносочиненных предложениях является употребление русских составных союзов, в частности, союза «или ... или» для выражения разделительных отношений. Данный союз встречается в большей мере в верхненемецких говорах и практически везде употребляется наряду с вариантом «oder...oder». А вот другой разделительный союз «то...то...», соответствующий немецкому «bald... bald», получил практически повсеместное распространение. Здесь редкими случаями являлось употребление немецкого варианта [6, с. 139, 147]

В верхненемецких говорах под влиянием русского языка появляются сложные временные союзы «noch tes wi» и «vor tes wi», калькированные с русских «после того как» и «перед тем как». Своего рода калькой структуры русского предложения является употребление отрицания в придаточных предложениях уступки: Wi's tu net fragst, ich kann niks mache. = Wie du es auch bittest, kann ich nichts machen. Отрицательная частица "net" в уступительных придаточных предложениях появляется под влиянием

русских конструкций "куда бы ни", "где бы ни", "когда бы ни" и т.п. Аналогичное явление можно наблюдать и в придаточных предложениях времени с союзом "ris". В современном литературном немецком языке, как и в немецкой разговорной речи, отрицание данным типом придаточных предложений несвойственно. В островных диалектах и говорах оно появляется под воздействием русской синтаксической конструкции «пока не».

Влиянием русского языка объясняется и употребление русской частицы "бы" после союза "wenn" (внем. wonn / нем. wann) в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия. Сочетание союза "wenn" с частицей "бы" употребляется только в ирреальных придаточных условия для усиления нереальной модальности. Этому заимствованию способствует недостаточная выразительность сослагательного наклонения из-за частичной утраты в говорах форм конъюнктива.

Таким образом, вариативность средств подчинительной и сочинительной связи в плане выражения, присутствующая говорам изначально, усиливается под влиянием контактирующего русского языка.

Вариативность в плане содержания предполагает «неизменяемость структуры при вариантности ее значения» [9, с. 90]. Семантическая вариативность тесно связана с многозначностью и расширением функций некоторых союзов в рассматриваемых говорах.

Основная особенность союзной связи в островных немецких говорах Алтайского края заключается в том, что по сравнению с современным литературным немецким языком говоры, как и диалекты на территории Германии, располагают меньшим количеством союзов и союзных слов. Вполне возможно, что ограничение в инвентаре подчинительных скреп обусловлено устным характером существования островных немецких говоров, сближающим их с разговорной речью: многие союзы и союзные слова, представленные в современном литературном немецком языке, едва ли можно встретить в синтаксисе немецкой разговорной речи. Употребляются обычно те союзы, которые в кодифицированном литературном языке рассматриваются как доминантные в синонимическом ряду. Так, например, в нижненемецких говорах значение следования может быть выражено двумя союзами – «os» и «nu dem». Однако, из этих двух синонимичных вариантов диалектоносители выбирают первый в силу того, что он более употребителен и имеет более широкое значение по сравнению с «nu dem», что подтверждается статистическими данными – 90% придаточных предложений времени с отношением следования присоединяются к главному составу с помощью союза «os».

С другой стороны, репертуар союзов и союзных слов в диалектах и говорах ограничен изначально в силу их исторического развития. В островных немецких говорах Алтайского края, как и в немецких диалектах на территории Германии, отсутствует обширная группа подчинительных союзов и союзных слов: «falls», «insofern», «damit», «so dass», «indem», «so oft», «während», «nachdem», «seitdem» «sobald», «sooft», «obwohl», «obschon», «obgleich» и др. В большинстве случаев речь идет о подчинительных союзах, развившихся в 14-16 веке, в период формирования национального литературного языка, и используемых преимущественно в языке делового общения, в научной и художественной литературе. Кроме того, в группе верхненемецких говоров не представлен временной союз «als», для передачи соответствующих значений

носители говоров широко используют союз «wie». Расширение первоначального значения союза «wie» приводит к его полифункциональности – с его помощью в островных верхненемецких говорах могут вводиться сравнительные, временные, причинные, а также субъектные придаточные предложения. В случае необходимости носители говора используют дополнительно лексические средства для уточнения временных отношений.

Полифункциональным является и подчинительный союз «dass» (внем. *tass* / нем. *dot*), получивший широкое применение в островных немецких говорах Алтая для выражения подчинительных отношений: с помощью данного союза вводятся самые различные придаточные предложения. Кроме того, носители верхненемецких говоров часто употребляют сочетание союза «dass» с вопросительными местоимениями для замены неупотребительных в говоре местоименных наречий *w*-формы: «wovon», «wofür», и т.д., а также относительного местоимения «welcher», употребления которого носители говоров стараются избегать. В речи носителей рассматриваемых нижненемецких говоров сочетания союза «dass» с вопросительными местоимениями или с другими союзами нами зафиксировано не было. Союз «dass» также используется диалектоносителями для присоединения к главному составу разных типов придаточных предложений, однако не получает столь широкого распространения, как в верхненемецких говорах.

В верхненемецких говорах распространено употребление союза «wo» для присоединения различных типов придаточных предложений – союз может выражать причинные, временные, субъектные и условно-временные отношения, а также присоединять определительные предикативные конструкции. Использование данного союза было характерно для более ранних периодов развития немецкого языка: вплоть до XVIII века союзы в немецком языке характеризовались многофункциональностью и многозначностью. В современном литературном немецком языке данный союз неупотребителен, однако он сохранился сегодня в разговорной и диалектной речи, где он нередко употребляется в качестве всеобщего показателя относительного подчинения.

В нижненемецких островных говорах в данных значениях союз «wo» не встречается. В речи носителей он выступает эквивалентом немецкому литературному союзу и наречию «wie»: *Wo schud mi dot nech es, kann et' noscht moke.* = *Wie schade mir das auch ist, kann ich nichts machen.*

Вариативность на уровне содержания характерна и для сочинительных средств связи частей сложного предложения в речи носителей говоров: наряду с основным значением некоторые сочинительные союзы могут дополнительно выражать ряд других значений. В первую очередь это относится к наиболее древним и наиболее распространенным союзам, таким как «un / en», «aa, auch, aach / oook, uuk», «oba (uba) / awer (awa, aber, aba)», «oder (oda)».

Таким образом, в области средств связи сложного предложения в островных немецких говорах Алтайского края можно проследить множество вариантных форм и конструкций. Ограниченный инвентарь и полифункциональность сочинительных и подчинительных скреп, возможность их комбинирования, равно как и заимствование союзов и частиц из контактирующего русского языка приводит к появлению в говорах множества конкурирующих форм и факультативных моделей:

- вариативность сочинительных и подчинительных скреп, их полифункциональность и синонимия;
- конкурирующие формы простых и составных союзов;
- возможность сочетания союзных и относительных средств связи в одной зависимой предикативной конструкции;
- конкурирующие формы диалектных и заимствованных и калькированных из русского языка сочинительных и подчинительных скреп.

В качестве основных факторов, способствующих вариативности островных немецких говоров в области синтаксиса можно назвать фонетическую и лексическую вариативность рассматриваемых говоров, историческое развитие говоров, устный характер их существования и длительное взаимодействие говоров с русским языком.

Таким образом, под воздействием внутренних закономерностей развития языка (процессы выравнивания и упрощения) и под влиянием внешних причин (ситуация многоязычия и активные языковые контакты) семантическая и структурно-формальная вариативность островных немецких говоров Алтайского края усиливается, создавая необходимые предпосылки для изменения и развития диалектной нормы.

Список литературы:

1. Grimm J., Grimm W. *Deutsches Wörterbuch*. Bd. VII., Leipzig : Verlag von S. Hirzel., 1889. - 2386.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика, 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://lifesocio.com/sotsiolingvistika_712/yazykovaya-variativnost-17932.html (дата обращения 24.07.2014).
3. Вахрушева Н.А. Соматические фразеологизмы в островных немецких говорах. автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. – 16с.
4. Гамалей И.Г. Проблемы исследования синтаксиса немецких островных диалектов // Филология и человек, 2010, № 3, стр.49-57.
5. Москалюк Л.И. Процессы сохранения / утраты родного языка российских немцев // Мир науки, культуры, образования, 2012, № 5. – с. 275-277.
6. Москалюк Л.И., Трубавина Н.В. Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае. Часть 2. Барнаул: АлтГПА, 2011. – 197 с.
7. Москвина Т.Н. Семантическая вариативность прилагательных островных немецких говоров Алтайского края в диахроническом аспекте // Мир науки, культуры, образования 2012, №5. - с. 278-280.
8. Смоля М.С. Вариативность грамматических форм имени прилагательного в Михайловском островном немецком говоре // Мир науки, культуры, образования 2011, №1. - с. 64-67.
9. Степанова М. Д. Вопросы лексико-грамматического тождества (на материале современного немецкого языка) // Вопросы языкознания. 1967, № 2. – стр.89-97.
10. Трубавина Н.В. Сложноподчиненное предложение в синтаксисе островных немецких говоров Алтая // Вестник Кемеровского государственного университета 2012, №1 (49), стр.201-206.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВЕТСКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЕ

Выходцева Ирина Сергеевна

К.ф.н., доцент кафедры русского языка и культуры речи ФГБОУ ВПО «СГАУ им. Н.И. Вавилова», г. Саратов

Из потока иностранных слов, наводняющего язык в эпохи социальных потрясений и научно-технических революций, удерживается лишь некоторая их часть. Процесс адаптации иноязычных слов, управляемый, как и все языковые процессы, прежде всего внутриязыковыми факторами, до какой-то степени может регулироваться и экстралингвистическими силами – по крайней мере, возможности вмешательства человека и общества в этот процесс больше, чем в том случае, когда речь идет о фонетических и в особенности грамматических изменениях. В языковом сообществе всегда имеются консервативные силы, препятствующие проникновению в язык «засоряющих» его иностранных слов – как и вообще всем инновациям (изменениям в произношении, в том числе в ударении, сдвигам значения, проникновению в литературный язык жаргонизмов, профессионализмов и т.д.). Защита языка от иностранных слов имеет обычно еще и ярко выраженную идеологическую окраску. Однако, независимо от вызвавших их к жизни идеологических устремлений, такие консервативные силы объективно выполняют весьма важную общественную функцию поддержания естественного баланса между старым и новым, необходимого для нормального функционирования языка [1, с. 236].

В условиях радикально изменившихся социально-политических условиях вопросы этого круга не оставались без внимания. Для общественных оценок иноязычных заимствований, высказанных в дискуссиях о языке начала XX века были характерны две основные тенденции.

Прежде всего, это борьба за чистоту языка от ненужных иностранных слов, употребляемых «без надобности» и часто неправильно. Именно в таких случаях употребления иноязычных слов писал В.И. Ленин в заметке «Об очистке русского языка».

На засорение языка газеты 20-х годов малопонятными массовому читателю заимствованиями указывал Л.В. Щерба: *«Не так ярко, но все же вполне заметно революция отразилась на общем уровне печати и в другом смысле: язык стал вообще крайне небрежен, неряшлив и стал пестрить иностранными словами и оборотами больше, чем это было раньше...»*.

Наряду с реальной необходимостью очистки языка от ненужных иностранных слов в 20-е годы перед государственной властью стояла и другая задача – поднять уровень широких масс до понимания необходимого, т.е. хотя бы тематически ограниченного минимума иностранных слов, интернациональной лексики в целях повышения эффективности официальной пропаганды. А.М. Селищев считал, что использование иностранного слова (часто без надобности) особенно характерно для революционеров: *«Как интеллигенты, революционные деятели... вводят в речь много терминов. Среди этих терминов большое количество приходится на заимствованные слова... Слова*

иноязычного происхождения испещряют речь революционных деятелей иногда без надобности, при наличии соответствующих русских терминов».

Эта проблема также обсуждалась советской общественностью: *«Многие из политических терминов и выражений должны быть усвоены массами, - сказал А.В. Луначарский на юбилейной встрече ГИЖа, - ...нельзя не употреблять многих слов, которые нужны, нельзя не употреблять слов коммунизм, марксизм. Нужно не отрекаться от них..., а надо такие слова объяснять читателю»* [1, с. 38].

«... В период 1914-1922 гг. роль заимствований значительно иная, чем в эпоху 1905 г., - писал С.О. Карцевский. - Политический словарь уже сложился... новых заимствований сделано немного, и относятся они большей частью к политическим вопросам, связанным с войной» [3, с. 39].

Таким образом, во второй половине 10-х – начале 20-х гг. происходило освоение старых иноязычных заимствований народными массами, приобщавшимися к литературному языку. Тот процесс вхождения в употребление новой иноязычной политической терминологии (после 1905 г.), который отмечал А.М. Селищев, теперь значительно активизировался; расширился и состав слов, осваиваемых широкими массами говорящих и сфера употребления этих слов.

На повсеместное распространение после революции иноязычной лексики, ранее специально или профессионально ограниченной в употреблении, указывали А.П. Баранников, А.М. Селищев, А. Мазон, Р. Шор, А. Меромский. Выход иноязычной терминологии за пределы специальных стилей, определенных социальных и профессиональных групп означал, в конечном счете, повышение частотности иноязычных терминов в речи в целом.

В 30-е гг. намечается постепенная стабилизация норм русского литературного языка, в том числе и лексических.

Этот период отмечен появлением в русском языке новых технических и научных терминов, которые из специальных и профессиональных сфер проникают в общее употребление.

Если в предшествующий период происходило освоение общелитературным языком и массами, приобщавшимися к литературно-нормированной речи, иноязычной общественно-политической, экономической и философской лексики, то теперь такому освоению подвергаются иные группы иноязычных слов, главным образом научно-техническая и производственная терминология.

Большую часть группы слов, обозначающих новые предметы и явления, составляет конкретная лексика: названия всевозможных машин, механизмов, приспособлений, а также слова, обозначающие новые способы в производстве чего-либо, усовершенствования и т.п.

Численность рассматриваемых заимствованных слов сравнительно невелика. Однако в процессе иноязычного заимствования рассматриваемый отрезок времени

занимает заметное место, так как именно в этот период русский язык пополнился техническими, спортивными, бытовыми терминами, многие из которых стали общепотребительными: *гиссер, детектор, комбайн, конвертер, контейнер, нейтрон, пикап, стенд, танкер, телевидение, телевизор, траулер, троллейбус, регби, слалом, скетч, джемпер, маникюр, пижамы, пуловер и др.*

Большинство слов из группы слов, не связанных с обозначением новых реалий – отвлеченная лексика. В отличие от лексики, относящейся к первой группе, слова рассматриваемой категории называют то, что уже имело в заимствующем языке какое-то обозначение. В эту группу можно отнести следующие заимствованные слова: *сейф, сервис, снайпер, приоритет* и др.

Таким образом, во второй половине 20-х – 30-х гг. в связи со стабилизацией норм русского литературного языка, в частности лексических, лексическая и грамматическая вариативность постепенно перестает быть актуальной чертой, характеризующей функционирование иноязычных слов в русском языке.

Среди новых заимствованных слов можно выделить две группы: слова – обозначения новых реалий и слова, не связанные с обозначением новых реалий. Среди них преобладает лексика, осваиваемая русским языком без каких-либо существенных структурных изменений иноязычных образцов.

Годы Второй мировой войны и начала 50-х гг. резко отличаются от предшествующих периодов заимствования иноязычной лексики своим отрицательным отношением ко всему иностранному и, в частности, к иноязычной лексике и могут служить редким примером активного воздействия общества на словарь русского языка. Процесс заимствования англицизмов с началом «холодной войны» почти угас. Л.П. Крысин указывает на особую тенденцию к локализации употребления иноязычной лексики, к устранению ее не только из общего употребления, но и из специальных сфер. Эта тенденция может быть понятна в свете общеидеологической кампании борьбы против космополитизма в конце 40-начала 50-х годов XX века: «... общество, в лице наиболее влиятельных его слоев, в силу тех или иных социальных, политических, идеологических и т.п. причин, может отнестись резко отрицательно к актам заимствования и путем сознательных, целенаправленных усилий попытаться освободить речевую практику от тех или иных иноязычных слов. Так, в конце 40-х годов в связи с борьбой «против низкопоклонства перед Западом» не только не принимались новые лексические заимствования, но и изгонялись из употребления многие уже укоренившиеся в русском языке иноязычные слова. Иноязычное в данном случае ассоциировалось с идеологически чуждым, непатриотичным, даже враждебным» [2, с. 143].

Интенсификация международных связей, научно-техническая революция в середине 50-х годов активизировали процесс заимствования иноязычной лексики, главным образом, английской. С конца 50-х проблемы иноязычных заимствований вновь заинтересовали широкие круги советской общественности. Появилось много публикаций, авторы которых протестовали против иноязычной интервенции. Одним из таких противников был К.И. Чуковский, который поддерживал идею замены многих англицизмов исконными русскими словами: «И, конечно, это превосходно, это такое обрусение слов происходит и в

наши дни, что аэроплан заменили у нас самолетом, геликоптер – вертолетом, голкипер – вратарем, шофер – водителем» [1, с. 38].

В начале 70-х гг. наплыв англоязычных слов среди других иноязычных заимствований стал ощущаться ответственностью как основная причина «порчи», «засорения» русского языка, и это нашло отражение в дискуссии, проходивших на страницах «Литературной газеты», сборника «Вопросы культуры речи» и в журнале «Русская речь».

К.Ф. Яковлев в своей книге «Как мы портим русский язык (Об иностранных словах в нашем языке)» выступал против англо-американизмов: «В последнее время обнаруживается пристрастие к словам не просто иностранным, а – к английским, особенно американского происхождения. Высшим «шиком» иного словесного щеголя стало сказать: *круиз* (путешествие), *ленч* (второй завтрак), *сервис* (обслуживание), *босс* (руководитель) и многое др.».

Осторожискуссионная проблема заимствования англоамериканизмов нашла отражение в монографии Ф.П. Филина, в которой процесс заимствования в этот период назван «беспрецедентным в истории русского языка наплывом американизмов», а сами такие слова – «засоризмами».

Вторая половина 80-х годов – период решительных изменений в стране, выразившихся в перестройке и демократизации всех сторон жизни, в политике «нового мышления», ведущей к широкому сотрудничеству в различных областях деятельности с разными странами (в том числе англоязычными).

По мнению В.Г. Костомарова, «галолирующая американизация нашей жизни, в том числе, очевидна повсюду – на университетских лекциях и в магазинах, научных трудах и по радио, телевидению, в культуре и быту, в русском языке». Но в целом В.Г. Костомаров не видит причин для паники относительно «порчи» языка избыточными англоамериканизмами, и речь, засоренная иноязычными словами, представляется ему лишь проявлением дурного языкового вкуса.

Среди негативных последствий влияния английского языка на русский В.В. Колесов выделяет «движение русского языка в сторону аналитичности, которая свойственна западноевропейским языкам ... сегодня в нашей речи появляется множество слов, похожих на английские: и сокращения, и упрощения, и всякие несклоняемые слова... Теперь по существу, происходит не заимствование языковых форм, а экспансия культуры особого рода, культуры, организованной американской ментальностью и оформленной условно – английским языком. Таким образом, в русский язык хлынули не просто заимствования, а варваризмы – чуждые нам по смыслу и чуждые по звучанию» [1, с. 42].

Л.В. Савельева приходит к выводу о том, что при освоении непереуведенных иноязычных слов происходит грубое вторжение в русскую этнокультурную картину мира чужеродной ментальности. Автор видит опасную тенденцию в том, что «с каждым днем растет количество непереуведенных слов-иноземцев, за которыми стоит основанная на невежестве полное равнодушие к русскому языку... Идет постепенная подмена ключевых слов культурно-исторического нашего этноса, при этом забывается простая, но очень важная истина: *самобытность, интеллектуально-духовная самостоятельность – это неотъемлемая черта общественной и личной свободы, тех прав*

человека, за которые обычно громко ратуют приверженцы заемного англо-американского словаря» [1, с. 44].

Б.Ф. Поршнев рассуждает: «... Удивительное логическое свойство границы состоит в том, что она принадлежит одновременно обоим разграничиваемым явлениям. А если эти явления не просто различимы, но противоположны друг другу, то граница соединяет в себе несоединимое, а уже за пределами границы и чем дальше от нее, тем однозначнее, оба противоположных явления обретают каждое свое собственное лицо».

По мнению Б.Ф. Поршнева, возможно квалифицировать языковые явления, связанные с лексическими заимствованиями и уже с динамикой бытования экзотизмов, балансирующих на границе между «чужим» и «своим», по аналогии с бинарной структурой, именуемой дипластией, наличие которой усматривают в генезе всякой умственной деятельности. «Дипластия по всей логической природе противоположна умственной операции дихотомии, т.е. деления надвое – «да-нет», «или-или... Операция дипластии осуществляется по принципу «и-и», «и да, и нет», «и то, и не то». Следовательно, и степени противопоставления могут быть разными: от непримиримого антагонизма до

вполне миролюбивой нетождественности, т.е. уже не столько противопоставления, сколько сопоставления».

Лингвисты считают возможным квалифицировать языковые явления, связанные с лексическими заимствованиями, и уже – с динамикой бытования экзотизмов, балансирующих на грани между «своим» и «чужим», по аналогии с бинарной структурой, именуемой дипластией. Бинарная оппозиция «свое»\ «чужое» буквально на наших глазах сменяется отношением дипластии «и свое, и чужое», что в дальнейшем может привести, скорее всего, либо к поглощению, либо к замене прежнего «своего» бывшим «чужим» [1, с. 201].

Список литературы:

1. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. – М.: Лабиринт, 2003. – 234 с.
2. Карцевский С.И. Язык, война и революция. – Берлин, 1923. – 178 с.
3. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 142-161.

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПИРОВАНИЯ В СОЦИОНИКЕ

Воронова Надежда Геннадьевна

Канд. фил. наук, доцент кафедры общего и русского языкознания АлтГПА, г. Барнаул

В соционической теории, одним из ключевых понятий которой является тип информационного метаболизма, или социотип, принято рассматривать человека как определенным образом «сконструированную» систему обмена информацией с внешней средой. Прием, переработка и продуцирование информации человеком осуществляются в соответствии с первоосновными свойствами его характера, которые накладывают фундаментальные и постоянные ограничения на информационный обмен. Эти ограничения в соционике получили название типных качеств, а их совокупность определяется как тип информационного метаболизма – ТИМ.

При выделении и описании ТИМов с момента своего возникновения соционика опирается на учение К.Г. Юнга, согласно которому психика человека имеет две фундаментальные функции: одна из них ответственна за обработку информации об объектах, вторая – о взаимодействиях. Юнг считал, что одна из этих функций обязательно доминирует в сознании, другая относительно подавлена и вытеснена в бессознательное. Людей, ориентированных на обработку информации об объектах, Юнг назвал экстравертированными, других, ориентированных на обработку информации о взаимодействиях, – интровертированными [12, с. 12-63]. В зависимости от способа восприятия информации, который предпочитает человек, Юнг делил экстравертов и интровертов на рационалов и иррационалов. Третье основание соционической типологии, позволяющее выделять два иррациональных и два рациональных ТИМа, нами рассмотрено не будет.

Следует отметить, что основная проблема соционики – это типирование. Определение типа (ТИМа) осуществляется по вербальным тестам, опросникам, а также в результате анализа вербального и невербального поведения в различных ситуациях, анализа внешности человека (предпочтений в одежде, строения тела, черт лица). И нередко специалисты в области соционики расходятся в определении ТИМа, поскольку ни одна соционическая методика до сих пор не дает однозначных достоверных результатов, в связи с чем, по признанию В.В. Гуленко, «надежное определение типа – самое трудное в нынешней соционике» [2]. Не является исключением и методика типирования на основе анализа лексико-семантического состава речи человека. Автор одной из таких методик Т.Н. Прокофьева исходит из того, что люди с разными типными качествами используют разную семантику, конструкции языка в силу того, что «соционические функции выбирают «свою» информацию из общего потока» [10]. Следовательно, могут быть составлены семантические словари по каждой функции, или аспекту. Работа в этом направлении привела к публикации в 2007 году книги «Соционика. Семантика информационных аспектов», в которой были представлены результаты исследований Санкт-Петербургской группы социоников. Экспериментально проверив и систематизировав полученные данные, авторы пришли к выводу о существовании обусловленных аспектом лексических, грамматических и стилистических предпочтений. В последовавшей критике «семантики аспектов» отмечается спорность, а в некоторых случаях и парадоксальность выводов, к которым приходят ее авторы – Л.А. Кочубеева, В.В. Миронов и М.Л. Стоялова. На один

из таких парадоксов обращает внимание Н. Медведовская: «Бросается в глаза явная диспропорция в «вербальном наполнении» функций и декларация априорной неравноценности словарных запасов носителей различных аспектов. Парадокс: оказывается, все без исключения «интровертные аспекты» располагают большим словесным арсеналом, чем соответствующие экстравертные функции!» [9].

Нельзя не согласиться с тем, что между аспектами (в определении А. Аугустинавичуте, экстравертной и интровертной интуицией, сенсорикой, логикой и этикой) и языковым материалом существует взаимосвязь, что позволяет говорить о «языке аспекта». Но чтобы использовать, например, лексику как инструмент соционического типирования, «необходимо четко себе представлять, какие слова относятся к каким соционическим аспектам» [10]. В то же время «общеизвестно, как сильно зависит конкретное высказывание – также и в семантическом отношении – от разного рода ситуативных, контекстуальных и иных факторов более или менее случайного порядка, как лабильно его порождение» [7, с. 9]. А это значит, что аспектное ограничение, если таковое существует, является не единственным и даже не основным фактором, обуславливающим выбор слова в речевой деятельности. Это, в частности, подтверждают и сами соционики: «И мы можем об отдельных словах спорить бесконечно. Потому что по ассоциации у одного они попадают в одни аспекты, у другого они попадают в другие, в его сильные аспекты» [6].

Остановимся подробнее на понятии ассоциации.

Начнем с того, что порождение речи как процесс и механизм перехода от мысли к слову – от плана содержания будущего высказывания к плану выражения – имеет две стороны: осуществления деятельности и «контроля над этим осуществлением» [7, с. 9]. Осуществление деятельности на определенном этапе требует поиска номинативных единиц языка – слов. По мнению А.А. Леонтьева, слово в «мозговом «лексиконе» «записано в форме поиска этого слова» [там же, с. 18], поскольку «...слова не хранятся в памяти как слова, но как комплексы признаков. Когда слова используются, они не репродуцируются памятью, а скорее реконструируются из составляющих эти слова признаков» (цит. по [7, с. 18]). Для долговременной памяти, в которой хранятся эти комплексы признаков, согласно Дональду Бродбенту, отмечает далее А.А. Леонтьев, «релевантны по крайней мере три фактора: семантическая (ассоциативная) близость слов, их звучание и их субъективная вероятностная характеристика» [там же, 14], под которой А.А. Леонтьев понимает величину, отражающую «организацию слов по частоте в деятельности данного носителя языка и – более того – в данной его деятельности (хотя принципиальная организация остается единой)» [там же]. На наш взгляд, именно этот фактор – субъективная вероятностная характеристика – был учтен авторами «Семантики информационных аспектов», избравшими в качестве основного метода контент-анализ, единицами которого могут быть отдельные лексемы с точки зрения их повторяемости/частотности в текстах одного или нескольких авторов. Насколько правомерно? – возникает вопрос.

Квалифицированный лингвист знает, что «частотный словарь человека достаточно устойчив на больших объемах текста и неустойчив на малых», что «на частоту употребления слов существенно влияет не только автор,

но также предметная область, жанр и размер анализируемого текста», наконец, «психотип (как, впрочем, и другие типы, например, гендерный тип) влияет на частоту употребления слов в русском языке в целом меньше, чем предметная область, жанр и размер анализируемого текста» [9]. Когда полученные в результате проведенного контент-анализа данные показывают, что с помощью частотного анализа соционический тип определить вряд ли возможно, авторы «Семантики информационных аспектов» прибегают к помощи дополнительной фильтрации языкового материала по семантическим Словарям. Семантика же начинает «работать» (т.е. представлять личность) только тогда, когда мы работаем не с языковой, но концептуальной и прагматической семантикой, репрезентируемой единицами текста. Что касается языковой семантики, то она актуализируется ситуативно.

Попытки составления словарей аспектов базируются на одной из двух известных точек зрения на природу именованного. Для конвенционалиста «имя есть условность, узаконенная самими людьми». И поэтому «наши именованная природы больше свидетельствуют о нас, чем о природе, – о наших «правилах игры», «конвенциях», «символах веры» [11, с. 42]. Могут ли они свидетельствовать о психических функциях (соционических аспектах)? «Семантика информационных аспектов» заставила усомниться в этом и признать, что «...в соционике нет концепции, которая могла бы служить основанием надёжного типопредопределения...» [4]. Несмотря на это идея использования языкового материала для соционического типирования представляется нам продуктивной. Но только в том случае, если получит теоретическое обоснование связь языка и его носителя и пользователя – человека, позволяющее обнаруживать в именовании проявление природной сущности именованного.

Человек как биологическое существо обладает психофизиологической организацией. Как «общественное животное» он может состоять только в социуме, овладев языком, универсальным «инструментом для регуляции совместной деятельности и совместного внимания» (Дж. Брунер). Овладение и владение языком делает возможным языковая способность человека – «психофизиологический механизм» (А.А. Леонтьев) и «функциональная система, являющаяся следствием отражения (и генерализации) элементов системы родного языка» (А.М. Шахнарович). Свойство саморазвития языковой способности (ЯС) свидетельствует о том, что человек биологически наследует некую общую основу развертывания любого языка. Такой основой является функционирование интеллекта. Что позволяет предположить существование связи языковой способности с ТИМом человека и тем самым получить возможность обосновать качественное разнообразие языковых способностей.

Выдвигая данное предположение, мы основывались на следующем.

В свое время К.Г. Юнг отмечал, что в плане речевой активности экстраверт предпочитает стратегию «говорящего», интроверт же – стратегию «слушающего». Вследствие чего можно говорить о том, что экстравертная функция психики индивида обуславливает онемасиологическую ориентацию его индивидуального языка, а интровертная – семасиологическую. В.В. Гуленко считает, что при иррациональном способе восприятия в психике происходит равномерное и одновременное отражение «всего, что воздействует на органы чувств человека», при

рациональном – «восприятие внешней картины часть за частью в определённой закреплённой последовательности, формирующее расчленённое (дискретное) представление о ней» [3]. Первый способ восприятия может быть определен как проективный, а в аспекте языка – как парадигматический, второй – как коннективный, консистентный и, соответственно, синтагматический. Установив систему корреляций: экстравертный иррационал – ономазиологический парадигматический тип ЯС, экстравертный рационал – ономазиологический синтагматический тип ЯС, интровертный иррационал – семасиологический парадигматический тип ЯС, интровертный рационал – семасиологический синтагматический тип ЯС, мы получаем возможность обосновывать качественные различия языковых способностей ТИМом их обладателей. Ответив на вопросы *где, когда и в чем* проявляется качество ЯС, мы получаем инструмент типопределения.

Почему языковая способность? «Принимая тезис о значении фактора наследственности в развитии речевой способности» (Т.Н. Ушакова), следует определять языковую способность прежде всего, как способность к символической деятельности – «способность к знакообразованию» (В.А. Пищальникова) и видеть специфику механизма языковой способности в «формировании «мостов» между содержанием и выражением» в процессах языковой номинации и предикации. В силу того, что «никто не вкладывает (в слова) тот же смысл, что и другой» [5, с. 52], «языковые знаки по своей природе должны быть такими подвижными, изменчивыми символами, смысл которых не дан, а только задан [1, с. 581]. Отсутствие одно-однозначного соответствия между означаемым и означающим позволяет передавать субъективно значимую информацию, ситуативно обусловленную в плане семантики и аспектно (ТИМом) в плане синтактики. В последнем случае акцент переносится «на анализ психических ассоциаций между означаемым и означающим и на их перестройку в индивидуальном творчестве» [11, с. 33]. Всего возможно четыре таких «перестройки» (мы назвали их стратегиями означивания): ономазиологическая парадигматическая и синтагматическая и семасиологическая парадигматическая и синтагматическая. Преимущественное использование одной из них при передаче субъективно значимой информации определяет качество языковой способности человека. Избранная стратегия проявляется в направленности речевой деятельности субъекта на определенный структурно-языковой тип вербальных ассоциаций, который может быть выявлен в анализе речевых произведений носителя языка, рассматриваемого на нулевом – вербально-семантическом уровне структуры его языковой личности.

Языковая личность с ономазиологическим парадигматическим типом языковой способности при передаче субъективно значимой информации в предложении прибегает к ее «парадигматическому толкованию», используя с этой целью синонимические (перифрастические) средства языка. В речи близкое расположение таких номинативных единиц, их последовательность образует разного рода семантические повторы. Данным типом ЯС обладает С. Есенин, что характеризует его как экстравертного иррационала. Качество ЯС экстравертного рационала, каковым является, например, Ф.М. Достоевский, проявляется в «синтагматическом толковании» субъективно значимой информации. С этой целью используются

аналитические номинативные единицы (идиомы, фразеологические сочетания – коллокации, синлексы, фразеологические выражения и под.). Языковая личность с семасиологическим парадигматическим типом ЯС организует контекст предложения в речевом произведении таким образом, что он «содержит положительные указания на разные семантические программы реализации языковых потенциалов слова» [8, с. 43]. Таковой является А.А. Ахматова (интровертный иррационал), в текстах которой слова в контексте предложения могут реализовывать более одного значения. И, наконец, контекст предложения у языковой личности с синтагматическим типом ЯС «не препятствует одновременной реализации более чем одного значения» [там же], что приводит к совмещению значений в слитной форме. Данным типом языковой способности обладает Ф.М. Тютчев (интровертный рационал). Явление совмещения значений было обнаружено нами в эпистолярных текстах поэта, написанных на русском и французском языках в разное время.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Символ // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – 815 с.
2. Гуленко В.В. Соционическая диагностика // Режим доступа: <http://www.dynamicsocionics.ru/stati/51-gulenko-v-v/222-gulenko-v-v-sotsionicheskaya-diagnostika.html>.
3. Гуленко В.В. Типологическая целостность социона. Образование соционических типов по базису Юнга // СМиПЛ – 1996. – № 5. – Режим доступа: <http://www.socioniko.net/ru/articles/typecl.html>
4. Ермак В.Д. «Крах иллюзий соционики?.. Нет — типоповедения!» // Режим доступа: <http://psychotype.ru/article/ermak-v-d-krah-illyuzij-socioniki-net-tipovedeniya.html>
5. Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 752 с.
6. Кочубеева Л.А. Новое в семантике рациональных аспектов (доклад на научно-практической конференции по применению типологии личности в управлении и кадровом консультировании) // Режим доступа: <http://www.dynamicsocionics.ru/stati/56-kochubeeva-l-a.html>
7. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. – М., 1971. – 217 с.
8. Литвин А.Ф. Многозначность слова в языке и речи: Учеб. пособие для пед. вузов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» – М.: Высш. шк., 1984. – 119 с.
9. Медведовская Н. Слова и соционические функции (рецензия на «Семантику информационных аспектов») // Режим доступа: <http://socioniko.net/ru/articles/medved-content.html>
10. Прокофьева Т.Н. Семантика аспектов // Режим доступа: http://socionics.ru/index.php?id=193&itemid=221&option=com_content&view=article
11. Степанов Ю. С. В мире семиотики. Вводная статья // Семиотика. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 5-42.
12. Юнг К.Г. Психологические типы. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 656 с.
13. UDC: 007 [654.197 +316.658] (477)

MODERN RESEARCH CONCEPT OF EDUTAINMENT

Zagorodniuk Vladyslava

*postgraduate student of TV and Radio Broadcasting Chair
of Institute of Journalism of Taras Shevchenko National University of Kyiv*

Summary

The article describes meaning of edutainment based on the narrow and broad definitions. In the article, we consider the practical application and research concept of edutainment strategy by examples of foreign experience of social organizations in cooperation with the media branch.

Keywords: edutainment, media strategy, communication technology, concept.

The concept of "edutainment" (formed by contamination of education and entertainment) combines education and entertainment and is now widely used in educational, mass media, entertainment, social fields. Edutainment concept has a long history and throws back to the first public lectures and sermons, use of game forms as the certain effective means for teaching, organization of sports competitions for educational and entertaining purpose, etc. Now, edutainment occurs in various forms and scales, it is computer games, entertaining and educational television programs, reality shows, documentaries, soap operas, animation educational projects and school for early education and development, and various methods of intellectual leisure activities (courses, lectures, webinars, educational centers, museums, science parks, libraries, educational tours) as well as large-scale integrated campaigns that use media incidence and pop-culture impact with a strategic view of positive social changes.

The foreign media spreads and improves edutainment for more than fifty years. In addition, edutainment is not only widely used, but also is actively explored (Arvind Singhal, Virginia Lacayo, Amita Bhardwaj, Jiri Nemecek, Josef Trna, Shalom M. Fisch, Maiga Chang, Wolfgang Müller, William P. Mann et al.). Today in Ukraine, there are only superficial mentions of edutainment in scientific research papers such as V. V. Goian, V. F. Ivanov, N. I. Zrazhevska.

Generally, neologistic term "edutainment" was used as early as 1948 by The Walt Disney Company to describe the True Life Adventures series. The noun edutainment is a neologistic portmanteau used by Robert Heyman, the director and producer, in 1973 to determine the style of short documentaries for the National Geographic Society. Subsequently, in 1975, the famous scholar and activist in the media field, Christopher Daniels, used the new word "edutainment" for his "The Elysian World Project", noting that he believes in education through entertainment and seeks to improve the world and human life conditions through creative innovations in art, science, technology [2].

Since the 1970s, various groups in the United States, the United Kingdom, and Latin America have used edutainment to solve important social issues (immunization, teenage pregnancy, HIV/AIDS, etc.). The most popular forms of edutainment were educational telenovelas. The heroes of such series quickly gaining popularity among viewers offer by own example to solve various problems (identification effect) [1].

In addition, television used edutainment to create educational documentary films, thematic stories, and shows for kids (such as "Sesame Street", "Watch! Mr. Wizard").

Currently, the majority of the world famous cognitively-oriented and educational television programs (Discovery Channel, National Geographic, Arte, Nickelodeon, Disney and many others) based on the formula: Education + Entertainment.

While the process of definition of "edutainment" concept and study of its practical use, we have concluded that edutainment concept shall have narrow and broad definitions.

The narrow meaning of edutainment determines a communication technology, which is based on the approach, where the educational, teaching, and training content shall be served in form of entertainment, thus, it attracts the attention of audience, and simplifies the process of learning and memorizing the material.

The foreign experience offers to consider concept of edutainment in broad definition as a media strategy. The concept of "strategy" shall be interpreted as a long-term, consistent, constructive, rational plan of certain activity or direction, which covers a long period and is aimed at achieving success when solving the challenging issues. Edutainment is the use of entertainment as a communicative practice crafted to strategically communicate about development issues in manner and with purpose that can range from the more narrowly defined social marketing of individual behavior to the liberating and citizen-driven articulation of social change. [3]. Often, the edutainment-strategies are implemented in the large-scale social projects, series of radio and television programs, campaigns that are designed to the large distribution area and considerable time for broadcasting.

Let's draw our attention in this scientific exploration to edutainment in its broadest definition. Let's focus on the experience of foreign researchers, who study edutainment as a basic remedy and concept of large-scale media strategies from the initial idea to the results evaluation.

Arvind Singhal and Virginia Lacayo, the U.S. researchers, offer in their article "Pop-culture with a purpose" the detailed practical experience of three international organizations specializing in the planning and implementation of edutainment-strategies. Popular media formats are used to solve serious social problems. Media workers and public activists use the potential and possibilities of media entertainment to promote healthy lifestyle, respect for human rights and social justice. Based on the successful experience of the certain cases in Africa, Latin America, etc., the researchers emphasize the real possibilities of edutainment-strategy.

In the foreword to the book the authors write: "We believe that one can address serious social issues through popular, entertainment media genres. Entertainment-Education strategies for social change use traditional and non-traditional entertainment formats and the power of their narrative attributes, to engage mass audiences to question their existing realities and mobilize for social change. Edutainment strategies produce pop culture with a purpose" [4; 1].

The researches have investigated the following three outstanding organizations:

- "Breakthrough" – an international human rights organization with offices in India and the United States, that uses media and popular culture to promote equality and justice by addressing gender-based discrimination, HIV/AIDS, immigrant rights and racial justice.

- "Soul City" – Institute of Health and Development Communication, an innovative multi-media health promotion and social change initiative, reaching more than sixteen million South Africans through prime-time television, radio drama and printed materials.

- "Meeting Places" (Puntos de Encuentro) - a feminist Nicaraguan NGO that promotes youth and women's rights and challenging social norms by combining multimedia strategies, including television drama, a radio talk show and a feminist magazine with leadership training and community education.

Successful long-standing practice of these organizations suggests that edutainment strategies contain not only the potential to engender mass mobilization, but also can demonstrate and stimulate public discourses about ways in which change can be accomplished. Audiences follow their favorite fictional characters over time. The characters model possibilities for enacting change within the certain difficult situation, holding lessons for those who watch or listen.

Many edutainment experiences from around the world show the effectiveness of this approach. The mentioned above organizations Puntos de Encuentro, Soul City and Breakthrough are part of local, national and/or international social movements that have stretched their resources, combined creativity, intuition, indigenous wisdom, theoretical and methodological rigor, and leveraged their understanding of the social issues that concern them to design and implement edutainment strategies to foster social change.

In March 2007, these organizations came together for a workshop on edutainment strategies for social change.

During the experience-sharing and cross-learning meetings, these organizations discovered they had many common concerns about strategic planning and evaluation, sustainability, private sector involvement and celebrity engagement. Through collaborative discourses Breakthrough, Puntos de Encuentro and Soul City have tried to collectively enhance the knowledge base regarding the use of edutainment strategies for social change. At the same time the said organizations have decided to incorporate a network of organizations around the globe, which use the edutainment strategies. The purpose of building a network of edutainment strategists is to encourage cross learning and experience sharing among practitioners, who use edutainment initiatives to foster social change and encourage more organizations to employ edutainment strategies for the common good.

The experience of the mentioned above three outstanding organizations demonstrates the high efficiency of the edutainment strategies that have the power to affect the collective consciousness of societies and bring about long term social change. It can be confirmed by the increased interest of scientists in study of concept and practical application of the edutainment strategies. Such development of edutainment strategies gives opportunity to study the edutainment technology and strategies in Ukrainian media.

References:

1. Amita Bhardwaj New media and educational planning. – New Delhi: Sarup & Sons. – 2003. – 298 p.
2. Edutainment from Wikipedia. – <http://en.wikipedia.org/wiki/Edutainment>
3. Tufte T. Entertainment-education in development communication: Between marketing behaviours and empowering people. – Buenos Aires: CLASKO Books, 2005. – P. 159–174.
4. Virginia Lacayo, Arvind Singhal Pop-culture with a purpose. Using edutainment media for social change. – Oxfam Novib / KIC. – 2008. – 53 p.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ЛИЧНОСТНЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Загрядская Наталья Анатольевна

Канд. филол. наук, доцент, МГГУ им. М.А. Шолохова, г. Москва

Среди единиц прозвищной номинации большой интерес представляют сверхсловные именованные уникальных объектов, присваиваемые им по определенному семантическому признаку и характеризующие их с определенной стороны. К данным объектам могут относиться как географические названия, так и люди, обратившие на себя внимание современников или потомков. В научной литературе последних десятилетий был установлен фразеологический статус подобных единиц, а сами они стали называться «фразеологическими прозвищами» [5]. Для обозначения единиц-антропонимов был также введен термин «личностные фразеологизмы» [1]. Фразеологические прозвища имеют двойственную природу, являясь одновременно именами собственными и фразеологическими единицами. С одной стороны, как все

прозвища они призваны именовать, сообщая при этом некую дополнительную информацию о своем референте и зачастую давая ему весьма специфическую характеристику. Как не раз отмечалось многими исследователями, имя появляется при необходимости обозначить предмет, попавший в поле нашего восприятия, и является, таким образом, результатом познавательной деятельности человека [4,2]. Ведь присвоение прозвища почти всегда происходит «за что-то». Дж. Франклин писал, что прозвища «не даются намеренно, как имена, но вдруг расцветают с целью пошутить, насмеяться или в порыве гнева» [6, с.319]. Таким образом, большинство прозвищ заключают в себе не только основное значение, но и содержат ярко выраженный коннотативный компонент. С другой стороны, они представляют собой устойчивые словосочетания и

употребляются в готовом виде. Использую терминологию А.В. Кунина, можно сказать, что они обладают такими свойствами как: «устойчивость употребления, семантическая осложненность и раздельнооформленность» [3, с. 46]. Число прозвищ-фразеологизмов как антропонимического, так и неантропонимического характера чрезвычайно велико в разных языках. Однако особенно распространены они в англоязычном мире. Они исчисляются сотнями, появляясь и исчезая каждый день. Существуют фразеологические прозвища-топонимы, в свою очередь включающие в себя ойконимы и урбанонимы. Широко известны, например, прозвища американских штатов и городов, мостов и переулков Лондона. Но наиболее обширный класс составляют фразеологические антропонимы или личностные фразеологизмы английского языка, являющиеся продуктом вторичной косвенной номинации. В отличие от однословных прозвищ, функционирующих в повседневной жизни и присваиваемых «обычным» людям, личностные фразеологизмы, как правило, называют людей известных, зарекомендовавших себя в определенной сфере деятельности. Редкая газетная публикация в Великобритании обходится без присвоения подобного «имени» какому-либо политику, спортсмену или деятелю искусства. При этом в семантике единицы в большинстве случаев присутствует ярко выраженный коннотативно-оценочный компонент. Оценка может быть, как положительной, так и отрицательной, эксплицитной и имплицитной. Но почти всегда автор прозвища старается выделить и подчеркнуть какое-либо свойство референта, отличающее его от целого ряда других. Среди номинативных признаков присутствуют: внешность, возраст, вклад в какое-либо дело, род занятий и др.

Вместе с тем личностные фразеологизмы не являются чем-то новым, присущим исключительно нашему времени. Традиция присвоения многословных прозвищ берет начало в глубине веков. Все они несут бесценную информацию об исторических событиях разных эпох и о людях, многие из которых были творцами этой истории в буквальном смысле слова. Далее будет предпринята попытка проанализировать ряд фразеологических прозвищ исторических персоналий Англии с точки зрения их номинативных признаков и особенностей структуры. Проведенное исследование показало, что значительное число личностных фразеологизмов возникло уже в период Средневековья. Позднее, в эпоху Возрождения, присвоение прозвищ известным личностям стало почти обыденным процессом. Обратившись к различным источникам, мы находим большое количество единиц, различающихся по своим структурно-семантическим свойствам. Некоторые из них широко известны и служат своего рода вторыми именами для своих владельцев, другие более специфичны и знакомы, главным образом, историкам. Авторство многих потеряно, но о возникновении некоторых сохранилась информация. В этом случае они рассказывают нам не только о своем референте, но и о людях, чьи эмоции послужили стимулом для подобной номинации. Так известно, что фаворит короля Эдуарда II Пьер Гэвестон (Piers Gaveston) заклеил двух своих врагов: графа Уорвика (the Earl of Warwick) и графа Линкольна (the Earl of Lincoln), назвав первого **Black Dog** («Черный Пес»), а второго – **Burst Belly** («Тресни Брюхо»). Обе единицы свидетельствуют о его явно негативном к ним отношении. При

этом во втором случае в основу номинации положен признак «свойство личности, привычки», так как Линкольн отличался чревоугодием. Здесь используется метонимическое переосмысление. Прозвище Уорвика семантически более сложно, так как является примером синтетической номинации и содержит характеристику объекта по моральным качествам. Черная собака в английском фольклоре, как известно, ассоциируется с темными силами, а роль графа Уорвика на политической арене была не всегда благоприятна для королевского фаворита. Метафорический характер значения данного личностного фразеологизма делает его ярким и менее однозначным, чем прозвище графа Линкольна. Вместе с тем, обе единицы звучат довольно грубо, что косвенно может свидетельствовать и бесцеремонности и прямолинейности самого Гэвестона. Сохранившиеся источники описывают Гэвестона как высокомерного и заносчивого человека, что, в том числе, привело к его падению и смерти в 1312 г. Интересными представляются прозвища, данные королевой Елизаветой I некоторым из своих придворных. Так Уильям Сесил (William Cecil, Lord Burghley (1520 –1598)), глава правительства королевы, получил от нее прозвище **Sir Spirit** («Господин Дух»). Внутренняя форма этой единицы затемнена, однако, возможно высказать предположение, что причиной такого наименования стала «вездесущность» Сесила. Все в государстве находилось под его контролем. Он, словно дух, проникал во все сферы жизни страны, включая религиозную, что было связано с утверждением Реформации и противостоянию ей со стороны католического сообщества. Другой деятель той же эпохи, Архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт (John Wigtift (1530 –1604)), удостоился от королевы весьма интересного прозвища **My Little Black Husband** («Черный Муженек»). Уитгифт занимал архиепископский пост с 1583 по 1604 гг. и отличался ненавистью к пуританам и реформаторам крайнего толка. Елизавета, по свидетельствам современников, гордилась своим остроумием и любила пококотничать с придворными. Ее переговоры с принцами других стран о вступлении в брак продолжались годами и ни к чему не привели. По сути, они были лишь попыткой манипуляции в сложной международной обстановке. Ее собственное прозвище **The Virgin Queen** («Королева Девственница») хорошо известно и неотъемлемо связано с ее именем. С одной стороны, королева даже в преклонном возрасте любила говорить о своих нереализованных matrimониальных планах, с другой, настаивала на необходимости оставаться единственной полновластной хозяйкой в стране. Прозвище, данное ей Архиепископу, свидетельствует о ее стремлении к получению комплиментов, но одновременно является попыткой показать свое хорошее отношение к верному слуге, проявить королевское снисхождение.

Рассматривая структурные особенности исторических личностных фразеологизмов, следует отметить, что, как и в современных единицах, в них можно выделить несколько типичных грамматических структур. Согласно характеру своего стержневого компонента большая их часть представляют собой субстантивные фразеологические единицы. При этом в соответствии с количеством полнозначных элементов в прозвище возможно выделить два больших класса единиц, то есть двусоставные и мно-

госоставные личностные фразеологизмы. Число двусоставных фразеологических прозвищ превышает число многосоставных единиц. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что двусоставные единицы представляют собой более простые и, следовательно, более доступные образования. В них более четко реализуется основная цель прозвищ – именовать, дав при этом краткую и понятную характеристику. Многосоставные единицы являются комплексными как в структурном, так и в семантическом плане. В основе многосоставного прозвища находится, как правило, более сложный номинативный признак, обусловленный более необычной ситуацией, в которой происходила номинация. Внутри каждого из двух вышеперечисленных классов фразеологических прозвищ представляется возможным выделить несколько подклассов.

Двусоставные личностные фразеологизмы подразделяются на следующие группы: 1). Подкласс со структурой *adj + n* и атрибутивной связью между компонентами. Стержневой компонент может быть выражен как именем нарицательным, так и именем собственным. При этом семантически эта группа включает самые разнообразные единицы с различной степенью переосмысления, например: **The White Rose** («Белая Роза») – самозванец Перкин Уорбек (Perkin Warbeck (1474–1499)), выдававший себя за принца Ричарда, брата Эдуарда V в 90-е годы XV века. Прозвище было дано сторонниками династии Йорков и являлось символическим, совмещая в себе метонимическое и метафорическое переосмысление значения. С одной стороны, белая роза считалась эмблемой династии Йорков, а с другой, прозвище подчеркивало чистоту и честность претендента; **The Good Duke** («Добрый Герцог») – Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет (Sir Edward Seymour (1500–1552)), брат Джейн Сеймур, третьей жены Генриха VIII, регент при несовершеннолетнем короле Эдуарде VI. Герцог ненавидел как простые люди, так и аристократы. Очевидно, прозвище содержит иронию и дано как бы «от противного»; **The Weary Knight** («Усталый Рыцарь») – граф Эссекс (the Earl of Essex (1566–1601)), фаворит Елизаветы I, поднявший восстание в 1601 г. Прозвище было дано сестрой Эссекса в одном из писем и, видимо характеризовало его буйный нрав и неспособность долго заниматься одним делом. Как известно, именно нетерпение Эссекса привело к проблемам в Ирландии и его последующему падению. Вместе с тем, Эссекс удостоился и другого прозвища, данного ему поэтом – современником Сэмюэлом Дэниелом (Samuel Daniel (1562–1619)), – **The English Achilles** («Английский Ахиллес»), воспевая его доблесть и уязвимость одновременно; **Bloody Bonner** («Кровавица Боннер») – Эдмунд Боннер, епископ Лестерский (Edmund Bonner (1500–1569)), активный борец с еретиками в эпоху Марии I. Отличался жестокостью, призывал к сожжению на костре, чем и заслужил «титул» кровопийцы. 2). Подкласс со структурой *n + n* и беспредложной атрибутивной связью. Единицы данного класса также могут включать как компоненты имени нарицательные, так и имена собственные, например: **The Bridge Master** («Создатель Моста») – Питер Колчерч (Peter of Colechurch), человек, руководивший постройкой первого Лондонского моста в конце XII – начале XIII вв. В данном случае единица является безоценочной, а номинация осуществляется по признаку «участие в каком-либо деле»;

The Water Poet («Поэт Воды») – Джон Тейлор (John Taylor (1578–1653)), поэт-лодочник, живший XVI–XVII вв. и воспевавший Темзу. Его более позднее прозвище – **The Dante of the Thames** («Данте Темзы»). В отличие от первого оно является метафорическим и уподобляет Тейлора великому итальянскому поэту; **Judgment Jack** («Джек со Страшного Суда») – отшельник, по легенде, живший на берегах Темзы; **Stratford Sparrow** («Стратфордский Воробей»), еще одно прозвище Шекспира. Иногда в роли первого компонента выступает имя собственное в притяжательном падеже, например: **Cromwell's Creature** («Ставленник Кромвеля») – Сэр Томас Одли (Sir Thomas Audley (1488–1544)), Лорд-Канцлер Англии в 1533–1544 гг., инициатором назначения которого на этот пост был Томас Кромвель (Thomas Cromwell (1485–1540)), первый министр Генриха VIII. Кромвель вызывал ненависть своей политикой разрушения монастырей. Это негативное отношение также распространялось на его ближайших помощников. 3). Подкласс со структурой *n + prer + n*. Самой частотной является модель *нарицательное + предлог + имя нарицательное*. Наиболее типичный предлог, встречающийся в подобных личностных фразеологизмах, – это предлог *of*, однако, встречаются и другие предлоги, например: **The Vicar of Hell** («Викарий из Ада») – прозвище сэра Фрэнсиса Брайна (Sir Francis Bryan (1490–1550)), сторонника партии Катерины Арагонской в ее противостоянии Генриху VIII. Эта единица является полностью переосмысленной и представляет собой характеристику, данную Брайну Генрихом VIII, ненавидевшим первую жену и ее придворных; **The Lady in the Tower** («Леди в Башне») – Анна Болейн (Ann Boleyn (1501–1536)), вторая жена Генриха VIII. Анну Болейн стали так называть во время суда, это прозвище сохранилось за ней и после казни (1536). В некотором смысле оно носило эфемистический характер. Во время ареста Анна не была официально лишена титула королевы, однако, ее старались так не называть во избежание гнева Генриха VIII. Позднее сторонники Анны, верившие в ее невиновность, стали использовать прозвище, выражая так свое почтение к покойной королеве. К этой группе также относятся со структурой *имя нарицательное + предлог + топоним*. Как и во второй модели, собственное имя указывает на место происхождения или деятельности номинируемого лица, например: **The Flower of Oxford** («Цветок Оксфорда») – Джон Уиклиф (John Wycliffe (1320–1384)), английский богослов, еще в XIV в. заложивший основы будущей реформации церкви. Первый компонент единицы является результатом метафорического переосмысления и восхваляет достоинства ученого; **A She-Wolf of France** («Французская Волчица») – Изабелла Французская (Isabelle of France (1295–1358)), жена Эдуарда II. Королева отличалась жестокостью и приняла участие в заговоре против мужа, приведшем к его низложению и убийству. Это метафорическая единица, с ярко выраженным отрицательно-оценочным компонентом значения. Среди анализируемых прозвищ присутствуют некоторые с редко встречающейся структурой, а именно содержащих в себе глагол в повелительном наклонении, например: **John Amend All** («Джон Все Исправь») – Джон (Джек) Кед (Jack Cade (ум. 1450)), лидер восстания жителей графства Кент. Автор данной единицы не известен, но можно предположить, что

именно народное прозвище, так как само построение фразы разговорно, кроме того, именно участники восстания ожидали от Кеда того, что он сможет изменить их бесправное положение.

Численность многосоставных единиц гораздо меньше, чем двусоставных, а структура весьма разнообразна. Некоторые модели представляют собой расширенные варианты двусоставных структур, например, упомянутый выше **My Little Black Husband**, а также **Elizabeth's Public Enemy Number One** («Главный Враг Елизаветы») – Роберт Саутвелл (Robert Southwell (1561–1595)), иезуитский поэт и священник, проповедовавший католичество, замученный и казненный во времена Елизаветы I.

Данная статья не претендует на полный охват проблемы. В ней лишь намечаются возможности исследования исторических личностных фразеологизмов, несущих огромный пласт информации лингвострановедческого и культурологического плана.

Литература

1. Загрядская Н.А. Личностные фразеологизмы английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 150с.
2. Коннотация фразеологизмов с именем собственным: вариантологический подход/ Ю.В.Ковалюк // Материалы международного научного симпозиума (Четвертые Жуковские чтения), 4-5 мая 2009. Великий Новгород, 2009. С.35-43
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996. 381с.
4. Суперанская А.В. Имя через века и страны. М.: Наука, 1990. 188 с.
5. Тарасевич М.П. Американская фразеологическая топонимика: дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 213с.
6. Franclyn J. A Dictionary of Nicknames. London: Hamilton, 1962. 132p.

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ.

Е.В. Жаровская

к. филол. н., доцент каф. ин. яз.

Исследования, проводимые в области речевых технологий, стали одними из самых важных в рамках как национальных, так и международных проектов. Создание международных баз данных «корпусной лингвистики», охватывающих значительные корпуса речи и регистрирующих реальное состояние языка, предопределило приоритетное развитие таких направлений, как организация текста, прагматика и дискурс.

В современном обществе мощной отраслью индустрии и продуктом ее деятельности является реклама. Потребность общества в осмыслении и концептуализации рекламы проявляется в разнообразии дискурсов, в рамках которых осуществляется обращение к данному феномену [С.Ю. Тюрина, 2009, с. 1].

Жанровую специфику феномена рекламы составляют способ передачи рекламного объявления и цель составления рекламного текста. Текст, погруженный в ситуацию рекламного общения, является основой для выделения самого общего значения термина реклама – рекламный дискурс.

Дискурс, по определению А.А. Кибрик – «более широкое понятие, чем текст. Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат – а результат и есть текст» [А.А. Кибрик, 2003, с. 4].

Дискурс отражает функциональные особенности речи и обладает набором прагматических, когнитивных и экспрессивных свойств. Устный дискурс допускает большую лексическую и грамматическую вариативность, при этом значительную роль играет просодия.

Рекламный дискурс зарождается с целью создать контакт с потенциальным покупателем. Рекламный текст,

создаваемый для осуществления поставленной цели должен соответствовать всем требованиям, предъявляемым к текстам такого рода. Он должен максимально заинтересовать и заключением убедить купить предлагаемый товар.

Для эффективного воздействия на потенциального покупателя рекламный текст должен соответствовать определенным требованиям: к наиболее значимым можно отнести лаконичность, информативность, побудительность, доказательность, убедительность и оригинальность, что осуществляется посредством использования экспрессивных средств языка [С.В. Мощева, 2008, с.22].

Экспрессивность в рекламном дискурсе проявляется не только в игре с многозначностью слов и со словообразованием, использованием стилистических тропов, лексических заимствований, омофонов, различных коммуникативных типов предложений, но и за счет особого фонетического оформления высказывания и использования фонетических приемов. Рекламный дискурс строится так, чтобы вызвать у потребителя положительные эмоции: радость, восхищение, сострадание, нежность и т.д. Эмоции в устном рекламном дискурсе могут быть выражены лексическими, морфологическими, синтаксическими, и фонетическими средствами в совокупности [там же].

Значительная роль в оформлении рекламного текста принадлежит именно фонетическим выразительным средствам, таким как: удлинение звуков, усиление интенсивности, изменение мелодики и темпа, использование особого ритмического рисунка, различного рода повторов, придающих рекламному тексту выразительность, эмоциональность.

Реализации экспрессивных интонационных средств в рекламном дискурсе способствуют некоторые фонетические приемы, широко применяемые в рекламе:

1. Повтор согласных звуков в начале близкорасположенных ударных слогов (явление аллитерации), что используется для создания определенного эмоционального тона, соответствующего содержанию высказывания, а также является действенным выразительным средством [С.В. Мощева, 2008, с. 50]. Например: средство для профессионального ухода за волосами – *SYOSS Supreme Selection*.
 2. Повтор конечных согласных (явление консонанса). Например: реклама приправы «Кнорр» – «*КНОРР – вкусен и скорр*» (в том числе наблюдается обращение к рифме, а также к ‘умышленной/сознательной’ ошибке в слове «скорр»).
 3. Повтор ударных гласных внутри строки или фразы (явление ассонанса, также называемое вокалической аллитерацией). Данное явление способствует произнесению слов с настойчивой интонацией, с увеличением интенсивности при повторе, а также способствует созданию особого ритмического рисунка. Например: реклама лапши быстрого приготовления – «*Люди любят «Доширак»*» (в том числе, аллитерация /л’/ – /л’/); реклама напитка «Coca-Cola» – «*Cola – море прикола*».
- Интонация звуковых повторов придает тексту ритмичность, выразительность, экспрессивность. Так, согласно исследованиям звукового символизма в языке, проведенного С.В. Мощевой, ритмически повторяющиеся гласные переднего ряда /i/ и /i:/ воспринимаются как более приятные на слух по сравнению с гласными заднего ряда, такими как /а:/ и /а:/ [Цит. по С.В. Мощевой, ссылка на: Журавлев 1974, 1991; Арнольд 1981; Гумовская 2002 и др.].
4. Подбор определенных звуков в рекламном высказывании. Отмечено, что для усиления эмоционального воздействия авторы рекламных дискурсов прибегают к такому приему для того, чтобы вызвать у потребителя соответствующие ассоциации. Например, в рекламном тексте прохладительного напитка «Seven-Up» («*Напиток ‘Seven-Up’ – жаропонижающий жаждоутолятель*») атмосфера ‘изнурительной жажды’ передается за счет использования приема аллитерации (4-кратного повтора звука /ж/ и 3-кратного повтора гласного /а/ для демонстрации усталости от жажды).
 5. Удлинение какого-либо звука для более выразительного произнесения. В рекламном сообщении прохладительного напитка («*Хорош-ш-ш-ший! Хорош-ш-ший до последней капли!*») долгое произнесение звука /ш/, то есть его удлинение, с небольшой предшествующей паузой после ударного звука и падением тона ассоциируется у потребителя со звучанием пузырьков газированной воды [С.В. Мощева, 2008, с.].
 6. Паузация. Пауза используется как для выделения важной информации так и для того, чтобы показать эффективность рекламируемого продукта.

Она ставится перед важным словом, и ей не всегда предшествует замедление темпа. Например: *Там, где прошли мы, теперь может пройти ... каждый*.

7. Многочисленные случаи паронимического соположения слов – яркое выразительное средство, активно используемое в СМИ. Прием паронимической аттракции (намеренного соположения созвучных слов) сопровождается наложением просодических средств и без них неэффективен в устном рекламном дискурсе, т.к. просодические средства способствуют выразительности и яркости высказывания [там же, с. 64].

Итак, среди интонационных средств воздействия на реципиента на первом месте частота основного тона и выделительное ударение. Слог, отмеченный выделительным ударением, маркируется увеличением количественных значений частоты основного тона, длительности и интенсивности.

В рекламном дискурсе реализуются коммуникативная и эмоционально-экспрессивная функции интонации. Восприятие знака эмоции, положительное или отрицательное, выраженной в рекламе зависит не только от состояния говорящего и его отношения к рекламируемому объекту, но и от экспрессивности рекламного ролика и соблюдению в нем всех требований. Таким образом, основное проявление эмоционально-экспрессивной функции интонации выражается в актуализации положительной или отрицательной оценки говорящим рекламируемого объекта.

Рекламный дискурс, являясь одной из форм общения, преследует цели точной, логичной, однозначной и в то же время ясной, доступной для адресата передачи информации с целью привлечения внимания к рекламируемому продукту. Акцентуализация внимания осуществляется при помощи таких фонетических средств как: варьирование интенсивности, мелодики, членение предположений паузами, выделение полнозначных слов ударением, изменение темпа речи, с замедлением на более важных участках и ускорением на том, что говорилось раньше, или на том, что не несет важной информации.

Изменение тембра голоса в рекламных текстах может свидетельствовать о некоем презрении к продукту-конкуренту, например, реклама средства для мытья посуды, в которой для сравнения приводится некое *другое средство*. Презрение также достигается путем пародирования интонации, с выражением иронии, использованием нисходящего или восходящего тона, увеличением интенсивности. Однако, мелодический рисунок нельзя соотносить с каким-либо определенным типом высказывания. Так как тот же восходящий тон, например, может демонстрировать и симпатию, однако с увеличением диапазона.

Положительное отношение к излагаемому содержанию передается не только с помощью расширения диапазона, но и за счет усиления ударения.

Все же, громкость также может вызывать отрицательное впечатление, например, увеличенная громкость.

Все требования, предъявляемые к построению рекламного дискурса позволяют создавать эффективную рекламу, положительно воздействующую на реципиента. И

если создатель рекламного текста правильно использует все экспрессивные приемы, искусственное увеличение громкости на ТВ приводит к негативному восприятию и даже провалу рекламного дискурса. Поэтому увеличение громкости на ТВ при демонстрации рекламы на фоне просмотра других программ можно, на наш взгляд, считать ошибочным приемом, т.к. он вызывает обратное действие.

В многословных рекламных дискурсах относительно короткие синтагмы в расширенном диапазоне на фоне быстрого темпа создают впечатление нарастания мысли (что частично подтверждается усилением громкости к концу этой вереницы синтагм, некоторым замедлением темпа и употреблением глоттального взрыва). Резкое понижение тона, с приглушением также может являться проявлением экспрессивной функции интонации.

Более того, повышение тона, увеличение громкости, ускорение темпа на фоне ровного тона, нормального темпа также может свидетельствовать о том, что говорящий придает особое значение каким-либо словам в рекламном тексте.

Таким образом, проявление экспрессивной функции интонации в рекламном дискурсе происходит за счет просодического выделения отдельных слов на фоне иного интонационного оформления всего рекламного текста.

Исследования средств выразительности языка стали одним из важнейших направлений современной лингвистики.

В своей эмоциональной экспрессивной функции интонация информирует о ситуативно обусловленном ментальном или эмоциональном состоянии демонстраторов рекламного дискурса. Экспрессивная (эмфатическая) интонация используется либо исходя из логических оснований, либо из эмоциональных потребностей. Для неё характерны сильные контрасты, которые достигаются акцентуированием.

Средства речевой выразительности делают речь наглядной, так как воздействуют не только понятийно, но и образно, т.е. дают зрительную, слуховую, обонятельную, вкусовую, тактильную информацию. Эмоциональная, экспрессивная речь воспринимается быстрее, находит более глубокий эмоциональный отклик, вызывает сопереживание, заставляет задуматься, теснее связана с оценкой на уровне «хорошо – плохо» и лучше сохраняется в памяти.

Реализации выразительности в рекламном дискурсе происходит за счет вариативности тембра, усиления ударных слогов; диапазона высоты тона, его частоты и амплитуды; темпа речи, количества и продолжительности пауз, количества и длины речевого такта.

Однако более конкретные выводы и заключения по этому вопросу можно сделать после фонетического исследования рекламного дискурса, что является нашей целью в настоящее и последующее время.

Литература

1. Дейк, Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
2. Дейк, Т.А. ван. Вопросы прагматики текста [Текст] / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259-336.
3. Зернецкий, П.В. Динамические аспекты семантики и прагматики дискурса [Текст] / П.В. Зернецкий // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Изд-во Калининского университета, 1989. – С.75-81.
4. Зернецкий, П.В. Четырехмерное пространство речевой деятельности [Текст] / П.В. Зернецкий // Язык, дискурс и личность. – Тверь : Изд-во Тверского университета, 1990. – С.60-68.
5. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе [Текст] / А.А. Кибрик // диссертация в виде научного доклада, составленная на основе опубликованных работ, представленная к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук М, 2003].
6. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. -М., 1995. С. 144-238.
7. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе [Текст] / М.Л. Макаров. – Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 1998. – 200 с.
8. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. [Текст] / М.Л. Макаров. – М: Гнозис, 2003. – 280 с.
9. Мощева, С.В.. Способы достижения экспрессивности в рекламном тексте: языковые и неязыковые выразительные средства. [Текст] / С.В. Мощева // Учебное пособие. – Иваново: изд-во ИГХТУ «Политех» - 2008. – 108 с.
10. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 35-73.
11. Серио, П. Как читают тексты во Франции [Текст] / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 14-53.
12. Тюрина, С. Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст [Текст] / Тюрина С. Ю. // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. - 2009. - Вып. 1. - С. 75-77.

Политические науки

ПУТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОСОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ В УКРАИНЕ

Баранов Александр Петрович

аспирант кафедры национальной безопасности Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Киев

Недостаточное внимание к решению социальных проблем негативно влияет на национальную безопасность страны и тормозит ее социально-экономическое развитие.

Одной из составляющих социальной политики является социальное партнерство - особая система отношений, возникающих между наемными работниками и собственниками средств производства, при которой определяются расхождения экономических интересов различных социальных групп и право каждой из них отстаивать свои интересы через поиск компромиссов.

Регулирование социальной сферы является одним из важнейших направлений государственного управления, особенно в условиях переходной экономики, когда влияние государства на экономические процессы уменьшается, а потребность в государственном вмешательстве сохраняется через кризисное состояние экономики и особенно социальной сферы. Поэтому необходима эффективная социальная политика, способная реализовать и сконцентрировать усилия государственных органов на решении наиболее острых социальных проблем. Главным является формирование надежной системы социальной защиты. Это, прежде всего, защита от безработицы, обеспечение пособий для нетрудоспособных и малообеспеченных слоев населения, развитие системы здравоохранения, образования и других отраслей социальной сферы.

Интересы человека и государства не всегда совпадают, поэтому общественное развитие, по сути, является непрерывным процессом согласования этих интересов. За долгое время человечество накопило ряд инструментов этого согласования в различных сферах.

Учитывая вышесказанное, остановимся на построении института социального партнерства в Украине, который призван усовершенствовать согласование интересов государства и человека в социальной сфере.

В странах с развитой рыночной экономикой идеология социального партнерства глубоко проникла в социально-трудовые отношения, хотя его модели в разных странах отличаются организационно-правовым механизмом. Известны две модели социального партнерства - трипартизм и битрипартизм. В тех странах, где роль государства в регулировании трудовых отношений невелика (США, Канада, Великобритания), практикуется двустороннее сотрудничество между объединениями работодателей и организациями работников. Государство может выступать в такой социальной модели в роли арбитра или посредника при возникновении социальных конфликтов. Наиболее распространенный трипартизм - тирстороннее сотрудничество - во Франции, Швеции, Австрии, при котором государство играет активную роль социального партнера.

Создание в 1919 г. Международной организации труда (МОТ) и ее целенаправленные усилия по содействию внедрения в практику регулирования социально-трудовых отношений коллективно-договорных форм также сыграли роль своеобразного катализатора развития системы социального партнерства. МОТ наработала около двух десятков конвенций и рекомендаций, реализация которых позволила многим странам выстроить свой механизм коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений.

Отношения социального партнерства имеют коллективный характер, в их основе лежит коллективный интерес сторон. Коллективный характер социального партнерства проявляется в трех аспектах: наличие коллективного интереса всех субъектов в сфере применения наемного труда; наличие коллективных отношений в этой сфере; коллективной структуре сторон социального партнерства.

Заключение коллективных договоров и соглашений - важный элемент социального партнерства. Однако социальное партнерство не сводится только к этому, оно является более сложным понятием, это определенная идеология, которая раскрывает характер взаимоотношений двух групп в обществе - группы работодателей и группы работников. И от того, какое социально-экономическое положение занимают эти группы, как определяется их роль в обществе, каким является уровень совпадения интересов этих групп, могут формироваться и разные представления о том, что такое социальное партнерство.

Поэтому недостаточно определять социальное партнерство как метод согласования интересов наемных работников и работодателей, которое осуществляется при посреднической роли государства и оказывается в заключении коллективных договоров и соглашений. Поэтому, социальное партнерство можно охарактеризовать как механизм цивилизованного решения социально-трудовых конфликтов и устранения противоречий между интересами работников и работодателей.

В этих условиях государство постепенно превращается в социальное государство и идея социального мира становится главной идеологией социального партнерства.

Следовательно можно констатировать, что система социального партнерства может эффективно функционировать только при определенных условиях, а именно когда экономика развивается, а государство проводит активную социальную политику в интересах населения; когда парламентские формы демократии и институты гражданского общества, обеспечивающие представительство интересов различных социальных групп достаточно развиты; когда организации рабочих (общественные

организации, профсоюзы) имеют достаточную силу и пользуются авторитетом в обществе.

Согласование интересов наемных работников и работодателей в сфере социально-трудовых отношений осуществляется путем переговоров и завершается заключением коллективных договоров и соглашений.

При заключении коллективный договор должен фиксировать договоренность сторон по вопросам размера заработной платы и других денежных выплат; индексации заработной платы и доходов; денежных компенсаций за работу в ночное время или праздничные дни; занятость и переобучение; продолжительность рабочего дня, рабочей недели и оплачиваемого отпуска; условий и охраны труда; основных обязанностей сторон (администрации и рабочих); контроля за выполнением коллективного договора. Содержание коллективного договора может и меняться.

Во многих странах система социального партнерства реализуется через заключение не только коллективных договоров на предприятиях, но и соглашений на уровне общества в целом или на уровне отдельных регионов.

Украина выбрала путь по созданию рыночной экономики, что объективно обуславливает необходимость построения социального государства, которая основывается на социальном партнерстве между обществом и государством, работниками и работодателями, производителями и потребителями. Поэтому дальнейшее развитие украинского общества требует развития процессов конституирования демократических, политических и правовых механизмов управления социальными явлениями. В социально-экономическом пространстве страны с участием государства должна формироваться система социального партнерства.

Система социального партнерства в Украине начала складываться в соответствии с Кодексом законов о труде Украины, Закона Украины «О предприятиях в Украине» (1991 г.), Декрета Кабинета Министров Украины «Об оплате труда» (1992 г.), Законов Украины «О коллективных договорах и соглашениях» (1993 г.), «Об оплате труда» (1995 г.), а также (на то время) Указа Президента Украины «О Национальном совете социального партнерства» (1993 г.). Существует определенная практика осуществления социального партнерства между органами исполнительной власти, профсоюзами и объединениями предпринимателей. На три - или двусторонней основе должны проводиться консультации по вопросам формирования и реализации социально-экономической политики, заключаться соглашения по вопросам обеспечения занятости населения, улучшения организации и мотивации труда, социальных гарантий на всех уровнях (государственном, отраслевом и региональном). В рамках Генерального соглашения между Кабинетом Министров Украины и профсоюзными объединениями ежегодно заключалось около 70 отраслевых и 27 региональных соглашений, а также 55 тыс. коллективных договоров. Реализация соглашений, коллективных договоров и других договоренностей между социальными партнерами являются реальным стабилизирующим фактором развития общества.

Однако следует констатировать, что в Украине до настоящего времени еще не создано целостной многоуровневой системы социального партнерства. Недостатки такой системы в значительной степени являются следствием неразвитости правовой, нормативной и организационной базы. Не достаточно четко определены субъекты

социального партнерства и их статус. Актуальными остаются разработка и осуществление комплексного системного анализа состояния социально-трудовых отношений на национальном и других уровнях сотрудничества, повышение на этой основе их управляемости.

Следовательно, должны быть приняты и практически действовать соответствующие законы, защищающие работников на том уровне, ниже которого работодатель не может устанавливать, скажем, заработную плату, на которые могли бы опираться и профсоюзы в своих действиях.

Социальное партнерство может стать реальностью в том случае, когда экономика динамично развивается, созданы необходимые предпосылки для ее роста и уже достигнут необходимый уровень экономической мощи.

Цель социального партнерства - согласование интересов наемных работников и работодателей во всех сферах, где эти интересы пересекаются. Концепции социального партнерства могут быть как индивидуалистские, так и коллективистские, существуя параллельно. Индивидуальные отношения между работником и собственником регулируются индивидуальным трудовым контрактом и трактуются действующим законодательством, а именно Кодексом законов о труде Украины.

Социальное партнерство, как подчеркивает российский ученый В. Якимец, в сфере решения социально важных проблем в обществе может воплощаться в жизнь с помощью различных механизмов. Они могут приобретать различные формы: государственный социальный заказ; социальное обслуживание; государственное социальное спонсорство; лоббирование; стимулирование социальной активности прямым финансированием; социальное поощрение негосударственных спонсоров.

Одним из действенных и результативных рассматриваются социальный государственный заказ и лоббирование. Другой известной моделью организации социального партнерства являются фонды крупных корпораций, создание и деятельность фондов местного развития. В классическом виде фонды местного развития действуют как неприбыльные и самоуправляющиеся благотворительные учреждения, которые управляют постоянной совокупностью фондов в соответствии с программами и приоритетами доноров соответствующих фондов. Основной деятельностью этих фондов является предоставление грантов.

На сегодня в Украине вместо Национального совета социального партнерства при Президенте Украины создан Национальный трехсторонний социально-экономический совет (Указ Президента Украины «О развитии социального диалога в Украине» от 29 декабря 2005 года № 1871/2005 и на основании п. 28 ч. 1 ст. 106 Конституции Украины).

Основными задачами Национального совета как консультативно-совещательного органа является содействие согласованию позиции сторон социального диалога (представителей Кабинета Министров Украины, всеукраинских профессиональных союзов и их объединений, всеукраинских объединений организаций работодателей) относительно путей дальнейшего развития социально-экономических и трудовых отношений, разработки и внесение Президенту Украины предложений по вышеназванным вопросам.

Для согласованного решения проблем, возникающих в социально-экономической сфере в отношении прав и интересов работников и работодателей на отраслевом и

региональном уровнях на паритетных началах предусмотрено формирование трехсторонних вспомогательных органов.

Для успешной реализации социального диалога в сфере социально-трудовых отношений должна проводиться коллективно-договорная работа.

В соответствии с Законом Украины «О коллективных договорах и соглашениях» и ратифицированными Украиной Конвенциями МОТ №№ 98 и 154 профсоюзам гарантировано право на ведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров и соглашений.

Кроме представительства при ведении коллективных переговоров, в функции профессиональных союзов относится осуществление контроля за сохранением и повышением заработной платы, обеспечением занятости, охраны труда.

То есть, можно утверждать, что система социального партнерства должна быть залогом экономического роста страны.

Пока же мы можем констатировать, что социальное партнерство в Украине разработано более в теории, чем на практике. Практические проблемы заключаются в том, что государство здесь выступает крупнейшим и влиятельным партнером, который, к тому же и вырабатывает «правила игры». Работодатели еще не достаточно консолидированы для того чтобы создать такую единицу, которую можно было воспринимать как отдельного «партнера». Иногда, пытаясь оптимизировать расходы, работодатели выбирают тактику пассивного сопротивления государству (замалчивание случаев производственного травматизма; зарплата «в конвертах»; нарушение трудового кодекса и техники безопасного труда и т.д.). Профсоюзы потеряли свое прежнее влияние и также еще не эволюционировали в направлении социального партнерства и социального диалога. Что же до рабочих, они наименее влиятельная

сила в социальном диалоге. Как правило, они редко отстаивают свои социальные права и перед работодателем и перед государством, избирая пока что путь «индивидуального выживания» вместо консолидации и отстаивания своих социальных прав. Такая ситуация не может считаться оптимальной или стабильной и является постоянной угрозой национальной безопасности.

Список литературы:

1. Закон України «Про колективні договори та угоди».
2. Закон України «Про об'єднання громадян».
3. Закон України «Про професійні спілки, їх права та гарантії діяльності».
4. Закон України «Про організації роботодавців».
5. Ляшенко Т., Пойченко А. Соціальне партнерство як парадигма становлення демократичної державності // Програма «Україна - 2010». Консолідація українського суспільства: реалії, перспективи: Науково-методичний посібник. - К.: Вид-во УАДУ, 1999. - 200 с.
6. Михеев В. А. Основы социального партнерства: теория и политика. - М., 2001. - С. 297.
7. Семигин Г. Ю. Социальное партнерство в современном мире. - М.: Мысль, 1996. - С. 208.
8. Социальная политика: учебник / Под общ. ред. Н. А. Волгина. - М.: Экзамен, 2002. - С. 736.
9. Толкунова В. Н. Трудовое право. М., 2002. - С. 313.
10. Либоракина М., Флямер М., Якимец В. Социальное партнерство // Деньги и благотворительность. - 1997. - № 45.
11. Зарубіжний досвід соціального партнерства // Україна: аспекти праці. - 1998. - № 1. - С. 38-43.
12. Соціальне партнерство в Україні: перспективи законодавчого регулювання // Україна: аспекти праці. - 1998. - № 2. - С. 22.

НАТО И РОССИЯ - ВОЗМОЖНОСТЬ СОТРУДНИЧЕСТВА ИЛИ НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПРОТИВОСТОЯНИЯ?

Беляевская Тамара Сергеевна

Студентка 3 курса, Национальный Исследовательский Иркутский Государственный Технический Университет, г. Иркутск, Россия.

Геополитика- наука, возникшая в начале XX века. Её возникновение было обусловлено несколькими факторами: к этому времени завершилось территориальное разделение мира, завершилось оформление всемирного хозяйства и отсутствовали принципиально новые источники энергии. Поэтому государствам было необходимо контролировать и обеспечивать безопасность того пространства, которым они владели, но в то же время, они были заинтересованы в получении доступа к новым территориям и ресурсам. В рамках этой науки были созданы несколько законов, один из них – закон экспансии. «Закон экспансии (стратегических блоков): государство способно обеспечить свою безопасность и самостоятельность только участвуя в крупном стратегическом блоке.» [2]

По окончании второй мировой войны роль и влияние СССР в международных отношениях возросли, а противоречия в отношениях с другими державами коалиции вспыхнули с новой силой. В 1946 году взаимодействии стран перешло от политики сотрудничества к послевоенной конфронтации, получившей название «Холодная

война» и в течение полувека определявшей геополитическую ситуацию.

В Западной Европе, оккупированной союзниками, стали формироваться основы социально-экономической и политической структуры по образцу «западных демократий». В странах Восточной Европы складывалась социально-политическая система, аналогичная сталинской модели «государственного социализма».

Создание дружественных политических режимов в Восточной Европе стало основной целью внешней политики советского руководства в первые послевоенные годы.

Во второй половине 40-х годов у власти в восточноевропейских государствах укрепились правительства, ориентированные на Советский Союз, что позволило у западных границ СССР создать «сферу безопасности», закрепленную в ряде двусторонних договоров с Польшей, Чехословакией, Румынией, Албанией, Югославией, Болгарией и Венгрией, заключенных в 1945-1948 годах.

Таким образом, послевоенная Европа была разделена на две противостоящие группировки с различной идеологией, на базе которых были созданы:

Апрель 1949 года – Североатлантический Союз (НАТО) под эгидой США.

Май 1955 года – Организация Варшавского Договора (ОВД) при доминирующей роли СССР.

Главной осью конфронтации стали отношения между сверхдержавами: СССР и США.

Апогеем враждебности и недоверия в эпоху «холодной войны» стала война в Корее в 1950-1953 годах. Северную Корею поддержали СССР и Китай, Южную – США. Мир оказался на грани глобальной войны, поскольку фактически это была война СССР и США. Перемирие, подписанное в июле 1953 года и завершившее корейскую войну, а также смерть Сталина частично сняли напряженность в противостоянии социализма и капитализма.

В 1991 году СССР проиграл в информационную, экономическую, политическую войну Западу и был разделен на 15 самостоятельных субъектов. В связи с распадом СССР и преобразованиями в других странах Центральной и Восточной Европы, 1 июля 1991 года был подписан Протокол о полном прекращении действий Варшавского Договора.

«Отношения между Россией и НАТО были установлены в 1991 году. Россия присоединилась к Совету североатлантического сотрудничества. В 1994 году Россия начала участвовать в программе Партнёрство ради мира.

В 2002 была подписана так называемая Римская декларация "Отношения Россия-НАТО: новое качество". В соответствии с ней 28 мая 2002 года был создан Совет Россия-НАТО (СРН).» [4]

«Сотрудничество между Россией и государствами-членами НАТО осуществляется под руководством СРН и развивается за счет деятельности различных подчиненных рабочих групп и комитетов.

Ключевые направления сотрудничества включают:

- борьбу против терроризма,
- оборонную реформу,
- военное сотрудничество,
- подготовку антинаркотических кадров Афганистана и стран Центральной Азии,
- противоракетную оборону театра военных действий,
- урегулирование кризисов,
- нераспространение ОМУ,
- управление использованием воздушного пространства,
- гражданское чрезвычайное планирование,
- научное сотрудничество
- экологическую безопасность.» [5]

Стоит отметить, что по некоторым направлениям цели сотрудничества имеют обратный эффект:

По программе СРН в Афганистане происходит антинаркотическая операция, но в последние годы был замечен резкий скачок производства опиума в Афганистане. В настоящее время страна производит до 90% всего мирового производства опиума. А впоследствии, производство может еще увеличиться. Натовцы уклоняются от борьбы с наркотическими посевами, под предлогом отсутствия у них соответствующего мандата, необходимой подготовки и также специального оборудования у личного состава.

По программе ПРО Россия и США должны снизить количество ракетного оружия на территории своих стран.

Россия снижает количество ракетного оружия гораздо быстрее, чем США. А также, немаловажным является тот факт, что НАТО устанавливает все новое и новое ракетное оружие на территории стран-союзников НАТО в Европе, что является опасным фактором для России и делает снижение количества ракетного оружия на территории США просто бессмысленным.

НАТО разрабатывает план по защите Прибалтийских стран от предполагаемого альянсом «российского нападения», подобные обстоятельства позволяют ставить вопрос о том, когда представители НАТО были искренними: когда договаривались о партнерстве или когда обсуждали планы защиты от России.

Приближение зоны ответственности Североатлантического блока непосредственно к границам России создает с точки зрения её национальных интересов и оборонной безопасности серьезные проблемы. В геополитическом плане - это, во-первых, угроза её дальнейшей изоляции, существенно затрудняющей восстановление былого влияния в регионе, а во-вторых, осложнение в налаживании двусторонних отношений с новыми членами альянса.

Превращение НАТО в доминирующую, но закрытую структуру делает Россию второразрядным участником европейского процесса, исключает её из механизма принятия решений по главным вопросам европейской безопасности.

В военно-стратегическом плане расширение НАТО ведёт к ещё большему изменению соотношения сил сторон не в пользу России, серьезно ухудшается её стратегическое положение. С отходом к НАТО стран Восточной Европы и Прибалтики основные российские коммуникации в западном регионе стали более доступными для контроля со стороны альянса. До минимума сократилось подлётное время натовских ракет и авиации до российских границ, основных центров управления, промышленно-экономических комплексов РФ, что позволит НАТО с помощью своих оперативно-тактических средств поражения решать стратегические задачи.

Учитывая, что в современных условиях геополитические и военно-стратегические факторы являются определяющими в защите национальных интересов и им уделяют первостепенное внимание все великие державы, такое развитие событий можно однозначно оценивать, как угрозу национальной безопасности России, что требует принятия соответствующих контрмер. Поэтому, можно прийти к выводу, что в данной ситуации сотрудничества между Россией и НАТО быть не может. Поскольку НАТО в рамках СРН выдвигает важные проблемы, но не решает их, а, наоборот, усугубляет происходящее.

Список литературы:

1. Варшавское совещание европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе. — М: Госполитиздат, 1955. — 144 с.
2. КОРТУНОВ С. В., СУЗДАЛЬЦЕВ А. И. Словарь «Что есть что в мировой политике»: учебное пособие. М: Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, 2009 г.
3. Туякбаева Н.С. «НАТО в системе международных организаций»: Вестник КазНУ, 2009 г., №1
4. http://ru.wikipedia.org/wiki/Россия_и_НАТО
5. <http://ria.ru/politics/20090429/169586050.html>

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ В ОРГАНИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Бормотова Татьяна Михайловна

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

Федерального государственного казенного учреждения

«Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России», г. Москва

Проблемы взаимодействия различных социальных систем в организации миграционной политики России.

В статье рассматриваются обстоятельства в миграционной сфере России, определяющим условием которых является повышение позитивной роли миграции и встраивание миграционной политики в стратегию экономического развития гражданского общества России.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, интеграция иммигрантов, международная миграция.

Конец XX и начало XXI веков в Российской Федерации характеризуются наличием серьезных проблем в системе и структуре политических, экономических и социальных отношений, вызванных миграционными процессами. Миграции активно вмешиваются в процессы урбанизации, влияют на формирование систем расселения населения и пр.

Складывающаяся ситуация с внешней и внутренней миграцией предопределяет необходимость осуществления более эффективной правовой регламентации миграционных отношений и реализации правовых установлений в данной сфере с целью упорядочения и учета миграционных потоков, защиты прав и интересов граждан Российской Федерации, обеспечения национальной безопасности.

Прежде всего, миграция всегда определялась материальными потребностями людей, даже если и выглядела на первый взгляд следствием каких-то сугубо политических причин. Для самих переселенцев решение искать лучшей доли в чужих краях имеет личный, индивидуальный характер, но философы, социологи и политологи стараются осмыслить это явление с более широких позиций, оценивая взаимодействие различных социальных систем.

Российская Федерация, как и многие развивающиеся страны участвует в мировом миграционном процессе, одновременно принимая и отдавая мигрантов. Где основной миграционный поток составляет неквалифицированная и малоквалифицированная миграция.

С развитием процессов глобализации, характеризующихся усилением взаимозависимости государств, углубляются и международная специализация и кооперация в сфере производства, что мотивирует «...увеличение потоков трудовой миграции и между развитыми странами»¹.

Безработица и низкий уровень жизни заставляют людей искать работу за границей. Однако, по мере изменения социально-экономической, политической и демографической ситуации часто страны из отдающих мигрантов превращаются в страны, принимающие мигрантов. В процессе экономического роста и интеграции России в

мировую экономику развивается ее рынок труда. Все это, как правило, сопровождается снижением естественного прироста населения, и трудовые иммигранты начинают активно участвовать в формировании национального рынка рабочей силы и восполнять естественную убыль населения.

Международная трудовая миграция оказывает большое влияние на экономику и социальную сферу России. Часто выражается озабоченность по поводу того, что приток мигрантов вызывает рост преступности, повышает нагрузку на сферу услуг и угрожает социальному и культурному единству российского населения. Потому, что в нашей стране иммиграционного притока слабо развита практика программ адаптации и интеграции иммигрантов.

К примеру, в ряде развитых стран мира, наиболее активно привлекающих иностранных рабочих, функционирует система социального обеспечения, составляющая большую часть расходов, финансируемых из бюджета государства. Правительства этих стран активно финансируют систему образования и здравоохранения, обеспечивают выплату социальных пособий по бедности и безработице, пенсионное обеспечение инвалидам и престарелым и т.д. Естественно, что легальные иностранные работники имеют доступ к большинству правительственных социальных программ, финансируемых за счет налогоплательщиков.

Анализ возрастно-половой структуры мигрантов, прибывших в Российскую Федерацию, показывает, что трудящиеся-мигранты находятся в основном в активном трудоспособном возрасте и это, преимущественно, мужчины. То, что трудовые мигранты приезжают в Россию без семьи, значительно снижает нагрузку на социальную сферу, а миграция превращается дополнительный источник трудовых ресурсов.

Как правило, в миграционных процессах принимают участие люди самых разных национальностей, говорящие на разных языках и исповедующие разные религии. В России, принимающей трудовых мигрантов, сформировались значительные миграционные диаспоры. *Диаспора* (от греческого «рассеяние») — «часть этноса, живущая вне исторической родины и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей общности»². Миграционные диаспоры также оказывают большое влияние на экономику, социальную сферу и культуру России.

Правительство и общественность Российской Федерации озабочены проблемой адаптации иммигрантов т.к. межэтническая напряженность в отдельных регионах Российской Федерации достигает опасных размеров и становится серьезным политическим фактором, дестабилизирующим ситуацию.

¹ Демография: Учебное пособие / Под ред. проф. В.Г. Глушковой и Ю.А. Симагина. - М.: КНОРУС, 2008. С. 176.

² Социология: Энциклопедия / Составитель А.А. Грицанов, В.А. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколов, О.В. Терещенко. - Мн: Книжный Дом, 2003.

Миграция населения оказывает существенное влияние на демографическую структуру населения России. Различают немедленное и долговременное воздействие на состав и динамику населения в местах оттока и притока мигрантов. Долговременное влияние связано с ролью миграции в воспроизводстве населения. Так как в процесс миграции вовлекается преимущественно население трудоспособного возраста, то население регионов Российской Федерации, принимающих мигрантов, растет более быстрыми темпами. Там формируется возрастная структура с высокой долей населения молодых возрастных групп. И, наоборот, в регионах с постоянным миграционным оттоком населения сокращаются темпы его прироста, иногда происходит абсолютное сокращение численности населения, в составе населения повышается доля населения старших возрастных групп. Благодаря разной подвижности населения возникают нарушения в соотношении численности мужского и женского населения в регионах выхода и входа мигрантов.

Возрастающая роль международной миграции населения в демографическом развитии является одной из ее современных закономерностей. Речь идет не только о воздействии международной миграции на рост или убыль населения Российской Федерации, но и об изменениях в воспроизводстве населения, о взаимодействии миграционных процессов с процессами рождаемости, смертности, брачности.

Следует отметить, что международные миграционные потоки в целом направлены из развивающихся в экономически развитые страны мира, что обусловлено сложной демографической ситуацией в развитых странах. Там, сочетание низкой рождаемости и низкой смертности, формирует демографическую структуру, при которой ощущается нехватка трудовых ресурсов в трудоспособных возрастах. В результате правительства этих стран поощряют иммиграцию.

Противоположная картина наблюдается в развивающихся странах, имеющих высокую рождаемость в сочетании с понижающейся детской смертностью и молодой возрастной структурой населения. Там возникают другие проблемы, связанные с перенасыщением рынка труда и занятости. В результате правительства проводят политику содействия эмиграции.

Рациональная организация миграционной политики России – одно из условий безопасности государства и общества, нормального развития экономики, нейтрализации конфликтогенности миграции. Как известно из опыта зарубежных стран, если миграционные потоки попадают в резонанс с организующими импульсами государства, то государство получает большие дополнительные ресурсы. Причем, не только в бюджет, но и в поддержание социальной структуры, идентификационную поддержку своего образа, идейной мощи, политического престижа. Повышается активность общества за счет улучшения «низовой самоорганизации» локальных сообществ, что особенно важно, поскольку именно на муниципальном и межмуниципальном уровне часто обеспечивается эффективное расходование, или, наоборот, растраниживание ресурсов.

В условиях острых демографических проблем России как принимающей страны на первый план в формировании миграционной политики выходит более широкая легализация трудовых мигрантов, прежде всего, путём совершенствования уже принятого иммиграционного зако-

нодательства, ориентированного на удовлетворение реальных потребностей рынка труда. Если иммигранты хотят стать гражданами Российской Федерации, показывают своё желание принимать культуру России, уважать Конституцию и законодательство России, необходимы эффективные механизмы социально-экономической интеграции иммигрантов и их детей в российское общество.

Одновременно с этим требуется активизация деятельности государства в вопросах противодействия незаконной миграции. В достижении баланса между этими направлениями видится перспектива развития миграционной политики.

Определяющим условием повышения позитивной роли миграции является встраивание миграционной политики в стратегию экономического развития России. Близость России к странам, располагающим богатыми трудовыми ресурсами, частично идентичным России за счёт сохранения элементов общего экономического, политического и культурного пространства, создаёт возможность смягчения проблем «старения населения», кризиса пенсионной системы, нехватки трудовых ресурсов и др. Это подтверждает необходимость создания единого рынка трудовых ресурсов, международных бирж труда, что, безусловно, должно быть отражено в постоянно совершенствующейся миграционной политике России.

Как широкое общественное явление, миграция имеет также и воздействие на иные социальные институты и их представителей. В современном мире вопросы миграции – не только прерогатива государства, но и поле деятельности для неправительственных организаций, коммерческого сектора, общественных объединений.

Более широкое включение гражданского общества в процесс государственного регулирования миграции населения является важным аспектом миграционной политики России.

Учитывая все представленные обстоятельства в миграционной политике России, позволит в необходимой степени совершенствовать регулирование миграционных процессов, направлять их в русло социально-экономического созидания. Каждая страна испытывает на себе ее воздействие, рассматривает ее в качестве одного из важнейших аспектов национальной безопасности. В связи с чем, миграционная политика строится в соответствии с национальными интересами государства.

Список литературы

1. Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл.ред. Г.Г. Меликьян. Ред. коллегия: А.Я. Кваша, А.А. Ткаченко, Н.Н. Шаповалова, Д.К. Шелестов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
2. Введение в демографию / Под ред В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002.
3. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: Учеб. Пособие. М.: Изд-во РГСУ; Академический Проект, 2007.
4. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. .
5. Simmons, Piche, 2002. Teaching Migration and Globalization //GENUS. Vol.LVIII (№3-4); Ивахнюк И.В. Международная трудовая миграция: Учебное пособие. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2005.
6. Общая и прикладная политология / Под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова: Учебное пособие. – М.: МГСУ, 2001.

СУБЪЕКТЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Бойко Павел Анатольевич

аспирант РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва

С глубокой древности люди стремились жить сообща. Уже их первые поселения (деревни и города) контактировали – торговали или воевали, заключали договоры даже с различного рода представительствами, какими-либо иными способами общались между собой. Весь этот процесс можно считать прообразом (архетипом) международных отношений.

В исторической памяти и источниках сохранилось множество сведений о том, как осуществлялись подобные взаимодействия [1, с. 587]. К примеру, договор между Рамсесом II и Хаттусилем III 1296 г. до н.э., согласно которому сотрудничество между государствами в борьбе с преступностью имеет место с древних времен.

Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью является деятельностью, которая обеспечивает порядок как внутри государства, так и на международной арене, способствует укреплению национальной и международной безопасности. Сотрудничество в указанной сфере является специфической деятельностью субъектов международных отношений в сфере борьбы с транснациональной преступностью, в том числе и самих государств.

В связи с этим, современное сотрудничество государств в борьбе с преступностью является составляющей общего политического сотрудничества, т.е. налаживание отношений в данной сфере определяется общим состоянием отношений в мире и отношениями между конкретными государствами [2, с. 212].

Естественно, что на международной арене участниками борьбы с транснациональной преступностью являются разнообразные действующие лица. Но, главная роль среди них отводится государствам, поскольку государства стремятся бороться с угрожающими их безопасности преступными деяниями, в том числе угрозами безопасности личности и обществу. При этом международное сотрудничество государств в данной сфере можно разделить на межгосударственный, межправительственный и межведомственный уровни.

Так, главы государств в борьбе с транснациональной преступностью определяют основные направления внутренней и внешней политики государств, представляют государства при осуществлении международных отношений. Правительства и их главы в свою очередь принимают соответствующие меры по реализации политических решений и в рамках своей деятельности заключают межправительственные договоры, а также способствуют подписанию межгосударственных договоров. Вместе с тем, большая нагрузка по реализации заключенных договоренностей возлагается на органы исполнительной власти, которые уполномочены государствами для осуществления борьбы с преступлениями. Часто такие органы в соответствии с внутренним законодательством имеют право принимать участие в международном сотрудничестве, заключать международные договора межведомственного характера. Роль межведомственного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью на

международной арене в настоящее время возрастает и определяется объективными потребностями этой борьбы в целях реализации взятых на себя государствами международных обязательств.

Более того, ясно, что межведомственное сотрудничество на национальном уровне является не только ключевым фактором эффективной деятельности, проводимой на местах против транснациональной преступности, коррупции и терроризма, но также и важной предпосылкой эффективного трансграничного сотрудничества в борьбе против этих масштабных угроз [3, с. 4].

Вместе с государствами международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью важное место занимают международные организации (ООН, МАГАТЭ, ШОС, СНГ и др.). При этом отдельные международные организации специально созданы для решения задач по борьбе с транснациональной преступностью (Интерпол, Европол). Как последние, так и вышеуказанные международные организации разрешают самые разные задачи: от разработки предложений, проектов международных договоров до осуществления конкретных мер.

К субъектам международного сотрудничества в названной сфере также можно прибавить так называемые специальные международные органы, которые не являются международными организациями, созданными для борьбы с транснациональной преступностью. К примеру, «группа семи» ведущих стран мира – Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция и Япония. В рамках данного форума согласовывается подход к актуальным международным проблемам. В большинстве своем главы государств «большой семерки» встречаются для определения и фиксации сторонами намерения придерживаться согласованной линии или о рекомендациях применения тех или иных подходов при принятии решений другими участниками международных отношений.

Нельзя не отметить, что в ходе международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью происходит развитие системы международной уголовной юстиции. В настоящее время создан Международный уголовный суд, который на постоянной основе должен, в том числе осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших преступления международного характера. Ранее временные международные уголовные суды (трибуналы) – *ad hoc* (только для этого случая) осуществляли уголовное преследование лиц, совершивших преступления, представляющих угрозу для всего мирового сообщества.

По мнению В.Ф. Цепелева, интегрированной целью международного сотрудничества в рассматриваемой сфере является совместное, объединенное противодействие преступности, затрагивающей интересы нескольких государств или всего международного сообщества [4, с. 20]. Таким образом, главная роль в вышеуказанной сфере международного сотрудничества, как уже указывалась выше, отводится государствам. Поскольку именно роль

государства, их объединение в борьбе с транснациональной преступностью, может сыграть и играет решающую роль. По этой причине одной из главных целей транснациональной преступности является лишение государств их фактического суверенитета, для исключения возможных угроз ликвидации незаконных рынков, которые являются источниками для транснациональной преступности и на которых основывается их деятельность.

Самым распространенным методом, применяемым транснациональной преступностью для лишения государств фактического суверенитета был, есть и остается – подкуп, коррупция. Таким образом, происходит разложение государственности изнутри. Транснациональная преступность воздействует на государство, его органы как изнутри самого государства, в пределах его географических границ, так и снаружи, в том числе посредством международных организаций, различных конфликтов и т.п.

Эти действия транснациональная преступность осуществляет с целью невозможности принятия мер по предотвращению их деятельности, ликвидации незаконных рынков со стороны государств, обладающих соответствующими институтами принуждения.

Поэтому важную роль в развитии международного сотрудничества играют обычные нормы международного права, которые являются общепризнанными нормами и основаны на базовых, основополагающих принципах международного права. В связи с чем, субъектам международных отношений следует основывать свою деятельность на принципах международного права, в целях исключения двойных стандартов, невозможности применения конъюнктурного похода при разрешении созданных посредством участников международных отношений международных проблем с вовлечением транснациональной преступности.

При этом следует отметить, что политические противоречия на современном этапе существенно ослабляют усилия в борьбе с транснациональной преступностью. Некоторые противоречия между интересами самих государств, возникают в связи с применением той или иной конъюнктуры, что можно назвать простым политиканством, а не политикой.

Основными формами (механизмами), укрепляющими международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью, являются оказание взаимной правовой помощи, экстрадиция, обмен информацией, профессиональная подготовка сотрудников в данной сфере, предупреждение преступлений, передача осужденных лиц и т.п., которые основаны на международном законодательстве, базирующемся на основополагающих принципах международного права. Следовательно, необходимой предпосылкой развития международного сотрудничества в данной сфере является создание благоприятных правовых оснований для международного сотрудничества.

При разрешении вопросов в ходе международного сотрудничества государственные органы должны в своей деятельности полагаться на систему договоров, заключенных их страной. В связи с чем, для развития международного сотрудничества, в том числе в данной сфере международных отношений необходимо расширение двусторонних и многосторонних договоров, направленные на оказание содействия в борьбе с транснациональной преступностью.

В связи с тем, что транснациональная преступность постоянно видоизменяется, особое внимание следует систематически уделять пересмотру существующих международных договоров, национального законодательства для внесения в них по мере необходимости соответствующих изменений, чтобы соответствовать меняющимся практикам и видам проблем в данной сфере международного сотрудничества. Как международные договоры, так и национальное законодательство должны обеспечивать максимальную гибкость для различных видов помощи государствам, участвующим в борьбе с транснациональной преступностью, а также обеспечивать гибкость международного сотрудничества при защите интересов третьих лиц.

Государствам, принимающим участие в борьбе с транснациональной преступностью, следует обеспечивать такие условия, чтобы действующая система предоставления помощи не создавала каких-либо помех международному сотрудничеству в борьбе с ней, поскольку в конечном счете именно внутреннее национальное законодательство запрашиваемого государства определяет осуществление того или иного механизма международного сотрудничества.

Поэтому особую значимость в развитии международного сотрудничества в названной сфере играет имплементация международных норм во внутреннее национальное законодательство. Странам, участвующим в борьбе с транснациональной преступностью, не следует характеризовать меры, направленные на укрепление верховенства национального права в качестве препятствия для международного сотрудничества. Приверженность государства по поддержанию верховенства права, защиты прав человека не должна быть предметом обсуждения или торгового обмена на различные уступки в области международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью.

Также особую актуальность в сфере борьбы с транснациональной преступностью в настоящее время приобрели незаконные финансовые операции. Поэтому в данной части будет важным усиление сотрудничества между финансовыми разведками государств, привлечение к сотрудничеству банковских и финансовых секторов для гарантирования осведомленности соответствующих правоохранительных органов.

И, как следствие, сбор и обмен информацией без бюрократических проволочек между государствами в целях выявления незаконных финансовых связей, финансовых операций, необходим для развития стратегического подхода к борьбе с транснациональной преступностью.

Таким образом, укрепление сотрудничества в правоохранительной сфере в борьбе с транснациональной преступностью может быть достигнуто посредством эффективного совместного использования полученной информации, как на региональном, так и на международном уровнях.

Также одной из новых и перспективных форм международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью стало создание совместных следственных групп. Остаются еще некоторые вопросы в отношении его полномасштабного функционирования, что обусловлено необходимостью создания должной правовой базы на международных и национальных уровнях. В связи с этим, проведение для работников правоохранительных

органов и сотрудников судебных структур курсов профессиональной подготовки, ознакомление с ключевыми аспектами транснациональной преступности является значимым направлением в укреплении международного сотрудничества в данной сфере.

В силу этого, сущность самого международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью, так и его отдельных форм (механизмов) постоянно расширяется.

Такое сотрудничество может быть формальным и неформальным по своему характеру, двусторонним и многосторонним по масштабам. Оно может быть направлено как на преступность в целом, так и на отдельные категории преступлений, потребности защиты от которых представляются в конкретной обстановке более значимыми (яркий пример такой направленности, это деятельность международного сообщества против терроризма, транснациональной организованной преступности, коррупции, незаконного оборота наркотиков).

Разные направления и уровни международного сотрудничества в борьбе с преступностью являются не альтернативными, а взаимодополняющими друг друга, имеют свою специфику и сферу применения [5, с. 14].

Анализируя вышеизложенное, основными направлениями развития международного сотрудничества в этой сфере международных отношений являются совершенствование международной правовой базы в области борьбы с транснациональной преступностью, основанной на базовых принципах международного права, развитие двустороннего международного сотрудничества и своевременная имплементация международных правовых норм во внутренние национальные законодательства. А также наращивание взаимодействия между различными структурами государственных и международных органов в области борьбы с транснациональной преступностью развивает международное сотрудничество в данной области.

Одновременно с этим необходимо отметить, что достижение вышеуказанных направлений развития меж-

дународного сотрудничества возможно только при наличии сильной политической воли субъектов международного сотрудничества, их искусства управления, и расширении двусторонних международных отношений, направленных на борьбу с транснациональной преступностью.

Список литературы:

1. Категории политической науки. - М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. - 656 с.
2. Ивашук В.К. Международный аспект противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: Сборник материалов межведомственной научно-практической конференции (17.11.2011 г., Москва) / под общ. ред. Ректора Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора О.С. Капинус. - М.: Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации, 2012. - 343 с.
3. Общие вопросы Международное сотрудничество / Управление ООН по наркотикам и преступности: Пособие по оценке систем уголовного правосудия. Нью-Йорк, 2010. - 28 с.
4. Цепелев В.Ф. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: Монография. М., 2001. - 418 с.
5. Белоцерковский С.Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью и научные основы ее оптимизации: Монография. - М: Российская криминологическая ассоциация, 2011. - 585 с.
6. Волеводз А.Г. К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью / А.Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция, - 2007. - № 1. - С. 11-20.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: СОЗДАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Чаевич Александр Владимирович

Доктор политических наук, доцент, НОУ ВПО МАБиУ, г. Москва

В текущем столетии доминирующей тенденцией является процесс глобализации, которая проявляется во всех сферах общественной жизни. В экономической сфере глобализация находит проявление в конкуренции между странами за новые рынки сбыта своих товаров и услуг, которая принимает более ожесточенный характер [6, с.32]. Первое десятилетие XXI века показало, что страны с высокоразвитой экономикой оттесняют менее развитых конкурентов с тех перспективных рынков, где это оказывается им по силам. В этих условиях государства вынуждены искать новые способы сотрудничества, взаимодействия. Следствием таких процессов является выдвижение и реализация новых проектов мироустройства, предлагаются различные точки зрения на пути развития и принципы отношений между странами.

Одним из способов сглаживания негативного воздействия процессов глобализации на государства региона стал процесс их интеграции. Государства регионов интегрируют свои ресурсы, ищут новые способы более эффективного взаимодействия в новых условиях. В современных условиях регионализация уже становится общемировой тенденцией. Совершенно очевидно, что самым большим достижением на пути поиска новых форм межгосударственных объединений на современном этапе стало создание Европейского союза, как наиболее интегрированного объединения государств в современном мире. Процессы регионализации происходят и в других регионах мира. Укрепляется интеграция стран Северной Америки в рамках организации НАФТА, Южной Америки – МЕРКОСУР. В финансово-экономическом плане самоорганизуется регион Персидского залива. В Восточной

Азии создается крупнейшая на планете зона свободной торговли с участием Китая и стран АСЕАН, которая будет включать более двух миллиардов потребителей. В Африке не так эффективно, но также постепенно совершенствуются процессы интеграции между странами региона.

Российская Федерация как другие государства СНГ не могут оставаться в стороне от этих общемировых процессов. Поэтому в настоящее время проблема интеграции для государств бывшего Советского Союза стала объективной потребностью.

29 мая 2014 г. в г. Астане состоялось заседание Высшего Евразийского экономического совета, по итогам которого Президент России Владимир Путин, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев и Президент Белоруссии Александр Лукашенко подписали Договор о Евразийском экономическом союзе. Союз должен начать функционировать на пространстве Таможенного союза с 1 января 2015 года. [2, с.3]

Работа над этим документом была начата ещё в ноябре 2011 года на первом саммите Высшего Евразийского экономического совета. Тогда президенты России, Белоруссии и Казахстана приняли декларацию о евразийской экономической интеграции, которая стала своего рода «дорожной картой» развития интеграционного взаимодействия.

С российской стороны в подготовке договора принимали участие более 30 федеральных органов исполнительной власти. В основе документа лежит договорно-правовая база Таможенного союза и Единого экономического пространства, действующие нормы которых были оптимизированы, усовершенствованы и приведены в соответствие с правилами Всемирной торговой организации.

Более чем 600-страничный Договор о Евразийском экономическом союзе (сокращенно ЕАЭС) состоит из двух частей. В первой части договора изложены цели и задачи евразийской интеграции. Вторая часть - функциональная, она регламентирует механизмы экономического взаимодействия, а также фиксирует конкретные обязательства по отраслевым направлениям интеграции.

Евразийский экономический союз призван объединить экономики России, Беларуси и Казахстана в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства. Три государства принимают обязательства гарантировать свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики: энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте.

В.В. Путин давая оценку подписанному договору, отметил, что «этот документ выводит наши страны на принципиально новый уровень интеграции, в полной мере сохраняя государственный суверенитет. Мы вместе создаем мощный центр экономического развития, крупный региональный рынок, который объединяет более 170 миллионов человек. Географическое положение позволяет нам создавать транспортные маршруты не только регионального, но и глобального значения, завязывать на себя масштабные торговые потоки Европы и Азии. Все это - залог конкурентоспособности нашего объединения в стремительно меняющемся и сложном мире». [4]

Граждане России, Белоруссии и Казахстана после начала функционирования союза получают массу преимуществ. Они смогут без ограничений работать в любом ме-

сте зоны ЕАЭС, создавать свои предприятия, будут свободно перемещаться товары, капиталы, появятся новые перспективные рынки. Будет снято множество ограничений в самых разных областях, будут созданы новые возможности для жителей стран, входящих в союз.

Договор о создании ЕАЭС объединяет юридическую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также часть нормативных актов Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС), которые не противоречат более поздним договоренностям в рамках ТС и ЕЭП. Договор о Евразийском экономическом союзе не является заменой Таможенного союза или ЕЭП, а их продолжением, очередным этапом интеграции.

В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе на территории трех стран поэтапно устанавливается режим свободного передвижения товаров, капиталов, рабочей силы, услуг, а также равный доступ к транспортной и энергетической инфраструктуре и общие правила таможенно-тарифного регулирования.

Договор о создании ЕАЭС обязывает стран-участниц перейти к согласованной макроэкономической политике. Для трех стран на текущем этапе интеграции предусматривается утверждение общих критериев устойчивости экономик: госдолг, равный или ниже 50% ВВП, дефицит бюджета не больше 3% ВВП и инфляция не выше 5% пункта от самого низкого уровня инфляции среди стран-участниц ЕЭС.

Процесс интеграции среди государств-участников Евразийского экономического союза позволит в будущем достичь общий макроэкономический эффект: снижение цены на товары благодаря издержек необходимого сырья/экспорта своего готового товара; стимулируется «здоровая» конкуренция на общем рынке ЕАЭС за счет равного уровня экономического развития; увеличение конкуренции на общем рынке стран-членов Таможенного Союза посредством вхождению на рынок новых игроков из общего пространства; увеличение средней заработной платы, благодаря уменьшению издержек и повышению производительности труда; наращивание производства посредством увеличения спроса на товары; увеличению благосостояния народов стран ЕАЭС, так как произойдет снижение цен на продукты и увеличение занятости населения в экспансирующихся производствах импортоориентированных/экспортноориентированных фирмах; повысится окупаемость новых технологий и товаров благодаря увеличенному объему рынка; увеличивается объем ВВП стран ЕАЭС минимум на 25 %. [5]

После создания Евразийского экономического союза возникает потребность в создании наднациональных экономических структур: комиссии по экономике; комиссии по сырьевым ресурсам (устанавливает цены и квоты на сырьевые товары и энергоносители, координирует политику в области добычи, продажи золота и других драгоценных металлов, и др.); фонда по делам экономического и научно-технического сотрудничества, формирующегося за счет вкладов стран ЕАЭС (финансирует перспективные наукоемкие экономические и научно-технические программы, оказывает помощь в решении круга задач, в том числе правовых, налоговых, финансовых, экологических и т.д.); комиссии по межгосударственным финансово-промышленным группам и совместным предприятиям; международный инвестиционный банк ЕАЭС; международный арбитраж ЕАЭС; комиссии по вводу расчетной денежной единицы; комиссии по экологии.

На данном этапе становления Евразийского экономического союза в его первоочередные задачи входят экономические задачи. 24 декабря 2013 года президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выступая на заседании Высшего евразийского экономического союза, был против политизации Евразийского экономического союза на первоначальном этапе его формирования. По утверждению Н. А. Назарбаева такие направления, как охрана границ, миграционная политика, система обороны и безопасности, культура, правовая помощь по гражданским, административным и уголовным делам не относятся к экономической интеграции и не могут быть перенесены в формат экономического союза. Союз не должен мешать государствам-участникам, как суверенным субъектам международных отношений активно сотрудничать с различными странами, международными организациями, не ущемляя взаимных интересов [3].

В 2015 году Евразийский экономический союз станет вторым по величине подобным объединением в мире после Евросоюза. И данный союз государств еще, несомненно, будет расширяться. Готовность войти в состав ЕАЭС уже выразили желание два государства, Армения и Киргизия [1, с.2].

Если высказать предположения о перспективах развития Евразийского экономического союза, то можно констатировать, что он имеет определенные преимущества по сравнению с другими ныне существующими интеграционными образованиями. Например, государствам ЕАЭС будет проще сблизить экономическое законодательство, создать общие, наднациональные органы управления экономикой, чем европейцам, так как страны Евразийского экономического союза веками были частью единого целого. Культурные, духовные, семейные связи между Россией, Белоруссией и Казахстаном гораздо теснее, чем, например, между Португалией и Финляндией. Как правило, воссоздавать общее гораздо проще, чем создавать новое из разнонаправленных и принадлежащих к разным мирам элементам.

Реакция со стороны ведущих западных стран на создание Евразийского экономического союза была неоднозначной. Они прекрасно понимают, что Россия начинает возвращаться на политическую арену в новом геополитическом качестве, и это может существенно изменить существующий мировой баланс сил. Ведь не случайно украинский кризис совпал по времени с завершением подготовки к созданию Евразийского экономического союза, даже можно сказать, что он во многом спровоцирован им. Желание во что бы то ни стало разорвать прочнейшие связи Украины с Россией и всем постсоветским пространством, евроинтегрировать её – вот что подвигло Запад на

провоцирование и поддержку евромайдана, а потом и киевского государственного переворота.

Образование Евразийского экономического союза наряду с экономическими задачами призван решить еще и стратегическую цель, собрать воедино большой русский народ, собрать вместе с землями, а не в качестве беженцев. Ситуация 90-х годов прошлого века, когда русскоязычное население было вынуждено в массовом порядке покидать свои исторические земли, которые вдруг стали частью независимых государств, не должна повториться.

Таким образом, Евразийский экономический союз это качественно новый интеграционный проект для государств бывшего Советского Союза, который открывает для его участников широкие перспективы для экономического развития, создает дополнительные конкурентные преимущества в условиях глобализации. Экономический союз даст возможность его участникам не только вписаться в глобальную экономику, но и позволит занять достойное место в сложном мире XXI века. Евразийский экономический союз позволяет эффективно защищать свой экономический суверенитет в условиях разного рода санкций и ограничений, вызванных геополитическими интересами государств, стремящихся к мировому господству в экономике. Новое интеграционное объединение объединяет более половины населения всего постсоветского пространства и формирует новые, уникальные возможности для укрепления торговой политики, упрочения финансовых основ развития суверенных государств.

Список литературы:

1. Балиев А. Тройку исправили на пятерку. Армения и Киргизия дополняют Евразийский экономический союз /Российская газета. – 3 июня 2014 – С. 2.
2. Латухина К. Умножение на три. Россия, Белоруссия и Казахстан объединились в Евразийский экономический союз /Российская газета. – 30 мая 2014. – С.3.
3. Назарбаев раскритиковал политизацию Евразийского экономического союза
<http://news.nur.kz/295894.html>
4. Россия, Казахстан и Белоруссия подписали договор о Евразийском союзе /
<http://lenta.ru/news/2014/05/29/evraz/>
5. Телеканал ХАБАР – ЕАЭС: объем ВВП стран-участниц будет увеличен как минимум на 25 процентов -
http://www.khabar.kz/ru/view/news_economic/page_81341_eaes-obem-vvp-stran-uchastnits-budet-velichen-kak-mini
6. Урусов Н.В. Глобализация и антиглобализм: философские, политические и экономические аспекты /Нижегород. журн. междунар. исслед.. – Н. Новгород, 2010. – весна-лето. – С. 31-35.

СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ: ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Чакалиди Флоран Гиевич
Аспирант РАНХиГС, г. Владикавказ

В новейшей истории Российской Федерации развитию теоретических исследований по урегулированию конфликтов способствовала актуальность тех задач, которые пришлось решать ученым. Задачи эти были тем более актуальны, что в постсоветской России наиболее опасным

и часто встречающимся видом конфликтов стали локальные межэтнические столкновения, в определенные периоды, угрожавшие целостности страны.

Межэтнические конфликты, особенно на Северном Кавказе (из семи вооруженных межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве, пять произошли в Северо-Кавказском регионе) актуализировали в научном и политическом дискурсе страны проблемы разрешения и предотвращения межэтнических столкновений, а также проблемы эффективного управления полиэтничными регионами. Современный немецкий философ К. Манхейм отмечал, что в качестве доминирующей задачей политики является «смягчение» конфликтов, которое становится возможным, если политика «стремится к достижению согласованности оценок по основным вопросам» [1, с. 440].

Любая более или менее успешная форма урегулирования межэтнических конфликтов предполагает нахождение нового компромиссного для всех участников конфликта баланса властных полномочий. Наиболее трудным для политического разрешения является этнотерриториальный конфликт, так как трудность его управления и урегулирования объясняется сакральным восприятием территории этногенеза участниками конфликта и стремительным переводом формы обсуждения претензий в ценностно-эмоциональный план. «Этнические конфликты глубоко субъективны, они опираются на аргументы истории, мифологии, по-разному воспринимаемые сторонами конфликта и поэтому зачастую оцениваемые сторонними наблюдателями как беспричинные, иррациональные. Подобные конфликты труднее всего урегулировать, хотя бы потому, что они «идеалистичны», зачастую обращены к сакральному началу, поэтому стороны конфликта воспринимают, например, этническую территорию как явление священное. Иногда сама постановка вопроса о территориальных уступках как форме достижения компромисса между сторонами конфликта рассматривается как «свято-татство» [2, с. 37].

Тем не менее, в урегулировании или деэскалации этнотерриториальных конфликтов большую роль играет институт посредничества, который направлен на согласование позиций сторон и который выступает не единовременным актом, а длительным временным процессом. Посредническая деятельность в урегулировании межэтнических территориальных конфликтов предполагает боту на двух уровнях:

- налаживание коммуникаций между сторонами конфликта,
- формирование новых смыслов, на которых должны основываться действия конфликтующих сторон.

Традиционно стратегии управления и урегулирования предполагает два варианта:

1. разрешение конфликта самими участниками, что встречается достаточно редко;
2. вмешательство третьей стороны.

Важнейшим методом ослабления конфликта является деконсолидация основных акторов, участвующих в конфликте, с помощью системы мер, которые позволяют отсечь наиболее радикальные элементы или группы и поддержать силы, которые склонны к компромиссам и переговорам.

Исследователи межэтнических конфликтов предлагают множество методов и технологий их урегулирования. Так, например, известные российские ученые В. Мукомель, Э. Паин и А. Попов предложили унифици-

рованные принципы и методы разрешения этнополитических конфликтов на три основные категории: оперативные, тактические и стратегические [3].

С их точки зрения, оперативные и тактические принципы должны быть нацелены на то, чтобы не допустить разрастание уже существующего этнополитического конфликта (охрана стратегических объектов, помощь и забота о беженцах, давление, переговоры и т.д.). Фактически политика федерального центра РФ в конце XX века, при разрешении межэтнических конфликтов, базировалась на этих принципах. Третья категория принципов – это стратегические принципы и действия, которые направлены на предупреждение кризиса, на создание необходимых правовых, экономических и политических условий «безболезненного» развития общества.

К рубежу XX – XXI вв. локальные межэтнические конфликты в Российской Федерации были зафиксированы практически на территории всех республик Северного Кавказа, поэтому анализ состояния и основных тенденций этнополитических процессов становятся приоритетными политическими и исследовательскими задачами в этот период. На концептуальном уровне этот факт отражен в этнополитических исследованиях: «Взаимопроникновение структур разнотипных конфликтов, электризирующих сферу межнациональных отношений, сопряжение прошлого и настоящего в процессе тесного межэтнического взаимодействия, замкнутого на политическую сферу многонационального государства, в условиях широкого обмена информацией дает принципиально новый эффект» [4].

Основой политических методов урегулирования этнополитических конфликтов становятся стратегические принципы и действия. В этот период управление этническими отношениями становится важнейшим направлением национальной политики Российской Федерации, в целях снижения межэтнических противоречий, урегулирования конфликтных ситуаций и продвижения постконфликтных реконструкций.

При регулировании межэтнических отношений и воздействии на этнополитические процессы стал делаться на выявление возможностей институтов гражданского общества, прежде всего, национально-культурных объединений, деятельность которых направлена на поддержание мира и согласия в субъектах РФ.

Кроме того, исходным в теоретическом анализе этнополитических конфликтов становится принцип конкретности, позволяющий, на основе типологизации конфликтов, сгруппировать их конкретные проявления и предложить определенные алгоритмы управления. Однако единой общепринятой типологии конфликтов, на сегодняшний день, выработать не удалось. Трудности с выработкой общепринятой типологии конфликта связаны, прежде всего, с тем, что первоначально внимание исследователей было сосредоточено на «урегулировании междунациональных конфликтов или тех внутренних, которые становятся серьезной проблемой и приобретают международное значение» [5].

В это же время в научном дискурсе приходит понимание того факта, что необходимо активное «позитивное» вмешательство конфликтологов в ход конфликтов [6]. Под вмешательством понимается создание специальной экспертно-конфликтологической службы, должна иметь общественно-государственный характер. Основная задача этноконфликтологической экспертизы должна сводиться к «налаживанию в межнациональных отношениях конфликтологического мониторинга и менеджмента, как

действенных инструментов, позволяющих фиксировать зарождение конфликтных ситуаций, выявлять их «боле-вые точки», уровень напряженности, динамику, характер действий конфликтующих сторон» [6, с. 29 - 213].

Помимо теоретических исследований, в практической плоскости предпринимаются серьезные шаги по нормализации и урегулированию межэтнических отношений в Российской Федерации. В течение 2000 – 2005 гг. осуществляется процедура приведения в соответствие Конституции РФ конституций российских республик, в том числе республик, входящих в СКФО. При этом внесенные изменения, в основном, направлены на формирование и развитие единого этнополитического пространства РФ.

Одним из основных методов управления межэтническими отношениями становятся – институты гражданского общества (уполномоченные по правам человека, общественные палаты, советы старейшин, национально-культурные общественные организации и т.д.).

В самом проблемном, с точки зрения межэтнических отношений, регионе РФ – Северном Кавказе – формируются основы «политико-административного управления в сфере этнических отношений и этнополитических процессов» [7,101], которые впоследствии экстраполируются на всю российскую территорию. Известный кавказский исследователь М.А. Аствацатурова выделяет следующие основы политико-административного управления этническими отношениями в СКФО:

«**Концептами управления** являются благополучие, социальная справедливость, стабильность, обеспечение безопасности, ликвидация северокавказских этнополитических рисков и нейтрализация их последствий.

Мировоззренческими посылками выступают: выделение индивидуального «этнокультурного и этнополитического лица» объектов управления, особой геополитической роли каждого субъекта, консолидации региональных сообществ на базе доминирования российской истории и российского национального характера при сохранении культурных традиций различных народов.

«**Доктрина власти** основывается на традиционности и умеренном консерватизме, а также политическом центризме» [7, с.101 - 102].

Такой подход предоставляет широкие возможности для разработки практических мер антикризисного управления, является основой для построения и применения различных профилактических моделей бесконфликтного межэтнического взаимодействия.

Список литературы:

1. Манхейм К. Диагноз нашего времени – М.: Юристъ, 1994 - 693 с. С.440.
2. Паин Э.А. Этнические конфликты в постимперской России // Вестник института Кеннана в России. 2012. №22. С.35 – 47.
3. Мукомель В.И., Паин Э.А., Попов А.А. Союз распался - межнациональные проблемы остались// «Независимая газета», 10.01.1992.
4. Мацнев А. Этнополитические конфликты: пути предупреждения и регулирования // Основы национальных и федеративных отношений. – М.: Изд-во РАГС, 2001 – 352 с.
5. Лебедева М. Политическое урегулирование конфликтов. – М: Аспект пресс, 1999 - 271 с.
6. Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы. М: Центр конфликтологии ИС РАН, 1996. — 287 с.
7. Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства) – М.: Московское бюро по правам человека. 2011 – 192 с.

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ В АТР И ПОЗИЦИИ РОССИИ И КИТАЯ

Ю Хань

студент-магистр факультета международных отношений СПбГУ

История взаимоотношений России, Китая и США является непростой; каждая из трёх стран пыталась достичь оптимального баланса, чтобы обеспечить свои национальные интересы. До 2000 г. в отношениях «треугольника» можно выделить несколько поворотных пунктов, в том числе советско-китайский раскол (1969), установление китайско-американских дипломатических отношений (1979), события на площади Тяньаньмэнь (1989), распад СССР (1991).

Рассматривая обстановку в Тихоокеанском регионе, нельзя игнорировать роль США, которые стали единственной сверхдержавой после распада СССР.

• Эволюция американской политики безопасности в регионе

Американская политика в сфере безопасности в АТР прошла несколько этапов развития. В 1992-2001 гг. тихоокеанская политика США направлена на сохранение своего лидерства и укреплением связей с союзниками и партнёрами.

Поскольку США сохраняли менталитет Холодной войны, в 1992 г. они разработали новую стратегию внешней политики, согласно которой целью Америки является предотвращение появления новых сверхдержав для поддержания текущего лидерства США. Задача планового документа Пентагона 1992 г. утверждает, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе США необходимо сохранять свой статус военной державы и предотвращать появление вакуума или регионального гегемона.

В конце 2000 г. в США был опубликован «Четырёхлетний обзор оборонной политики» (ЧООП). В нём подчеркнуто, что первым приоритетом является укрепление связей со своими союзниками и партнёрами. Относясь к Китаю как конкурентному и потенциальному региональному сопернику, США используют оборонную дипломатию для развития отношений с Китаем.

События 11 сентября 2001 г. оказали большое влияние на США, РФ, КНР и их взаимоотношения, а также изменили баланс сил в Тихоокеанском регионе. Хотя в целом США укрепили свои связи со странами-партнёрами,

но они переместили своё стратегическое внимание из Тихоокеанского региона на Ближний Восток и в другие регионы мира.

В 2009 году Б. Обама в выступлении в первый день в должности президента заявил, что борьба с терроризмом уже не является стратегическим фокусом США, и США необходимо вернуться в Тихоокеанский регион. В 2010 г. Хиллари Клинтон изложила новую стратегию Вашингтона в Тихоокеанском регионе, согласно которой США твердо намерены вернуть себе лидирующую роль в АТР. Краеугольными камнями такой стратегии являются союз с традиционными союзниками и партнёрами США в АТР, серьёзное укрепление своей военной базы на острове Гуам, увеличение военной мощи своих союзников.

В «Национальной военной стратегии США» 2011 года была подчёркнута Китайская угроза, отмечено, что «США должны уделять больше внимания АТР и укреплению своих позиций в сфере безопасности, т.к. стратегические приоритеты и цели нации будут все в большем масштабе связываться с этим регионом» [3, с.35].

• Основные направления китайской политики и реакция на американскую политику

Можно сказать, что на протяжении девяностых годов Россия и Китай находились в неблагоприятной международной обстановке. В случае Китая после событий на площади Тяньаньмэнь международное сообщество сильно осудило Китай, указывая на проблему соблюдения «прав человека». Третий кризис в Тайваньском проливе (1995—1999 гг.) и уничтожение посольства Китая в Белграде (1999 г.) обострили американско-китайские отношения. Кроме того, Соединённые Штаты уточнили свою позицию по территориальным вопросам в Южно-Китайском море, и в результате в этих странах начали говорить о китайской угрозе.

Политика Китая в период правительства Ху Цзинтао была продолжена «прагматическая» политика, сосредоточенная на внутреннем экономическом развитии. Пекин снизил остроту пограничных споров в регионе путем проведения политики «добраго соседа» для поддержания дружественных отношений со всеми соседями.

Кроме того, Пекин, в основном, ограничивается участием на глобальном уровне конфликтов. Наиболее очевидным свидетельством является то, что в 2000-2009 гг. Китай наложил вето в СБ ООН только два раза (по вопросу Мьянмы в 2007 г. и по вопросу Зимбабве в 2008 г.).

Политика «возвращение в Азию» США значительно повлияла на Китай. Страны вокруг Китая перестали, как раньше, быть добрыми соседями, между ними и КНР стали развиваться противоречия. Помимо проблемы Корейского полуострова территориальные споры между Китаем и соседями развивают большой потенциал для военных конфликтов. По мнению Китая, эта политика имеет очевидную цель: ответ на возвышение Китая для «наблюдения» и «обороны». Америка не является прямым конкурентом Пекина в возникающих спорах, однако бесспорный факт заключается в том, что Америка отбрасывает тень на любое событие, играя важную роль как «усилитель» конфликта.

Хотя китайские эксперты в основном спокойно относятся к новой тихоокеанской политике США, но из-за отсутствия взаимного доверия по ряду вопросов, китайское правительство ужесточило позицию к Вашингтону. Китай применил санкции против компаний, участвовав-

ших в продаже оружия Тайваню; осудил американо-южнокорейские совместные военные учения на Жёлтом море; принял ряд контрмер против Японии после инцидента со столкновением у берегов Дяоюйдао.

Большинство китайских экспертов считает, что в этот период внешняя политика Китая является не очень удачной: слишком острая реакция Пекина поставила его в неблагоприятное положение, потому что «Возвращение в Азию» США ставит перед собой цель, направленную против Китая не напрямую [4, с. 85]. Преувеличение фактора «сдерживания Китая» привело бы к конфронтации между Китаем и США; если недоценить ситуацию, то Китай может потерять стратегическое доминирование в АТР [5, с. 42-43].

• Основные направления российской политики и реакция на американскую политику

В 1990-х гг. Россия, испытав внутреннюю экономическую депрессию, присоединилась к «Большой Восьмёрке» (1998), чтобы избавиться от изоляции международного сообщества. Но на самом деле США и Европа не полностью доверяли Москве: много встреч «Большой Восьмёрки» было проведено только между уже состоявшимися там семью странами; две опубликованные версии документов по саммитам до 2001 г. «Расширение НАТО на восток» (1999) и принятие США «Акта о создании НПРО» нанесли тяжёлый удар по России в плане интеграции с Западом и стали противоречиями в российско-американских отношениях, которые всегда было трудно решить.

В АТР «Россия не рассматривает договоры США о безопасности с Японией, Южной Кореей и Австралией как прямую угрозу себе» [1, с. 27]. Единственную серьёзную озабоченность России вызывает только ядерная проблема на Корейском полуострове.

Сразу же после событий 11 сентября В. В. Путин немедленно выразил соболезнования и заявил о намерениях вести совместную борьбу с терроризмом. Между США и Россией наступил краткий период улучшения отношений, своеобразный «медовый месяц». В 2002 г. в документе «Стратегия национальной безопасности» США выразили заинтересованность в укреплении российско-американского партнёрства. Россия также была готова развивать весторонние партнёрские отношения с США. В том же году состоялся российско-американский энергетический диалог.

Со второй половины 2002 г. российско-американские отношения опять пошли на спад, и страны оказались в раздоре. Раздражающими факторами стали выход США из Договора по ПРО (июнь 2002), расширение НАТО, а в 2007 г. – решение США разместить систему НПРО в Восточной Европе. Иракский кризис породил трудный период вследствие принципиальных политических разногласий. Более того, США интенсивно стали продвигать свою политику на постсоветском пространстве, поддерживая прозападные силы в Грузии и в Украине и активно укрепляя свои позиции в СНГ. Эти действия вызвали обеспокоенность России и привели к нарастанию конфликтного потенциала в российско-американских отношениях.

В. В. Путин постепенно ужесточил позицию по отношению к США. Российско-американское противостояние более или менее влияло на отношения между Россией и Европой, но это не препятствовало экономическому сотрудничеству России со странами Тихоокеанского региона, так как они, в основном, проводят «прагматические» политики по отношению к России.

Чтобы создать благоприятную международную обстановку, Россия активно корректировала свою Тихоокеанскую стратегию и политику. В «Стратегии-2020» РФ подчеркнуто, что «Китай является приоритетным партнером России в АТР. Стремительные изменения в экономике Китая открывают стратегические перспективы для модернизации России» [2, с. 353].

Россия активно продвигает своё экономическое присутствие. При разработке экономических отношений происходит ускорение развития Сибири и Дальнего Востока, поэтому Российская стратегия в АТР тесно связана с развитием Сибири и Дальнего Востока. В то же время Россия планирует усилить свое военное присутствие в АТР.

Заключение

Американская политика тесно связана с политикой Китая и России. Ряд американских недружественных шагов со второй половины 2002 г. привел к политической конфронтации с Россией. Москва постепенно ужесточила позицию по отношению к США. Американская политика "возвращения в Азию" со всей остротой вновь поставила вопрос о будущем китайско-американских отношений и вероятности полномасштабного конфликта между двумя державами, Китай выразил недоверие к политике США.

Список литературы:

1. Азизян Р. Россия и АТР: тенденции, угрозы и взаимные интересы. // Вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: взгляд из России и США. Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2006. С.27
2. Мау В.А. Кузьминова Я.И. Стратегия-2020: новая модель роста -- новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 2. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2013. -- 430 с.
3. Ширяев Б.А., Цветков И.А., Лексютина Я.В. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы. СПб.: СПбГУ, 2012. -- 260 с.
4. 戴长征. 美国重返亚洲与中国的周边战略选择// 国际关系学院. (Дай Чаньджин. "Возвращение в Азию" США и стратегический выбор Китая. // Институт международных отношений.). 2012. №6. с.85
5. 张慧玉. 美国“重返亚太”战略的发展及其影响. // 太平洋学报. (Джань Хуэйюй. Развитие и влияние стратегии "возвращение в Азию" США. // Тихоокеанский журнал) . 2012. №2, том 20. с.42-43

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСКУССИЙ 2010-Х ГГ: ПОЗИЦИИ И АРГУМЕНТАЦИЯ РОССИЙСКИХ МАССМЕДИА

Хубецова Залина Федоровна

Доцент, канд. полит. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций

Внутриполитический кризис, который в 2011-2012 гг. пережила Россия, имел для российского общества ряд важных последствий. Для снятия социальной напряженности государственной властью были инициированы широкие общественные дискуссии по актуальным социальным и политическим вопросам. В число самых обсуждаемых тем вошла и миграционная политика страны.

Интерес к проблеме регулирования миграционных потоков в России обусловлен высоким уровнем внутренней и внешней миграции. Так, по данным отдела народонаселения департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, в 2013 году Россия заняла второе место среди стран мира по числу проживающих на ее территории мигрантов.

Ранее российские массмедиа уделяли достаточно много внимания феномену миграции, который с конца XX века «стал составляющим фактором всех глобальных проблем» [3] и тесно связан с процессами этнического (зачастую конфликтного) взаимодействия. Известно, что национальные отношения неизменно остаются приоритетной темой в СМИ, что обусловлено, в первую очередь, «социальной практикой, остротой политических процессов, сопровождающих межэтнические контакты» [1, с. 3].

Особенностью политической ситуации посткризисного периода (2013-2014 гг.) стала политизация проблемы миграции, концентрация внимания общественности и массмедиа на особом аспекте данного феномена - на проблеме трудовой миграции, одним из главных последствий которой является «усложнение «этнической композиции»

населения российских городов» [2, с. 100] и рост этнической конфликтности в России. Основной целью публичных дискуссий стало определение стратегии реализации основных положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (**18 июля 2012 г.**) и правовых оснований импорта трудовых ресурсов.

О масштабах общественных обсуждений проблем трудовой миграции можно судить по тому факту, что данная тематика стала предметом специального рассмотрения ведущими федеральными СМИ. Так, острая дискуссия о миграционных процессах и связанных с ними конфликтных взаимодействиях, обусловленных этнокультурными и религиозными различиями, состоялась на канале «Россия 1» в программе «Воскресный вечер в Владимире Соловьевым» (эфир от 10 февраля 2013 года).

Не меньший накал страстей можно было наблюдать в студии еженедельного общественно-политического ток-шоу «Первого канала» «Политика с Петром Толстым» (эфир от 18 апреля 2013 года). «Трудовые мигранты: не пора ли остановить поезд?» — в такой формулировке ведущие - известные политические журналисты Александр Гордон и Петр Толстой - представили участникам дискуссии комплекс проблем, связанных с трудовой миграцией. Формальным поводом для обсуждений стала жесткая критика, которой незадолго до этого было подвергнуто состояние поезда Душанбе – Москва государственной пограничной комиссией под руководством вице-премьера РФ Дмитрия Рогозина. В течение часа общественные и политические деятели, правозащитники и журналисты пытались определить оптимальные способы регулирования

миграционных потоков. Поднятая проблема оказалась настолько сложной и актуальной, что журналисты вернулись к ней еще раз. Спустя полгода ток-шоу «Политика с Петром Толстым» представила зрителям дискуссию на тему: «Миграция - легальная и нелегальная» (эфир от 9 октября 2013 года). Круг экспертов, мнение которых могли выслушать зрители, существенно расширился. К обсуждению были привлечены министр труда и социальной защиты РФ Максим Топилин; первый заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по делам общественных объединений и религиозных организаций Михаил Маркелов; руководитель интеграционного центра «Миграция XXI век», бывший заместитель директора ФМС России Вячеслав Поставнин и др. (всего в дискуссии приняли участие 14 экспертов). Хотя основная часть рекомендаций, высказанных экспертами, касалась вопросов нормативного регулирования трудовой миграции, гуманитарный аспект проблемы также не остался без внимания. Большинство предложений было связано с оптимизацией деятельности средств массовой информации. В частности, журналистам было рекомендовано интенсифицировать усилия по созданию позитивного образа мигранта.

В региональной журналистике проблема трудовой миграции представлена также широко (особенно в субъектах федерации с высоким уровнем импорта трудовых ресурсов). К таким территориям, безусловно, можно отнести Санкт-Петербург. И для петербургских журналистов тема легальной и нелегальной миграции, этнического взаимодействия и этнической конфликтности на протяжении ряда лет остается одной из самых актуальных. Среди большого количества материалов, подготовленных в 2013-2014 году сотрудниками петербургских СМИ, особо стоит отметить специальный репортаж Марианны Бакониной «Они... Или понаехали», посвященный проблеме трудовой миграции из Таджикистана (эфир телеканала «100 ТВ» от 9 сентября 2013 года). Глубокий анализ причин и социально-политических последствий роста уровня миграции в регионе органично сочетается с интересом журналиста к гуманитарным аспектам этнокультурного взаимодействия приезжих и коренного населения. Лучше разобраться в описываемой ситуации автору репортажа помогла поездка в Таджикистан.

Таким образом, российские массмедиа приняли активное участие в определении новых контуров государственной миграционной политики и способствовали эволюции нормативной базы регулирования миграционных потоков в соответствии с актуальной социальной практикой. В частности, с учетом предложений, высказанных в общественных дискуссиях, в конце 2013 года был принят закон о введении с 1 января 2015 года обязательного экзамена по истории России, по русскому языку и основам законодательства для всех иностранцев при обращении за получением разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента. Также был принят закон, который ограничивает возможность для иностранцев, имеющих право приезжать в Россию без визы, находиться в РФ 90 днями в течение полугода. С апреля 2014 года был упрощен процесс трудоустройства для мигрантов. А высшие должностные лица страны выступили с заявлениями о дальнейшем совершенствовании системы трудовой миграции и необходимости организации широкого общественного обсуждения поправок к законодательным актам о миграции [4].

Качественный анализ материалов, посвященных проблеме трудовой миграции, позволяет выявить позиции, которые транслируют российские СМИ своей аудитории, и аргументацию, которой эти позиции подкрепляются.

Во-первых, проблемы трудовой миграции в России практически не рассматриваются в контексте гуманитарных прав. И это несмотря на то что право на труд - важнейшее право человека, признанное на международном уровне. Основным аргументом журналистов при обсуждении конфликтной проблематики становится необходимость защиты национального рынка труда.

Во-вторых, частота обращения российских средств массовой информации к вопросам, связанным с трудовой миграцией, настолько велика, что в общественном сознании само слово «мигрант» имеет устойчивые ассоциации с более узким понятием трудовой миграции. Такая словоупотребительная практика, на наш взгляд, является некорректной и требует пересмотра.

В третьих, в текстах часто присутствует негативный образ трудового мигранта, а трудовая миграция оценивается как фактор роста преступности. Нередки случаи отображения проблемы миграции сквозь призму этнических стереотипов. И если журналисты напрямую эти стереотипы не воспроизводят, то необходимый упрощенный взгляд на миграцию и трудовых мигрантов доводится до аудитории с помощью цитирования обращений читателей или зрителей. Например, в июне 2014 года одна из самых популярных и многотиражных газет России «Аргументы и факты» в рубрике «Вопрос-ответ» опубликовала письмо читателя А. Сидоренко из Московской области следующего содержания: «У терапевта в поликлинике имя - не произнести, по-русски едва говорит. Не опасно ли быть ее пациентом? Знает ли она современные методы лечения?» [5]. В своем комментарии к письму редакция издания справедливо отмечает: «Контроль профессиональных и языковых знаний каждого нанятого трудового мигранта должен быть узаконен, учитывая количество последних и тот факт, что Россия признает дипломы врачей Казахстана, Киргизии и Таджикистана» [5]. Однакостораживает тот факт, что журналисты сочли достойным опубликования претензию читателя к сложности произнесения имени врача. Безусловно, имя человека не является мерилом его профессионализма или непрофессионализма, и концентрация внимания на сложности его произнесения является проявлением ксенофобии.

Заметим при этом, что само журналистское сообщество обеспокоено проблемой преодоления этнических стереотипов при обращении к теме межэтнических отношений вообще и трудовой миграции в частности. По инициативе общественной организации «Гильдия межэтнической журналистики» был разработан Этический кодекс журналистов, освещающих межэтническую тематику в РФ (2013 г.). В настоящее время журналистское сообщество России продолжает обсуждать основные положения Кодекса. Надеемся, что этот важный документ станет для сотрудников СМИ руководством к действию, а не очередной формальной декларацией о намерениях.

Список литературы:

1. Блохин И. Н. Этножурналистика в политических процессах: ролевой анализ: автореф. дис. ... д. политич. н. СПб., 2009.
2. Дятлов В. Миграции, мигранты, "новые диаспоры": фактор стабильности и конфликта в регионе // Байкальская Сибирь: из чего складывается

- стабильность / редкол.: В.И. Дятлов, С.А. Панарин, М.Я. Рожанский. М.; Иркутск: Наталис 2005.
3. Проблемы миграции и ее современное состояние // Все о миграции [Электронный ресурс] URL: // http://www.migrations.ru/problem_of_migration (дата обращения: 24.07.2014).
 4. Путин: Нужно обсудить поправки о трудовой миграции // Росбалт. Информационное агентство [Электронный ресурс] URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/02/25/1237565.html> (дата обращения: 24.07.2014).
 5. У терапевта в поликлинике имя - не произнести, по-русски едва говорит // Аргументы и Факты. 2014 г. 4-10 июня. (№23 (1752)).

БУДУЩЕЕ МИРА, ЕВРАЗИИ И РОССИИ

Исайчиков Виктор Фёдорович
Журнал «Просвещение», Москва

Говоря о будущем Евразии и России, мы, во-первых, должны рассматривать их как часть (причём не слишком автономную) мирового общества, а, во-вторых, должны разделить это будущее на три части – дальнюю (десятки и сотни лет), среднюю (десятки лет) и ближнюю (до десяти лет) перспективу. Необходимо уточнить и применяемые термины – под Россией мы будем понимать государство, а не историческую или географическую территорию, а под Евразией – государства, расположенные на территории Европы и Азии.

С точки зрения марксизма у любого государства (в том числе и России) дальнего будущего нет; коммунизм – это безгосударственная общность. Это тривиально, но забывать об этом не следует, ибо дальняя перспектива в силу своей общности более ясна; в то же время знание дальней перспективы облегчает прогноз ближней и средней перспективы, несмотря на предвидимые, но непредсказуемые зигзаги.

Поскольку развитие любого общества определяется в основном уровнем развития производительных сил, то следует напомнить, что такое коммунизм с точки зрения развития производительных сил: это единый народнохозяйственный комплекс, единая мировая фабрика, в котором человек выведен из рутинного процесса производства, а в части средств производства это производство автоматов автоматами. То, что мировое хозяйство движется по этому пути, для специалистов очевидно и не требует доказательств.

Относительно недавно перспективы развития современного общества рассматривались преимущественно в виде двух простых идеологических схем. Прокапиталистическая схема, обещающая «постиндустриальное общество», «государство всеобщего благоденствия» или «конвергенцию» и т.п., фактически останавливала развитие на капитализме; идеологическим венцом этих схем была концепция Фукуямы «о конце истории». Социалистические страны при этом просто не рассматривались; в лучшем случае полагалось, что они тоже вступят на всеобщий путь капиталистического развития. Эти построения – сугубо пропагандистские, поскольку уже в середине 60-х годов ведущие идеологи Римского клуба обратили внимание на внутренние процессы, которые не предвещали капитализму спокойного эволюционного развития, в первую очередь – на грядущий демографический кризис.

Социалистическая схема развития, основываясь на научных разработках марксизма, представляла путь СССР и других соцстран к коммунизму прямолинейным и эволюционным как развитие материального базиса и развитие человеческой личности, а будущее коммунистическое

общество – началом истории человечества. Судьба капиталистических государств виделась как последовательное присоединение к социалистическому лагерю (по одиноким, группами или всей капиталистической системой).

Августовская контрреволюция с формально логической точки зрения показала, что, с одной стороны, ненаучная прокапиталистическая пропагандистская схема блестяще подтвердила свою правильность, а, с другой стороны, показала, что социалистическая схема, выстроенная якобы на научных основах марксизма, оказалась ошибочной.

Причём ошибочность социалистической схемы была не только в том, что Августовская контрреволюция (и сопутствующие контрреволюции в некоторых других соцстранах) внесли существенные изменения в соотношении сил между двумя системами: капиталистической и социалистической системами, и в динамику их взаимодействия (что само по себе весьма важно), но и в том, что эти контрреволюции поставили под сомнение саму прежнюю прямолинейную схему общественного развития. Хотя существование и успешное развитие социалистического Китая и некоторых других соцстран не даёт оснований полностью отказаться от прежней схемы, но однозначно, что её простота и прямолинейность существенным образом нарушены и требуется новая концепция общественного развития.

Говоря об ошибочности прежней схемы развития (социалистической), мы исходили из чисто формально-логического подхода, не затрагивая её глубокой сущности. Но именно понимание глубокой сущности происходивших и происходящих процессов даёт возможность не только научно объяснить происшедшее, но и даёт основания для прогнозов на будущее.

Изложим кратко сущность, а также теоретические и практические основания для предыдущей схемы развития. Как известно, теоретически она была задана в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», и сталинскими оценками до сих пор пользуются большинство как сторонников, так и противников советского социализма. Исходя из сталинской схемы, Великая Октябрьская социалистическая революция установила в СССР государство диктатуры пролетариата, который в союзе с непролетарскими классами, в первую очередь, с кооперированным крестьянством, приступил к строительству социализма – первой фазы коммунистического общества (в полном соответствии с марксистской теорией). Победа в Великой Отечественной войне привела к тому, что к СССР присоединилась группа социалистических стран в Европе и Азии (а

затем и в Латинской Америке), а создание ракетно-ядерного щита исключила военную гегемонию капитализма и его основной ударной силы – США. Эволюционное развитие по пути коммунизма в социалистических странах сопровождалось отпадением от капиталистической системы ряда слабых звеньев и их присоединению к социалистической системе.

Эта схема в своей основе действовала несколько десятков лет и не вызывала больших сомнений ни у коммунистов, ни у антикоммунистов. Но в конце 80-х годов, и особенно после Августовской контрреволюции, практика показала ошибочность старой схемы. Антикоммунисты публично объявили ошибочной заявленную теоретическую основу схемы, то есть марксизм, и этим удовлетворились («произошло то, что произошло, и другого быть не могло»). Большая часть коммунистов, не отказываясь от прежней схемы и теоретической основы - марксизма, стала искать идеалистические, субъективные объяснения провала на практике теоретической схемы: виноваты некие нехорошие личности (Сталин, Хрущёв, Косыгин, «агенты влияния», Горбачёв – перечень можно продолжить); меньшая часть сторонников социалистического пути развития стала предлагать свои теоретические построения, которые, независимо от заявленной приверженности или неприверженности к марксизму, реально были такими же идеалистическими, как и сталинская схема, например, теории «деформированного рабочего государства» (Троцкий), «государственного капитализма в СССР» (Клифф), «мутантного социализма» (Бузгалин) и др.

Идеалистичность предлагаемых схем заключается, в первую очередь, в том, что их авторы не анализируют ни развития производительных сил и экономических укладов, ни структуру и развитие общественных классов.

Начнём с анализа сталинской схемы, в первую очередь – с основополагающего тезиса об СССР как государстве диктатуры пролетариата и с характера Великой Октябрьской социалистической революции, как революции пролетарской, открывшей прямой путь к построению социализма и коммунизма. Ложность этих построений доказывается просто: в России в начале XX века потомственный фабрично-заводской пролетариат крупного машинного производства, являющийся классовой основой пролетарского социализма, составлял весьма малую часть населения страны – около миллиона человек из 150 миллионов населения, что было меньше численности капиталистов (в том числе кулаков) и помещиков в несколько раз. Великая Октябрьская социалистическая революция была революцией рабоче-крестьянской, и после революции в России была не диктатура пролетариата, а совместная диктатура пролетариата и мелкой буржуазии (крестьянства), которая в силу малочисленности пролетариата естественным образом превратилась в диктатуру мелкой буржуазии, об опасности чего предупреждал Ленин. Сталинский социализм оказался социализмом не пролетарским, о котором говорили Маркс и Энгельс, а неустойчивым мелкобуржуазным социализмом, поскольку мелкая буржуазия, как промежуточный класс, с развитием производительных сил распадается на класс капиталистов и на рабочий класс. У мелкобуржуазного социализма, таким образом, два пути – перерасти в социализм рабочего класса или переродиться в капитализм. В конце 80-х в большинстве соцстран реализовался второй вариант; первый вариант до сих пор не реализовался нигде, поскольку этап развития мелкобуржуазного социализма в Китае,

Вьетнаме и др. соцстранах пока не достиг своего завершения. Причины поражения социализма в СССР и концепция мелкобуржуазного социализма излагалась автором не раз [например, 1,2], никем не опровергнута, но сорвать сталинские шоры пока не в силах.

Концепция промежуточного мелкобуржуазного социализма, возвращая нас к уточненной марксистской схеме развития общества, во-первых, вводит для ряда стран этап мелкобуржуазного социализма, явившийся для них тупиковой ветвью развития, а для сохранившихся стран мелкобуржуазного социализма оставляет открытым вопрос о том, будет ли для них этот этап также тупиковым, или это будет одним из боковых русел, влившихся в общий поток пролетарского социализма - или даже ставшим основным руслом.

Однако для создания полной картины не хватает не только недостающей информации о судьбах мелкобуржуазного социализма в Китае, но и не хватает ясности с реальной программой действий капитализма (пропагандистские схемы рассматривать не имеет смысла). Сложности в анализе этой программы не столько в том, что она является тайной и неофициальной; при том, что реально она не афишируется, но и тайной не является. Решение демографической проблемы возможно только одним путём – приведением численности человечества к оптимуму, то есть к его быстрому сокращению не просто в разы, а на порядок - или даже более, чем на порядок [3].

То, о чём молчат большие политики, говорят их мелкие слуги: по оценкам «специалистов» на Земле для устойчивого существования человечества вполне достаточно 40 млн. и даже 40 тыс. человек... Каким путем за весьма короткие сроки можно придти к таким цифрам? Либо почти полным прекращением рождаемости – а как это сделать, ещё не известно (необходимо нечто вроде мирового правительства, необходима моральная поддержка большинства населения и пр.), либо регулярным уничтожением родившихся и живущих – а это либо геноцид, либо война.

Проблем, которые необходимо решить империалистам США на этом пути, предостаточно, но ключевая в том, что необходимы исполнители этих человеконенавистнических планов. Найти убийц миллионов человек – задача вполне решаемая, фашизмом уже пройденная; но найти убийц миллиардов – задача более сложная, поскольку эти исполнители должны быть уверены, что они сами не станут очередными жертвами «урегулирования». Эти планы не могут быть не тайными, но и подготовку к войне невозможно провести тайно, а тем более, провести массовый геноцид без идеологического прикрытия. На первых этапах предпочтительно воевать чужими руками, и до самой победы – под идеологическим прикрытием, ничего не имеющим с истинными целями, например, под знамёнами «свободы и демократии» [4].

Звеньями подготовки к такой войне является предварительное подавление всех возможных очагов сопротивления (Ирак, Ливия, Сирия, Иран, Россия, Китай и др.), создание таких очагов напряженности, которые могли бы в любой момент стать поводом для войны (Крым, Донбасс, Корейский полуостров, Курилы, о-ва Сенкаку и др.)

При этом необходимо также учесть, что сами империалисты не представляют сейчас единую группу единомышленников; внутримпериалистические противоречия пока никто отменить не в силах, и одной из главных целей империалистов США – это уничтожение конкурентов из Западной Европы, Японии и других стран. Для этого ва-

рианта наилучший способ – ограниченная война с противником, который не сможет нанести непоправимый удар, но при этом может нанести удар союзникам-конкурентам, под прикрытием которого можно будет нанести более мощный американский удар по конкурентам: выяснять после войны истинные её обстоятельства будет некому, победителей не судят...

Кто и что может противостоять этим планам империалистов США? Капиталистические конкуренты? Мелкобуржуазно-социалистический Китай? Мировой пролетариат? Представляется, что пока ни одна из этих сил в одиночку не способна противодействовать американским империалистам.

Мировой пролетариат разобщён; при этом наиболее организованный пролетариат империалистических стран (в том числе США) и не является «чистым» пролетариатом, поскольку подкуплен собственной буржуазией, и ему есть, что терять от мировой революции, которая, в принципе, способна решить все проблемы человечества наиболее мягким и разумным путём. Пролетариат стран капиталистической периферии слабо организован, а его реальные возможности, в силу недостаточной мощи экономики этих стран, представляются недостаточными для успешного противодействия неомальтузианцам.

Мелкобуржуазно-социалистический Китай в настоящее время в одиночку также не может противостоять империалистам, тем более, что его внутренняя неустойчивость не исключает катастрофических вариантов развития.

Капиталистические конкуренты не только отстают от США в военно-техническом отношении на десятилетия, не только не организованы в единый блок, но и повязаны едиными военными блоками, оккупированы военными базами США и продолжают быть марионетками США в реализации американских целей. Россия, обладавшая даже после развала СССР мощным военно-промышленным потенциалом, могла бы совместно с Западной Европой создать противоборствующую США силу. Однако США вовремя предприняли все меры для того, чтобы этого не произошло: убрали в Западной Европе потенциальных противников, насадив своих союзников в большинстве европейских стран; а в России, угрожая Ельцину

раскрытием механизмов махинаций и конфискацией наворованных миллиардов, сменили правительство Примакова, пытавшегося проводить независимую политику. Путинско-медведевская Россия превратилась в сырьевой придаток, не имеющий возможностей для реально противодействия США.

Для борьбы за выживание и нормальное существование у разумного человечества нет иного пути, кроме объединения в едином фронте против американского империализма. Задача реальная (силы империализма ограничены своей классовой базой и пределами идеологических манипуляций), но трудная: хотя империалистическое «демографическое урегулирование» угрожает подавляющему большинству человечества, это большинство организационно и идеологически раздроблено и манипулируется мощными проамериканскими СМИ. Противниками класса (части класса) могут выступать как его внутренние структуры во внутриклассовой борьбе, так и другие классы: противостоять мощи империалистического класса США могли бы империалистические кланы других стран, или естественный противник класса буржуазии – рабочий класс, или союз всех «обречённых» классов.

Но чтобы что-то предпринять, необходимо понять ситуацию: на данный момент разоблачение идеологического прикрытия планов империалистов является главным способом борьбы за выживание большинства человечества: тысячи олигархов не смогут противостоять миллиардам людей.

Список литературы:

1. Исайчиков В.Ф. О причинах поражения социализма - «Просвещение», 1, 1995.
2. Исайчиков В.Ф. Национальная ограниченность мелкобуржуазных социализмов – «Просвещение», 1, 2013. «Просвещение», 1, 2011.
3. Исайчиков В.Ф. Идеологическое прикрытия глобализации. – Наука та сучасність: виклики ХХІ століття – Частина ІІІ – Міжнародна конференція, Київ, 31 січня 2014р. Центр наукових публікацій.

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА ПОЛИТИКИ ФРАНЦУЗСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

Иваненко Юлия Андреевна

Магистр, выпускница магистратуры Факультета Международных Отношений Санкт-Петербургского Государственного Университета по программе «Международные гуманитарные связи», г. Санкт-Петербург

После долгого поиска консенсуса по «республиканской модели» [13, С.37], связанной с приобщением нового населения Франции к культуре и ценностям страны, в свете глобализации, а вернее, во французском контексте, мондиализации, появились в академических и политических кругах мнения о том, что необходимо сосредоточить внимание на благоприятствовании культурам и идентичностям иммигрантов, в рамках логики уважения к общинам. В 2013 году правительство меняет курс, меняет подход к интеграции.

Сформулируем причины, по которым мультикультурализм и интеграционные основы адаптационной модели иммигрантов и их потомков были признаны неэффективными как на государственном, так и на локальном уровнях:

- перестали работать главные инструменты ассимиляции: включенность в трудовые отношения и в рабочие коллективы на производстве (глобализация и кризисы привели к сокращению рынка

труда и росту безработицы, особенно среди иммигрантов);

- остановился механизм «социального лифта» и даже высшее образование больше не гарантировало повышения социального статуса. В результате произошла маргинализация значительной части иммигрантского населения, консервирование бедности в этой среде, а в психологическом состоянии иммигрантов появилось обостренное восприятие фактов дискриминации и несправедливого к себе отношения.
- Обособление культур иммигрантов и появление культур сообществ, особенно остро здесь проявляются противоречия по поводу положения женщин и практик исламского фундаментализма
- Отказ от мультикультурализма происходит из конфликта этой концепции с республиканскими ценностями и национальной сплоченностью
- Скептицизм общественных настроений в отношении иммиграции (культурные, социальные, экономические, политические, а также аспекты безопасности, сопряженные со столкновением культур и традиций принимающего государства и иммигрантов).

То, что было инициировано Николя Саркози в 2007 г., а именно создание Министерства иммиграции, интеграции, национальной идентичности и совместного развития, одной из главных задач которого стало «содействие национальной идентичности» [15, С.2], и затем, в ноябре 2009 года, запуск проекта «Общественные дебаты о национальной идентичности» [4, С.1] с целью ответа на главный вопрос дебатов: «что означает быть французом», то приход к власти социалиста Франсуа Олланда и его кабинета переориентирует дискурс политики интеграции, руководствуясь, не столько фактом признания кризиса мультикультурализма в 2011 г. экс-президентом и неоголлистом Н.Саркози, сколько желанием сгладить радикальные настроения в обществе, осуждавшие инициативу Саркози и критикующие саму идею вычленения из массы идентичностей, составляющих на сегодняшний день Францию, особой, единой, французской.

Итак, Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и совместного развития, существовавшее с 2007 по 2010 гг., было преобразовано в одно из ведомств Министерства внутренних дел. Высший Совет Интеграции прекратил свою деятельность в декабре 2012 года. Взамен премьер-министром кабинета Олланда Жан-Марком Эро (занимал пост премьер-министра Франции с 15 мая 2012 г. по 31 марта 2014 года, на данный момент премьер-министром Франции назначен Мануэль Вальс) запустил в 2013 году межминистерскую программу по «изменению подхода к интеграции» [8, С.2], которая была ознаменована следующими этапами:

- 1 февраля 2013 г. – публикация доклада Тьюо (Терри Тьюо – государственный советник Франции, специалист по иммиграции, автор многих исследований на тему интеграции) «Великая нация за инклюзивное общество» [7, С.1].
- Февраль 2013 г.: премьер-министр объявляет о запуске проекта «Пересмотр политики интеграции» [11, С.3].
- Июль 2013 г.: запуск проекта посредством первой встречи пяти рабочих групп квалифицированных

экспертов, компетентных подготовить предложения по реформе интеграционной политики на основе выше упомянутого доклада Тьюо.

- 13 ноября 2013 г.: публикация предложений пяти рабочих групп.
- С января 2014 г. и по наше время – обсуждение предложений рабочих групп экспертов министерствами.

Неэффективность мультикультурализма во Франции, заявленная экс-президентом Николя Саркози в 2011 году, вслед за признанием таких провалов этой политики Ангелой Меркель и Дэвидом Кэмероном в Германии и Великобритании соответственно, была прокомментирована на тот момент французским президентом следующим образом: «Мы не хотим общество, в котором сообщества существуют рядом друг с другом. Если кто-либо приезжает во Францию, он должен принять тот факт, что ему нужно включиться в единое сообщество, национальное сообщество. Если человек не может этого принять, он не должен приезжать во Францию. Если мы будем принимать всех, наша иммиграционная система взорвется» [14, С.2]. Очевидно, причиной краха мультикультурализма стали проблемные аспекты интеграции иммигрантов и их потомков в общество, начиная от трудностей изучения французского языка и принятия республиканских ценностей, в особенности принципа светскости, и заканчивая проблемой безработицы и школьной интеграции. Так или иначе культурные параметры французской нации оказались довольно узки для такого количества мультикультурных сообществ, населяющих метрополию.

Рассмотрим подробнее реформу политики интеграции Франции, запущенную в 2013 г. кабинетом Жана-Марка Эро и изложенную в докладах пяти рабочих групп, сформированных в июле 2013 г, итоги работы которых были представлены премьер-министру 13 ноября 2013 г. в виде докладов, заключающих определенные рекомендации, в частности «признать все миграции составляющими компонентами нации» [5, С.21], а также выделить День памяти вклада миграции и создать Музей колонизации (напомним, что в 2007 г. уже был создан Музей иммиграции и истории). Авторы докладов делают акцент на необходимости создания общей истории Франции, которая бы уделяла истории иммиграции особое место, которое бы подчеркивало ее включенность в общество. Авторы также считают, что школьные программы должны содержать дисциплину «История миграции населения» [3, С.65], которые бы разъяснили школьникам периоды рабства и работорговли, колонизации и деколонизации, иммиграции, потоки беженцев, связанных с Арабской весной, также иммиграции цыган, имевших и имеющих место в истории Франции. Новые языки, появившиеся во Франции вместе с иммигрантами, рекомендуется ввести в школьное изучение. «Это будет способствовать повышению преподавания на арабском языке (...), а также на других языках, вводя их в лучших школах и колледжах» [3, С.36] - конечно же предложения такого рода являются только предложениями, и навряд ли им будет дан ход на уровне государственного решения, так как их направленность в корне отрицает те идеалы и ценности Республики, прописанные в Конституции и формирующие нацию, где французский язык является наиважнейшим символом Франции. Однако такого рода рекомендации авторитетных экспертов гово-

рят о серьезном расколе общества и проблемах неэффективного сосуществования разрозненных общин и сообществ внутри нации.

Пожалуй, красной линией через все отчеты, подготовленные для премьер-министра, идет мысль об «арабо-ориентальном» [10, С.1] измерении французской идентичности. Это измерение предполагает учет афро-карибского, мелано – полинезийского влияние, а также влияния Юго-Восточной Азии и региона Индийского Океана на формирование современной французской идентичности, что должно избавить Республику от постколониального оттенка социальной политики. Касательно вопроса секуляризма, или светскости, то есть основного постулата государства, рекомендации экспертов советуют не дискриминировать в школах ношение одежды, имеющей религиозный характер, в том числе бурок, паранджей и хиджабов. «Религиозная нейтральность в общественных учреждениях» [9, С.5] в этом случае, которая на практике в «Циркуляре Шателя 27 марта 2012 г.» [6, С.3] запрещает «завуалированным» (имеется ввиду выше упомянутая религиозная мусульманская женская одежда) мамам сопровождать школьные экскурсии.

Перечислим основные рекомендации к новой интеграционной политике Франции, выраженные в пяти отчетах рабочих групп в рамках правительственного межминистерского проекта «Пересмотр политики интеграции»:

- Удаление термина «интеграция»,
- Признание множественных идентичностей и множественного числа культур,
- Умножение надзорных органов за правами иммигрантов, в том числе «Счетная палата равенства» [3, С.48] (борется с дискриминацией),
- Оценка государственной политики каждые 5 лет,
- Ограничение на использование циркулярных предписаний закона,
- Пересмотр школьных учебных программ по истории в пользу включения предмета «История миграции населения» [3, С.65] (история рабства и работорговли, колонизации и деколонизации, экономической иммиграции и т.п.),
- Увеличение числа иностранных студентов в ВУЗах и подготовительных классах,
- Увеличение разнообразия средств и методов обучения в школах для детей с трудностями в школах, где преобладают дети из семей рабочего класса,
- Развитие современных языков иммигрантов в школе,
- Удаление дискриминационных школьных правил касательно ношения покрывала (разновидностей женской религиозной мусульманской одежды),
- Введение понятия преступления на расовой почве,
- Введение права на получение определенных льгот почти автоматически
- облегчение условий получения RSA (le revenu de solidarité active – пособие солидарной ответственности - гарантированное законом минимальное пособие для лиц, не имеющих средств к существованию),
- Отмена условия наличия гражданства для доступа к занятости как на государственной службе, так в государственном и частном секторах,

- Пересмотр текстов, которые «сдержат дискриминацию, или чьи индуцированные эффекты носят дискриминационный характер» [2, С.19],
- Создание гарантий общественной безопасности, гражданского мира и целостности людей и благ, в том числе «обязательство явной мотивации в реквизиции контролирующими органами» [2, С.34] (то есть, к примеру, правоохранительное лицо может попросить предоставить документы у прохожего только в случае существования явной на то причины),
- Значительное увеличение сумм резервов на исправление дискриминации в области трудового права.

В заключение хотелось бы отметить, что пять сформированных премьер-министром комиссий, выдвинули действительно такую новую политику по включению иммигрантов и их потомков в общество, которая перечеркивает голлистские идеалы и стремления Республики, расширяя французскую идентичность в ее классическом понимании на основе европейской культуры и христианских ценностей, которая теперь вынуждена принимать новый для себя «арабо-ориентальный» оттенок, отражая, однако, в полной мере тенденции и закономерности всего европейского общества в целом, которое, несмотря на признание некоторыми странами кризиса политики мультикультурализма в 2010-х, не сдается на пути к его реанимации. К сожалению, нет уверенности в том, что смена властвующей политической партии с социалистической на неоголлистскую, принесет реставрацию национальной идентичности в пользу Республики и доминирования французской культуры, так как социальные процессы, наполняющие общества, обладают большей внутренней силой и последствиями, нежели политическая смена курса в современной Франции, и, так или иначе, склонны отражать неминуемый упадок не только французской культуры, но и европейских ценностей в целом. Несмотря на тенденцию спада в количестве иностранцев, получающих ежегодно гражданство Республики («143,275 – столько иностранцев приняли французское гражданство в 2010 г., в 2013 г. – 97318 человек стали французскими гражданами» [1, С.2]). Так или иначе, «856 297 иностранцев стали гражданами Франции за период с 2007 по 2013 гг.» [1, С.2], и, естественно, что французское правительство вынуждено разрабатывать новую систему, новую линию политики, которая бы учла ошибки провалившегося в этой стране мультикультурализма и интеграции.

На сегодняшний день процесс трансформации французской идентичности, вернее тенденцию этого преобразования, определяет формула французского писателя ливанского происхождения, лауреата Гонкуровской премии Амина Маалуфа: «Идентичность не дается единожды всем, она конструируется и трансформируется на протяжении всего своего существования... Только наш взгляд зачастую заключает других в тесные рамки принадлежности (имеется ввиду принадлежности к идентичности), и только наш взгляд способен от этих рамок освободить» [12, С.128]. Нужно подчеркнуть, что все рекомендации экспертов в адрес новой линии политики в сфере адаптации иммигрантов и их потомков являются лишь первым этапом – этапом обсуждения, конкретные действия, обретенные законодательными основаниями, предвидятся лишь после завершения всех консультационных этапов, -

единственным, уже нашедшим свое применение постулатом новой политики стало изъятие понятие «интеграции» из основных официальных документов Республики, а также его употребление в публичных выступлениях считается неблагоприятным, так как уже не характеризует реалии адаптационных моделей иммиграционных потоков в общество.

Список источников и литературы:

Список источников:

1. Acquisitions de la nationalité française selon la modalité d'acquisition - Flux de 2007 à 2013. L'accès à la nationalité française, Immigration, asile, accueil et accompagnement des étrangers en France // Ministère de l'Intérieur, Avril 2014
<http://www.immigration.interieur.gouv.fr/Info-ressources/Documentation/Tableaux-statistiques/L-acces-a-la-nationalite-francaise> 30.04.2014
2. Boebeker A., Noël O. Faire société commune dans une société diverse, Refondation de la politique d'intégration - Groupe de travail « Faire société : pour une égalité réelle », 5 novembre 2013. P.19
<http://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/134000760/0000.pdf> 19.03.2014
3. Dhume F., Hamdani K. Refonder la politique d'intégration - Groupe de travail "Mobilités sociales" // Rapport au ministre de l'Emploi, du travail, de la formation professionnelle et du dialogue social, et à la ministre déléguée à la réussite éducative, Novembre 2013, P.65
<http://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/134000758/0000.pdf> 20.04.2014
4. Grand débat sur l'identité nationale : 25 000 contributions reçues dès la première semaine // Portail du Gouvernement, 18.11.2009
http://archives.gouvernement.fr/fillon_version2/gouvernement/grand-debat-sur-l-identite-nationale-25-000-contributions-recues-des-la-premiere-semain.html 20.03.2013.
5. Lamarre C. Refondation de la politique d'Intégration – GT « Connaissance – Reconnaissance », 2013, P.21
<http://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/134000756/0000.pdf> 20.04.2014
6. Orientations et instructions pour la préparation de la rentrée 2012, Ccirculaire n° 2012-056 du 27-3-2012 // Le

Bulletin officiel, n° 13 du 29 mars 2012

http://www.education.gouv.fr/pid25535/bulletin_officiel.html?cid_bo=59726 19.03.2014

7. Tuot, T. La grande nation, pour une société inclusive, Rapport au Premier ministre sur la refondation des politiques d'intégration, 1er février 2013
<http://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/134000099/0000.pdf> 21.04.2014

Список литературы:

8. Ayrault engage une réflexion interministérielle sur la politique d'intégration // Libération, 11.02.2013
http://www.liberation.fr/societe/2013/02/11/ayrault-engage-une-reflexion-interministerielle-sur-la-politique-d-integration_881012 22.03.2014
9. Hébrard Gabrielle, « L'éclairage du Conseil d'Etat sur les obscurités de l'exigence de neutralité religieuse » [PDF] in Lettre « Actualités Droits-Libertés » du CREDOF, 17 janvier 2014.
<http://revdh.org/tag/circulaire-chatel-du-27-mars-2012/> 22.04.2014
10. Intégration : les propositions du rapport-choc // Le Kovacs S, Intégration : Ayrault présente sa feuille de route sur fond de polémique // Le Figaro, 11.02.2014
<http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2014/02/11/01016-20140211ARTFIG00041-integration-ayrault-presente-sa-feuille-de-route-sur-fond-de-polemique.php> 21.04.2014
11. Maalouf A., Les Identités meurtrières, Grasset, Paris, 1998, P.128
<http://insaniyat.crascdz.org/editions/09/20.htm> 20.04.2014
12. Renaut A., Qu'est-ce qu'un peuple libre ? Libéralisme ou républicanisme, Paris, Grasset, 2004. P.37
http://www.grasset.fr/chapitres/ch_renaut2.htm 21.04.2014
13. Sarkozy: le multiculturalisme, "un échec" // Le Figaro, 10.02.2011
<http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2011/02/10/97001-20110210FILWWW00731-sarkozy-le-multiculturalisme-un-echec.php> 21.04.2014
14. Valluy Jérôme, « Quelles sont les origines du ministère de l'Identité nationale et de l'Immigration ? », *Cultures & Conflits* [En ligne], 69 | printemps 2008, mis en ligne le 16 juin 2008, consulté le 22 avril 2014. URL : <http://conflits.revues.org/10293> 21.03.2014

ВЫБОР: СТАГНАЦИЯ ИЛИ ОБНОВЛЕНИЕ ФЕДЕРАЛИЗМА? (О РОСТЕ ПОТРЕБНОСТИ В ТЕОРИИ ФЕДЕРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ И ВЛАСТИ)

Слизовский Дмитрий Егорович

Д.и.н., профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

Пашенская Регина Александровна

Магистр политологии, соискатель Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

Федерализм в сравнении с унитарным или конфедеративным устройством до сих пор отличался интерактивностью властных отношений, взаимозависимостью между национальными и региональными субъектами правления и управления[1]. Казалось бы, вся длительная история эволюции этого феномена выработало к нему более или

менее адекватное отношение. Не во всех аспектах, но среди его интерпретаторов был все же до определенного момента достигнут компромисс относительно того, как в принципе мыслить и понимать суть этого явления. Но именно в новейшей истории привычные конфликты, связанные с федеративным процессом, протекающие под его

флагом и инициированные от его имени, померкли перед общей проблемой. В ее основе, возможно, непреодолимая сложность постижения и понимания его сути. Или и то и другое есть свидетельство сознательного запутывания некоторой группой политиков и «обслуживающих» их ученых сущности значения федерализма, определения пределов и ценностных смыслов, предопределяемых федерализмом, и вытекающих из федерализма.

К сожалению, некоторым странам, их политической элите, ученым еще только предстоит выработать более широкое представление о федерализме, исходя из резкого обострения международных отношений, угроз одной группы стран другим странам, в частности Российской Федерации, в виде нескончаемого пакета санкций. Предстоит оценить совокупный потенциал федерализма, уже состоявшейся для десятков стран мира формы сложного, но иногда и единственно возможного объединения, а не разединения, - быть и впредь опорой единства, единения, объединения, стабильности, а не разрушения и сепаратизма.

Тему федерализма, федеративных отношений мы всегда рассматривали как такую, которая, не будучи острой до поры до времени, вдруг становится и политически острой, и выходит в рейтинг самых острообсуждаемых среди ученых, специалистов, правоведов, политологов, политиков, законодателей, государственных чиновников исполнительной власти на всех уровнях. Эта тенденция нашей политической и академической атмосферы обнаружена не нами, но много раз подчеркивалась в различных статьях [2, с.2]. Вот и сейчас обнаружился признаки повышения градуса дискуссии на эту тему. И что прискорбно, нет объяснения, почему все же федерализм не принимается в качестве хотя бы тактического хода в разрешении острейшего конфликта на Украине. Озабоченность вызывает и то, что нет внятных объяснений, как мыслит федерализм политический класс современной федеративной России с учетом новых вокруг него коллизий. И главное, не попадает ли под жесткую критику российский истеблишмент по части понимания, что же такое для России есть федеративная политика и какой в этом контексте должна быть ее государственная власть, над чем ей работать, чтобы следовать принципам права, правды и силы и, соответственно, к единству, прочному, а не декларативному объединению? Чтобы отбить атаки порой несправедливой, но и во многих случаях обоснованной критики в адрес федералистов в Российской Федерации, российским федералистам следует обрести выверенную и верифицированную систему доказательств того, что федерализм есть не единственная форма государственного устройства, но может быть единственной политикой выбора для нации, общества, народа и народов в конкретных условиях.

Федерализм, как можно видеть по многочисленным и авторитетным суждениям, для одной группы политиков и ученых является теоретической и практической моделью и основой трансрегиональной и субрегиональной интеграции. Для других видится источником дезинтеграции и сепаратизма, перманентной угрозой распада или слабости политических режимов федеративных стран. Серединное положение среди интерпретаций непримиримых апологетов федерализма и антифедерализма занимают суждения о том, что федерализм все же обладает потенциальной способностью демонстрировать преимущества

«малоформатной политики», обеспечивающей устойчивый экономический рост и более или менее стабильное политическое состояние [3].

Подобные коллизии в сфере развернувшейся дискуссии [4] и другого рода рефлексующие и политические пертурбации более наглядно просматриваются в процессе развернувшейся геополитической схватки за влияние на мировой процесс США, ЕС и Российской Федерации, ее союзников по таможенному союзу и евразийскому экономическому пространству, в аргументации и предпочтениях в пользу одного или другого выбора для элиты и населения и этих стран, и Российской Федерации, и стран ЕС [5]. Стоит обратить внимание не только на ангажированность политических, геополитических, экономических факторов и мнений по ним в данном вопросе в контексте федеративных отношений и федеративной политики и власти, но и значение того фактора, который можно рассматривать в качестве базового и доминирующего. Пронизывают политическую сущность теории и практики федерализма, федеративной политики внутри Российской Федерации и во вне ее, по нашему мнению, идеи, выраженные простым, точным и сочувственным утверждением: «Все проблемы от неуклюжести российской экономики и дипломатии. А жаль» [6, с. 4].

Ни фактор экономический, ни геополитический, ни даже цивилизационный, культурный и исторический, что имеют под собой основания быть доминантными, а фактор качества политики и власти, низкий уровень качества, «неуклюжесть» переносится на авторитет и уровень доверия к власти и политике, и поэтому становится главным, заменяющим и подменяющим собой все остальные. Он и вступает в силу. Он и диктует поведение и формирует предпочтения в выборе - куда интегрироваться.

При подобных, не обязательно ярлыках определения свойств политики и власти, а порой интуитивного, а где и на основе рационального расчета восприятия атрибутов федеративной власти Российской Федерации, уже перестают критически восприниматься заведомо ложные или подтасованные аргументы и факты. «Неуклюжая» политика Российской Федерации, то есть «неуклюжая» федеративная политика позволяет открыто и даже цинично прибегать к фальсификациям и журналу «Форбс» (его - за размещение точки зрения проевропейской бюрократии в связи с позицией Украины по Соглашению с ЕС, статьи, искажающей реальное положение в экономике этой страны при подписании или не подписании этого Соглашения, высмеивают и упрекают некоторые блогеры. Мол, и на такого рода фальшивки способен пойти «солидный» журнал). И на этот же путь становится (некоторые думают, что материал по своему характеру манипулятивного свойства готовят только журналисты) и старший научный сотрудник Института международной экономики Петерсена Андерс Аслунд [7, с. 5].

При неуклюжести политики, являющейся постоянным атрибутом российской власти и политики, перестают действовать явные и грубые искажения ее качественных характеристик. Когда российская власть предлагает все тем же украинцам самые выгодные и не обременяющие ни власть, ни общества предложения, они тоже берутся под сомнение. Взбунтовавшихся украинцев уже не интересуют колониальные условия, на которых Украина подписывает интеграционные соглашения с ЕС. Но они внемлют грубым подтасовкам и искажениям. А фальсификаторы исторических реалий, типа экс-президента Украины В.

Ющенко, считают возможным и допустимым на вопрос, что было бы в случае, если бы Украина присоединилась к Таможенному союзу, инициированному Россией, утверждать:

«Это, по сути, предложение признать свой колониальный статус. Россия говорит: «Мы принимаем вас такими, какие вы есть, не выдвигаем никаких требований и не навязываем вам никаких законов. Нам нужна только ваша добрая воля». Все произошло бы очень стремительно, не было бы никаких трудновыполнимых условий. За эту политику полагается и определенное вознаграждение. Но на самом деле это приглашение в рабство» [8, с. 5].

Чтобы остаться в зоне таможенного и экономического сотрудничества с Россией «нужна только добрая воля». Но и этого оказывается – не нужно. Имперскость в головах не только таких, как В. Ющенко. Ею питают и головы обычных граждан. И это потому, что российская власть и в прошлом [9, с. 6], и сегодня дает примеры симбиоза имперскости. И, что не подрывает чувство надежды, и дальновидных расчетов [10, с. 6].

Не лучше ли закрепить политической элите России вместо неуклюжести стилистику разумного расчета и твердости? И этому, полагаем, будет способствовать федерализм. Даже когда подобного нет сегодня, и в обозримом будущем быть не может. Тем не менее, для России федеративной вполне допустимо, особенно теоретически, что федерализм при определенных обстоятельствах и наполнения его соответствующим политическим содержанием может стать *политическим инструментом* даже в тех странах, которые сегодня его отвергают, или получит дальнейшее развитие в федеративных государствах, поскольку являлся в прошлом и является сегодня наиболее эффективной доктриной и «мягким», но действенным и привлекательным политическим инструментом решения внутренних проблем.

Конечно, уже в этой предпосылке заложена серьезная проблема теоретического свойства. Речь идет о ролевой функции феноменологического предназначения федерализма. Какова же эта функция, вопрошает теория федерализма? Федерализму отводится миссия быть инструментом, всего лишь инструментом? Или федерализм совсем не инструмент, или не только инструмент? Его роли и функции, не инструментализации, а системной пространственно-территориальной артикуляции и агрегирования политического и властного правления и управления; комплекса с отношениями регулятора, координации, а не субординации? И что каждая из этих функций в равной мере схватывается общественными и особенно политическими силами, а последние подобно силам природы действуют слепо, разрушительно, насильственно, пока их не познали? Или современный федерализм имеет другие приоритеты, функции, и подвержен влиянию других принципов, не выходящих за рамки территориально-административных границ управления и организации?

И Россия сегодня по факту в нормативном и своем имманентном значении является и должна оставаться федерацией при всех ее слабостях и недостатках. Но оставаться федерацией уже мало, нужно быть Федерацией в развитии. Возможно такого развития, которое индуцируется системами отношений и ситуациями не только геополитического, но и внутристранового «униполюса» [11, с. 7]. То есть такими системами, которые сдерживают воспроизводство гегемонизма федерального центра, понижают

значение централизма административно-управленческого и повышают уровень правительственного централизма. Под последним мы мыслим такой централизм, который бы творил твердый идейный настрой, четкое понимание правящим классом страны национальных, а не чьих-то или узких интересов, их ясное очерчивание, определение границ этих интересов и последовательное и твердое отстаивание. Основной тенденцией в рамках такой системы-ситуации в структуре федеративных отношений Российской Федерации становится политическая и экономическая диверсификация, формирование внутривнутристрановой многополярной архитектуры отношений, основанной на конкуренции нескольких ведущих регионов страны между собой и соответствующих центров сил и влияния [12]. Но очевидны в этих системно-ситуационных интеракциях, замыслах и действиях неверные и ложные модуляции интерпретации характера политической деятельности. Конкуренция регионов и субъектов федерации может транслироваться в область экономических отношений и ей близких по духу сфер. Но не во всех сферах [13]. Конкуренция и параллелизм порождаются, как известно, эгоцентризмом и эгоистической деятельностью, влекущих за собой к разрушению политических союзнических (федеративных) отношений, политическому атомизму и разброду.

Политическая деятельность и политический характер федеративных отношений есть именно солидарная деятельность. Этому и должна быть подчинена политическая деятельность. Федеративная власть (власть федерального центра и власть регионов) состоит не только из различных, противоположных или одинаковых интересов и целей, но и из одной, единой цели и одного, общего интереса.

Однако такой подход в теоретико-методологическом аспекте оставляет трудноразрешимую проблему-противоречие. Проблемой является пока что нерешенное противоречие, в основе которой прочно утвердившаяся и не сдающая свои позиции другая парадигма. Выразители разных идеологий, даже противоположных политических и партийных убеждений прошлого и современности (И. Ильин, А. Солженицын, В. Жириновский [14, с. 9]), искренно болеющих за судьбу России, неожиданно сходятся во мнении, что будто бы с XV века, с утверждения унитарной государственности, «никогда не возникала ни потребность, ни даже мысль о федеративном устройстве России», и оно внесено теоретическими схемами противников сильной России и внедрено диктаторскими методами. В такого рода представлениях федерализм в России – суть теория и идеология ее ослабления, основа национал-сепаратизма и территориально-пространственной местечковости, и соответствующей им ущербной для единства и целостности страны политики. Современные российские исследователи В.И. Коваленко и А.А. Федякин на примере анализа проблем федерализма российскими мыслителями, неприятие ими идей этого феномена в российской политической мысли выразили в следующих терминах: «Даже академическая наука, начавшая уделять внимание федералистским сюжетам, к мысли о перестройке российской государственности на основе федерализма относились достаточно негативно». [15, с. 63]. Резонно, что в такой ситуации существует и для политического класса, и для общества психологический барьер недоверия к федерализму, опасения его перманентных угроз, сдерживающих политическую модернизацию в федеративном государстве [16].

При таких умозаключениях и предварительных оценках, чтобы снизить уровень опасности политического и психологического напряжения, социальной дискомфорта, теория и методология должна показать и по возможности убедить политическое руководство, активную часть общества придать ему твердость и решительность, уверенность и силу в выборе непростых решений:

- либо отказаться от федерализма и федеративного устройства и довести такой выбор до уровня государственной доктрины и приступить к ее воплощению;

- либо оставить федерализм поклонникам теоретических профанаций, полем сугубо теоретических изысканий и удовлетворения интеллектуального любопытства существующих практиков [17];

- или предпочтительней адаптировать эту теорию, идеологию и политическую практику к нуждам и запросам российского государства и общества в силу их присутствия в политической жизни;

- или же политику адаптации рассматривать лишь временной уступкой сложившейся в целом с федерализмом ситуации и закрепившимися федеративными принципами и отношениями в государственной системе.

И в одном, и другом, и в третьем, и в последующих вариативных ситуациях на повестке дня в Российской Федерации фундаментального уровня теоретико-методологическая проблема [18] - что в федерализме подвергнуть ревизии, как это сделать, какой политической линии и каких практических направлений придерживаться?

В констатирующей интерпретации можно предложить первичную исходную коннотацию общеисторического и политического описания того, что есть федерализм. И того уровня осмысления, каким наделен этот феномен.

Во-первых, в научных, экспертных и партийно-политических оценках по-прежнему отсутствует ясное понимание политического и общественного смысла, который содержит в себе федерализм. Среди сторонников федерализма доминирует разобщенное о нем видение: либо как проблемы административной или бюджетной, либо конституционно-договорной, либо этно-национальной или/и территориально-пространственной. Среди ведущих политических сил в центре и на местах, в регионах нет понимания и видения политического и общественного смысла федерализма, особенно в долгосрочной его перспективе. Еще опасней среди апологетов федерализма присутствие «вульгарного федерализма и регионализма». А его оппоненты и «низвергатели» нередко вообще считают федерализм в мировой системе распределения власти, в частности, в России, слабой и неэффективной системой государственного и общественного устройства и функционирования и предлагают иную форму обустройства. Усложняется ситуация с федерализмом тем, что его проблемы не артикулируются политическими и общественными группами в той мере, какой они заслуживают в силу своего фактического и потенциального политического и социального места и значения.

Во-вторых, федерализм – исторически возникшее и закрепившееся общественно-политическое явление, сложная категория научного исследования, актуальная проблема современности, крупная проблема современного российского общества. Федерализм в современной России включает в себя политико-правовое, социально-

экономическое, этно-конфессиональное и культурное, административно-территориальное измерения. Являясь важнейшим и неотъемлемым элементом политической и социальной системы российского общества и государства, федерализм также переживает сегодня состояние стагнации и стоит перед необходимостью обновления.

Народам России нужна экономически сильная, социально-привлекательная, ответственно распоряжающаяся своим могуществом, стратегически целеустремленная, исторически грамотная в своих отношениях с регионами центральная власть. В свете объективных потребностей в развитии федеративных отношений, политики и власти, обостренного отношения к феномену федерализма тем более важно, чтобы Российская Федерация не превратилась в невежественное и непривлекательное государство, чтобы не увязал в трясине свойственной для нее культуре авторитаризма и деспотизма, недоверия к власти в регионах и на местах. «Недоверие только оскорбляет, давайте больше доверять друг другу и работать эффективно и честно на единое государство» [19, с. 12], - пишет глава Дагестана Р.Г. Абдулатипов. Соответственно к теории федерализма у Российской Федерации возникает серьезный запрос на выстраивание более широкого политического фундамента для развития федеративной политики и власти.

Список литературы:

1. Некоторые аспекты этой темы в самом остром ключе обсуждает Веб-портал «Русскоязычная Украина». В рубрике «Центр исследования федерализма» здесь размещено 35 статей. (См.: <http://r-u.org.ua/?cat=17>).

2. Алехнович С.О., Слизовский Д.Е., Р.А.Пашенская. Централизм и децентрализм в федеративных отношениях: проблемы соотношения принципов. // Вестник РУДН. Серия Политология. №3, 2010. С. 73-83; Они же. Противоречия современной версии российского федерализма: нестабильность системы // Вестник РУДН. Серия Политология. №1, 2011. С. 23-34; Они же. К вопросу о реабилитации теории федерализма. «Вопросы политологии», № 1, 2011. –М.: Национальный Союз политологов, 2011г. С. 92-102; Они же. Дилеммы концептуализации федерализма - политическая субъектность регионов. Актуальные вопросы политической науки. Сборник статей российских и зарубежных ученых. –М.: МАКС-ПРЕСС, 2010г. С. 5-19; Бекбосынов М.Б., Слизовский Д.Е., Р.А.Пашенская. Смыслы современного федерализма: к обновлению интерпретации. Коллективная монография –М.: Институт современной политики, 2011г. С. 28-37

3. Баров С.А. Политические проблемы интеграции в Центральной Азии. – Автореферат дис. на соискание уч. степени к.пол. наук. – М., 2013. С.4; Восток и политика: Политические системы, политическая культура, политические процессы: научно-методический комплекс // Под. Ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2011.

4. Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. - М.: Восток-Запад, 2011.

5. «Я думаю, что главы государств и правительств стран ЕС захотят услышать из первых уст, как он видит ситуацию. Нам известны факты, мы слышали сделанные им заявления, но к нему будут вопросы - что значит "взять паузу", как долго, что мы должны сделать, какими могут быть условия, чтобы Украине было комфортно подписывать это соглашение», - говорил 26 ноября 2013 года в

Брюсселе агентству «Интерфакс-Украина» высокопоставленный европейский дипломат. (См.: <http://interfax.com.ua/news/political/176839.html>. Дата обращения - 26 ноября 2013).

6. <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/247736-vo-chto-oboidetsya-ukraine-otkaz-ot-assotsiatsii-s-evrosoyuzom>.

7. Аслунд А. Во что обойдется Украине отказ от ассоциации с Евросоюзом. // *Forbes*, 16.11.20013. Автор ряда книг, в том числе: *Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed*. – Peterson Institute for International Economics. Washington, DC. October 2007. Википедия утверждает, что Андерс Аслунд «имеет очень предвзятую позицию по отношению к России, что не приемлемо для субъекта, имеющего ученую степень, 16.05.2012». И именно этому ученому журнал «Forbes» предоставляет свои страницы для материала о предпочтениях для Украины соглашения с ЕС в разгар острейшей борьбы, яростных столкновений политических и гражданских сил страны по данному вопросу.

8. <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20131128/215183260.html> (Дата обращения – 02.12.2013).

9. Приведем пример «неуклюжести», имперскости политики не современной, а еще той, российской (монархической) политики в контексте жизненных и профессиональных пертурбаций сторонника федерализма, выдающегося историка М.С. Грушевского. Этой самой неуклюжей и имперской политики, даже не столько имперской, сколько похожей на нее, о которой говорит современный историк А.И. Миллер: «Численность поляков и украинцев в Галиции было примерно равной, но контроль над администрацией и Сеймом был в руках поляков. Их политика в отношении украинцев была более либеральной, а точнее сказать, менее репрессивной, чем царских властей. Но полной культурной и политической эмансипации украинцев поляки не хотели и потому не раз ставили Грушевскому палки в колеса. ... Упорное нежелание Грушевского отказаться от российского подданства было связано с его надеждами вернуться в Россию, где жило большинство украинцев. Он понимал, что в конечном счете не в Галичине, а именно в надднепровской Украине будет решаться судьба его народа. Вплоть до 1917 г. он надеялся на переустройство России на демократических и федеративных принципах». (См.: *Миллер А.И. Предисловие* в кн. М.С. Грушевский. Иллюстрированная история Украины. – М, 2001. С. X).

10. Пример, с нашей точки зрения, взвешенной стилистики комментирования острых проблем политического кризиса в Украине показывал в недалеком прошлом А. Кудрин. Что важно, этот уровень качества показывает собственно тип политика, сформированного в кабинетах президентской администрации. Это он говорит: «Предложение России по трехсторонним переговорам является хорошим шагом, поскольку позволяет примирить режимы функционирования трех торговых зон и найти оптимальный для украинской экономики путь. Украина рано или поздно будет интегрироваться с Европой, но лучше это делать и последовательно, и постепенно». (См.: Газета «Коммерсантъ», 03 декабря 2013). Президент РФ В.В. Путин, находясь в Ереване, посчитал нужным заявить, что происходящее в Киеве, - это никакая не революция, а погромы, подготовленные извне. А американцы заявили, что они поддерживают народ и стремление украинцев идти в

Евросоюз. Разительная разница в оценке ситуации и мотивации участников и организаторов событий в Украине. Не только обманутые посулами получить европейский уровень качества жизни без длительной дрессировки и выучки, но и искренне жаждущие стать на путь европейской интеграции, конечно же, воспримут оскорбительным для себя обвинения в причастности к погромщикам. Кто так заявляет и в таком ключе говорит – не есть обязательно субъекты политики и власти с признаками слабости ума и недалекости. Но это точно носители определенной политической линии, политической стилистики мышления, не свойственные для политиков, принявших идеи федеративной политики, федеративных отношений, то есть отношений, развивающихся как отношения солидарные и высокого такта между множеством автономных политических субъектов. Возможно, это объясняет ту ситуацию, при которой и более двадцати лет спустя, после получения «незалежности» Украиной, и при режимах В. Ющенко и В. Януковича, политики, члены «Партии регионов», покидая эту партию, например, И. Богословская, находят для себя достойным и, возможно, сильным политическим шагом, заявить: "Это мое суверенное право, как и право Украины быть свободной от империи Владимира Путина". (См.: <http://podrobnosti.ua/power/2013/11/30/945356.html> (Дата обращения - 03.12. 2013). Высший рейтинг - + 7 на такое сообщение в сетях получил комментарий: «Оказывается, Иннуся из "путинского рабства" бежит. И куда ж она бежит?». И рейтинг минус 6: «Богословская молодец!». Равные рейтинги общественного признания получают в это же время, время бурных событий в Украине, в РФ партия «Единая Россия» (ЕР) и «Партия регионов» в Украине. Как и идентичны рейтинги двух лидеров двух стран. Что-то общее присуще и двум лидерам, и двум странам, приступивших к новому витку «переживания» своих исторических судеб. И этим общим является политическая судьба и двух стран, и двух героев истории, двух лидеров – с одной стороны, Даниила Галицкого, с другой – Александра Невского.

11. http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicakcii_Polisa/S/1997-2-5-Straus_Unipolarnost.pdf.

12. Зубов В., Иноземцев В. Сибирский вызов. – М.: Изд-во Перо, 2013; *Н. Зубаревич*. Страшилки экономического сепаратизма. // *Ведомости*, № 215, 20 ноября 2013.

13. Cerny P. The Competition State Today: From Raison d'Etat to Raison du Monde. – *Police Studies*. Vol. 1, Issus 31, 2010, P. 5-21; *Черни Ф.Г.* Парадоксы государства конкуренции: динамика политической глобализации. // *Правительство и оппозиция (Government and Opposition)*, т. 32, выпуск 2, с. 251-374, апрель 1997.

14. В главе «Федерация» (с. 172) своей книги «Государство» еще в 2001 году В.В. Жириновский писал: «Мы видим основной порок нынешнего, как и советского государственного устройства, что привел к распаду СССР, в существовании национально-территориальных образований, объединенных в федерацию». В 2010 году в интервью радиостанции «Эхо Москвы» В. Жириновский вновь упорно утверждал: «Федерация -... убивает Россию...» (См.: Радиостанция «Эхо Москвы». - <http://www.echo.msk.ru/programs/att-history/664402-echo/>).

15. Коваленко В.И., Федякин А.В. Проблемы федерализма в трудах мыслителей русского зарубежья. // *Вестник Московского университета*. Серия 12. Политические науки. 5/2011).

16. По данным ряда исследований федерализма его проблематика находится на «периферии общественного сознания» российского общества. Например, исследование, проведенное авторским коллективом (Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Комиссаров А.А., Моисеев В.В., Шубина Л.В., Халкина Е.В.), фиксирует следующую картину: «**В настоящий момент принципы административного деления федерации не являются предметом пристального внимания региональных элит, а у населения вообще не существует мнения по поводу должного административно-территориального деления Российской Федерации.** Преобладающая в ответах экспертов мысль заключается в том, что система находится в устойчивом равновесии, и никакие изменения не требуются, поскольку могут привести к возникновению проблем и конфликтов». При этом одновременно результаты массовых опросов показывают противоречия во мнениях населения по ряду позиций. В частности, с одной стороны, большинство опрошенных высказываются за сохранение существующего административно-территориального деления страны, с другой, - то же самое большинство положительно относится к сокращению числа субъектов РФ. Как

бы суммируя общий настрой, ученые делают вывод: «Данная тема находится на периферии общественного сознания, во всяком случае, не относится к числу актуальных на сегодняшний момент проблем». (См.: Состояние и перспективы развития российского федерализма в массовом сознании и экспертных оценках. Итоговый аналитический доклад. ЦИРКОН, 2011. С. 8. // <http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/>).

17. Термин Эльвина Тоффлера: «...модель лучшего общества, но, в отличие от утопии, признаётся неидеальность данного общества».

18. Иная позиция у иных политиков и в других ситуациях. Например, для экс-президента Украины В. Ющенко федерализация, - это «...то, что посягает на ... соборность, целостность территории, линию границы». Он убежден, что идея федерализма не отвечает правовым основам, традициям и истории его страны. «У нас нет почвы, чтобы даже теоретически начать дебаты по этому вопросу». (См.: Межрегиональный Союз местного самоуправления Украины - <http://federal.org.ua/node/327>).

19. Проверь, но доверяй. Аргумента и Факты. № 27, 2014.

УДК 323.171

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Павелкина Лариса Сергеевна

Дальневосточный Федеральный университет

В данной статье рассматривается развитие института президентской власти в России в период с 2004 года. Сравнив различные точки зрения экспертного сообщества и опираясь на данные центров по изучению общественного мнения, автор приходит к мысли, что за период в России институт президентства повернул к сужению демократических рамок и постепенному внедрению практики преемничества, которая продолжает набирать обороты.

Ключевые слова и фразы: президентская власть, предвыборные президентские кампании, политическое экспертное сообщество, политический процесс, политическая конкуренция.

Предвыборная кампания 2004 года в России показала, что в условиях демократии народ явно выражает негативное отношение к попыткам правительства направлять его волю. Необходимость административных мер для обеспечения явки избирателей в главных выборах государства показало, что наиболее оптимальным вариантом было поставить народ в такие условия, когда демократические рамки сужаются, и тем самым свобода выражения своего мнения и его самостоятельного формирования будут снижаться.

В своём выступлении в феврале 2006 г. Сурков анонсировал стремление Кремля сохранить доминирование партии в российской политике ближайшие 10-15 лет. Для этого при Путине была сформирована политическая система, при которой влиятельных политиков 90-х годов прошлого века сменили чиновники, не приспособленные к открытой политической конкуренции, поэтому в любом политике видели потенциальную угрозу и стремились покончить с такими людьми [8]. Так были уничтожены

даже ростки полноценной оппозиции, устранена политическая конкуренция и фактически введена монополия на общественную деятельность.

Были приняты законы, исключавшие возможность общественного контроля над деятельностью государства. В результате в России сформировалась бюрократическая форма управления, когда не институты определяют рамки активности политических акторов, а акторы подгоняют институты под свои потребности [1, с.29]. Пропасть между властью и народом стала непреодолимой, а власть утверждала, что за восемь лет создана база для уверенного старта в светлое будущее. Поэтому было закономерным появление к началу предвыборной кампании 2008 года персоны, которая должна была быть преемником существующей власти.

О Дмитрие Медведеве как о вероятном преемнике Владимира Путина заговорили осенью 2005 года, когда он, будучи главой администрации президента, был назначен куратором совета по реализации приоритетных национальных проектов и первым заместителем председателя правительства. В этот период среди политологов появляются мнения, что российская политика соскальзывает в многовековую колею авторитаризма, а традиции авторитарного правления, опирающиеся на устойчивые архетипы «самодержавной политической культуры», в России настолько сильны, что их нельзя преодолеть никакими «демократизаторскими» усилиями [1, с.29].

Таким образом, победа на президентских выборах Медведеву была гарантирована. Эксперты сходились во мнении, что это означало ту самую преемственность курса развития России, о которой столько говорили Путин и единороссы. Фактически события развивались так быстро, что среднему гражданину, поглощенному своими

повседневными делами, оставалось только констатировать факты и наблюдать спектакль, чувствуя себя только зрителем, чье мнение никак не повлияет на ход действия [6].

В целом отношение к нему можно было назвать умеренно позитивным, хотя его фигура не находилась в фокусе внимания. По данным еженедельных опросов, рейтинг доверия к нему после заявления Путина о поддержке его кандидатуры составлял 13%, в то время как рейтинг недоверия - около 5% [12]. Интересно, что образованный слой общества оценил Медведева как «своего»: интеллигентен, культурен, грамотен. Хотя, по сложившимся в экспертном сообществе представлениям, образованных людей должна была бы в первую очередь волновать недемократичность выборов.

Экспертами предполагалось, что авторитет Путина столь велик, что передача власти вызовет критику только среди интеллигенции. Однако первая массовая реакция всех слоев населения показала, что был воспринят негативно именно сам факт транзита власти. Такая реакция людей опровергала тезис о том, что демократия не присуща российскому народу, что он к ней не привык или не приспособлен.

Уже на старте кампании было заметно отсутствие такого мотива голосования за Медведева, как доверие Путину, хотя ожидалось, что он будет преобладающим. Рекомендация Путина оказалась решающей в том, что Медведев попал в поле зрения народа в качестве потенциального президента. В дальнейшем этот аргумент практически исчез.

Важно, что еще с середины января как бы сама по себе исчезла тема недемократичности выборов, сознательное развитие в направлении ухода от этого вопроса при помощи создания важности других вопросов, эффекта зашумления. Политики считали, что фактическое назначение президентом означает продолжение чекистско-олигархического правления в России. Отсюда же вытекала проблема взаимоотношений нового президента и Путина: затянет ли их логика аппаратного противостояния.

К апрелю 2008 г. народ уже признавал в Медведеве президента, а Путина в роли авторитетного советчика, консультанта. Более того, парад на Красной площади с использованием военной техники (впервые за постсоветскую историю), который 9 мая 2008 г. принимал президент Медведев, показал иной вектор возможного изменения политики РФ, в направлении «имперско-советско-президентской» модели [5].

Однако с конца 2009 года имидж Путина приобрел некую оппозиционность по отношению к Медведеву и его курсу. К лету 2010 года стали появляться материалы о нестабильности отношений президента и премьера, что будоражило общественность и вносило неопределенность в отношение к ним. Пресса сообщала о противоречиях между ними по многим ключевым вопросам политики и экономики, одним из которых было участие в следующих выборах. Все это способствовало снижению авторитета обоих. Однако были мнения, что ситуация с мнимыми разногласиями нагнеталась с целью подогреть интерес к обеим персонам у общественности в ситуации падения их рейтинга. Кроме того, когда общество отвлекается на муссирование процессов, не имеющих важного значения, оно может пропустить возможные важные для него экономические и политические преобразования. У населения стало расти недоверие к ключевым «лейблам» власти:

Медведеву, Путину и "Единой России" и набирать силу тенденция «проголосую за кого-то третьего» [6]. Появились мнения, что реально такого пока нет, а если он появится, то власти не допустят его к выборам.

Летом 2011 года эксперты сомневались в жизнеспособности механизма преемничества, так как повторение этого опыта может нанести сильный удар по легитимности власти вследствие очевидного факта политического манипулирования. В октябре 2011 года ситуация разрешилась заявлением Медведева на съезде «Единой России» об отказе принимать участие в выборах, призывами отдать голоса за «Единую Россию» и предложением выдвинуть на пост президента Владимира Путина. В результате перед властью стали вопросы: как вызвать интерес электората к двум масштабным избирательным кампаниям, если результат очевиден заранее, а политическая интрига отсутствует напрочь; и как обеспечить явку на выборы [4].

Анализируя предвыборную кампанию Путина, важно отметить, что реально она началась задолго до официального старта и длилась до последних часов перед назначенной датой. Шло массовое освещение рабочей деятельности премьер-министра, наблюдалась существенная диспропорция в его пользу между упоминаниями в СМИ о нем и о его соперниках. Особенно это стало явным после новогодних праздников 2012 года. Накануне, после выборов в Госдуму наблюдался всплеск протестной активности граждан. Индекс информационного благоприятствования Путина заметно снижается, а частота упоминаний в прессе Навального и Кудрина в связи с митингами динамично растет. Затем наступает десять дней полного затишья, когда СМИ практически не касались политических тем. За это время медиа-сфера была оперативно реформатирована под нужды приближающейся избирательной кампании. А с наступлением рабочих дней картина кардинально меняется. Наблюдается тотальное доминирование Путина не только в количестве упоминаний в СМИ, но и в характере освещения, когда индекс информационного благоприятствования Путина в разы превышает этот показатель у других кандидатов.

В итоге победа В.В. Путина в выборах 2012 года не удивила ни рядовых граждан, ни политологов. Звучало множество комментариев о том, что демократический процесс в России постепенно завершается, однако были и относительно оптимистичные мнения, что современный институт президентства в РФ эволюционирует, а Путин в какой-то мере уже стал символом стабильности. [10] Однако экономисты склоняются к тому, что его победа обусловлена неожиданностью граждан перемен к лучшему, а опасениями относительно ухудшения ситуации. [3]

Фактически тенденция передачи власти сохранилась, хотя и не была столь явной, как в предыдущей кампании.

Существуют мнения, что на третьем президентском сроке Путин стремится выступать идеологом гражданского общества и найти ценности, способные сплотить и объединить нацию [10]. В ходе нынешнего президентства в результате внутривнутриполитических трудностей ему не удастся избежать падения популярности, поскольку протестный потенциал в стране не реализован полностью [8], хотя и ряд законодательных инициатив существенно снизил возможности четко выраженного протеста в современной России, и потому ему следует задуматься о подготовке нового преемника [2]. В условиях

же внутренних сложностей одним из беспроигрышных способов объединения нации вокруг сильного центра является появление внешнего врага и угрозы извне. В данном случае ситуация вокруг Украины послужила в какой-то мере снижению протестной активности в России и привлекла внимание общественности к действиям центра, к одобрению их, поскольку здесь идет эксплуатация патриотических чувств, механизм воздействия кроется в коллективном бессознательном.

Таким образом, за данный период в России можно наблюдать следующие тенденции в развитии института президентства в России. Явно осуществляется сужение демократических границ во внутренней политике. В июле 2011 года принято постановление о передаче 13 крупнейших ФГУПов, связанных со СМИ, под непосредственный контроль правительства. Этот шаг вполне вписывается в концепцию «ручного управления», которым оно руководствуется на протяжении последних лет.

Предсказуемость современной российской политики и управление политическим процессом из единого центра исключает конкурентную борьбу политических сил, делая ненужными и институты, обеспечивающие политическую конкуренцию. Имитируемая «политическая борьба» не может привести ни к смене лидера государства, ни к смене политического курса. Российский гражданин уже научился понимать разницу между реально действующими институтами политической конкуренции и их имитацией [1, с.25-27].

Несмотря на многопартийность, целенаправленно ведется работа по укреплению позиций одной партии. Власти оказывают решительное противодействие попыткам сторонников радикальной оппозиции консолидироваться и воздействовать на общественное мнение посредством массовых акций. В результате протестные действия предстают в сводках телевизионных новостей всего лишь как выходки кучки хулиганов и провокаторов. Для существующей власти безопаснее подавление любых проявлений свободного волеизъявления, предоставления народу готовых решений и умение убедить его путем политических и технологий, что это именно его решение.

Список литературы

1. Беляева Н. Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис, 2007. № 1. С. 26-29.
2. Гришаева О. Н. Третий президентский срок В. Путина: к вопросу о легитимности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культура и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №3. Часть 2. С.61-63.
3. Магарил С. Единодержавие Путина: итоги и «перспективы» // Свободная мысль. 2012. №6. С. 31-44.
4. Макаренко Борис: выражать свой "нах-нах" просто глупо // Электронный ресурс <http://www.utro.ru/articles/2011/10/18/1005324.shtml> // Доступ 19.10.2011.
5. Мисюров Д. А. Символическое моделирование в России: трансформации «имперско-советско-президентской» модели // Полис, 2009. № 3, С. 134.
6. Павелкина Л. С. Общественное мнение как инструмент в политических процессах РФ и США. Монография. Владивосток, Издательский дом ДВФУ, 2013. С. 134.
7. Рейтинги Медведева, Путина и «Единой России» упали до рекордного минимума. Электронный ресурс // <http://gorod48.ru/news/34592/#> // Дата обращения 16.06.2011.
8. Россию снова ждет большой террор?// Электронный ресурс <http://www.spbipp.ru/pc/society/?terror> //Дата обращения 11.06.11.
9. Скиперских А. В. Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области) // Теории и проблемы политических исследований. 2012. №2-3. С. 58-70.
10. Третий срок президента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lentacom.ru/reviews/4.html> (дата обращения 25.12-2013)
11. Третий срок В. Путина: эксперты о работе президента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ria.ru/politics/1012004/766099191.html> (дата обращения 25.12-2013)
12. Ульянова Л. Президентская кампания Д.Медведева в зеркале фокус-групп Путина // Электронный ресурс <http://www.sbelan.ru/content/%D0%BF%D1%80%D0%> // Дата обращения 12.06.11
13. Цветкова Е., Корольков Н. Путин «видит соломку в чужом глазу и не видит бревна в собственном» // Электронный ресурс <http://www.spbipp.ru/pc/society/?silence> Дата обращения 11.06.11.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕЗИДЕНТСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРСОНОЛОГИИ И ПРЕЗИДЕНТСКОГО ЛИДЕРСТВА

Стрелец Илья Эрнстович

Канд. полит. наук, ст. преподаватель факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва

Президентское лидерство в политической психологии принято определять, как взаимодействие двух компонентов. С одной стороны, это должностной статус главы государства как атрибут высшей власти в стране, который наделяет политического деятеля соответствующими полномочиями. С другой стороны, это непосредственная деятельность данного лица по исполнению конституционных обязанностей, на которую накладывают свой отпечаток

личностные качества лидера и индивидуальные особенности проводимого им курса [7]. Первый компонент отличается сравнительной устойчивостью, а второй – изменчив, поскольку служит основанием для повышения или понижения рейтинга президента у граждан своей страны и за ее пределами.

Институт президентства возник в Соединенных Штатах Америки и за 200 лет своего существования распространился по всему миру, претерпевая изменения с учетом специфики разных государств. С течением лет в каждой из стран с президентской формой правления он становился ключевым звеном в решении вопросов внутренней политики, национальной безопасности, международных отношений.

Изучение феномена президентства в США началось только с начала 1930-х гг. На протяжении восьми десятилетий эта проблематика продолжает привлекать специалистов из различных областей, таких как политология, психология, социология, право, философия, журналистика. Подобная мультидисциплинарность позволяет на сегодняшний день рассматривать практически все аспекты президентства, включая дистантное изучение самих политиков, занимающих высший пост в государстве.

Вопрос о том, личность какого президента открыла эпоху системных исследований в США и оказалась в фокусе внимания ученых первой, также остается дискуссионным. Хотя статус этого научного направления сейчас никто не оспаривает, поскольку в пользу данного факта свидетельствует успешно развивающийся с 1970-х гг. Центр исследований института президентства и Конгресса США – *CSPC (Center for the Study of the Presidency and Congress)*.

В пользу важности данного направления для США свидетельствует и факт издания *CSPC* собственного отраслевого научного журнала «Ежеквартальные президентские исследования» – *PSQ (Presidential Studies Quarterly)*. На его страницах публикуются аналитические статьи, результаты новейших исследований, обзоры книг, эссе и пр., связанные с принятием основополагающих решений, касающихся внутренней и внешней политики, взаимоотношениях Президента США с Конгрессом, судебными органами, высшими чиновниками, общественностью и СМИ.

Очевидно, создание *CSPC* стало определенной реакцией американской политической системы на череду «кадровых неудач», связанных с преемниками 35-го Президента США (1961 – 1963) Дж. Ф. Кеннеди на посту лидера Соединенных Штатов. Если не касаться объективных причин распада СССР, то среди субъективных, несомненно, – наступательная внешняя политика по отношению к Советскому Союзу. Она опиралась на данные, в том числе, *CSPC*, эксплуатируя недалекость, стратегическую слабость, да и необразованность советских лидеров 1960 – 1980 гг., чем активно пользовались американские президенты того периода.

Часть специалистов считает, что изучение президентства стартовало в 1932 г. работой З. Фрейда и У. Буллита о Вудро Вильсоне [16], увидевшей свет только в 1967 г. по этическим причинам. В. Вильсон, 28-й Президент США (1913 – 1921), запомнился современникам реформатором и ярким оратором. Колоритность его личности, декларирование своей мессианской роли при нестабильности нервной системы – все это неоднократно привлекало ученых, вдохновляя на психобиографические изыскания [15; 17; 18; 19; 26; 33; 38].

Однако подавляющее большинство специалистов настаивает, что эпоха изучения президентства началась с 32-го Президента США (1933 – 1945) Ф. Рузвельта, который поставил рекорд в американской истории, четырежды переизбравшись на высший пост в государстве (1933, 1937, 1941, 1945 гг.), ради чего была внесена соответствующая поправка в Конституцию США. Он объявил в 1933 г. «Новый курс» (*New Deal*), позволивший вывести Соединенные Штаты из «глубокой депрессии» 1929 – 1934 гг., удержал от социально-политических потрясений и выступил с рядом внешнеполитических инициатив, обеспечив вхождение США в антигитлеровскую коалицию. За время его правления Белый Дом стал центром притяжения власти, мотором торговли, генератором инициатив, локомотивом социальных реформ. Поэтому вполне закономерно единодушие авторов, работающих в рамках различных парадигм, но разделяющих одну точку зрения, для которых именно с персоны Ф. Рузвельта стартовало всестороннее и системное исследование современного американского президентства в США [11; 22; 27; 28; 32, и мн. др.].

Что же касается отечественных политиков, возглавлявших страну, то рассмотрению подвергались персоналии практически всех руководителей коммунистической партии и советского государства – от В. И. Ленина до М. С. Горбачева, а впоследствии и постсоветские лидеры России [20; 21; 29; 34; 39, и др.].

Если из всей научной литературы по президентству выделить публикации в рамках политической психологии, то можно заметить, что исследователи зачастую придерживаются разных методологий – психоанализа, функционализма, бихевиоризма, когнитивизма, мотивационных концепций, ролевых теорий или интеракционизма. Одни являются апологетами определенных персонологических концепций, другие одновременно применяют несколько подходов, пренебрегая методологической рефлексией. Поэтому выработка интегративной политико-психологической теории президентства до сих пор остается нерешенной задачей.

Тем не менее, в научной литературе понятие «президент страны с президентской или смешанной системой правления» формулируется сопоставимым образом. Если обобщить дефиниции, опуская несущественные расхождения, то получится следующее определение. *Президент* – это высший руководитель государства, избираемый на определенный срок всеобщим голосованием, парламентом или коллегией выборщиков, который находится на вершине властной иерархии, объединяет и сплачивает общество, задает направление деятельности государственным и общественно-политическим институтам, планирует и координирует политический курс, делегирует и распределяет полномочия, контролирует их применение, гарантирует исполнение конституции, защищая права и свободы граждан.

Также большинство специалистов, несмотря на компилятивный и междисциплинарный характер президентских исследований, рассматривают данный феномен в трех плоскостях. Во-первых, с точки зрения личностных

характеристик лидера. Во-вторых, как реализацию должностных обязанностей с учетом внутривнутриполитического контекста и международной обстановки. В-третьих, как взаимодействие президента и политической среды в рамках индивидуального лидерского стиля. Причем, рассматривая взаимодействие лидера со средой, считается целесообразным учитывать влияние как политических и избирательных технологий, так и особенности взаимоотношений между различными группами национальных и мировых элит [5; 9, 36, и др.].

На подобной позиции настаивает руководитель многофакторных исследовательских проектов М. Дж. Херманн [24]. Она выделяет такие аспекты, как личностные качества президента, особенности его взаимодействия с партнерами по политическому контексту и их характеристики, а также реализацию этого взаимодействия в политическом поведении в конкретной политической ситуации. В аналогичном ключе проводит анализ современного президентства автор методики изучения мотивационного профиля политиков Д. Уинтер [8], предлагая рассмотрение четырех независимых переменных, находящихся в динамическом взаимодействии: особенностей личности, демонстрируемых в политическом поведении; соотношения мотивов власти, достижения и аффилиации; знаний, убеждений и ценностей, озвучиваемых в публичной риторике; социального контекста.

По-иному расставляет приоритеты в своих исследованиях не менее известный авторитет в области изучения президентства Ф. Гринстайн в своей серии книг по лидерским стилям высших американских руководителей от Ф. Рузвельта до Б. Обамы. Этот автор не отрицает значимости личностных особенностей самих политиков. Но он подчеркивает необходимость рассмотрения данных характеристик в самой тесной связи с конкретным международным и внутривнутриполитическим контекстом. Поскольку именно ситуация задает границы, в которых президент взаимодействует с политической средой, предоставляет ему новые возможности для действий или создает препятствия [23]. Особое внимание Ф. Гринстайн уделяет критериям описания ситуационного контекста, повышающих значимость личностного компонента в политике, так как, когда глава государства обладает ресурсами конституционных полномочий, и ситуация позволяет ему использовать власть для воздействия на политический процесс, тогда и будет иметь место влияние его личности на политический курс.

Обе позиции имеют своих сторонников, последователей, методический инструментарий, а также научных предшественников, которые были приверженцами различных теорий лидерства: «героев», «среды», «личностно-ситуативных», «мотивационных» и других. Очевидно, для полноты анализа президентского лидерства необходимо использовать результаты, полученные представителями каждой из концепций, расставляя акценты в соответствии с исследовательскими задачами.

Между тем, в рамках изучения данной области уживаются не только разные подходы, но и несхожие системы их классификации – в соответствии с отличными

друг от друга принципами, положенными в основу деления. Среди разных направлений можно заметить некие общие тенденции и выделить *три тренда* в изучении института президентства: *научно-отраслевой* (дисциплинарный), *стилевой* (оценочный), *методологический* (предметный).

К *научно-отраслевому* тренду относятся публикации Р. Пайеса, дифференцировавшего исторический, правовой и психологический подходы [31]; Дж. Олдрича, настаивавшего на отдельном рассмотрении правовых структур, процесса осуществления власти и психологии президента [10]; Дж. С. Эдвардса III и С. Дж. Уэйна, обозначивших изучение президентской власти, а также психологический, институциональный и правовой подходы [14]. Данной логики придерживаются и российские исследователи президентства, такие как В. А. Зорин, выделяющий институциональный, лидерский и психологический подходы [4]; Ю. В. Ирхин, отмечающий специфику личностного, элитного, технологического подходов [5], и др.

В рамках *стилевого* тренда, в свою очередь, президент оценивается как лидер страны. Среди иностранных авторов данного тренда можно особо выделить таких, как Р. Шмидт, противопоставлявший «символ нации» «творческому лидеру» [35]; Ю. Дженнингс, описавший «мифологического героя», «сверхчеловека», «государя-самодержца» [25]; Х. Барджер, отличавший – в зависимости от степени «вменяемости» лидера страны – президентство сбалансированное и гибкое от ограниченного конституционными поправками [12]; Б. Пэйдж и М. Петракка, охарактеризовавшие «великую личность» наряду с «чиновником-бюрократом» [30]. Среди отечественных обзоров, где анализируются зарубежные подходы, особое место в рамках данного тренда занимают публикации Г. К. Ашина и Н. И. Бирюкова, которые выделяли структурные, функциональные, объектные, ситуативные, характерологические и интегральные концепции [1; 2]; а также Д. В. Ольшанского, описавшего различные типологические классификации [6], и др.

В *методологический* тренд вписываются публикации, в которых политико-психологические работы группируются по предмету исследования и соответствующим методам его изучения. Этот подход использован в исследовании американского президентства II-й половины XX в., которое было проведено Е. В. Егоровой-Гантман, выделившей психобиографический или психоисторический подход, анализ отдельных особенностей характера президента, реконструкцию интегративной модели его личности, а также сравнительные сопоставления в рамках метода *case study* и его модификаций [3]. Обобщение работ данного тренда предпринято в совместно опубликованном труде таких американских специалистов, как М. Коттэм, В. Дайц-Ухлер, Е. Маторс и Т. Престон которые охарактеризовали президентские психобиографии, основанные на психоанализе – либо эго-защиты, либо конкретных личностных патологий; а также исследования персональных характеристик личности, мотивации или когнитивного стиля президента в соответствующем контексте: либо восприятия информации, либо принятия решений, либо межличностного взаимодействия [13].

Если подвести промежуточный итог в обзоре теоретико-методологических подходов к изучению президентского лидерства, то можно заключить, что более чем за полвека данное направление структурировалось в специальную отрасль политической психологии. С одной стороны, очевиден нарастающий интерес исследователей к изучению личностного компонента в деятельности глав государств. С другой стороны, и в отечественной, и в зарубежной литературе пока недостаточное внимание уделено политико-психологическому рассмотрению российского президентства в культурно-историческом, конституционно-правовом и ситуативном политическом контексте. В большинстве публикаций внимание либо сфокусировано на частных аспектах данного феномена, либо отсутствует единая теоретико-методологическая база, поскольку авторы зачастую представляют не только разные концепции, но и различные научные дисциплины.

В этой связи можно отметить, что современные концепции исследования президентского лидерства выявляют необходимость создания персонологической теории президентства, которая могла бы интегрировать наработки политико-психологических исследований данной предметной области. В качестве первых шагов на этом пути видится рассмотрение и систематизация объемного массива русскоязычных и иностранных публикаций по феноменологии президентства в рамках *трех направлений*:

- *личностного*, трактующего данный феномен как проявление публичной активности человека, который занимает высший пост в государстве, демонстрируя психологические качества, сформировавшиеся как в динамике его социализации, так и в процессе политической деятельности, предшествующей инвеституре;

- *конституционно-правового*, изучающего президентство как демократический институт в системе государственной власти, который представляет ее внутреннюю и внешнюю политику на современном этапе и в исторической ретроспективе, а также в электоральных контекстах;

- *ролевого*, рассматривающего президентство в определенном политико-культурном и ситуационном контексте как особый вид политического лидерства, которое отличается характерными ему функциями, типологиями, стилевыми особенностями.

Таким образом, учет динамического единства трех аспектов президентства, представленных личностью, контекстом и ролью, выражающей индивидуальный типологический стиль, является главным условием выстраивания персонологической концепции президентского лидерства, которая позволяет выявить степень влияния личностных особенностей политических деятелей на исполнение ими высших должностных полномочий [37]. Поэтому исследования взаимосвязи между значимыми индивидуально-психологическими чертами политических деятелей и исполнением ими роли лидера страны должны развиваться в русле данного подхода. Именно персонологическая теория президентства обладает объяснительным и прогностическим потенциалом, столь важным и актуальным для понимания современной политической реальности в России

и других странах – как на уровне взаимовлияния властных элит, так и на уровне межгосударственного взаимодействия.

Список литературы:

1. *Ашин Г. К.* Критика современных буржуазных концепций лидерства. – М.: Мысль, 1978. – 136 с.
2. *Бирюков Н. И.* Политическое лидерство как объект социологического исследования // Политологические проблемы современности. Вып. 1 / Под ред. К. П. Матвеева и др. – М.: Пед. о-во, 1991. – С. 65 – 80.
3. *Егорова-Гантман Е. В.* Игры в солдатики. Политическая психология президентов. – М.: «Никколо М», 2003. – С. 20 – 32.
4. *Зорин В. А.* Политическая психология постсоветского президентства. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2006. – С. 20 – 24.
5. *Ирхин Ю. В.* Новые аспекты политического лидерства (на примере Б. Обамы) // Соц.-гуманит. знания. – 2011. – № 6. – С. 130 – 145.
6. *Ольшанский Д. В.* Основы политической психологии. – Екатеринбург, Деловая кн., 2001. – С. 166 – 207.
7. *Стрелец И. Э.* Влияние личностных особенностей политических лидеров на исполнение роли Президента РФ: Автореф. дисс. ... канд. полит. н. – М., 2014. – 30 с.
8. *Уинтер Д. Г.* Король-философ или противоречивый политик? Личностный профиль Барака Обамы // Полис. – 2011. – № 2. – С. 36 – 46.
9. *Шестопал Е. Б.* Политическое лидерство в новых условиях: Смена парадигмы восприятия // Полис. – 2013. – № 3. – С. 47 – 57.
10. *Aldrich J. H.* Before the Convention: Strategies and Choices in Presidential Nomination Campaigns. – Chicago: University of Chicago Press, 2012. – 257 p.
11. *Auchincloss L.* Theodore Roosevelt: The American Presidents Series. The 26th President, 1901 – 1909. – N.Y.: Henry Holt and Company, 2013. – 176 p.
12. *Barger H. M.* The Impossible Presidency: Illusions and Realities of Executive Power. – Glenview: Pearson Scott Foresman, 1983. – 382 p.
13. *Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T.* Personality and Politics // Introduction to Political Psychology / M. Cottam etc. – N.Y.: Psychology Press, 2010. – P. 16 – 24.
14. *Edwards III G. C., Wayne S. J.* Presidential Leadership: Politics and Policy Making. – 9th ed. – Stamford, CT: Cengage Learning, 2014. – 533 p.
15. *Erikson E.* Review of Thomas Woodrow Wilson: A Psychological Study // Intern. Journal of Psycho-analysis. – 1967. – Vol. 48. – P. 462 – 468.
16. *Freud S, Bullitt W. C.* Thomas Woodrow Wilson – Twenty-eighth President of the United States: A Psychological Study. – Boston: Houghton Mifflin, 1967. – 307 p.
17. *Friedman W.* Woodrow Wilson and Colonel House and Political Psychobiography // Political Psychology. – 1994. – Vol. 15. – № 1. – P. 35 – 59.
18. *George A. L., George J. L.* Woodrow Wilson and Colonel House. – N.Y.: J. Day Co., 1964. – 362 p.
19. *Link A. S.* Woodrow Wilson And The Progressive Era 1910 – 1917. – N.Y.: Nabu Press, 2011. – 376 p.

20. *Glad B.* Passing the Baton: Transformational Political Leadership from Gorbachev to Yeltsin; from de Klerk to Mandela // *Political Psychology*. – 1996. – Vol. 17. – № 1. – P. 1 – 28.
21. *Glad B., Shiraev E. A.* Profile of Mikhail Gorbachev: Psychological and Sociological Underpinnings // *The Russian Transformation: Political, Sociological, and Psychological Aspects* / Ed. B. Glad, E. Shiraev. – N.Y.: St. Martin's Press, 1999. – P. 23 – 52.
22. *Gould L. L.* Theodore Roosevelt. – N.Y.: Oxford University Press, 2012. – 96 p.
23. *Greenstein F. I.* The Presidential Difference: Leadership Style from FDR to Barack Obama. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009. – P. 3 – 6.
24. *Hermann M. G.* Personality and Foreign Policy Heads of Government // *Foreign Policy Decision-Making: Perceptions, Cognition and Artificial Intelligence* / Ed. D. Sylvan, S. Chan. – N.Y.: Praeger, 1984. – P. 87 – 104.
25. *Jennings E.* An Anatomy of Leadership. – N.Y.: McGraw-Hill Inc., 1972. – 256 p.
26. *Kets de Vries M. F. R.* The Leader on the Couch: A Clinical Approach to Changing People and Organizations. – N.Y.: John Wiley & Sons, 2006. – 436 p.
27. *Kraft B. H.* Theodore Roosevelt: Champion of the American Spirit. – N.Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 2003. – 180 p.
28. *Miller N.* Theodore Roosevelt. – N.Y.: HarperCollins, 1994. – 640 p.
29. *Nichols T. M.* The Russian Presidency: Society and Politics in the Second Russian Republic. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2001. – 240 p.
30. *Page B. I., Petracca M. P.* The American Presidency. – N.Y.: McGraw-Hill, 1983. – P. 98.
31. *Pious R. M.* The American Presidency. – N.Y.: Basic Books, 1979. – 491 p.
32. *Pringle H. F.* Theodore Roosevelt: Leaders of Our Time. – N.Y.: Smithmark Publishers, 1998. – 445 p.
33. *Runyan W. M.* Psychobiography and the Psychology of Science: Understanding Relations between the Life and Work of Individual Psychologists // *Review of General Psychology*. – 2006. – Vol. 10. – P. 147 – 162.
34. *Sakwa R.* Putin: Russian's Choice. – N.Y.: Routledge, 2008. – 388 p.
35. *Schmidt R.* Leadership // *Encyclopedia of Social Sciences* / Ed. by E. R. A. Seligman. – Vol. 9. – N.Y.: Macmillan, 1933. – P. 282 – 286.
36. *Shestopal E.* Theoretical and Methodological Problems of the Study of Political Perception // *Citizens and Leaders in a Comparative Perspective* / Ed. by E. Shestopal. – M.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 70 – 90.
37. *Strelets I.* Boris Yeltsin, Vladimir Putin, Dmitry Medvedev: A Political Psychological Analysis of Presidential Personalities // *Citizens and Leaders in a Comparative Perspective*. – M.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 217 – 222.
38. *Tuchman B. W. W.* Wilson on Freud's Couch // *Tuchman B. W. Practicing History: Selected Essays*. – N.Y.: Random House Inc., 1991. – P. 146 – 157.
39. *Winter D. G., Hermann M. G., Weintbraub W., Walker S. G.* The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits and Policy // *Political Psychology*. – 1991. – Vol. 12. – No. 3. – P. 215 – 244, 457 – 464.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ

Сун Сяомэн

2 курс Магистр, ФМО, СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Отношения России и Китая теперь вступают в лучший период в истории. Правительства двух стран уделяют большое внимание двухстороннему гуманитарному сотрудничеству. Однако в одном времени, следует учесть то, что в процессе взаимосвязей двух стран также существуют некоторые потенциальные и значительные проблемы, которые включают шумиху «Китайская угроза», поднятую антикитайскими силами, различие познания между народами и так далее. Эти факторы привели к несоответствию уровня культурных отношений между нашими странами с уровнем нашего всестороннего стратегического сотрудничества, и следовательно, прямо влияет на дальнейшее развитие взаимодействия России и Китая.

Дисбаланс в культурных обменах между Китаем и Россией существует давно. Знаменитый китайский писатель Го Можо в работе «Китайско-советский культурный обмен» сравнивает такое явление с бурным потоком и горным потоком[12]. На современном этапе культурный обмен на государственном уровне, проводящийся согласно

принципу двусторонней паритетности практически равновесен. Однако дисбаланс существует в таких неофициальных культурных обменах, как народный и коммерческий. Например, масштаб и количество российских художественных гастрольных трупп, выезжающих через народный и коммерческий каналы в Китай значительно превышают масштаб и количество китайских художественных гастрольных трупп, выезжающих в Россию.[2] Такой дисбаланс объясняется объективным и субъективным факторами: во-первых, после реформы и открытости китайский культурный рынок бурно развивается, на котором имеется некоторая потребность к российским художественным труппам, а такая потребность к китайским художественным труппам в России ограничена. Во-вторых, ввиду того, что российская культурная политика в основном направлена на вывоз своей культуры и сосредоточена на культурном обмене с СНГ и Западноевропейскими странами. Россия в процессе заимствования китайских культурных продуктов принимает сравнительно негативную поли-

тику. Известный ученый Кай Хафиз отметил, что поддержание и расширение культурной идентичности опирается на процесс того, что внутренняя культурная коммуникация и межкультурная коммуникация происходят или нет, или внутренняя культурная коммуникация и межкультурная коммуникация подвергаются отказу или нет. Очевидно, что в последние годы препятствия, возникающие в процессе культурной идентичности между Россией и Китаем, берут свое начало в том, что двухсторонняя межкультурная коммуникация подвергается рецессивному отказу [5].

В последние годы правительство Китая высоко ценит культурный обмен с Россией, организовало многообразные Российско-китайские культурные мероприятия. Например, Китайско-российская выставка-ярмарка искусств (Культурный базар), Китайско-российская неделя дружбы и образования, неделя русского языка и культуры и т.д. Все это хороший пример для подражания. Обмен культурных работников обеих стран умножается, но на самом деле остается на официальном уровне, культурного обмена между народами двух стран все еще не хватает, и также носитель культурной связи единообразен [11]. Причина состоит в том, что правительство Китая не приложило достаточные усилия к ведению культурного обмена через коммерческий и народный каналы. Канал распространения культуры на основе рынка слабый, что влияет на динамику распространения китайской культуры в России. Их рыночное продвижение останавливается из-за того, что несовершенный канал и механизм передачи информации не может передать верную информацию рыночного спроса, опыт работы. Более того, многие китайские культурные компании более интересуются заимствовать российские культурные продукты, чем распространять свои культурные продукты на российском рынке и их работа сосредоточивается на европейском и американском культурном рынке [10].

Со дня установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, обе страны подписали много двухсторонних культурных документов, игравших активную роль в развитии культурных связей между обеими странами. Однако мероприятия в рамках этих документов только прошли в таких крупных городах, как Пекин, Шанхай, Москва, Санкт-Петербург и другие пограничные города двух стран. В самом деле, только опираясь на ежегодную периодическую взаимную высылку гастрольных трупп и организацию художественных выставок, мы не получим ожидаемый результат. Культурный обмен, понятие которого очень широкое, совсем не ограничивается обменями гастрольных трупп и художественных выставок, еще включает в себя сотрудничество музеев и библиотек, взаимную высылку режиссеров, актеров, дирижеров, исполнителей, художников-технологов сцены и другие специалисты для сотрудничества выступления, творческих деятельностей и т.д.

Разумеется, русский язык служит важным инструментом и носителем в развитии культурного обмена с Россией. Поэтому в Китае обучение русскому языку играет ключевую роль в подготовке междисциплинарных талантов по культурному обмену с Россией. Но в последние

годы в Китае ситуация специалистов по русскому языку как старый урожай на исходе, новый ещё на корню, и еще масштаб приема обучающихся русского языка в вуз уменьшается [4, С.16]. Во многих вузах даже не могут подготовить 10 специалистов по русскому языку в каждом году, и среди выпускников русского языка даже почти ноль человек занимается работой, связанной с русским языком. Нехватка специалистов русского языка в дальнейшем повлияет на развитие Российско-китайских культурных связей, если такая ситуация не улучшится.

Несмотря на более столетнюю историю российско-китайских отношений, но на самом деле народы двух стран не достаточно хорошо понимают друг друга. В последние годы и Россия и Китая переживают резкий поворот и изменение. Хотя диалоги и деятельности на официальном уровне непрерываемые, но участия народов двух стран в них не достаточно, и знание друг о друге не обновилось. Это причинило недоразумение и игнорирование народам двух стран. Тем более, хоть есть некоторые мероприятия, в которых участвуют народы обеих стран, но это просто ограниченное знание народа одной страны о культуре другой страны. Это все-таки не действительно стимулирует взаимопонимание простых людей двух стран [11]. Впечатления о России, у не бывавших в России китайцев хорошие, так как эти впечатления из русских известных романов, рисунков, кино, балетов и музыки, а впечатления бывавших в России китайцев плохие, особенно у тех, кто имеет бизнес и работу в России, так как эти впечатления из их переживания в российских полициях и таможнях. Равным образом, знание россиян о современном Китае ограничено: бывавшие в Китае россияне испытывают симпатию к Китаю, китайцем и китайской культуре, а те, кто никогда не бывал в Китае не так относятся к Китаю. В их глазах китайцы, это не приличные торговцы, поденщики, которых они часто видят на улице [6, С.337]. Чтобы устранить недоразумение, повысить взаимодоверие, нужно усилить культурные связи между двумя странами. «Хотя Россия и Китай — очень близкие соседи, но степень взаимопонимания остается как 50 лет назад», такую оценку о положении культурных связей давал посол России в КНР Сергей Розов на церемонии открытия Российского Информационного центра в Пекине.

Культурная идентичность и признание оказываются трудной и большой темой. Культура — это одна из социальных идеологией, соответствующих систем и организаций. Она создана человеком в длительном историческом процессе, больше всего передается из поколения в поколение внутри [13]. Согласно классификации С. Хантингтона, современный мир делится на шесть главных цивилизаций [9]. Среди них две крупные: православная и китайская (конфуцианская), которые весьма отличаются друг от друга. Поэтому между Россией и Китаем существует культурная идиосинкразия [14, С.30-31]. Различия вербальной и невербальной коммуникации, неправильный стереотип или вмешательство со стороны внешнего мира - такие, как критика из различных СМИ, могут привести к углублению непонимания между двумя странами. Во прошлое отношения России и Китая испытали период «процветания», и переживали краткосрочный

«провал», к тому же, на современном этапе угрозы и возможности одновременно существует в международных отношениях, неизбежными задачами перед нами являются восстановление сотрудничества между нашими странами и устранение недоразумения между нашими народами. Проблемы надо решить, а перспективы надо расширить.

Комитет по гуманитарному сотрудничеству создан правительствами России и Китая. В рамках этого комитета, встреча, обмен мнениями, консультация вопросов о разных сотрудничествах регулярно проводятся. Установлены центр культуры и языка, институт Конфуция, база студенческого обмена, город-побратим и т.д. Кроме того, организованы такие разнообразные культурные мероприятия, как открытия центральным телевидением Китая международного канала на русском языке, поочередное проведение двумя странами культурных праздников, недели образования, недели молодежного обмена, недели российского кино, недели китайского кино и т.д. С 2006-2013 гг. Проведение Национальных годов, Годов национальных языков и Годов туризма между Россией и Китаем значительно продвигали взаимопонимание и знакомство друг с другом народов двух стран. 28 марта 2014 г. торжественная церемония открытия годов молодежных обменов между РФ и КНР состоялась в Санкт-Петербурге. Год молодежных обменов является новым значимым мероприятием после взаимного проведения Россией и Китаем Годов национальных языков и Годов туризма, что отражает решительность Китая в усилении в дальнейшем российско-китайских отношений стратегического партнерства и взаимодействия [7]. Проведение годов молодежных обменов между РФ и КНР установит больше платформ, откроет больше каналов, полностью поспособствует генерализации и омоложению гуманитарного сотрудничества двух стран.

По репортажу РИА Новости 15 апреля 2014 г. большинство россиян считает, что Китай является более успешной новой возрождающейся страной, чем Россия, но Россия более влиятельна в мире. Это доказано по общественному опросу, проведенному ФОМ (российский фонд «общественное мнение»). По итогам данного опроса, 64% российских граждан уверены, что Россия имеет большее влияние в мире, чем Китай, противоположной точки зрения придерживаются 17%. Но насчет вопроса «какая из двух стран развивается сегодня более успешно: Россия или Китай?» 58% опрошенных убеждены, что Китай развивается успешнее, чем Россия. 26% не согласились с этим [8]. Как сообщила РИА Новость, отношение россиян к угрозе Китая интересам России резко изменилось. Во прошлое почти половина россиян считали, что угроза есть (в 2009 г. 44% придерживалось такой точки зрения). А сейчас 57% считают, что усиление Китая не угрожает интересам России, только 19% придерживается противоположной точки зрения. Одним словом, подавляющее большинство россиян (72%) уверены, что отношения складываются в настоящее время между Россией и Китаем хорошо. «Плохо» считают только 3%. 74% россиян отмечают, что Китай—дружественное по отношению к России государство, 9% так не считают. Все это показано, что

правительство Китая достигло больших успехов в гуманитарном сотрудничестве с Россией. Теперь впечатления россиян о Китае значительно улучшились. Можно надеяться, что по мере углубления сотрудничество на разных уровнях взаимное понимание и общение граждан двух стран будут расширены, что будет лежать в основе более зрелого и прочного дружественного сотрудничества между двумя соседями.

Руководства России и Китая со стратегической высоты всматриваются в сотрудничество в гуманитарной и общественной областях, что обеспечивает развития российско-китайских культурных отношений. Председатель КНР Си Цзиньпин принял участие в церемонии открытия зимних олимпийских игр, только что закаченных в Сочи 2014 г. Это не только показывает, что председатель поддерживает мировое и российское дело физкультуры и спорта, но и «свидетельствует о том, что Китай является всесторонним стратегическим партнером и надежным соседом России, китайско-российские отношения служат новым примером отношений нового типа между крупными державами.» – отметил директор Центра исследований истории и географии пограничных районов Китая, Академии общественных наук Китая Син Гуанчэн.[1] «Развитие гуманитарного сотрудничества, совместные мероприятия в области образования и медицины, в частности, обмен опытом в области медицины катастроф, проведение новых туристических и молодежных обменов, взаимных культурных и спортивных событий, вероятно, будут определять взаимоотношения двух стран и в 2014 году.»-- О. Голодец--вице премьер российского правительства.[3]

Предстоящее всестороннее практическое сотрудничество и взаимная поддержка двух государств в таких сферах, как политика, экономика, культура, военное дело, международное дело и т.д.будут продвигать двухсторонние отношения на лучший исторический период. Российско-китайские сотрудничества в гуманитарных и общественных областях как пестрые цветы цветут, проявляет обширные перспективы развития. Но сотрудничество Китая с РФ в областях культуры и образования не может соперничать с Российско-китайским сотрудничеством в экономической и военной областях. Многие люди считают, что при широком и глубоком сотрудничестве в политической и экономической областях следует придать новое знание и энергию культурному обмену двух стран [6, С.337]. Видно, что на фоне благополучного развития российско-китайского дружественного сотрудничества существует несколько вопросов в сотрудничествах культуры и образования. Решение этих вопросов придает крайне важное значение обогащению содержания российско-китайских отношений стратегического партнерства, углублению двухсторонних отношений, улучшению образа России и Китая в мировом сообществе и расширению пространства деятельности двух стран на международной арене.

Список литературы:

1. Визит Си Цзиньпина открыл новую страницу отношений между Китаем и Россией.//

Официальный сайт «Chinanews». <http://news.china.com.cn/world/2014-01/24/content_31300009.htm>.

2. Дун Айбо, Юе Лианго. Срочная необходимость реформы в дисбалансе в культурных обменах между Китаем и Россией. <<http://www1.china.com.cn/chinese/PI-c/435153.htm>>.

3. Культурные обмены между Китаем и Россией теперь будут более плодотворны.// официальный сайт «Синьхуа». <http://news.xinhuanet.com/mrdx/2014-02/05/c_133093595.htm>.

4. Ли Яньчуань, Пэн Чуаньхуай. Состояние, проблемы и меры культурно-взаимодействия между Хэйлуцзяном и Россией.// Журнал «Хэйхе Университет». Декабря, 2013, №6, С.16.

5. Лу Ган. Нельзя бросить коммерциализацию в процессе сближения китайско-российских культурных отношений.// Кругосветная газета. 08 сентября 2010г.(5)

6. Лю Дэси. С альянса до партнерства – Пятидесятые отношения между КНР и Россией(СССР).//Пекин. Издательство истории Коммунистической партии Китая. 2005, С.337.

7. Открытие Года молодежных обменов проводится в Санкт-Петербурге.// Официальный

сайт «Жэньминь Жибао». <http://news.xinhuanet.com/world/2014-03/29/c_126330401.htm>.

8. Отношения между Россией и Китаем.// Официальный сайт «ФОМ». <<http://fom.ru/Mir/11460>>.

9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М.: «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.

10. Цуй Йюньхуа. Состояние, проблемы и советы Российско-китайских культурных отношений.// Современный туризм. 2011,(6).

11. Чэнь Сяньлян. Российско-китайские отношения при руководстве Медведева.// Российское среднеазиатское и Восточно-Европейское исследование. 2011,(2).

12. Чжао Юйцин. Когда культурные связи между Китаем и Россией выйдут из прошедшего?// Хэйлуцзянская ежедневная газета. 25 июня 2006. (3).

13. Ян Лихуа. Обзорные российско-китайских культурных отношений и сотрудничества.// Сибирское исследование. Апрель,2013. Том.40. №2.

14. Chen Guoming. Meaning and feature of intercultural communication.// Foundations of Intercultural Communication. Shanghai: ECNU Press, 2009. P. 30-31.

PR – ТЕХНОЛОГИИ СТРАНОВОГО БРЕНДИНГА КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Велитченко Светлана Николаевна,

*к.ф.н., доцент кафедры печати и электронных СМИ
факультет журналистики КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, профессор РАЕ*

Как известно, мощным ресурсом модификации системы человеческих ценностей обладают средства массовой коммуникации, огромные технологические возможности которых успешно эксплуатирует шоу- и киноиндустрия, маркетинг, избирательные технологии, реклама, PR-практики. Эти новые агенты культурной политики заняли в общественном сознании место идеологии, меняя с помощью эффективных социально-культурных технологий традиционные ценности и смыслы человеческого бытия, представления о нормативном социальном поведении. В результате их влияния за годы, прошедшие с установления государственной независимости, произошла переориентация предпочтений различных групп населения, изменились базисные ценности вступающих во взрослую жизнь молодых людей. Как отмечает российский ученый Ю. Запесоцкий, «общество потребления» как метафора, использованная в свое время учеными для описания всего лишь одной из новых тенденций развития общества и влияния на культуру потребительской психологии, насаждаемой СМИ, сегодня может быть использована как характеристика глубинных трансформаций антропокультурного типа, изменения онтологического ядра бытия человека [1].

Перед системой высшего образования Казахстана сегодня встают принципиально новые задачи, главную из которых обозначил Президент РК Н.А. Назарбаев в иницированном им национальном проекте "Интеллектуальная нация – 2020: «воспитание казахстанцев в новой формации, превращение Казахстана в страну с конкурентоспособным человеческим капиталом». Формирование интеллектуальной нации признано одной из стратегических целей развития Казахстана, при этом главными векторами являются качественное образование и поддержка подрастающего поколения. Проект «Интеллектуальная нация» должен учитывать три потенциальных момента: рождение новых решений, технологий и инноваций; информационная революция; духовное воспитание молодежи.

Сегодня молодые люди ориентированы прежде всего на достижение успеха. Базовым ресурсом модификации человеческого типа в системе социально-культурных коммуникаций выступает бренд – целенаправленно созданный виртуально-информационный объект, фиксирующий сущностные признаки и свойства субъекта коммуникации (фирмы, личности, города, страны). Бренд содержит культурно-символическое содержание, которое выражается в подтексте и контексте смыслов, и в этой связи становится огромным нематериальным активом его

носителя. Онтологический потенциал бренда определяется его способностью не только отражать ресурсы и позиционирующие преимущества их носителя, но и творить «виртуальные» миры, меняя ценностно-нормативную основу стилей жизни. Ресурсы воздействия бренда на личность значительны: выполняя важные социально-культурные функции, бренд служит способом позиционирования и индивидуализации стиля жизни потребителя, средством идентичности и социальной стратификации.

В этой связи, в рамках построения интеллектуального общества весьма важно развивать бренд Казахстана как основополагающий онтологический объект, обладающий следующими ценностными характеристиками:

1. Уникальность казахской страны как центра Евразии;
2. Узнаваемость Казахстана в мировом культурном и информационном сообществе;
3. Духовная и национальная идентичность ценностей казахского народа.

Исследование социально-культурных аспектов бренда опирается на: универсальный символизм (В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Ю.М. Лотман), в котором язык культуры рассматривается как посредник между природой и отдельными индивидами, снимающий противоположности объективного и субъективного; теорию «символических форм» Э. Кассирера, в которой центральное значение получает обоснование формообразующих принципов символического мира культуры, синтеза чувственного многообразия ее феноменов. Представление о символическом языке культурных феноменов даёт феноменологическая традиция, позволяющая включить в поле исследования не только культурные универсалии и классические понятия языка культуры, но задействовать в интерпретативных практиках образно-метафорическую составляющую смыслового пространства культурных феноменов [2].

Бренд является высшим достижением управленческой стратегии и маркетинговой политики. Ведь чтобы завоевать и сохранить популярность, товар, как известно, необходимо индивидуализировать, наделить ассоциациями и образами, придать ему отличительные особенности. Только тогда он будет вызывать к себе устойчивую привязанность. Такой же принцип можно примерить и к разработке гуманитарных технологий, влияющих на формирование духовных ценностей интеллектуального общества. Говоря о применении PR- технологий, можно отметить все три этапа формирования бренда Казахстана как страны, идущей по пути создания интеллектуального общества: позиционирование, определение стратегии и продвижение бренда. К позиционированию относится определение интеллектуального общества как стратегической задачи Республики Казахстан, поставленной Президентом; стратегия развития определяется как поступательное движение к повышению интеллектуального потенциала страны путем развития новых технологий, обеспечением равного доступа граждан Казахстана к информации, устранение информационного неравенства, развитие науки и образования. Что касается продвижения, отметим здесь развитие и популяризацию казахского

языка и культуры как онтологических ценностей страны, позволяющих идентифицировать Казахстан в мировом культурном пространстве.

Бренд как социокультурный феномен является целенаправленно созданным культурно-символическим объектом, функционирующим в системе массовых коммуникаций в качестве целенаправленно модифицированного образа. Выразительные средства бренда выстраиваются вокруг смыслового стержня и позиционируют базовые ценности субъекта коммуникации. Как объект социально-культурных коммуникаций бренд является открытой, незавершенной, вариативной системой, семантические смыслы и отношения которой рождаются в различных контекстах – в процессе восприятия элементы языка бренда взаимодействуют в сознании аудитории, обеспечивая резонансное взаимоусиление потенциалов воздействия слова, цвета, графики, персонифицированных атрибутов.

Концепция ресурса образа является тем символическим «инструментом» культуры, с помощью которого культурная система воссоздает и сохраняет свою духовную сущность. Казахский народ, несмотря на возрастающее влияние западных стандартов жизни, почитает и сохраняет свою национальную культуру, придает большое значение сохранению духовных ценностей и традиций. В этом отношении формирование странового брендинга имеет двойственную природу: с одной стороны, бренд обладает значительным культурно-творческим потенциалом, формирующим новый стиль жизни; с другой - сохраняет социально - культурные смыслы, возникающие в аксиологическом контексте культурной реальности. Особое значение играет в этом процессе так называемая «скрытая реклама», популяризирующая целые культурные комплексы типа субкультуры «гламура». Деструктивные тенденции усиливаются в ситуации несформированности гражданского общества с соответствующими традициями влияния на СМИ, снижения влияния на молодежь духовно-нравственных ценностей. Сегодня это приводит к разрушительным процессам как для человеческой личности, так и для культуры в целом. Данная ситуация ставит на повестку дня вопрос о государственном и общественном регулировании тех сфер деятельности, в которых используются социальные технологии онтологической направленности, продвигающие имиджи и бренды, способные модифицировать духовное ядро культуры.

Значительные культурно-символические ресурсы странового бренда ставят вопрос о возможности их использования в позитивном влиянии на человека. Бренд служит способом позиционирования, индивидуализации стиля жизни; средством идентичности и социальной стратификации. Экзистенциальные же функции бренда состоят в том, что он позволяет человеку посредством демонстрации определенных стандартов потребления обрести личностную идентичность, способствует осознанию и корректировке социально - ролевого статуса. В этом смысле бренд сплачивает людей, компенсируя дефицит социальных связей личности. Эту же идею проводит в жизнь Президент Казахстана Н.Назарбаев, подчеркивая,

что Казахстан является многонациональной страной, имеющей уникальную историю. А идея евразийства, выдвигнутая в свое время также Президентом Казахстана, направлена на обеспечение межгосударственного сотрудничества и интеграции. Национальная идея и идея евразийства рассматриваются не с этнической, а межэтнической точки зрения. Национальная идея Казахстана была сформирована с точки зрения объединения национальностей, живущих в этой стране, с государствообразующей нацией – казахской. Это является мультикультурным стратегаемом, в котором могут участвовать все равноправные нации поля евразийского диалога.

В формировании интеллектуальной нации роль СМИ трудно переоценить. Популярные газеты, журналы, телевизионные программы, публикуя познавательную, образовательную информацию, способствующие расширению кругозора и развитию интеллекта, имеют огромное значение для формирования интеллектуального капитала. Например, телевидение всем комплексом выходящих в эфир программ берет на себя задачу распространять знания, в том числе – научные, помогает воспринимать красоту культуры и искусства, передавать образовательную информацию, выполнять просветительские задачи, вести постоянный диалог со зрителем при помощи программ новостей, ток-шоу, документальных фильмов, развлекательных передач, спектаклей, кино и т.д. Исследователи отмечают, что образовательное телевидение имеет четыре функции: распространение научных знаний (образовательная), пропаганда культурного наследия (воспитательная), передача образовательной информации (информационная), продвижение передовых взглядов на образовательный процесс (организаторская). Таким образом, если все телевидение является носителем ценностей культуры и науки, имеет возможность их всеобщего распространения и пропаганды, то образовательное телевидение, в свою очередь, является одним из важнейших способов распространения и сохранения культуры и человеческой цивилизации в целом и выполняет воспитательную функцию. К казахстанским каналам, которые выполняют функцию просвещения и образования, относятся каналы «Білім және Мәдениет» и Kazakhstan TV.

Способность данных технологий изменить человеческое сознание и поведение свидетельствует о растущей

мощи человека, которая сегодня уже не ограничивается нравственностью – к сожалению, современная культура почти утратила способность обеспечивать нормативное поведение, более того, она начинает активно стимулировать социально-культурные девиации. В этой связи актуальной становится проблема культурологической экспертизы гуманитарных технологий, оценки приемлемости и допустимости их использования, выработки нравственной «цензуры» и фундаментальных этических норм, способных задать духовно-нравственное измерение любой человеческой деятельности, связанной с системой массовых коммуникаций, изменением сознания и поведения человека. Здесь нужно учесть два принципиальных момента:

1. Ассоциации со страной или регионом. Как известно, страна или регион происхождения могут усилить доверие к индивидуальности бренда. Они также способны создать сильную индивидуальность, означая не только высокое качество, но и важный элемент дифференциации, что может привести к разработке эффективных маркетинговых и коммуникативных программ.

2. Сила национальных и культурных стереотипов. Они влияют на восприятие и оценки аудитории. Национальные ценности казахского народа сегодня выполняют не только духовно-культурную, но и консолидирующую функцию. Как известно, важнейшим средством объединения народа является язык. В СМИ Казахстана сегодня инициируются и обсуждаются вопросы об интеллектуальных ценностях, а историческая миссия и информационная политика отечественных масс-медиа заключается в сближении народов, стран, наций.

Страновой брендинг сейчас - важнейший коммуникационный инструмент. И потому генеральное управление брендом и вопросы его стратегии относятся к компетенции политической власти государства.

Литература

1. Запесоцкий Ю.Л. Символическая сущность бренда в современной культуре// <http://www.dslib.net/teorja-kultury>

2. Османова А.М. Человеческий и интеллектуальный капитал: Сущность. Измерение// www.rae.ru/forum2012

Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 4 (12) / 2014

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

Члены редакционной коллегии:

- Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права (Москва, РФ);
- Игнатьева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);
- Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);
- Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);
- Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);
- Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);
- Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;
- Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);
- Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)
- Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);
- Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)
- Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Художник: Косыгин В.Т

Верстка: Зарубина К.Л.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

E-mail: info@euroasia-science.ru ; www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия